ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848.

I

ДК

ДК
330
Г20
Италия

ГАРНЬЕ-ПАЖЕ.

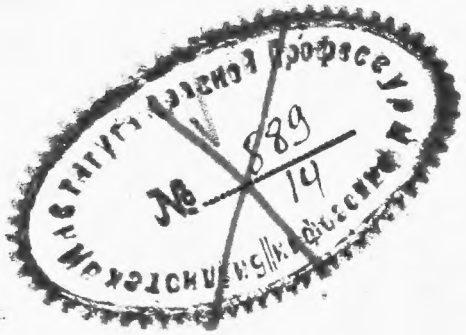
ИСТОРІЯ
РЕВОЛЮЦІИ
1848.

ИТАЛЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ О. И. БАКСТА.

1862.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Марта 20 дня, 1862 г.

Цензоръ В. Бекетовъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ О. И. БАКСТА.
На Офицерской улицѣ, № 4.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чтобы пополнить исторію французской революціи 1848 года, я долженъ былъ прослѣдить также развитіе ея внѣ Франціи, и представить вѣрную картину безпрестанныхъ манифестацій и необыкновенныхъ происшествій, которыя въ ту эпоху волновали Европу. Сначала показалась маленькая вспышка, а потомъ всеобщее возстаніе, исходившее изъ Франціи, распространилось съ неимовѣрною быстротою. Молнія, блеснувшая у насъ, озарила весь свѣтъ. Новыя средства коммуникаціи, приводящія въ столкновеніе людей и мысли, содѣйствовали распространенію новыхъ идей.

Народы, какъ отдѣльные личности, связанные другъ съ другомъ, все болѣе и болѣе сосредоточиваютъ всѣ свои усилія, чтобы какъ можно лучше пользоваться землею, солнцемъ и неисчерпаемыми богатствами, разсѣянными на земномъ шарѣ. Человѣчество стремится къ единству, чтобы обезпечить трудъ, собственность и право каждой отдѣльной личности.

Вліяніе Франціи на судьбу міра никогда не было еще такъ сильно, никогда не заходило еще такъ далеко. Но Европа не должна сожалѣть объ этомъ, потому что вліяніе Франціи поддерживалось не оружіемъ, не кознями дипломаціи,

не насиліемъ, обыкновеннымъ слѣдствіемъ побѣды; напротивъ, оно было слѣдствіемъ той симпатіи, которую чувствовали къ намъ всѣ народы. Лучь надежды озарилъ всѣ сердца. Всѣ, страдавшіе въ угнетеніи, обратили свои взоры къ Франціи. Наше знамя сдѣлалось эмблемой свободы, наши народныя пѣсни — пѣснями свободы цѣлаго міра. Въ темныхъ лѣсахъ Швеціи и Норвегіи, равно какъ и подъ яснымъ небомъ Италіи слышались звуки удивленія нашему величію, мольбы за наше будущее. Вдохновенныя нашими благородными чувствами, всѣ сердца трепетали отъ любви къ родинѣ.

Я раздѣлилъ свой разсказъ на три части для того, чтобы съ большею легкостью прослѣдить ходъ обстоятельствъ и представить соотношеніе ихъ между собою, равно какъ и ко всей эпохѣ и положенію Франціи. Первая часть заключаетъ событія до 25 марта; вторая отъ 25 марта до 4 мая, или до того дня, когда временное правительство передало свою власть исполнительной коммиссіи; третья — отъ 4 мая до того дня, когда исполнительная коммиссія сложила съ себя власть. Я ограничился той эпохой, въ продолженіи которой, участвуя въ правительствѣ моего отечества, я могъ обо всемъ знать и все оцѣнить. Я пытался внести одно только кольцо въ историческую цѣпь временъ, и предоставляю другимъ внести и свое. Если мнѣ не удалось поставить свой разсказъ на степень дѣйствительной драмы, то по крайней мѣрѣ я употребилъ всѣ усилія, чтобы придать ему какъ можно болѣе вѣрности. Я разсмотрѣлъ документы, сличалъ факты, изучалъ и долго размышлялъ.

Описываемая мною эпоха полна поученій. Народы и правители найдутъ въ ней спасительные уроки для будущаго. Я ни для кого не искажалъ истины; я не льстилъ ни тѣмъ, ни другимъ.

Предлагаемая книга не есть трудъ случайный, и не составлена съ тою цѣлью, чтобы, пользуясь обстоятельствами, удовлетворить страстямъ и предъубѣжденіямъ времени. Она была кончена еще до начала послѣдней итальянской войны, измѣнившей порядокъ вещей. Я считалъ себя обязаннымъ оставить ее безъ всякой перемѣны: измѣнить въ ней что нибудь казалось мнѣ профанаціей данныхъ мнѣ при составленіи ея совѣтовъ. Манинъ, столь оплакиваемый, въ продолженіи многихъ пріятныхъ дней, проведенныхъ съ нимъ, пересматривалъ мой разсказъ страница за страницей, иногда даже слово за словомъ, снабжалъ меня данными и повѣрялъ находящіяся у меня, отвергалъ и одобрялъ мои мысли съ тою живостью слова и жаромъ убѣжденія, которыя, вытекая изъ его высокой души, заставляли меня всегда покоряться и вполнѣ соглашаться съ нимъ. Если въ трудѣ моемъ есть мѣста устарѣвшія, сужденія, которыя покажутся слишкомъ рѣзкими, предсказанія, которымъ не суждено было вполнѣ осуществиться, то причиной этому то, что эти устарѣвшія мѣста, рѣзкія сужденія и несбывшіяся предсказанія вытекаютъ изъ самаго разсказа, главнымъ достоинствомъ котораго есть

строгая истина. Драма, самая интересная и самая трогательная изъ всей новой исторіи, пріобрѣтетъ отъ этого еще больше интереса для читателя, который захочетъ быть ко мнѣ снисходительнымъ. Онъ въ состояніи будетъ лучше понимать, какимъ образомъ изъ Италіи 1848 года произошла Италія 1860 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Общій видъ Италіи передъ 24 февралемъ. — Испанія и Италія. — Сочувствіе Франціи. — Мятежныя движенія 1820—1822 и 1830—1831. — Принятіе Григоріемъ XVI меморандума отъ 21 мая, которое остается безъ всякихъ послѣдствій. — Заговоры; вооруженная пропаганда. — Секретный манифестъ римскихъ патріотовъ. — Секта санфедистовъ. — Пресса; прошенія; корреспонденція; мирная пропаганда.—Папская область.—Смерть Григорія XVI.— Избраніе Пія IX. — Первыя распоряженія; амнистія; административныя улучшенія. — Популярность Пія IX. — Энтузіазмъ; всеобщее выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ. — Дѣйствія австрійцевъ въ Феррарѣ. — Протесты. — Тоскана: манифестація. — Перемѣна министерства. — Сардинское королевство: демонстраціи въ Туринѣ. — Уступки короля Карла-Альберта всеобщему настроенію умовъ. — Ломбардія и Венеція: господство австрійцевъ. — Жалобы; оправданія. — Миланъ: кровавыя событія 5 сентября 1847. — Жертвы 3 января 1848. — Прокламаціи эрцгерцога и Радецкаго. — Венеція: Манинъ, Томмазео. — Ихъ вліяніе, ихъ дѣйствія. — Прошенія. — Прогрессъ общественнаго мнѣнія. — Манинъ и Томмазео въ тюрьмѣ.

I.

Италія и Испанія — родныя сестры Франціи: ихъ звучные и изящные языки имѣютъ одно начало, одинаковые корни съ французскимъ, въ ихъ жилахъ течетъ одна и таже кровь, ими двигаютъ однѣ и тѣже страсти, самые ихъ обычаи весьма мало разнятся другъ отъ друга.

Испанія, свободная отъ чужеземнаго гнета, съумѣетъ создать себѣ прочную свободу. Ея мужеству, ея волѣ, ея независимости не угрожаетъ никакое иностранное вмѣшательство. Она ни въ комъ не нуждается, чтобы уничтожить остатки про-

шедшаго, никого не зоветъ къ себѣ на помощь. Она уже доказала, что она можетъ сдѣлать.

Напротивъ, Италія должна бороться не только съ своими герцогами, королями и прочими владѣтелями своей территоріи, но еще и съ иностранными, могущественно организованными силами. Она давно съумѣла бы завоевать себѣ свободу, еслибы должна была бороться, подобно Франціи, Германіи и Испаніи, съ одною тираніею своихъ собственныхъ правительствъ. Еслибы у нея и у ея владѣтелей была одна общая цѣль, уничтожить господство иностранцевъ, то она скоро добыла бы себѣ независимость. Но ея правительства и враждебныя ей иностранныя — соединены между собою взаимными интересами ея порабощенія. У нихъ заключены трактаты, договоры, союзы съ цѣлію поработить богатыя и роскошныя страны Италіи. Онѣ ненавидятъ другъ друга и въ то же время дѣйствуютъ сообща, внушаютъ одинъ другому страхъ и другъ на друга опираются. Австрійцы вездѣ: ихъ войска въ Миланѣ, Веронѣ, Венеціи, Феррарѣ; они имѣютъ вліяніе на Модену, Парму, Болонью. Ихъ эмиссары, разсѣянные по главнымъ городамъ, дѣйствуютъ въ тѣни тамъ, гдѣ не блеститъ на солнцѣ оружіе. Швейцарцы, послѣдній остатокъ той эпохи, которая уже миновала, нанимаются правительствами Рима и Неаполя; безъ ихъ поддержки эти правительства давно бы уже пали. Чтобы опять завоевать себѣ свободу и независимость, итальянцы должны дѣлать двойныя усилія; между тѣмъ, едва ли найдется другой народъ, который бы для достиженія своей цѣли, столько разъ возставалъ, такъ много пролилъ крови, считалъ такъ много мучениковъ въ исторіи своей борьбы за независимость. Сколько жертвъ принесла Италія, то ведя борьбу съ оружіемъ въ рукахъ на полѣ сраженія, то теряя лучшихъ людей своихъ, погибавшихъ въ темницахъ! Каждый городъ можетъ назвать героевъ, падшихъ за отечество! Въ каждую изъ ея лѣтописей занесены

имена людей, доходившихъ до высшей степени самоножертвованія! Каждый часъ ея жизни есть вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній часъ одного изъ дѣтей ея! Если притѣснители не устаютъ давить ее, то и граждане ея не устаютъ умирать. Перемирія, пощады нѣтъ между палачами и ихъ жертвами. Топоръ всегда готовъ для казни, также какъ и оружіе для сопротивленія. Власть дѣйствуетъ конфискаціей, изгнаніемъ, убійствами, граждане борятся при помощи заговоровъ, возстаній, мести. Подобная борьба можетъ кончиться только гибелью одной изъ борящихся сторонъ. Но которой? — Народъ не можетъ и не долженъ умереть.

II.

Въ 1820, 1821, 1822 годахъ, отъ Турина до Неаполя, Италія поднимаетъ знамя свободы. Сперва побѣдоносная, она наконецъ падаетъ передъ союзомъ ея правительствъ съ иностранцами. Франція, истощенная потерями 1813, 1814, 1815 годовъ, руководимая враждебной политикой, остается безгласною при видѣ этаго печальнаго зрѣлища.

Въ 1830, 1831 годахъ, Италія возстаетъ снова, возбужденная Французской революціей. Іюльское правительство, съ первыхъ дней своего существованія, объявивъ начало вмѣшательства, ободрило возстанія Полуострова, съ цѣлію уничтожить силы Австріи, но вскорѣ оно предоставило Италію врагу ея, ограничилось занятіемъ Анконы и наконецъ совершенно бросило парализованную Италію на жертву дипломатическаго конгресса.

Но не недостатокъ симпатіи французскаго народа были причиною неудачъ Италіи, страны наиболѣе любимой французами. Во Франціи дѣти начинаютъ свои первые уроки съ изученія классическихъ произведеній мертваго языка Италіи; артисты изучаютъ искусство по изящнымъ произведеніямъ ея скульптуры

и живописи; музыканты восторгаются произведеніями ея великихъ маэстро; поэты передаютъ намъ творенія Виргилія, Горація и Тибулла, Данте, Тасса и Петрарки; астрономы и физики заимствуютъ свои понятія о тайнахъ земли и неба у Галилея, Торричелли, Вольта, Гальвани; моряки продолжаютъ открытія, идя путемъ Христофора Колумба, Марко Поло, Джіоя; ученые углубляются въ науку о временахъ прошедшихъ на основаніи традицій, оставшихся отъ древности; юристы черпаютъ начала законовъ изъ богатыхъ остатковъ законодательства древней Италіи; историки читаютъ Тацита, Тита Ливія, Макіавели, Вико и многихъ другихъ; политики образуютъ себя изученіемъ древнихъ революцій Рима и позднѣйшихъ, происходившихъ въ средніе вѣка, въ городахъ: Самый ея упадокъ есть для Франціи урокъ презрѣнія къ порокамъ тиранніи и къ средствамъ отъ нея освободиться. Любознательные путешественники осматриваютъ ея памятники, ея развалины, покрытыя пылью временъ, ея очаровательныя мѣстности; ослабленные болѣзнію получаютъ свѣжія силы для жизни подъ ея солнцемъ, подъ ея лазуревымъ небомъ, въ ея благовонномъ воздухѣ, счастливомъ климатѣ.

III.

Послѣ революціонныхъ движеній 1830, 1831 годовъ, въ Неаполѣ и Туринѣ мрачный деспотизмъ, главною цѣлію котораго сдѣлалось преслѣдованіе, думаетъ только объ одной мести и все болѣе и болѣе начинаетъ тяготѣть надъ народами. Въ Римѣ Григорій XVI оставляетъ безъ всякаго вниманія меморандумъ 21 мая, на который даже Австрія полагала удобнымъ дать свое согласіе. Этотъ меморандумъ заключалъ въ себѣ слѣдующія положенія:

„1) Полное осуществленіе административныхъ и судебныхъ нововведеній въ столицѣ и провинціяхъ; 2) Допущеніе

мірянъ повсюду къ отправленію судебныхъ и административныхъ должностей; 3) Организація муниципалитетовъ, основанныхъ на выборномъ началѣ, и провинціальныхъ собраній, организація центральнаго правительственнаго собранія, сформированнаго изъ вновь образованныхъ муниципалитетовъ; 4) Учрежденіе центральнаго совѣта, имѣющаго цѣлью наблюдать за финансовой администраціей государства, составленнаго изъ людей выборныхъ провинціяльными собраніями и изъ членовъ отъ правительства; подобное учрежденіе составило бы родъ административной юнты или консульты, къ которой былъ бы отнесенъ и государственный совѣтъ, составленный изъ членовъ выбранныхъ правительствомъ изъ числа людей, имѣющихъ значеніе въ странѣ".

Эти улучшенія, подтвержденныя многими эдиктами, motu proprio, скоро совершенно изчезли и были забыты. Григорій XVI оставляетъ безъ вниманія рѣшенія иностранныхъ державъ, которыя не только не протестуютъ, какъ напримѣръ Іюльское правительство, но и отказываются отъ своихъ обѣщаній. Всѣ пути къ мирному достиженію реформъ — пресѣчены. Злоупотребленія умножаются и доходятъ до скандала. Народу остается одна дорога, — путь мятежей, заговоровъ, тайныхъ обществъ. Люди энергическіе, патріоты, писатели, ученые, находящіеся въ разныхъ концахъ Италіи поддерживаютъ сношенія другъ съ другомъ, обмѣниваются мыслями, приготовляются дѣйствовать. Энтузіазмъ поддерживаетъ и возбуждаетъ ихъ. Когда число ихъ уменьшается, они смыкаютъ свои ряды, павшіе, — они поднимаются; пораженные, — они перевязываютъ свои раны и продолжаютъ дѣйствовать, не ослабляя начатаго дѣла. Правительства идутъ на перекоръ стремленіямъ передовыхъ людей Италіи, имъ и всякому прогрессивному движенію они ставятъ непреодолимыя преграды, которыя можно только разрушить, чтобы двинуться впередъ: воля народа требуетъ этого. На кого же должна упасть от-

вѣтственность за борьбу и пролитую кровь, — на народъ или на правительства?

IV.

Въ началѣ августа 1843 года, обнаруживается заговоръ въ Болонскомъ легатствѣ. Прокламаціи зовутъ итальянскій народъ къ оружію. Инсургенты изъ Болоньи направляются на Имолу. Ихъ преслѣдуютъ, разсѣиваютъ; оставшіеся въ живыхъ, предаются военному суду, назначенному кардиналомъ Спинолой съ приказаніемъ, судить ихъ самымъ краткимъ и безъапелляціоннымъ судомъ. Между предводителями движенія особенно выдавались передъ прочими молодой графъ Замбеккари, Ламбертини изъ Болоньи, Рони и братья Муратори. Въ маѣ мѣсяцѣ 1844 года, происходитъ новое возстаніе на морскомъ берегу у Роданины, его снова подавляютъ, предавъ военному суду и осудивъ на казнь шестерыхъ. Кромѣ того судъ произнесъ смертный приговоръ надъ четырнадцатью изъ подсудимыхъ. Тринадцать приговариваются къ вѣчной каторжной работѣ на галерахъ, трое — къ двадцатилѣтнему тюремному заключенію, двое — къ пятилѣтнему. Имущество 38 было конфисковано. 23 сентября возстаніе въ Римини овладѣваетъ городомъ на весьма короткое время. Швейцарская пѣхота и папскіе драгуны являются въ превосходномъ числѣ и занимаютъ Римини 27 сентября. Инсургенты разсѣеваются по горамъ, бросивъ убитыхъ и раненныхъ, четырнадцать человѣкъ заключаютъ въ тюрьмы.

V.

Мы читаемъ въ секретно составленномъ манифестѣ, относящемся къ этой эпохѣ, который отъ имени населенія папской области излагаетъ правителямъ и народамъ жалобы, оправданія

и требованія боровшихся за возвращеніе ими потерянныхъ правъ. Послѣ историческаго обзора прошедшаго и изложенія несдержанныхъ обѣщаній, читаемъ слѣдующее:

„Въ то время, когда провинціи послали въ Римъ депутацію, составленную изъ людей наиболѣе просвѣщенныхъ, наиболѣе почтенныхъ и извѣстныхъ, испросить у папы обѣщанныя имъ учрежденія...., кардиналъ Альбани собралъ въ Римини войска, составленныя изъ людей, готовыхъ на все *), и при помощи которыхъ ему поручено было ввести деспотизмъ. Время это было господствомъ грубыхъ и дикихъ людей, удостоенныхъ названія „папскихъ волонтеровъ“, готовыхъ умертвить всякаго человѣка, извѣстнаго либеральнымъ образомъ мыслей. Десять лѣтъ не первосвященникъ, не Римъ, не кардиналы управляли легатствами, а эта дикая и кровожадная толпа. Военно-судныя коммисіи не прекращали своихъ дѣйствій, осуждая безъ всякихъ судебныхъ формальностей, безъ участія адвокатовъ, огромное количество людей на тюремное заключеніе, изгнаніе, смерть, конфискацію имущества“.

„Должно ли удивляться нашему противодѣйствію столькимъ притѣсненіямъ? Намъ ставятъ въ укоръ, что мы требовали гражданскихъ реформъ съ оружіемъ въ рукахъ, но мы просимъ всѣхъ государей Европы, всѣхъ засѣдающихъ въ ихъ совѣтахъ обратить вниманіе на то, что мы были вызваны на это необходимостію, мы не имѣемъ никакого законнаго средства заявить наши желанія, мы не имѣемъ народнаго представительства, мы не имѣемъ даже права просить; доведенные до состоянія рабства, когда всякое прошеніе, всякая просьба,

*) Манифестъ разумѣетъ подъ этимъ Санфедистовъ, бывшихъ чѣмъ то въ родѣ корпуса волонтеровъ, въ составъ котораго не боялись принимать бродягъ и преступниковъ. Поступленіемъ въ этотъ страшный отрядъ они получали прощеніе и отпущеніе грѣховъ. Войско это было замѣчательно своими крайне звѣрскими поступками.

всякая жалоба считаются оскорбленіемъ государя. Наши желанія — чисты, онѣ имѣютъ въ виду тронъ апостольскій, наравнѣ съ правами отечества и человѣчества."

Этотъ манифестъ, составленный очевидно людьми умѣренной партіи заключался требованіемъ почти тѣхъ же реформъ, которыя заключались въ меморандумѣ 1831 года.

VI.

Остальные народы Италіи также трепетали подъ гнетомъ. Сколько неудавшихся заговоровъ, сколько разрушенныхъ попытокъ! Сколько гражданъ было заключено въ мрачныя тюрьмы Неаполя и Австріи и подвергнуто долгимъ мученіямъ. Нельзя позабыть волненій въ Калабріи, въ 1844 году, подавленныхъ военною силою, потопленныхъ въ крови казненныхъ, сдѣлавшихся столь драматическими смертію Доменико Моро и двухъ юношей, сыновей адмирала Бандіера, венеціянца на австрійской службѣ! Братья Бандіера, прибывъ въ три дня съ Родоса на итальянскій берегъ съ цѣлію освободить отечество, были арестованы 16 Іюня, нѣсколько часовъ послѣ ихъ прибытія, оказавъ отчаянное сопротивленіе, и поплатились мужественно жизнію за любовь къ свободѣ.

VII.

Между тѣмъ, какъ одни стараются противопоставить силу силѣ и думаютъ освободить свое отечество силою оружія, трудясь безъ отдыха надъ образованіемъ вооруженнаго сопротивленія, другіе думаютъ ускорить освобожденіе путемъ мирной агитаціи. Какъ молнія предшествуетъ грому, такъ и они, постепенно умножаясь въ числѣ, хотятъ возбудить не чувства, погаснувшія навсегда въ сердцахъ итальянцевъ, а общественное мнѣніе, возбудить его всѣмъ, чѣмъ только располагаетъ

человѣческая мысль для своего заявленія и распространенія. Корреспонденціи съ эмигрантами, ропщущими въ изгнаніи и вздыхающими о возвращеніи, дѣлаются болѣе дѣятельными. Вдохновленные поэзіей, въ родѣ Берше, Джюсти, Леопарди, изливали громкіе стоны своего сердца, свои горячія жалобы въ гармоническихъ стихахъ. Публицисты, какъ Джіоберти, Бальбо, д'Азеліо, Маццини, обращались съ возваніями къ разуму и страстямъ. Профессора, какъ Монтанелли, пожирали всѣхъ какъ пламя. Адвокаты, какъ Манинъ, распространяли свое вліяніе на гражданъ, которые плакали, слушая ихъ, и сердца которыхъ при этомъ бились горячею любовью къ Италіи. Журналисты, подобные Брофферіо, Гверрацци, Вьессе, употребляли слабыя средства, имъ остававшіяся, заставляя публику понимать ихъ мысли подъ словами, по виду ничего незначущими, подчасъ недоговаривая и заставляя читать между строками; этими средствами они выражали стремленія и тайныя надежды своего патріотизма. Они заставляли задумываться своими сравненіями и объясненіями, часто въ недосказанномъ ими словѣ заключалось столько же смысла, какъ и въ вполнѣ выраженной мысли.

Писатели, обладавшіе даромъ легко и краснорѣчиво выражаться, ввѣряли свои признанія, желанія, разсказы, воззванія, порывы, страданія печатанію втайнѣ, подобныя произведенія переходили изъ рукъ въ руки, посреди всеобщей тишины и молчанія изъ одного конца Италіи въ другой, оставляя по себѣ живые слѣды. То, чего нельзя было напечатать, — списывалось; подобныя сочиненія распространились въ неслыханномъ множествѣ, такъ что каждый могъ узнать мысли другаго, дѣлавшіяся общимъ достояніемъ, ими питаться и ими жить.

VIII.

Брошюры, издававшіяся втайнѣ въ Тосканѣ съ первыхъ дней 1846 г. разумными и ревностными патріотами, сдѣлались средствами пропаганды. Эти брошюры вызывали своимъ появленіемъ на столько сочувствія, на сколько въ нихъ заключалось умѣренныхъ желаній, ограничивавшихся требованіемъ нѣкоторыхъ гражданскихъ и административныхъ реформъ. Потомъ начали думать объ адресахъ, скрѣпленныхъ подписями, о прошеніяхъ. 28 февраля 1846 года, въ Пизѣ, профессорами университета было представлено прошеніе на имя губернатора Серристори противъ учрежденія монашескаго ордена „сестеръ Сердца Господня“, основаннаго іезуитами. Профессора получили предостереженіе и протестовали. Просьба и протестъ возбудили большое сочувствіе, и правительство, уступивъ общественному мнѣнію, отмѣнило данное разрѣшеніе, на учрежденіе ордена. Этотъ успѣхъ показалъ, чего можно ожидать отъ подобныхъ дѣйствій, которыя, будучи предприняты въ различныхъ мѣстахъ Италіи, вполнѣ достигли своей цѣли. Мирная агитація дѣлала такимъ образомъ значительные успѣхи, она съ каждымъ днемъ усиливалась и мало по малу проникала во всѣ слои общества. Сами правительства чувствовали нападеніе. Общественное мнѣніе, этотъ всеобщій судья, господствовало даже надъ тѣми, которые хотѣли надъ всѣмъ господствовать. Требованія нравственности преодолѣвали испорченность, право пересиливало злоупотребленія, справедливость пересиливала ея нарушенія. Симптомы тревожнаго состоянія общества являлись вѣстниками скораго взрыва. Одно какое нибудь событіе могло заставить Италію вступить на новую дорогу.

IX.

Григорій XVI умеръ 1-го іюня, 1846 года. Кардиналы, собравшіеся на конклавъ 14-го іюня, подверглись, противъ желанія, вліянію объстоятельствъ. Страхъ передъ предстоящей революціей, бѣдствіе и убытки, наносимые австрійскимъ вмѣшательствомъ, боязнь избранія папы изъ иностранцевъ, обыкновенная продолжительность конклава, оставлявшая власть лицемъ къ лицу съ угрожающими симптомами революціи, проявившимися въ адресахъ подписанныхъ во всѣхъ провинціяхъ, все это побудило конклавъ, не дожидаясь прибытія кардиналовъ-иностранцевъ, выбрать человѣка съ либеральными и умѣренными убѣжденіями, который могъ бы согласить требованія и успокоить взволнованные умы. 16 іюня, Іоаннъ Мастаи Ферретти былъ избранъ и торжественно провозглашенъ папой подъ именемъ Пія IX.

Мѣсяцъ спустя, 16 іюля, Пій IX объявилъ амнистію. Въ тотъ же день политическіе преступники, находившіеся въ замкѣ Святаго Ангела, были выпущены. Народъ, не помнившій себя отъ энтузіазма, отправился толпой къ Квириналь-скому дворцу; три раза папа былъ принужденъ появляться на балконѣ, чтобы отвѣтствовать на крики народа.

Потомъ Пій IX созвалъ коммиссію лучшихъ юристовъ, чтобы разсмотрѣть юридическія и административныя реформы.

Эти простыя свидѣтельства добраго желанія, эти прогрессивныя стремленія были приняты народомъ мало пріученнымъ къ уступкамъ власти и жаждавшимъ возстановленія правъ и свободы, точно также, какъ будто обѣщанныя реформы были исполнены, какъ будто революція совершенно уничтожила прошедшее и открыла новый путь къ независимости и благосостоянію. Народъ праздновалъ объявленіе намѣреній новаго папы, какъ будто онѣ уже были приведены въ исполненіе.

Пій IX явился спасителемъ. Всеобщее изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ, живой признательности, желаній, благодареній были заявлены Пію IX. Необъятная любовь народа окружала его своимъ ореоломъ, казалось душа его опьянѣла отъ всего этого.

X.

Джіоберти напечаталъ въ 1843 году свое Primato, основная идея котораго было возстановленіе гвельфскаго папства, гвельфской партіи, которая бы освободила Италію отъ иностранцевъ. Сочиненіе это, казавшееся подъ управленіемъ Григорія XVI утопическою идеею мечтателя, явилось вдругъ пророчествомъ сильнаго ума. Къ горячему желанію достигнуть новыхъ учрежденій, присоединилось еще болѣе сильное желаніе завоевать независимость и изгнать австрійцевъ. Съ этихъ поръ на всѣхъ знаменахъ были постоянно двѣ надписи: „Реформы и народность“. Къ крикамъ „да здравствуетъ Пій IX“ въ народныхъ демонстраціяхъ присоединились возгласы: да здраствуетъ Италія! Да здраствуютъ государи — реформаторы, да здраствуетъ единство, да зраствуетъ Джіоберти!

Торжественная манифестація послужила выраженіемъ чувствъ, которыми дышали итальянцы и которыя соединяли ихъ на ненависть къ австрійцамъ, на любовь къ свободѣ. 5 декабря 1846 года, въ столѣтнюю годовщину пораженія австрійскихъ войскъ въ Генуѣ, вершины Апеннинъ были иллюминованы отъ горъ Лигуріи до самыхъ отдаленныхъ — Неаполитанскаго королевства.

Пій IX, воодушевленный добрыми намѣреніями вскорѣ увидѣлъ себя окруженнымъ трудностями и препятствіями. Австрія, которая принимала за угрозу раздававшіеся крики объ освобожденіи Италіи, являлась съ своими настав-

леніями и протестами, опираясь на армію, господствовавшую на границахъ. Приверженцы прошедшаго, подвергнувшіеся опасности за участіе въ распоряженіяхъ Григорія XII, еще сильные въ совѣтахъ, тяготѣли всѣми силами надъ страннвшимъ ихъ движеніемъ. Итальянскіе государи, боявшіеся быть увлеченными обнаружившимся стремленіемъ, старались задержать его порывы и остановить обѣщанныя уступки. Само французское правительство совѣтовало держаться середины. Народъ между тѣмъ настаивалъ криками, демонстраціями, заявленіемъ своихъ желаній. 25 марта 1847 года, шестьдесятъ тысячъ народа сбѣжалось на проѣздъ папы съ площади Минервы въ Квиринальскій дворецъ, и съ любовію и надеждой кричали: Coraggio, santo padre! Confidate vi al vostro popolo!

Пій IX, поставленный между дѣйствовавшими на него вліяніями и сладкими ощущеніями популярности, протестовалъ противъ названія главы итальянской революціи, которое ему навязывали, согласился послѣдовательно на гражданскія и административныя реформы; онъ робко изъявилъ согласіе на реформы политическія: увеличеніе числа начальныхъ школъ; пріюты; основаніе земледѣльческихъ учрежденій; возстановленіе Болонскаго университета; собраніе комиссіи для преобразованія арміи; учрежденіе городской стражи изъ гражданъ; преобразованіе судовъ; эдиктъ, относительно прессы, который не бывъ объявленіемъ свободы книгопечатанія, замѣнялъ произволъ и капризъ; созваніе нотаблей къ 19 августу, двухтысячелѣтней годовщинѣ основанія Рима, которые должны были обсудить организацію муниципальныхъ совѣтовъ и принять участіе въ администраціи; учрежденіе къ 12 маю, государственнаго совѣта и общественнаго представительства города Рима; обнародованіе въ первый разъ бюджета.

XI.

Такъ послѣдовательно, хотя и не безъ колебаній, поступалъ Пій IX, въ дѣлѣ преобразованій, имъ предпринятыхъ. Энтузіазмъ, возбужденный римскимъ первосвященникомъ перешелъ за границы Италіи и распространился по всему міру. Самыя живыя, неожиданныя изъявленія сочувствія явились для его поддержки и ободренія. Во Франціи раздавались похвалы дѣйствіямъ папы. Пастырское посланіе парижскаго архіепископа, приказывавшее молиться за папу, говорило слѣдующее: „Умы самые предубѣжденные, смотрѣвшіе на папство и церковную іерархію какъ на враговъ законной свободы народовъ, теперь принуждены сознать, что свобода нашла самую вѣрную гарантію и самое славное будущее въ реформахъ Пія IX, подающаго собою примѣръ владѣтелямъ полуострова“.

Генералъ „общества Іисуса“ возражалъ противъ обвиненій іезуитовъ за союзъ съ австрійцами и восклицалъ: „Любить, почитать, благословлять, защищать папу Пія IX, ему повиноваться во всемъ, сочувствовать его реформамъ и улучшеніямъ, которыя угодно ему ввести, есть долгъ для всѣхъ іезуитовъ, долгъ совѣсти и справедливости, который имъ будетъ пріятно исполнить“.

Сѣверо-американскіе штаты просили о заключеніи союза съ Римомъ. Республики Новая Гренада, Чили, Перу выражали подобныя же желанія. Даже султанъ Абдулъ-Меджидъ прислалъ посланника поздравить его.

Новый фактъ еще болѣе увеличилъ популярность Пія IX, ненависть противъ иностранцевъ и ясно показалъ враждебныя намѣренія Австрійцевъ. 17 іюля, австрійскія войска, занимавшія, въ силу трактата 1815 года, ферарскую цитадель, овладѣли городскими воротами и прошли по площадямъ и

улицамъ, какъ завоеватели, безъ всякой благовидной, явной причины. Это нарушеніе права, это злоупотребленіе грубой силы произвели еще болѣе впечатлѣнія потому, что этотъ актъ произвола совпалъ съ реакціоннымъ замысломъ, открытымъ 14-го іюля, и который 17-го долженъ былъ осуществиться въ Римѣ. Кардиналъ Чіакки и государственный секретарь Ферретти обнародовали сильные и исполненные достоинства протесты, возбудившіе всеобщее одобреніе. Меттернихъ, желая этимъ поступкомъ, заставить почувствовать свое могущество и распространить въ Италіи ужасъ, выгодный его намѣреніямъ, доставилъ напротивъ патріотамъ новое оружіе противъ себя, новый поводъ дѣйствовать энергически.

Народы еще сильнѣе правительствъ почувствовали нанесенное оскорбленіе. Людямъ съ сердцемъ и умомъ, которые считались вожатыми, не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ сдерживать и направлять движеніе.

XII.

Въ Тосканѣ Монтанелли, Гверрацци, Вьессе и ихъ друзья, давшіе еще въ началѣ 1846 года толчокъ движенію, не переставали ни на одну минуту упорно распространять мирную агитацію и слѣдовали съ искуствомъ по дорогѣ, столь удачно ими выбранной. Они начали мало по малу собирать результаты, которые съумѣли употребить съ пользою, чтобы добиться черезъ это другихъ результатовъ, совершенно новыхъ. Такимъ образомъ, 6-го мая они почти вытребовали у великаго герцога новый законъ, относительно прессы, который, дѣлая цензуру болѣе либеральною, доставилъ фактическую возможность основать новые журналы; l'Alba и la Patria во Флоренціи; l'Italia въ Пизѣ; le Courrier Livournais — въ Ливорно. 4 сентября состоялось учрежденіе гражданской стражи, вызванное демонстраціями, которые не были подавлены

войсками, сроднившимися съ народомъ. Съ этихъ поръ Тосканцы съ свободой слова и съ оружіемъ въ рукахъ надѣялись скоро преодолѣть послѣднія препятствія. Такъ праздновали они свои учрежденія въ Пизѣ — 6 сентября, въ Ливорно — 8-го, во Флоренціи — 12-го. Представители всѣхъ общинъ Тосканы собрались на эти празднества для изъявленія своей благодарности великому герцогу, съ цѣлію побудить его на новыя уступки и заставить протестовать именемъ итальянской лиги противъ иностраннаго притѣсненія. На этихъ праздникахъ трехъ-цвѣтное знамя было поднято, какъ символъ возрожденія. Какъ лучи выходятъ изъ фокусовъ, такъ и изъ собраній людей, воодушевленныхъ чувствомъ горячаго патріотизма, должно было выйти общественное мнѣніе болѣе сильное, болѣе рѣшительное. 27 сентября великій Герцогъ пригласилъ въ министерство маркиза Ридольфи и Графа Серристори, отъ которыхъ онъ принялъ ихъ программу дѣйствій: увеличеніе арміи, увеличеніе и матерьяльныхъ ея военныхъ принадлежностей, учрежденіе муниципалитетовъ, основанныхъ на началѣ народнаго избирательства, составленіе провинціяльныхъ совѣтовъ на основаніи, тоже избирательномъ; центральное представительное собраніе, которое соберется подъ условіями, зависящими отъ обстоятельствъ. Это была только программа, но это былъ все-таки большой шагъ впередъ.

XIII.

Въ это самое время Карлъ-Людовикъ, герцогъ Луккскій, вслѣдствіе манифестацій и вынужденныхъ уступокъ своимъ подданнымъ, отказался отъ престола, перешедшаго къ великому герцогу Тосканскому. Но немного времени спустя, по смерти императрицы Маріи-Луизы, онъ вступилъ во владѣніе герцогствами Пармой и Пласенціей, для чего онъ призвалъ

австрійцевъ пособить ему занять престолъ. Этотъ новый фактъ занятія австрійскими войсками возбудилъ въ итальянцахъ всеобщее раздраженіе.

XIV.

Въ Сардинскомъ королевствѣ патріоты, не смотря на строгую бдительность дѣятельной полиціи приняли живое участіе въ прогрессивномъ развитіи общественнаго мнѣнія. Значительное число ихъ, подобно Маццини, присоединилась къ тайнымъ обществамъ. Другіе, какъ Джіоберти, Бальбо, д'Азеліо, своими сочиненіями волновали Италію. Брофферіо Ботта, Пеллико, Гарибальди, Санта-Роза, Кавуръ, Руффини, и проч. считались самыми дѣятельными вожатыми народнаго движенія, способными на безграничное самопожертвованіе, обладавшими мужествомъ, готовымъ на всякое испытаніе; всѣ они были готовы на изгнаніе, на тюрьму, лишь бы только было выиграно святое дѣло освобожденія отечества. Всѣ они не щадили усилій, чтобы привести въ движеніе чувство народнаго достоинства, столь долго спавшее непробуднымъ сномъ.

Король упрямо сопротивлялся всякому прогрессивному стремленію. Но событія, совершившіяся въ Римѣ, вслѣдствіе которыхъ вліяніе его на Италію изчезало передъ популярностію Пія IX, самолюбіе, поддерживаемое нѣкоторыми довѣренными лицами, неизвѣстность будущаго, смущавшіе его,—все это могущественно дѣйствовало на душу короля; онъ издали, молча, смотрѣлъ на событія, боясь высказаться.

Таможенный вопросъ, возбудившійся между Австріей и Піемонтомъ, раздражилъ совѣтниковъ короля противъ Австрійскаго правительства, и хотя споръ былъ улаженъ, но тѣмъ не менѣе холодность проявилась въ сношеніяхъ. 30 сентября, въ день своихъ имянинъ, Карлъ-Альбертъ дѣлаетъ

481645

видъ, что разрѣшаетъ демонстрацію въ честь Пія IX, въ которой принимаютъ участіе тридцать тысячъ человѣкъ. Потомъ, когда онъ увидѣлъ толпу, бросившуюся къ дому австрійкаго посольства съ криками: „да здраствуетъ Пій IX! прочь австрійцевъ! прочь іезуитовъ!“ онъ тотчасъ же прекратилъ манифестацію. Потомъ онъ дѣлаетъ уступки народнымъ требованіямъ, значительно меньшія тѣхъ, которыхъ добились тосканцы. Нѣкоторыя реформы юридическія, общинныя, провинціяльныя, административныя имѣютъ видъ уступокъ, сдѣланныхъ общественному мнѣнію. 30 октября былъ изданъ законъ, относительно устройства прессы, который, хотя и не уничтожалъ цензуры, но разсматривался всѣми, какъ движеніе впередъ; такъ прежнее состояніе прессы было стѣснительно. Но Карлу-Альберту трудно было остановиться, вокругъ все волновалось, крики всей Италіи раздавались въ ушахъ его. Тщетно старается онъ уклониться, сила обстоятельстъ заставляетъ его, противъ воли, выйти на новый путь.

XV.

Австрійскій кабинетъ ясно видѣлъ начало грозы; ему слышались громкіе крики ненависти противъ его господствующаго вліянія; онъ былъ очевидцемъ безпрестанно повторявшихся демонстрацій; онъ зорко слѣдилъ за усиливавшимся день ото дня прогрессомъ идей независимости и свободы въ Римѣ, агенты его, не имѣвшіе болѣе значенія въ совѣтѣ государей, ограничивали свою дѣятельность посылкою донесеній. Послѣ наглаго насилія въ Феррарѣ и занятія Пармы, австрійскій кабинетъ получилъ два острова на По, укрѣпленные имъ, какъ опорный пунктъ оборонительной и наступательной линіи, находившейся въ самомъ центрѣ Италіи. Арміи, занимавшія итальянскія мѣстности, были удвоены; Меттернихъ по-

слалъ въ Ломбардію своего alter ego, графа Фикельмонта. Австрійцы такъ легко смотрѣли на возстанія въ Италіи, подавлять которыя имъ всегда удавалось, что не боялись сами возбуждать ихъ, когда усмиреніе приносило выгоду. Австрійскій кабинетъ уже хотѣлъ двинуть баталіоны и остановился только передъ протестомъ Англіи, объявившей, что она будетъ допускать иностранное вмѣшательство только съ согласія на него владѣтелей.

Но притѣсненіе, которому Вѣнское правительство не смѣло подвергнуть сосѣдніе народы, могло сдѣлаться еще болѣе жестокимъ для жителей Венеціи и Ломбардіи, отданнымъ трактатами 1815 года подъ его владычество. Надзоръ въ этихъ областяхъ сдѣлался еще болѣе злодѣйскимъ, полиція еще болѣе враждебною. Армія, которая до сихъ поръ вела себя съ нѣкоторою сдержанностію, была искуственно возбуждена идеей нѣмецкаго патріотизма. Солдатъ позабылъ дисциплину, начальники уступили постояннымъ злонамѣреннымъ внушеніямъ. Можно было легко предвидѣть, что въ обѣихъ провинціяхъ приготовлялись противъ проявленія народнаго духа самыя необузданныя жестокости.

XVI.

Миланъ и Венеція не оставались равнодушны къ общему движенію. Произведенія сардинскихъ, тосканскихъ и римскихъ писателей, тайныя прокламаціи читались и комментировались съ увлеченіемъ. Каждый болѣе или менѣе высказывалъ свое мнѣніе, свои теоріи, свои начала, свой взглядъ на политику. Но тяготѣющій гнетъ заставлялъ исчезать всѣ оттѣнки мнѣній, всѣ личныя предубѣжденія. Общее бѣдствіе, общія надежды соединяли различныя мнѣнія. Эти двѣ страны, столь славныя великими произведеніями наполняющими ихъ зданія, ихъ музеи славныя памятниками, историками, учеными, ораторами, по-

этами, вполнѣ предались пропагандѣ революціонныхъ идей. Манцони, Томмазео, Манинъ, Каттанео работали безъ устали надъ распространеніемъ истины, надъ возбужденіемъ готовности къ самопожертвованію.

Австрійское правительство не пренебрегало прессой для оправданія своихъ дѣйствій; ея оффиціальныя и полуоффиціальныя газеты упрекали миланцевъ и венеціанцевъ въ непризнательности къ благодѣяніямъ отеческаго правительства. Они говорили, что эти два народа — самые благоденствующіе, пользующіеся либеральнѣйшими въ Италіи учрежденіями. То, что другіе еще требуютъ, они уже имѣютъ съ 1815 года. Они уравнены въ податяхъ; муниципальная организація основана вполнѣ на народномъ представительствѣ; самыя небольшія общины управляются выборными властями; ими распредѣляется налогъ; они сами выбираютъ членовъ провинціальныхъ совѣтовъ и двухъ центральныхъ — въ Миланѣ и Венеціи, которыя доводятъ до свѣдѣнія монарха о нуждахъ страны; исключительныхъ, временныхъ судовъ — нѣтъ; законы, сообразные съ духомъ времени, управляютъ ихъ интересами; судебная и административная часть отправляютъ безпристрастно свои обязанности.

Оба народа возражали слѣдующее: эти выгоды намъ обѣщаны патентомъ 7 апрѣля 1815 года, но онѣ не осуществились; налогъ нашъ относится къ налогамъ прочихъ провинцій австрійской имперіи, какъ 28 къ 16; мы нашими деньгами помогаемъ вамъ удерживать власть во всѣхъ прочихъ владѣніяхъ; безусловное veto уничтожило самостоятельность общинъ; желанія, выраженныя собраніями, никогда не выслушивались; школы потеряли все свое значеніе введеніемъ анти-національнаго воспитанія; дѣти наши постепенно отрываются отъ насъ рекрутскими наборами и уводятся въ Богемію, Австрію, Моравію, Венгрію; молодой человѣкъ, уступающій великодушнымъ стремленіямъ, платится изгнаніемъ въ кроатскій полкъ за любовь

къ отечеству; свобода прессы уничтожена; таможни благодействуютъ, доставляя выгоды промышленникамъ австрійскихъ провинцій, и окончательно парализируютъ нашу промышленность; повинности самыя тяжелыя, самыя большія — добыча иностранцевъ; процессы — безконечны; слѣдствіе, судебная процедура, самый судъ совершаются втайнѣ; шпіонство, доносы проникаютъ даже въ семейства; еще болѣе — братъ, не доносящій на брата, наказывается какъ преступникъ; вы притѣснители всей Италіи; вы возбуждаете въ другихъ владѣтеляхъ страсть къ тираніи, чтобы сравненіемъ съ вашей, уменьшить степень послѣдней; сбиры, солдаты, — вотъ орудія вашего управленія! Лицемѣріе — вотъ ваши политическія начала! Бѣдствіе изгнанія и тюремныя муки — вотъ наше будущее! Вы смотрите на насъ не какъ на согражданъ, но какъ на побѣжденныхъ!

Эта послѣдняя мысль особенно тяготила жителей ломбардскихъ и венеціянскихъ городовъ, бывшихъ постоянно лицемъ къ лицу съ австрійскими войсками и властями. Жители деревень чувствовали менѣе тяжесть постояннаго занятія войсками, ими почти не испытываемаго.

XVII.

Пріѣздъ въ Миланъ новаго архіепископа Ромили представился удобнымъ поводомъ, для изъявленія жителями ихъ симпатій либеральнымъ уступкамъ Пія IX. Приготовляется праздникъ, въ которомъ принимаетъ участіе муниципалитетъ; все населеніе Милана тѣснится на улицахъ и въ обширномъ соборѣ. Въ первый день 5 сентября 1847 года все проходитъ благополучно, но вечеромъ 8, огромная толпа, собравшаяся на площади, для продолженія празднества, атакуется и разсѣевается. Нѣсколько человѣкъ убито, много ранено. Всѣ умы воспламеняются при видѣ столь кроваваго и звѣрскаго насилія;

Австрійскія таможни чувствуютъ вліяніе общественнаго движенія: богатые и бѣдняки отказываются отъ употребленія предметовъ, обложенныхъ высокою пошлиною; дамы отказываются отъ нарядовъ; налогъ на табакъ доставлялъ казначейству 7,000,000 лиръ — народъ перестаетъ курить; назначается лотерея въ 8,000,000 лиръ — не берутъ билетовъ. Во всемъ доказательства всеобщаго единодушія, одинъ день театръ наполненъ биткомъ, на другой день пустъ; въ другой разъ церковь полна народомъ. Представители австрійскихъ властей приходятъ въ бѣшенство, при видѣ подобныхъ манифестацій, и приготовляютъ зловѣщія средства для отмщенія.

XVIII.

Первыя числа января были срокомъ приведенія въ дѣйствіе рѣшенія, принятаго патріотами, не курить болѣе на улицахъ; это было прежде воспрещено закономъ, который однакоже не соблюдался; всѣ считали себя вправѣ его возобновить въ связи съ принятымъ рѣшеніемъ. 2 января 1848 года посреди народонаселенія, не курящаго болѣе, являются люди съ физіономіями висѣльниковъ, вышедшихъ какъ будто изъ тюремъ и полицейскихъ вертеповъ, съ сигарою во рту, за ними издали слѣдуютъ вооруженные агенты, съ цѣлью поддержать ихъ силою. Это было явное возбужденіе и оно произвело свое дѣйствіе, поднимается крикъ, смѣхъ, свистъ. Австрійскіе офицеры начинаютъ тоже курить, — отсюда ссоры и брань. Образуются толпы; производятся аресты; самъ подеста Казати, бѣгавшій въ толпѣ, чтобъ успокоить волненіе, схваченъ, не смотря на свое объясненіе, агентами, потерявшими всякое сознаніе; но онъ тотчасъ же и освобождается съ извиненіемъ передъ нимъ высшаго начальства. Этотъ звѣрскій образъ дѣйствій увеличиваетъ раздраженіе. На другой день, 3 января, по городу прогуливаются солдаты, пуская дымъ

изъ сигаръ въ лица проходящихъ; вмѣшиваются офицеры, которые входятъ въ кафе и всѣми способами стараются оскорбить народонаселеніе, трепещущее отъ гнѣва. Вдругъ появляются патрули, передъ толпами блестятъ шпаги, сабли, штыки, нападаютъ на самыя безвинныя личности. Ничто не укрощаетъ ярости солдатъ. Поражаютъ дѣтей, женщинъ, стариковъ. Двадцать убитыхъ, шестьдесятъ раненыхъ сдѣлались жертвами побоища. Семидесятилѣтній старикъ Магаппини, совѣтникъ миланскаго апеляціоннаго суда, мирно возвращавшійся домой, падаетъ подъ ударами саблей и штыковъ. Вслѣдствіе слѣпаго варварства жертвами убійства пали даже нѣкоторые изъ находившихся на австрійской службѣ. Безоружное населеніе уступаетъ силѣ и отсрочиваетъ месть.

Соборный священникъ, почтенный Опицони, 85 лѣтній старикъ, велѣлъ привести себя къ вице-королю и представилъ энергическія жалобы въ слѣдующихъ словахъ: „Ваше высочество, я видѣлъ въ продолженіи моей долгой жизни много вторженій: русское, французское, австрійское, но никогда я не видѣлъ, чтобы рѣзали безоружныхъ гражданъ. Я долженъ довести до свѣдѣнія вашего высочества объ этихъ злодѣйствахъ, какъ христіанинъ, какъ братъ, какъ священникъ.“

XIX.

Эрцгерцогъ Райнеръ обнародовалъ 5 января прокламацію, съ цѣлью успокоить раздраженіе народа, онъ, казалось, хотѣлъ возбудить надежды на нѣкоторыя уступки: „правильный ходъ администраціи нуждается всегда въ прогрессивныхъ улучшеніяхъ. Но буйныя манифестаціи могутъ только замедлить исполненіе высшихъ рѣшеній и обратить мои прежнія надежды и ожиданія въ несбыточную мечту; послѣ всего этого, я не буду въ силахъ довести до свѣдѣнія его императорскаго величества желанія народа, ко-

рода, которыя не имѣютъ должной поддержки въ умѣренномъ образѣ дѣйствій".

Онъ подтверждалъ ту же мысль во второй прокламаціи отъ 9 января: „я вамъ повторяю по этому случаю о своихъ прочныхъ надеждахъ, что ваши желанія, законно представленныя и доведенныя до свѣдѣнія императора, или которыя еще будутъ заявлены, примутся во вниманіе, по милости его величества".

Архіепископъ намекалъ на смѣлый поступокъ Нацари-ди-Тревигліо, депутата Ломбардской конгрегаціи, который, 9 декабря 1847 года, смѣло выражалъ всеобщее недовольство и требовалъ, чтобы конгрегація заявила императору народныя желанія, протестовалъ противъ слѣдственной коммисіи и оканчивалъ свое предложеніе слѣдующими словами: „можетъ быть я нарушилъ присягу и полномочіе, какъ депутатъ, но, когда совѣсть приказываетъ говорить, могу ли я оставаться въ молчаніи."

Ломбардо-Венеціянцы смотрѣли на слова эрцгерцога, какъ на приманку и приписывали графу Фикельмонту выраженія, обнаруживавшія совсѣмъ другія требованія. „Я имѣю вѣрное средство заставить добрыхъ миланцевъ забыть Пія IX, и ихъ идола и всѣ желанія независимости, вкравшіяся съ недавняго времени въ ихъ дѣтскія манифестаціи; приближается масляница, я имъ дамъ грандіозный спектакль въ театрѣ de la Scala."

Съ своей стороны фельдмаршалъ Радецкій въ дневномъ приказѣ солдатамъ, отъ 15 января, выразилъ слѣдующія угрозы: „его императорское величество, государь императоръ рѣшился во имя своихъ правъ и обязанностей защищать венеціянское королевство противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враждебныхъ дѣйствій.... Солдаты, я горжусь повторять вамъ слова его императорскаго величества.... Преступныя усилія фанатизма сокрушатся о вашу вѣрность и ваше мужество, какъ стекло о камень".

Я еще крѣпко держу шпагу, которой владѣлъ во многихъ сраженіяхъ, въ продолженіи 65 лѣтъ; я употреблю ее для водворенія порядка въ странѣ, еще недавно благоденствовавшей, но находящейся теперь въ опасности, быть повергнутой безумной партіей въ бѣдствіе. Солдаты, вашъ императоръ полагается на васъ! вашъ сѣдой главнокомандующій надѣется на васъ! этого довольно! кто помѣшаетъ мнѣ развернуть знамя, съ двуглавымъ орломъ? Крылья этого орла еще не подрѣзаны. Да будетъ нашимъ девизомъ: покровительство мирныхъ и вѣрныхъ гражданъ и, напротивъ того, пораженіе и уничтоженіе врага, который осмѣлился бы преступною рукой посягнуть на миръ и благоденствіе народонаселеній„.

Эта прокламація сопровождалась обнародованіемъ императорскаго рескрипта, приготовленнаго еще 27 ноября 1847 года, объявлявшаго объ учрежденіи военнаго суда, который, безъ права на апеляцію и помилованіе, имѣлъ право приговаривать къ смерти, въ случаѣ смутъ и возстаній.

XX.

Венеція, гордая своимъ прошедшимъ могуществомъ, униженная настоящимъ рабствомъ, трепещущая подъ тяжестью цѣпей, волновалась съ рѣдкой энергіей. Кажется судьба посылаетъ угнетеннымъ народамъ для руководства ими и для ихъ спасенія людей высшаго ума, необыкновенной дѣятельности, упорной воли, неустрашимаго мужества. — Адвокатъ Манинъ былъ изъ числа такихъ!

Манинъ соединился съ Томмазео, человѣкомъ даровитымъ, извѣстнымъ поэтомъ, имѣвшимъ скрытный умъ, но душу, горящую любовію къ отечеству. При помощи друзей, они рѣшаются оживить народъ, повидимому унывшій въ паденіи и ожидающій часа своего пробужденія. Манинъ, имѣвшій способность на-

чинать дѣло, принимается всѣмъ руководить; и вскорѣ подъ его вліяніемъ Венеція оживаетъ, Венеція начинаетъ дышать, Венеція возстаетъ!

Они тотчасъ бросаютъ всѣ попытки, не ведущія ни къ чему другому, какъ къ нестерпимымъ притѣсненіямъ, къ казнямъ, безъ всякихъ послѣдствій. Они употребляютъ всѣ мирныя средства, которыя попадаютъ въ ихъ искусныя руки, вслѣдствіе ловкости или стеченія обстоятельствъ. Матеріяльные интересы могутъ возбуждать моральныя, они занимаются ими. Желѣзныя дороги, съ которыми связаны выгоды страны, дѣлаются для нихъ средствомъ пропаганды. Вопросъ этотъ возбуждаетъ всеобщее вниманіе отъ Милана до Венеціи. Это могучій рычагъ, которымъ они поднимаютъ общественное мнѣніе. Кабинеты для чтенія, атеней служатъ имъ трибунами.

Присутствіе экономиста Кобдена служитъ поводомъ собраній и совѣщаній. Девятый конгресъ ученыхъ, собравшійся 13 сентября въ Венеціи, служитъ благопріятнымъ случаемъ къ собранію нѣсколькихъ итальянскихъ патріотовъ. Тамъ разсуждаютъ объ обыкновенныхъ, возбуждающихъ интересъ, вопросахъ, которые переходятъ въ вопросы государственные объ организаціи труда, о воспитаніи, о промышленности, о свободѣ торговли, о таможенныхъ тарифахъ, объ улучшеніи общественнаго благосостоянія, всѣ эти вопросы требуютъ скорѣйшаго рѣшенія. Тысячи новыхъ идей приходятъ въ движеніе. Народъ видитъ, какъ о немъ заботятся, и съ чувствомъ глубокой признательности симпатизируетъ агитаторамъ.

Еще въ августѣ, заготовленное Томмазео вмѣстѣ съ Маниномъ прошеніе, относительно реформы цензуры, не ведетъ ни къ чему, однако служитъ началомъ другихъ требованій. Манинъ получаетъ изъ Милана копію съ предложенія депутата Нацари. Тотчасъ онъ рѣшается дѣйствовать и 21 декабря 1847 года смѣло представляетъ прошеніе центральному венеціянскому собранію, въ которомъ онъ доказываетъ, что молчаніе конгрегацій можетъ обма-

нуть правительство и заставитъ его думать, что венеціянцы не имѣютъ ни желаній, ни нуждъ, между тѣмъ, какъ напротивъ они ни довольны, ни счастливы и имѣютъ много насущныхъ нуждъ и справедливыхъ требованій, и, вооружаясь всѣми доказательствами, онъ прибавляетъ: „Молчаніе центральныхъ собраній, происходитъ изъ боязни не понравиться правительству, но подобный страхъ несправедливъ и оскорбителенъ, потому что было бы смѣшно предположить, что правительство дало въ насмѣшку королевству народное представительство, что оно обманывало и обманываетъ нашу страну и Европу, издавая законы, обсужденія которыхъ оно не желаетъ допустить, преслѣдуя и наказывая рѣшающихся этимъ заняться.“ Онъ заключилъ рѣчь, требуя отъ собранія дѣятельнаго содѣйствія.

XXI.

30 декабря, толпа направляется къ Атенею, чтобы слушать Томмазео, который прибылъ изъ Тосканы, воодушевленный самыми благородными мыслями: „Если ваши законы хороши, просите ихъ открытаго и благороднаго исполненія; если у васъ ихъ нѣтъ, требуйте новыхъ, которые бы соотвѣтствовали вашимъ нуждамъ. Говорите! пишите! печатайте въ предѣлахъ того, что позволено закономъ! Будьте мужественны! умѣйте желать счастія для всѣхъ!....“ Воодушевленная фигура оратора, взволнованный голосъ производятъ быстрое волненіе. Всѣ чувствуютъ, какъ въ нихъ начинаетъ преобладать чувство патріотизма. Томмазео предлагаетъ прошеніе, относительно цензуры, Манинъ бросается подписать свое имя и успѣваетъ вторымъ, четыреста подписей покрываютъ листъ. Шумъ распространяется въ городѣ. Бѣгутъ въ театръ и импровизируютъ тамъ народный праздникъ. Женщины присоединяютъ къ своему туалету эмблемы, говорящія глазамъ и

сердцу. Давали Макбета. Въ третьемъ актѣ, во время исполненія хора: „Обманутое очечество плачетъ и зоветъ васъ! Бѣжимъ, братья! бѣжимъ спасать притѣсненныхъ!“ все собраніе волнуется, встаетъ, и хоръ повторяетъ посреди всеобщихъ рукоплесканій.

Предложеніемъ 21 декабря, Манинъ подалъ примѣръ; другіе слѣдуютъ за нимъ. Съ его согласія депутатъ Морозини представляетъ новое предложеніе провинціяльному собранію въ Венеціи; депутатъ Менегини дѣлаетъ тоже въ Падуѣ; данный толчокъ приводитъ въ движеніе всю Венецію. На муниципальныхъ и провинціальныхъ собраніяхъ предложенія посыпались дождемъ. Каждый день дѣлается свидѣтелемъ новыхъ усилій и увеличенія числа единомышленниковъ. — Это порывъ всеобщей воли. Центральное собраніе уступаетъ общественному мнѣнію, котораго слышится могучій голосъ; сама власть удивленная, нерѣшительная, не можетъ уничтожить причины волненій.

Услыхавъ о несчастныхъ событіяхъ въ Миланѣ, дамы собираютъ подписки и ревностно скрываютъ ихъ отъ полиціи. Венеція представляетъ центръ патріотизма, нужна одна искра для взрыва. Власти слѣдятъ и безпокоятся; но Томмазео, Манинъ, Авецани не выступаютъ изъ предѣловъ законности. Они открыто признаются въ своихъ поступкахъ, своихъ связяхъ, своихъ цѣляхъ. 18 января Манинъ и Томмазео заключены въ государственную тюрьму. Сочувствіе народа проникаетъ сквозь стѣны и раздается въ ушахъ, какимъ-то сладкимъ пророчествомъ скораго, лучшаго будущаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Королевство Обѣихъ Сицилій: — Общество карбонаровъ. — Юная Италія. — Возмущеніе въ Мессинѣ и Калабріи въ 1847. — Усмиреніе. — Смерть Ромео. — Вызовъ, прямо сдѣланный правительству, въ январѣ 1848. — Палермцы берутся за оружіе. — Бомбардировка Палермо. — Вмѣшательство консуловъ. — Волненіе въ Неаполѣ. — Уступки короля. — Предложеніе мира Сицилійцамъ и ихъ отказъ. — Побѣда Сицилійцевъ; бѣгство королевскихъ войскъ. — Манифестаціи въ Неаполѣ. — Октроированная конституція 28 января 1848 г. — Возвращеніе въ Неаполь флота съ остатками арміи. — Печаль короля. — Сардинія: движеніе. — Карлъ Альбертъ объявляетъ начала конституціи. — Его прежнія дѣйствія. — Его виды на будущее. — Тоскана: волненіе. — Октроированная конституція великаго герцога 17 февраля. — Римъ: Пій IX. — Новыя уступки. — Пій IX не хочетъ итти далѣе. — Демонстрація. — Обѣщаніе конституціи. — Результатъ первыхъ усилій Италіи, завоевать себѣ свободу и независимость, до времени революціи, 24 февраля 1848 года.

I.

Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій не возможно было добиться уступокъ мирными средствами. Ни вліяніе общественнаго мнѣнія, ни требованія разума, ни прогрессивныя стремленія времени не могли побѣдить безусловнаго упорства Фердинанда II. Одна только сила могла заставить его уступить. Его воля — была законъ; Іезуиты — орудіе; армія, удвоенная швейцарскими полками, — душа его управленія государствомъ; инквизиторская полиція — основа его правительства. Въ такой странѣ народъ могъ ожидать всего, только отъ одного себя, ему оставалась одна дорога къ освобожденію: явное сопротивленіе силою оружія, приготовленное и обдуманное втайнѣ

людьми, рѣшившимися принести жизнь свою на жертву общему дѣлу народнаго освобожденія.

Въ королевствѣ развилось и распространилось первое тайное общество — карбонары, число его членовъ увеличивалось со дня на день. Едва глава общества падалъ жертвой, его тотчасъ замѣняли другимъ. Преданность и вѣрность равнялись силѣ преслѣдованія.

Послѣ 1831 было основано новое общество, Юная Италія, Калабрійцемъ Бенедетто Мозолино, древнимъ римляниномъ въ душѣ. Это послѣднее общество было вполнѣ независимо отъ другаго, управляемаго Мацини, и также усердно работало надъ дѣломъ освобожденія народовъ королевства Обѣихъ Сицилій. Въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ членовъ этого общества первое мѣсто занималъ Джузеппе Массари. Изгнанники, въ числѣ которыхъ былъ генералъ Пепе, неаполитанскій Лафайетъ, дѣятельно переписывались съ патріотами, разсѣянными по королевству. Дѣятельныя сношенія не прерывались между предводителями этого общества и предводителями подобныхъ обществъ во всѣхъ концахъ Италіи.

Агитація, въ странѣ, существовавшей подъ такими условіями, не имѣя возможности проявляться, какъ въ другихъ мѣстахъ, открыто, пролагала себѣ путь въ тишинѣ. Здѣсь, больше чѣмъ гдѣ нибудь, восшествіе на папскій престолъ Пія IX и его первыя уступки произвели сочувствіе болѣе живое, чѣмъ въ сущности заслуживали.

II.

Въ августѣ 1847 года, одинъ изъ предводителей революціоннаго комитета, Доменико Ромео отправился изъ Неаполя въ Калабрію черезъ Мессину. Онъ сообщилъ свой планъ возстанія самымъ рьянымъ патріотамъ; и революціонное знамя было поднято въ Мессинѣ 1-го сентября, въ Реджіо — 2-го.

Въ Реджіо взбунтовавшійся народъ взялъ въ плѣнъ гарнизонъ города. Возстаніе распространилось въ верхней Калабріи; вскорѣ было учреждено временное правительство. Прокламація призывала народонаселенія Неаполя и Сициліи къ оружію для борьбы за свободу. Попытки овладѣть фортами, которые командуютъ надъ проливомъ, не удались; королевскія войска, превышавшія численностію отряды инсургентовъ, были поспѣшно отправлены въ экспедицію; инсургенты очистили Реджіо, для избавленія жителей отъ бѣдствій бомбардировки. Все народонаселеніе въ окружности пришло въ ужасъ и не пыталось оказать сопротивленія королевскимъ войскамъ; отряды, отступившіе въ горы, чтобы тамъ защищаться, пришли въ смятеніе передъ невѣроятностію успѣха и вскорѣ были разсѣяны.

Смерть Доменико Ромео была истинно трагическая. Опасно больной, въ сопровожденіи своего племянника Піетро, онъ скрылся отъ преслѣдованія въ хижинѣ. Будучи открыты въ своемъ убѣжищѣ, оба они сопротивлялись съ отчаяннымъ мужествомъ, противу 80 человѣкъ городской стражи, присланныхъ схватить ихъ. Несчастный Доменико палъ, пораженный смертельнымъ ударомъ въ грудь. Но племянникъ его Піетро вскорѣ отомстилъ за него и убійца Доменико былъ убитъ выстрѣломъ изъ мушкета. Стражи, не имѣя возможности представить Ромео живымъ въ судъ, отрѣзали ему голову въ то время, когда еще дыханіе не прекращалось, воткнули ее на колъ и заставили Піетро нести этотъ погребальный трофей по улицамъ Реджіо. Сорокъ плѣнниковъ, скованныхъ по два, было доставлено въ Неаполь, вмѣстѣ съ различными преступниками.

Возстаніе въ Мессинѣ было также неудачно. Горсть храбрецовъ, не имѣя возможности захватить генерала Ланди и часть офицеровъ, была разбита послѣ жестокой борьбы и даже небольшаго успѣха въ началѣ. Эта попытка, худо вспо-

моществуемая, еще не вполнѣ приготовленнымъ народомъ, была подавлена: нѣсколько предводителей было разстрѣляно, десять человѣкъ изгнано. Всѣ эти преслѣдованія не только не уменьшили патріотизма жителей королевства обѣихъ Сицилій, но еще болѣе возбудили ихъ храбрость и ненависть.

III.

Въ первыхъ числахъ января 1848 года, жители Палермо съ удивленіемъ прочли смѣлое воззваніе, прибитое къ стѣнамъ: „Если правительство до 12-го января не дастъ Сициліи тѣхъ учрежденій, на которыя послѣдняя имѣетъ все право, то ихъ добьются силою оружія„. Правительство сочло это воззваніе, за бредъ дерзкихъ умовъ, и удовольствовалось нѣсколькими арестами. Но дѣйствительно 12-го января, въ назначенный день, люди храбрые и большею частію молодые, съ рѣшимостію въ сердцѣ, бросились въ улицы, на площади, и подали знакъ къ возстанію. Слабые отряды высланные разсѣять ихъ, сами обезоружены и оттѣснены. Итальянское національное знамя поднято. Граждане стучатся въ двери домовъ, хватаютъ скорѣе оружіе, которымъ спѣшатъ ихъ снабдить. Возстаніе приняло столь грозные размѣры, что войска принуждены стянуться на самые важные пункты: къ королевскому дворцу, занимаемому королевскимъ намѣстникомъ, форту Кастелламаре, казармамъ на молѣ, тюрьмѣ построенной между молой и городомъ, казначейству на морской площади, въ Толедскую улицу и къ ближайшимъ къ королевскому дворцу казармамъ.

Бьютъ въ набатъ и звуки его раздаются вдали. Прибѣгаютъ жители горъ. Вечеромъ всѣ дома иллюминованы, возстаніе остается господствующимъ во внутренности города.

Королевскій намѣстникъ, герцогъ Майо и командующій войсками генералъ Віаль, послали въ Неаполь пакетботъ съ

просьбою о подкрѣпленіяхъ. Съ 13 по 15 въ продолженіи 48 часовъ слышится ружейная перестрѣлка и громъ артиллеріи. Бой продолжается съ остервѣненіемъ, ядра и бомбы дождемъ сыплются на древній городъ и картечь опустошительно дѣйствуетъ по Толедской улицѣ. Жестокость усмирителей возстанія воодушевляетъ, раздражаетъ до крайности всѣ умы. Въ Палермо только и есть одно стремленіе, стремленіе освободиться. Дворяне, мѣщане, священники, монахи, работники, рыбаки, поселяне смыкаютъ свои ряды, соединяютъ свои силы, проливаютъ кровь при крикахъ, столь популярныхъ въ странѣ: „Да здравствуетъ независимость Сициліи! Да здравствуетъ конституція 1812 г.! Да здравствуютъ наши братья въ войскѣ! Да здравствуетъ Италія!“

Иностранные консулы, имѣя во главѣ депутаціи, французскаго консула, Брессона, подъ выстрѣлами направленными на нихъ солдатами опьянѣвшими отъ неистовствъ побоища, отправились къ королевскому намѣстнику и протестовали противъ дикой бомбардировки города въ 200,000 народонаселенія, но они могли добиться только 24 часоваго перемирія. Отрядъ войскъ,—состоявшій изъ 6000 человѣкъ и 6 батарей артиллеріи подъ командой генерала Соже, и 9 паровыхъ фрегатовъ подъ командой брата короля, графа д'Аквила,—отправившійся изъ Неаполя 14, прибылъ на подкрѣпленіе королевскихъ войскъ 15 января, въ 4 часа пополудни. Вновь прибывшее войско не могло внушить страха возставшимъ жителямъ Палермо: они отвергли всякое соглашеніе не имѣвшее въ результатѣ требуемыхъ ими конституціонныхъ законовъ; съ цѣлію руководить возстаніемъ, было организовано временное правленіе, составленное изъ различныхъ комитетовъ, въ которыхъ предсѣдательствовали князь Пантелларіа, маркизъ Рудини, городской преторъ маркизъ Спедаллото и отставной адмиралъ Руджіеро-Сеттимо.

При видѣ народонаселенія, желающаго лучше погребсти себя подъ развалинами стѣнъ, чѣмъ уступить, при видѣ солдатъ, колеблющихся передъ устрашающимъ зрѣлищемъ, въ присутствіи иностранныхъ консуловъ, во имя человѣчества протестующихъ противъ разрушенія всего города, — графъ Аквила приходитъ въ волненіе, сомнѣвается въ своей силѣ, въ своемъ правѣ, въ своемъ могуществѣ, и пробывъ 24 часа, возвращается къ королю въ Неаполь, чтобы представить ему картину положенія дѣлъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ.

IV.

Фердинандъ созываетъ министровъ. Тревога, распространяющаяся повсюду вслѣдствіе Палермскихъ событій достигаетъ даже залы совѣта. Приходятъ депеши о томъ, что нѣкоторыя общины въ Абруццахъ отказались отъ составленія контингентовъ конскрипціи и что серьезное возстаніе произошло въ Валло, салернской области. Страхъ передъ опасностью смѣняетъ безусловную вѣру въ мѣры строгости. 18 января собирается государственный совѣтъ, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ принцы, совѣщаніе продолжается съ 9 часовъ утра до 7 вечера. Наконецъ король изъявляетъ свое согласіе на реформы, соотвѣтственныя даннымъ въ Римѣ, Флоренціи и Туринѣ. Въ дополненіи къ оффиціальной газетѣ появляются четыре указа: объ учрежденіи государственной консульты, о провинціяльныхъ собраніяхъ и объ отдѣленіи королевства Сицилійскаго отъ Неаполитанскаго; въ послѣднемъ же декретѣ, отъ 19 января, графъ д'Аквила назначается королевскимъ намѣстникомъ въ Сициліи, ему въ помощники назначаются особый министръ и директоры, кромѣ того въ декретѣ находятся обѣщанія относительно амнистіи и улучшенія цензуры.

V.

Всѣ эти уступки, будь онѣ сдѣланы по доброй волѣ нѣсколько дней ранѣе, а не вызваны силой, были бы приняты сицилійцами съ энтузіазмомъ, но вѣсть объ нихъ дошла до Сициліи уже на девятый день борьбы, когда кровь не переставала еще литься, бомбы и ядра — падать въ городъ. Войска окруженныя, измученныя испытывали страшныя бѣдствія. Народъ, обращавшійся съ плѣнными солдатами по братски, обвинялъ въ жестокости королевскую армію, перерѣзавшую монаховъ Бенедиктинскаго монастыря, находящагося возлѣ дворца. Королевскіе декреты были отвергнуты.

„Эти распоряженія, говоритъ маркизъ Спедаллото отъ имени главнаго комитета, не могутъ относиться къ народу, девять дней уже подвергавшемуся бомбардировкѣ, картечи и пожарамъ, поддерживавшему со славою свои права и народныя учрежденія, которыя только одни и могутъ обезопасить прочное благоденствіе острова.... Оружіе до тѣхъ поръ не будетъ положено, непріязненныя дѣйствія — остановлены, пока Сицилія не созоветъ парламента, для возстановленія конституціи, бывшей въ теченіи многихъ вѣковъ достояніемъ страны, измѣненной и преобразованной въ 1812 году подъ вліяніемъ Великобританіи и утвержденной королевскимъ декретомъ отъ 11 декабря 1816 года.“

Въ то же время были напечатаны и слова, сказанныя въ 1810 г. королемъ Фердинандомъ I сицилійскому парламенту. „Дѣло, которое я защищаю и ради котораго я обращаюсь къ вамъ за необходимымъ содѣйствіемъ и помощью, интересуетъ мое семейство, нашу святую религію, привилегіи различныхъ классовъ и вообще всѣ политическія учрежденія королевства, къ которымъ вы такъ искренно привязаны. Эти огромныя преимущества, эти права имѣли и другіе народы, но они почти всѣ вполнѣ потеряли ихъ, вслѣдствіе недо-

статка мужества и энергіи, такъ, что можно сказать, въ настоящее время только два острова, славнѣйшіе въ мірѣ, Сицилія и Великобританія пользуются этими правами и преимуществами. Жертвуйте всѣмъ на защиту вашихъ правъ, драгоцѣннаго наслѣдства, завѣщаннаго королями, нашими предшественниками и которыя вы обязаны сохранить вполнѣ вашимъ потомкамъ, не смотря на всѣ жертвы и личныя опасности."

Это воззваніе воодушевило мужество народа. 22 онъ взялъ приступомъ монастырь Новиціато. 26, послѣ яростной борьбы онъ овладѣлъ банкомъ и королевскимъ дворцомъ и каждый день все болѣе и болѣе стѣснялъ войска въ фортахъ. Герцогъ Майо убѣжалъ въ лагерь генерала Соже, Катана и другіе города возстали и взяли въ плѣнъ гарнизоны. Мессина приготовляла возстаніе противъ войскъ, засѣвшихъ въ фортахъ и цитадели. Войска ослабленныя, деморализованныя, думали только объ отступленіи и видѣли дорогу къ амбаркаціи отрѣзанною.

VI.

Эти извѣстія, столь пагубныя для абсолютнаго правленія короля, приходившія одно за другимъ въ Неаполь, приводили въ ужасъ короля и его министровъ. Не смотря на мѣры, принимаемыя для воспрепятствованія ихъ распространенію, онѣ быстро разглашались по городу. Вскорѣ узнали, что движеніе распространялось въ Калабріи; что лагерь инсургентовъ въ Салернской провинціи состоялъ изъ 10,000 человѣкъ и что рѣшено было двинуться на Неаполь. Умы со дня на день приходили въ большее волненіе. Самые вліятельные граждане и люди преданные монархіи, начали толковать между собою объ угрожающихъ опасностяхъ. Начали появляться прошенія; но было ясно видно, что взрывъ общественнаго мнѣнія опередитъ всякіе переговоры.

Дѣйствительно, 27 января ничто не могло остановить всеобщаго порыва. Огромная толпа собралась въ Толедской улицѣ, она росла мало по малу и наконецъ обратилась въ сплошную массу народа, дамы махали платками національнаго цвѣта и вдругъ раздались крики: „Да здравствуетъ Пій IX! Да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ свобода!“ Гулъ доносился до самого дворца, какъ заявленіе народныхъ желаній. По данному сигналу вышли войска, окружили замокъ и приблизились къ Толедской улицѣ. Генералъ Стателла старался проникнуть въ толпу, его встрѣтили криками: „Конституція, конституція!“ Кавалерія пустилась въ атаку. Нѣсколько всадниковъ поскользнулось на плитахъ; народъ ихъ поднялъ. Всеобщій энтузіазмъ удивилъ даже армію. Всякій понималъ ясно, что вопросительное положеніе разрѣшится не ужасами гражданской войны, а всеобщимъ соглашеніемъ. Этого слова ждутъ отъ короля, наконецъ его слышатъ и толпа мало по малу разсѣевается.

Король колеблется, но наконецъ рѣшается. Послѣ серьезной ссоры съ министрами, онъ ихъ увольняетъ, даетъ немедленно отпускъ самому непопулярному — дель-Карретто и по его отбытіи, удаляетъ своего духовника, Кокля, образуетъ новое министерство герцога Серра Капріола, бывшаго неаполитанскимъ посланникомъ въ Парижѣ. Черезъ день онъ ввѣряетъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ Боццели, одному изъ предводителей либеральной партіи. Обѣщаніе даровать конституцію, составленную на основаніи французской хартіи, подписано 28 и опубликовано утромъ 29. Король разъѣзжалъ по улицамъ, сопровождаемый овиціями народа, позабывшаго прошедшій гнетъ и предававшагося съ южнымъ жаромъ радости возстановленной свободы и тихаго ожиданія лучшей будущности. Конституція приготовленная, сформулированная, подписанная королемъ и контрасигнированная министрами 10 фе-

враля, была опубликована. Говорятъ, что находясь въ критическихъ обстоятельствахъ, Фердинандъ, не понимая сущности явленій и приписывая самолюбію Пія IX и Карла Альберта ихъ стремленія къ реформамъ, вытекавшимъ изъ воли народа, а не изъ ихъ доброжелательства, воскликнулъ въ припадкѣ зависти къ взявшимъ на себя инициативу движенія, котораго онъ считалъ себя жертвой. „Они меня толкаютъ, ну такъ и я ихъ толкну!“ Говорятъ также, что это и было причиной сдѣланныхъ имъ еще большихъ уступокъ. Что бы то было, не показываютъ ли ясно всѣ эти факты, что̀ заставило его дать хартію, необходимость — или досада.

VII.

Торжество либеральныхъ началъ и объявленіе конституціи должны были имѣть непосредственнымъ слѣдствіемъ прекращеніе борьбы во всѣхъ провинціяхъ Неаполя и Сициліи, отозваніе войскъ изъ Палермо и начатіе переговоровъ, вмѣсто вооруженной борьбы. Сверхъ того жалкое состояніе экспедиціоннаго корпуса, невозможность послать ему подкрѣпленія и припасы необходимо требовало скораго отступленія. Небольшая паровая эскадра отплыла изъ Неаполя, 29 января, чтобы привести назадъ королевскія войска. Сицилійцы, въ рукахъ которыхъ находилась батарея, командовавшая надъ рейдомъ, не хотѣли прекратить сраженія. Для амбаркаціи было необходимо, или освободить рейдъ, овладѣвъ господствовавшей надъ нимъ батареей, или выбрать другое болѣе отдаленное отъ Палермо мѣсто. Генералъ Соже, нисколько не надѣясь на энергію солдатъ, назначилъ мѣстомъ отправленія Соленте. Соленте находится въ 12 или 15 миляхъ отъ Палермо; войскамъ было необходимо два дня, чтобы совершить отступленіе по неудобнымъ и извилистымъ дорогамъ. Тревожимые на походѣ съ фланговъ и тыла, отступленіе было для нихъ истиннымъ бѣдствіемъ. Сици-

лійцы завладѣли артиллеріей, обозомъ и 1800 плѣнныхъ. Преслѣдованіе было столь энергическое, что ядра поражали неаполитанскихъ солдатъ даже въ то время, когда они садились на суда.

1 февраля прибыли въ Неаполь остатки арміи, самъ король присутствовалъ при высадкѣ войскъ на берегъ и не могъ удержаться отъ слезъ. Онъ поспѣшилъ отправить фрегатъ въ Палермо съ приказаніемъ командовавшему однимъ, еще державшимся фортомъ, бросить оборону и вывести войска. 5 февраля фортъ сдался на капитуляцію.

Къ концу мѣсяца только форты Сиракузъ и Мессинская цитадель оставались въ рукахъ королевскихъ войскъ, мессинская цитадель была уже осаждена мужественнымъ народонаселеніемъ, которое выдерживало съ геройскою стойкостью всѣ бѣдствія бомбардировки.

Главный комитетъ подъ предсѣдательствомъ адмирала Руджіеро Сеттимо собрался 24 января для обсужденія конституціи и декрета объ амнистіи. Совѣщаніе происходило въ сенатѣ, при воинственныхъ крикахъ народа, собравшагося вокругъ зданія. Комитетъ противился возстановленію неизмѣненной конституціи 1812 года. Церковное, торжественное служеніе собрало гражданъ всѣхъ состояній въ обширный и великолѣпный каѳедральный соборъ.

VIII.

Единодушное возстаніе Сициліи и конституція, данная Неаполитанскимъ королемъ, дали дѣламъ Италіи совершенно другой оборотъ. Фердинандъ II, неумолимый деспотизмъ котораго постоянно отталкивалъ всякую прогрессивную мысль, былъ принужденъ для спасенія своего трона уступить требованіямъ свободы. Оффиціальныя газеты каждый день представляли публикѣ протесты его противъ новыхъ, ему враждебныхъ

стремленій. И такъ, государь, согласившійся послѣднимъ на уступки, былъ первымъ, который, пойдя впередъ провинціяльныхъ улучшеній и административныхъ реформъ, обнародовалъ хартію, въ которой права гражданъ были признаны и утверждены. Это былъ блестящій примѣръ; слухъ о реформахъ въ Неаполѣ долженъ былъ раздаваться, подобно эху горъ, между народами Италіи. Свобода, переносимая отъ народа къ народу представляла сильное противодѣйствіе, росла и распространялась. Королевство Обѣихъ Сицилій, получивъ толчекъ, еще болѣе энергически толкнуло впередъ дѣло освобожденія Италіи.

IX.

Піемонтскій король робко вступалъ на путь реформъ, представлявшій открытую дорогу его честолюбію. 7 января онъ не принялъ адреса, подписаннаго 3 января въ Генуѣ посреди народныхъ демонстрацій; адресъ этотъ заключалъ въ себѣ требованія изгнанія іезуитовъ и учрежденія городской стражи изъ гражданъ. Нѣсколько дней спустя, онъ отказался принять депутацію Туринскаго торговаго сословія, которая желала заявить ему готовность всякаго, стать подъ знамя Савойскаго креста, если нація будетъ только призвана защищать святое дѣло освобожденія Италіи. Новости, приходившія изъ Сициліи, заставили сильно умѣрить эту политику боязни, сомнѣнія, колебаній.

Кажется было назначено судьбой экъ-министру дель-Каретто, главному двигателю деспотизма, своимъ бѣгствомъ возбуждать повсюду волненія, предвѣстники свободы. Онъ отправился на неаполитанскомъ пароходѣ Нептунѣ, но народная ненависть не дала ему высадиться ни въ Ливорно, ни въ Генуѣ; онъ, кажется, для того, и показывался, чтобы представить Италіи ясное доказательство побѣды народа надъ абсолютизмомъ. Въ день, когда корабль отвезъ его уже на далекое разстояніе

отъ Генуи, народъ торжествовалъ, раздавался Te Deum, горѣли иллюминаціи, пѣлись гимны, гремѣли крики: „да здраствуетъ неаполитанскій консулъ! да здраствуетъ конституція!“, готовились публикація неаполитанской хартіи и адресъ, который муниципалитетъ долженъ былъ поднести Карлу-Альберту, съ просьбою слѣдовать примѣру неаполитанскаго короля.

Въ Туринѣ 2 февраля газетныя прибавленія, прибитыя къ дверямъ общественныхъ учрежденій, сообщали публикѣ о конституціи, октроированной королемъ Фердинандомъ. 80,000 народу, разсѣянныхъ по городу, свидѣтельствовали о народномъ восторгѣ. Эта громадная демонстрація продолжалась до ночи. Къ крикамъ Viva Pio nono! присоединялись другіе: Viva Carlo Alberto! Viva il resorgimento dell'Italia! Всеобщая радость, проявлявшаяся всюду при объявленіи о конституціи Неаполя, указывала ясно на то, чего желалъ и ждалъ отъ короля народъ. 5 февраля муниципалитетъ, по предложенію комитета Санта-Роза, взялъ на себя долгъ заявить желанія народа и отправился къ королю, чтобы просить его: „увѣнчать славное дѣло политическаго возрожденія націи согласіемъ на учрежденіе представительнаго правительства и на учрежденіе городской стражи изъ гражданъ.“ 7 февраля Карлъ-Альбертъ принялъ муниципалитетъ Турина и Генуи, созвалъ чрезвычайный совѣтъ, въ который онъ призвалъ своихъ сыновей, министровъ и имѣющихъ портфель государственныхъ министровъ, и 8 онъ подписалъ и обнародовалъ конституцію по образцу французской хартіи.

Народонаселеніе слѣдило за преніями муниципалитетовъ и совѣта министровъ. Всѣ дѣла были остановлены. Толпа не переставала стремиться къ дворцу, гдѣ рѣшались судьбы націи. Много часовъ протекло въ томительномъ ожиданіи. Когда сдѣлалось извѣстнымъ удовлетвореніе всеобщимъ желаніямъ, произошелъ взрывъ радости и счастія. Піемонтъ послѣ

многихъ годовъ стѣсненія праздновалъ новую эру независимости и свободы.

X.

Карлъ-Альбертъ не пользовался доброй репутаціей въ Италіи, патріоты упрекали его за то, что онъ ихъ оставилъ, измѣнилъ имъ въ 1821 году, преслѣдовалъ и гналъ ихъ, что онъ сражался въ Испаніи въ 1823 г. за абсолютизмъ, посылалъ субсидіи донъ-Карлосу и дону Мигуэлю, благопріятствовалъ экспедиціи легитимистовъ герцогини Беррійской, еще недавно посылалъ помощь Зундербунду въ Швейцарію, наконецъ все время управлялъ государствомъ съ іезуитами и чрезъ іезуитовъ. Естественно рождался вопросъ, искренно ли онъ предался новымъ идеямъ, или только понялъ необходимость уступки тѣмъ требованіямъ, осуществленіе которыхъ могло быть достигнуто революціей? или онъ уже видѣлъ издали блескъ желѣзной короны, которую желали для него его приверженцы? Дѣйствовали ли эти три причины отдѣльно или вмѣстѣ на его помраченную душу среди совершавшихся кругомъ событій, посреди которыхъ онъ находился вопреки своей воли? Что бы то ни было, многіе итальянцы были ему искренно признательны и возлагали на него надежды на освобожденіе ихъ общаго отечества, между тѣмъ, какъ другіе, болѣе недовѣрчивые, принимали его уступки съ нѣкоторою осторожностію. Можно будетъ прослѣдить эти два оттѣнка мнѣній, какъ они явственно обозначались въ дальнѣйшемъ ходѣ событій, мы показали ихъ начало потому что ихъ слѣдствія были гибельны для Италіи.

XI.

Въ Ливорно, 6 января, прибитое къ стѣнамъ объявленіе партіи самыхъ нетерпѣливыхъ гражданъ провозглашало

возстаніе; присутствіе австрійцевъ въ Моденѣ, задержка въ вооруженіи городской стражи изъ гражданъ, занятіе Лунеціаны, были причиною и предлогомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ридольфи подавилъ бунтъ; большая часть гражданъ, боявшихся окомпрометировать свободу анархическими дѣйствіями, не имѣвшими серьезной цѣли, и которыя могли вызвать вмѣшательство Австріи, помогли правительству въ прекращеніи безпорядковъ. Ихъ виновники Гверацци, Мастакки и нѣсколько другихъ были перевезены въ Порто-Ферайо. Неаполитанская конституція дала новый толчекъ движенію. 29 января въ день прибытія дель-Каретто къ порту, произошло общее движеніе, которое уже не могъ сдержать министръ. Крики: „да здраствуетъ Леопольдъ! Да здраствуетъ конституція! Свобода Гверацци!“ были единодушны. Предводители либеральныхъ партій всѣхъ оттѣнковъ поняли, что представился случай, котораго нельзя упустить. Въ Пизѣ, Флоренціи, какъ и въ Ливорно демонстраціи менѣе шумныя, но тѣмъ болѣе угрожающія и рѣшительныя, свидѣтельствовали о всеобщей симпатіи къ королевству Обѣихъ Сицилій и о горячемъ желаніи получить хартію, которая бы окончательно утвердила и признала права народа. Великій герцогъ обнародовалъ 31 января проектъ реформы прессы и другой объ организаціи государственной консульты. Но полумѣры, удовлетворявшія на половину не могли быть достаточны. Карлъ Альбертъ далъ 8 февраля конституцію Піемонту. 11 Леопольдъ объявилъ объ учрежденіи народнаго, представительнаго правленія, которое онъ, по его выраженію, считалъ сообразнымъ съ мыслію своихъ предковъ, и 15 онъ подписалъ конституцію, въ которой признавалъ свободу, терпимость и равенство, — великіе принципы провозглашенные французской революціей. Конституція была обнародована 17, при громѣ пушекъ и посреди изъявленій народной радости.

XII.

Пій IX дополнилъ рядъ произведенныхъ имъ реформъ обнародованіемъ motu proprio отъ 30 декабря 1847 года, объ организаціи совѣта министровъ и ихъ правахъ, это motu proprio не воспрещало, но и не открывало вполнѣ мірянамъ вступленіе въ министерство; папа оставилъ себѣ право выбора. Аудиторы въ этомъ совѣтѣ, въ числѣ 24 человѣкъ, должны были только на половину быть избираемы изъ мірянъ. Государственная консульта должна была подавать свое мнѣніе о всѣхъ вопросахъ прежде обсужденія ихъ въ совѣтѣ министровъ. Это motu proprio, которое замѣняло произволъ и прихоть правильностью и нѣкотораго рода отвѣтственностью, было уже существеннымъ шагомъ впередъ. Видно было, что папское правительство дѣлалось не представительной, а, если можно только употребить такое выраженіе, совѣщательной монархіей. Пій IX не желалъ итти далѣе, по его мнѣнію было сдѣлано довольно для того, чтобы заслужить признательность народа и оправдать свою популярность. Протесты австрійскаго правительства, совѣты французскаго, неотступныя увѣщанія кардиналовъ удерживали его на вышепоименованныхъ реформахъ. Даже самая его совѣсть предписывала ему не лишать уваженія той власти, которой онъ былъ только охранителемъ. Такъ приписываютъ ему слова, сообразныя съ его чувствами: „Я не хочу осудить себя на вѣчную муку ради доставленія удовольствія либераламъ.“

Но народъ римскій, который добивался болѣе серьезныхъ конституціонныхъ учрежденій, принялъ холодно это послѣднее motu proprio и началъ пытаться побѣдить препятствія, корыхъ причины онъ, казалось, угадывалъ, манифестаціями 1 и 2 января 1848 года. Папа появился для усмиренія волненія и былъ встрѣченъ изъявленіями сочувствія, обращенны-

ми къ ему одному и выражавшимися ясно въ крикахъ Viva Pio solo!

XIII.

Революція въ Неаполѣ произвела живое и внезапное вліяніе на умы такъ настроенные, муниципалитетъ не колебался принять на себя инициативу празднества, „реформъ данныхъ сообразно желаніямъ и надеждамъ народовъ.“ Адресъ, представленный сенатомъ народу римскому, подписанный Томазео Корсини и восемью консерваторами, приписывалъ честь введенія реформъ Пію IX. „Римляне, вашему государю преимущественно принадлежитъ честь реформъ, счастливыя послѣдствія которыхъ произвели согласіе правителей и народовъ черезъ посредство системы гражданскаго прогреса и которыя осушили столько слезъ и сберегли столько крови.“

3 февраля, въ день назначенный для всеобщей иллюминаціи, по улицамъ были развѣшаны щиты съ надписями, и въ первый разъ послѣ 1831 года въ Римѣ были подняты знамена трехъ національныхъ итальянскихъ цвѣтовъ, розоваго, зеленаго и бѣлаго. Торжественная процессія лицъ всѣхъ состояній, городской стражи, дворянъ, мѣщанъ, простонародія, при свѣтѣ факеловъ съ національными кокардами и бантами на шляпѣ и въ петлицахъ, двигалась по Корсо. Въ воздухѣ раздавались обычные крики „Да здраствуетъ Пій IX, онъ одинъ, да здраствуютъ Палермцы! Да здраствуетъ конституція!....“

8-е число было днемъ волненія. Папа, отвѣчавшій на просьбы народа: «Non voglio! non posso!» рѣшился сдѣлать нѣсколько новыхъ незначительныхъ уступокъ и 10 обнародовалъ прокламацію, въ которой говорилъ: „Римляне, не думайте, чтобы первосвященникъ, получавшій отъ васъ въ продолженіи двухъ лѣтъ столько доказательствъ люб-

ви и вѣрности, оставался глухъ къ изъявленію вашихъ желаній, вашихъ опасеній. Нечего говорить о введеніи реформъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, которыя мы даровали, не будучи къ тому нисколько принуждены силой, но руководимые единственно желаніемъ доставить благодеятвіе народу, благородныя качества котораго мы уважаемъ, учрежденія эти могутъ развиваться и улучшаться, нисколько не нарушая того, что блюсти есть наша обязанность передъ церковью." Онъ припоминалъ потомъ свои уступки, отеческія намѣренія и обѣщалъ ввести извѣстное число мірянъ въ совѣтъ министровъ. Опасность войны съ иностранцами не могла смутить и испугать главу религіи, который считалъ подъ своею властію 3,000,000 подданныхъ и при этомъ спасеніе Рима обезпечивали еще 200,000,000 братьевъ, единовѣрцевъ. „Я желаю, прибавляетъ онъ, благословляя 11 числа съ высоты Квиринальскаго дворца народъ, пришедшій требовать конституціи, — чтобы ваши просьбы не противорѣчили святости государства и церкви!... Вотъ почему я не долженъ, я не могу признать криковъ, не принадлежащихъ моему народу, а только небольшому кружку людей."

XIV.

Въ секретной консисторіи всѣхъ кардиналовъ папа предложилъ вопросъ, о благовременности конституціи, который былъ весьма долго обсуждаемъ, и разсуждалъ объ основаніяхъ, на которыхъ она могла быть утверждена. Всеобщее нетерпѣніе ослабло подъ вліяніемъ слуха, что собрана коммиссія, занимающаяся обсужденіемъ конституціи. Но пылкость не уменьшилась въ сердцахъ римлянъ, рано или поздно она должна была выказаться. „Какъ! говорили, Пій IX не дастъ народу того, что далъ ему Бурбонъ!" Работы коммиссіи затянулись, папа, начавшій первый движеніе, былъ послѣдній, послѣдо-

вавшій примѣру Неаполя, Піемонта, Тосканы. Отсюда два вредныя слѣдствія: ослабленіе власти и популярности Пія IX и привычка къ смутамъ. Глава церкви пересталъ быть священнымъ свѣтильникомъ, освѣщавшимъ Италіи путь къ возстановленію ея правъ, ея свободы, ея независимости. Другой государь былъ готовъ отнять у него его преобладаніе и его чарующее вліяніе попыткой стать въ главѣ огромной итальянской партіи, шедшей на борьбу съ иностранцами. Народы и короли шли вокругъ него, слѣдуя развернутому имъ знамени, между тѣмъ какъ онъ казалось желалъ остаться назади. Чтобы заставить его снова рѣшиться дѣйствовать, нуженъ былъ потокъ идей, фактовъ, событій, который колебалъ Европу и пошатнулъ многіе троны послѣ французской революціи 24 февраля.

XV.

Мы должны были представить краткій, но по возможности точный очеркъ положенія Италіи въ этотъ торжественный моментъ жизни ея народовъ. Безъ вѣрной картины нельзя бы было понять, истолковать дальнѣйшій ходъ исторіи. Наша обязанность доказать, что итальянскія революціи предшествовали французской. Мы увидимъ теперь вліянія на будущія судьбы Италіи. Было бы безполезно дѣлать предположенія о томъ, что бы случилось безъ новаго порыва произведеннаго февральской, французской революціей, еслибы какъ въ 1820, 1821 г. успѣхъ не былъ мгновенно прекращенъ оружіемъ австрійцевъ, занимавшихъ Модену и Парму, тѣснившихъ Болонью, Флоренцію и Феррару, господствовавшихъ въ Миланѣ и Венеціи; недоброжелательствомъ французскаго правительства, вошедшаго тогда въ соглашеніе съ этой державой для подавленія движенія; наконецъ соучастіемъ владѣтеля, уступавшаго не ихъ волѣ, а силѣ обстоятельствъ.

Мы ограничимся изложеніемъ фактовъ.

Вотъ результатъ: два чувства преобладали надъ прочими въ сердцахъ итальянцевъ: чувство свободы извнѣ и независимости внутри; окончательное признаніе правъ народа и изгнаніе австрійцевъ. Всѣ патріоты одинаково желали этихъ слѣдствій и желали ихъ добиться однимъ только средствомъ: побѣдить или умереть. Оттѣнки, которые придаютъ характеръ самому общественному положенію, хотя и находятся въ зародышѣ въ умѣ каждаго, сообразно его стремленіямъ, занятіямъ, теоріямъ. состоянію, положенію,—оттѣнки эти еще не вырисовались явственно. Одновременно требовали у папы знамени и предводителя, и думали о Карлѣ-Альбертѣ. Самъ Маццини, одинъ изъ наиболѣе ярыхъ радикаловъ, обращался то къ одному, то къ другому. Мечтали объ единой, нераздѣльной Италіи, объ Италіи федерализованной, о республикѣ, о лигѣ конституціонныхъ государей! Личности, событія смѣшаны въ одной общей идеѣ. Иностранные дипломаты воображали, что у итальянцевъ различныя раздѣленія мнѣній и что хотя теперь еще и нѣтъ, но вскорѣ должны явиться: умѣренные либералы, радикалы, консерваторы. Были только двѣ большія партіи: одна — поклонница абсолютизма и Австріи, прикованная къ прошедшему, и другая партія патріотовъ, мечтавшихъ о лучшемъ будущемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Первыя послѣдствія вліянія февральской, французской революціи на дѣла Италіи. — Папская область: перемѣна министерства. — Обнародованіе конституціи 15 марта. — Королевство Обѣихъ Сицилій: смущеніе короля — Новыя уступки Сициліи, сообщенныя Сицилійцамъ лордомъ Минто. — Отказъ ихъ принять. — Сардинія: Савойя. — Революція въ Монакскомъ княжествѣ. — Карлъ Альбертъ приходитъ въ удивленіе при извѣстіи о паденіи монархіи въ Парижѣ. — Его нерѣшимость. — Перемѣна кабинета. — Ломбардія и Венеціянская область: Манифестаціи въ Миланѣ и Венеціи.— Венеція: возстаніе народа. — Освобожденіе Манина и Томмазео. — Борьба 17 и 18 марта. — Учрежденіе національной гвардіи. — Манинъ овладѣваетъ арсеналомъ и провозглашаетъ республику. — Совѣщаніе членовъ муниципалитета и австрійскихъ властей. — Авезани. — Капитуляція австрійцевъ. — Венеція—свободна. — Миланъ: 18-е марта. — Завладѣніе губернаторскимъ дворцомъ. — Грозныя приказанія. — Радецкій удаляется въ цитадель, командующую надъ воротами и бульварами. — Начало сраженія; баррикады. — 19-е марта. — 20 марта. — Организація Миланцами военнаго совѣта и распорядительнаго комитета. — Усиленіе возстанія. — Великодушіе народа. — Радецкій предлагаетъ перемиріе: отказъ.— Муниципалитетъ раздѣляется на комитеты. — 21 марта. — Возванія Миланцевъ къ сосѣднимъ населеніямъ, распространяемыя съ помощью воздушныхъ шаровъ. — Прокламація военнаго совѣта. — Новое предложеніе перемирія; новый отказъ. — Муниципалитетъ преобразовывается въ временное правительство. — Взятіе 22-го марта Миланцами двухъ городскихъ воротъ. — Маневры Радецкаго для прикрытія отступленія. — Жестокость солдатъ кроатовъ. — Прибытіе колоны волонтеровъ. — Всеобщее возстаніе Ломбардскихъ городовъ. — Революція въ Пармѣ, Пьяченцѣ, Моденѣ.

I.

Французская революція 24 февраля 1848 года произвела вліяніе на Римъ, обнаружившееся паденіемъ министерства кар-

динала Бофонди, обнародовавшаго циркуляръ, имѣвшій цѣлью покровительство іезуитамъ, положеніе которыхъ во многихъ провинціяхъ дѣлалось критическимъ.

Новый совѣтъ былъ составленъ 10 марта изъ трехъ духовныхъ лицъ и пяти свѣтскихъ, подъ предсѣдательствомъ кардинала Антонелли: Гаэтано Реки, Франческо Стурбинетти, монсиньоръ Морикини, Маріо Мингетти, князь Альдобрандини, кардиналъ Меццофанти, графъ Пазолини и Джузеппе Галетти, министръ полиціи.

Вновь составленный кабинетъ объявилъ въ своей программѣ о скоромъ обнародованіи конституціи и о мѣрахъ относительно организаціи военныхъ силъ: „....Надлежитъ также поспѣшить вооруженіемъ государства, сообразно желаніямъ консульты, и поставить страну въ наивыгоднѣйшее положеніе относительно оборонительныхъ средствъ, что можетъ быть достигнуто увеличеніемъ числа войскъ, находящихся на жалованьи, посылкою этихъ войскъ въ мѣста, важныя въ стратегическомъ отношеніи, мобилизаціей части городской стражи и образованіемъ резервовъ.“ Это былъ отвѣтъ на самыя горячія желанія націи.

Конституція была обнародована 15 марта на слѣдующихъ основаніяхъ: для управленія государствомъ образуется коллегія кардиналовъ, избирателей папы и нераздѣльный съ коллегіей сенатъ, состоящій изъ двухъ законодательныхъ палатъ, составленныхъ: одна изъ пожизненныхъ членовъ, назначенныхъ папой; другая — изъ депутатовъ, выбранныхъ народомъ, по одному представителю на 30,000 гражданъ; право избранія принадлежитъ всякому гражданину, имѣющему 25 лѣтъ отъ роду и не менѣе 300 скуди капитала, или платящему подать ежегодно по 12 скуди; право быть выбраннымъ предоставляется всякому гражданину, имѣющему капиталъ въ 3,000 скуди или платящему 100 скуди, ежегодной подати; независимость судебной власти, уничтоженіе спеціальныхъ судовъ; учрежденіе національной твар-

дін, обезпеченіе личной свободы, уничтоженіе цензуры, право вносить на разсмотрѣніе проэкты законовъ принадлежитъ депутатамъ и министрамъ; разсмотрѣніе всякаго предложенія, внесеннаго въ палату за подписью десяти членовъ, признается право петицій. Финансовый кризисъ угрожалъ банку, обязанному спасеніемъ приглашенію десяти наиболѣе богатыхъ владѣльцевъ въ государствѣ, приглашенію личному и основанному на круговой порукѣ, предъявлять для оборота ежедневно въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ по 5,000 піастровъ и оставлять тамъ эту сумму въ случаѣ крайней необходимости; другое средство поддержать банковыя операціи заключались въ обязательствѣ, принятомъ на себя главнѣйшими банкирами и купцами — принимать билеты банка для размѣна.

II.

Въ Неаполѣ палата депутатовъ была созвана 1 марта; 2-го — министерство, подъ предсѣдательствомъ герцога Серра-Капріола, подало въ отставку, вслѣдствіе отказа сицилійцевъ принять условія соглашенія, которыя имъ были предложены. Вслѣдствіе извѣстій изъ Парижа, прошеніе объ отставкѣ было возвращено назадъ; неаполитанскій король былъ приведенъ въ ужасъ паденіемъ бурбоновъ во Франціи и объявленіемъ республики. Казалось, онъ потерялъ всякую энергію и уступалъ всѣмъ требованіямъ.

6 марта обратились съ неотступной просьбой къ лорду Минто, отвезти въ Сицилію согласіе на еще большія уступки: Руджіеро Сеттимо, предсѣдатель временнаго правительства утверждался въ званіи вице-короля; обнародовано созваніе, сицилійскаго парламента къ 25 марта, законъ о выборахъ подтвержденъ. Скордіа, Монте-Арзо и Кальви, президенты различныхъ сицилійскихъ комитетовъ, назначены мини-

*

страми; во взаимныхъ сношеніяхъ и общихъ вопросахъ оба парламента, сицилійскій и неаполитанскій, обязаны вступить въ совѣщаніе, одинъ съ другимъ, затрудненія при этомъ разрѣшаются Карломъ-Альбертомъ и великимъ герцогомъ Тосканскимъ, а въ случаѣ необходимости Піемъ IX, какъ высшимъ и безъапеляціоннымъ посредникомъ. Это было полнымъ признаніемъ революціи.

III.

Сицилійцы, воодушевленные успѣхами оружія, ожесточенные продолжавшейся еще бомбардировкой Мессины, и получая извѣстія объ успѣхахъ революціи во Франціи, заявили новыя требованія. Они нисколько не были удивлены тѣмъ что король составилъ только два министерства, общія для обѣихъ королевствъ: военное и иностранныхъ дѣлъ; по ихъ мнѣнію, это была опять попытка соединить два управленія и двѣ арміи. Они требовали финансовыхъ отчетовъ за 18 лѣтъ, вознагражденіе за убытки, нанесенныя бомбардировкой, части флота. Могли ли они довѣрять слову государя, столь долго бывшаго ихъ притѣснителемъ? Парламентъ, созванный къ 25 марта долженъ былъ произнести рѣшеніе. Лордъ Минто потерпѣлъ неудачу въ началѣ своихъ переговоровъ; непріязненныя дѣйствія продолжались въ Мессинѣ. Король неаполитанскій протестовалъ противъ дѣйствій временнаго правительства; Сицилія начала говорить объ отреченіи отъ престола Фердинанда II въ пользу его сына.

Мечты сицилійцевъ состояли въ совершенномъ отдѣленіи не отъ итальянской федераціи, но отъ королевства неаполитанскаго. Отсюда сицилійскій вопросъ получалъ значеніе европейскаго: Сицилія, завоевавъ себѣ независимость, не могла ли подпасть подъ вліяніе Англіи?

IV.

12-го марта неаполитанскій король согласился на изгнаніе іезуитовъ, которые на пароходѣ „Везувій“ и отправились на Мальту.

V.

Во всѣхъ городахъ Италіи, какъ и въ большей части европейскихъ — въ 1848 г. произошло всеобщее возстаніе противъ членовъ Общества Іисуса, вмѣшательство которыхъ въ предѣлы государственной власти не переставало быть дѣятельнымъ. Въ глазахъ народа, іезуиты—тамъ, гдѣ деспотизмъ, удаленіе ихъ совпадаетъ съ водвореніемъ свободы. Помощники абсолютныхъ государей, они въ тоже время самые ярые противники всякаго прогресса, цѣль ихъ—поддерживать невѣжество и препятствовать развитію просвѣщенія. Преданные всей душой прошедшему, они противодѣйствуютъ будущему, они-бы задержали самое теченіе времени, если-бы только это было возможно. У нихъ только одинъ законъ — власть, одна вѣра — власть! у нихъ вся нравственность въ служеніи власти! Они подчиняютъ своему главѣ свою жизнь и совѣсть, они приносятъ въ жертву своему ордену всю свою индивидуальность. Они не французы, не испанцы, не итальянцы, не нѣмцы, у нихъ нѣтъ отечества — они іезуиты! Общество ихъ замѣняетъ своимъ членамъ семейство, состояніе, цѣль стремленій! Это комунизмъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, въ самомъ безусловномъ, это крайнее его выраженіе. Короли употребляютъ на свою службу этихъ комунистовъ и сами имъ служатъ; они орудія королей, но часто сами короли бываютъ ихъ орудіемъ. Исторія представляетъ много примѣровъ изгнанія іезуитовъ королями и королей іезуитами. Самая тайна, которой они себя окружаютъ, имъ покровительствуетъ, увеличиваетъ ихъ значеніе.

Таинственность ихъ дѣлъ, ужасъ внушаемый ими — оружіе, которое они употребляютъ съ пользой. Они гнутся какъ тростникъ во время бури, потомъ выпрямляются и твердо стоятъ какъ дубъ; обрубите корни — пускаются новые; вѣтви разрознены, раскинуты — они ихъ сбираютъ, соединяютъ. Если-бъ ихъ на всей землѣ осталось трое, они найдутъ случай сойтись и умножить свое число. Это огромное могущество пугаетъ мысль! Это потому, что они выражаютъ идею: идею прошлаго, прошлаго съ его интересами, предразсудками, зломъ, давленіемъ, злодѣйствами! Что бы не дѣлали, — іезуиты будутъ всегда; побѣдить ихъ можетъ только сила болѣе громадная, еще болѣе колоссальная, эта сила — сила народовъ, представляющихъ другую противоположную идею: будущее, будущее съ его просвѣщеніемъ, съ его улучшеніями, съ его жертвами, съ его самопожертвованіемъ. Это вѣрованіе народовъ! это законъ человѣчества!

VI.

Только что дошла до Турина вѣсть о французской революціи, какъ народное движеніе 2 марта принудило іезуитовъ удалиться изъ города подъ прикрытіемъ войскъ и городской стражи. Изгнанные изъ Кальяри, они высадились въ Генуѣ и были принуждены сѣсть снова на корабль и отправиться вонъ, вмѣстѣ съ членами ихъ конгрегаціи, жившими въ Генуѣ. Изъ одного мѣста въ другое, какъ вода вытѣсняетъ огонь, такъ революція гнала и разбрасывала ихъ. Іезуиты спасаются, только отъ монастырей ихъ не остается ничего, — камня на камнѣ. Народъ вымещаетъ свой гнѣвъ на стѣнахъ.

VII.

Савойя еще не вполнѣ забыла, что она долгое время составляла часть Франціи. Болѣе другихъ народовъ она чув-

ствовала глубокую симпатію къ странѣ, языкъ которой былъ ея языкомъ, съ которой она имѣла постоянныя, взаимныя отношенія. Между ея населеніемъ были многочисленныя выраженія сочувствія событіямъ февральскихъ дней: примѣръ, поданный Парижемъ былъ столь заразителенъ, восторгъ въ Шамбери столь живъ, что понадобилось вмѣшательство войскъ въ ночь и день 14-го марта, чтобы подавить крики: „да здравствуетъ республика!“

VIII.

Монакское княжество, заключенное со всѣхъ сторонъ въ піемонтскомъ королевствѣ, воспользовалось обстоятельствами, порожденными революціей, для освобожденія отъ тяжкаго ига. — Эта прекрасная страна, одна изъ лучшихъ въ Европѣ, была долгое время эксплуатируема княземъ, спекулировавшимъ даже на хлѣбѣ своихъ подданныхъ и проживавшимъ во Франціи большую часть доходовъ, добытыхъ тяжкимъ трудомъ народа. Наслѣдникъ этого государя, его братъ, человѣкъ добрый, не умѣлъ заставить позабыть прошедшія бѣдствія. Народонаселеніе этой страны состоитъ изъ 6000 человѣкъ. Ментонъ, Рекебрюнъ и Монако — единственные города княжества. Справедливость и право должны соблюдаться какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ государствахъ. 4-го марта, князь представилъ конституцію; она была сперва принята, но потомъ отвергнута. Ментонъ и Рекебрюнъ объявили себя независимыми и изгнали князя Флорестана, который бѣжалъ въ Монако, небольшую крѣпость, послѣдній остатокъ его владѣнія.

IX.

Карлъ-Альбертъ былъ пораженъ паденіемъ монархіи во Франціи. Съ этихъ поръ онъ находился между ужасомъ, ко-

торый ему внушала революція, и самолюбіемъ, заставлявшимъ его не упускать благопріятнаго случая,—между революціей, угрожавшей его трону и возвеличеніемъ трона при помощи революціи. Положенія не всегда бываютъ одинаковы: можно сказать, что роль короля піемонтскаго въ Италіи была таже, какъ короля Прусскаго въ Германіи. Куда ни смотрѣлъ Карлъ-Альбертъ — вездѣ онъ видѣлъ или гибель, или королевство. У него кружилась голова, но онъ двигался впередъ,—ему нельзя было остановиться. Голосъ народовъ приказывалъ ему итти впередъ. Въ недоразумѣніи онъ задавалъ себѣ вопросъ: гдѣ искать союзниковъ? Вся Европа не соберетъ ли всѣ свои силы для коалиціи противъ Франціи, чтобы подавить въ ней начало революціи, которое въ глазахъ ея было ненавистной анархіей, пугавшей ее? Не должно ли войти въ соглашеніе съ Австріей, Германіей, Россіей? но тогда нетерпѣливый народъ не разобьетъ ли его корону, чтобы освятить республику? Стать-ли во главѣ народовъ для изгнанія Австрійцевъ при помощи Франціи? но побѣдоносные народы въ опьяненіи отъ ихъ тріумфа, завоевавъ независимость извнѣ, не захотятъ ли водворить у себя безъусловную свободу; итальянская республика не явится ли изъ успѣховъ, вызванныхъ участіемъ короля?

Съ другой стороны, его завоевательные проекты не будутъ ли легче? Что если во главѣ арміи онъ достигнетъ освобожденія Италіи отъ чужеземнаго гнета; не будетъ ли онъ, подъ обаяніемъ славы, которою онъ будетъ окруженъ въ признательности народовъ, имѣть довольно могущества, чтобы достигнуть желѣзной короны и обуздать всякую республиканскую мысль? Нерѣшительный, онъ выжидалъ событій; но какого бы рода не было принимаемое имъ участіе, онъ все-таки нуждался въ сильной организованной арміи, почему онъ и продолжалъ вооруженія. Его министерство было довольно не популярно, чтобы управлять ходомъ событій, онъ принялъ 9-го марта прошеніе объ отставкѣ. Новое министер-

ство было образовано 16-го, подъ предсѣдательствомъ графа Цезаря Бальбо; составъ его былъ слѣдующій: маркизъ Виченцо Рикки, маркизъ Лоренцо Парето, графъ Федерико Склопись, генералъ графъ Антоніо Франчини, кавалеръ Карлъ Бокомпаньи и двое изъ прежняго министерства, графъ Оттавіо Таонъ-де-Ревелъ и Дезамбруа.

События, которыхъ выжидалъ Карлъ-Альбертъ, чтобы рѣшиться и заявить себя, не замедлили явиться. Если конституціонныя манифестаціи явились въ Италіи до 24 февраля 1848, то манифестаціи противъ Австріи еще не могли начаться. Отраженіе французской революціи въ Вѣнѣ должно было быть знакомъ вооруженной борьбы Италіи съ иностранцами.

X.

Возстаніе Сициліи, сопровождавшееся побѣдой надъ королевскими войсками, и конституція, данная Фердинандомъ въ Неаполѣ, были приняты жителями городовъ Ломбардіи и Венеціи за предвѣстіе освобожденія; ихъ привѣтствовали всеобщей радостью. Въ Миланѣ была произведена демонстрація въ театрѣ де-ла-Скала; на другой же день въ каѳедральномъ соборѣ и на площади, собралось до 30000 человѣкъ для присутствія при богослуженіи въ честь павшихъ за свободу въ Палермо. — 5-го февраля въ Венеціи народъ въ праздничныхъ одеждахъ, дамы въ роскошныхъ туалетахъ съ трехцвѣтными лентами собрались въ театръ. Черито, танцовавшая la Siciliana, была осыпана букетами, подобранными подъ національные цвѣта. Украшенная національными эмблемами, Черито была предметомъ тройной овація, вызванной тѣми чувствованіями, которыхъ она была счастливою представительницею въ эту минуту, благодаря своему прокрасному таланту. Церковь и театръ превратились такимъ образомъ въ мѣста, гдѣ заявлялись мнѣнія, радости, общественныя бѣдствія людей, подав-

ленныхъ австрійскими властями и лишенныхъ всѣхъ средствъ выражать печатно свои чувства и желанія. Въ Бергамо, Павіѣ, Падуѣ, Тревизѣ кровавыя сцены произвели еще болѣе печальное и раздражительное вліяніе на положеніе дѣлъ, и безъ того весьма натянутое. Всѣ мѣстности были объявлены на военномъ положеніи.

Вездѣ видно оружіе, часовые готовые стрѣлять при первомъ удобномъ случаѣ, наведенныя пушки, пустыя улицы, запертыя лавки; всѣ дѣла—прерваны; бѣшенство и ненависть въ сердцахъ жителей, мстительность и жажда къ угнетенію въ австрійскихъ солдатахъ и офицерахъ! Такой несчастный и гибельный порядокъ вещей не могъ долго продолжаться при извѣстіяхъ объ обнародованіи конституціи въ Піемонтѣ и Тосканѣ, о торжествѣ народа на парижскихъ улицахъ, объ изгнаніи Луи-Филиппа, объ основаніи республики

Французская революція скоро сдѣлалась извѣстною и произвела глубокое впечатленіе, не смотря на всѣ усилія правительства скрыть факты или ослабить важность ихъ значенія. Угрожаемая Италія, порабощенныя Ломбардія и Венеція имѣли теперь опору, если-бы вздумали разорвать давившія ихъ оковы. Надо было только рѣшиться. Но у австрійцевъ было 70,000 солдатъ, пріученыхъ къ войнѣ, подъ командой рѣшительныхъ начальниковъ; у нихъ была артиллерія, форты, цитадели, военныя позиціи, весьма важные въ стратегическомъ отношеніи, арсеналы; въ войскахъ была развита дисциплина, строгій порядокъ, правильное управленіе; у нихъ были деньги и всякаго рода военные припасы. Напротивъ того: у народа не было пороха, ружей, пушекъ, оружія, ихъ единственное убѣжище были ненадежныя кровли, вся организація заключалась въ всеобщей ненависти къ общему врагу и въ одинаковой любви къ отечеству; они лишены были всѣхъ средствъ для нападенія или защиты.

Конечно въ Ломбардіи и Венеціи все это имѣло другой

видъ: тутъ было не возстаніе болѣе или менѣе значительной партіи противъ другой, болѣе или менѣе сильной; тутъ весь народъ былъ противъ иностранцевъ; тутъ шла борьба не за уничтоженіе злоупотребленій правительства, но за полученіе независимости отъ власти, чуждой народу. Всѣ мнѣнія сходились къ одному, дѣло и цѣль были всѣмъ одинаково священны.

Націи, воодушевленной такимъ образомъ, твердо рѣшившейся умереть или побѣдить нуженъ былъ случай, день, часъ, призывъ и она готова была встать всей массой противъ Австріи. Этотъ день, этотъ часъ должно было указать положеніе дѣлъ въ самой Австріи.

XI.

Глухое волненіе начало проявляться въ Венеціи 16 февраля. Въ Вѣнѣ, по примѣру Парижа, 13 произошло возстаніе, войска были изгнаны изъ города, князь Меттернихъ принужденъ былъ бѣжать, императоръ долженъ былъ перемѣнить министерство и приготовить конституціонныя учрежденія. Въ Венеціи сперва проявились странныя сомнѣнія, безнадежныя стремленія, сужденія безъ увѣренности въ успѣхѣ, потомъ — радости, заключавшія въ себѣ робкое наслажденіе, — наконецъ, явилось убѣжденіе! Волненіе росло въ городѣ вмѣстѣ съ тревогою властей. Венеціянцы чувствовали, какъ ихъ силы увеличивались, австрійцы, наоборотъ, чувствовали свое ослабленіе. Извѣстіе объ отступленіи войскъ изъ столицы имперіи окончательно поразило ихъ.

Свобода, провозглашенная въ Вѣнѣ, отнимала у нихъ безъусловную власть и лишала ихъ произвола. Но такъ какъ они считали себя въ завоеванной странѣ управляющими покоренной націей, то и надѣялись еще удержать народъ дипломатическими уловками, хитростями, переговорами, угрозами, а въ случаѣ нужды — силою оружія. Съ утра все народона-

селеніе Венеціи рѣшило произвести демонстрацію въ честь Манина и Томмазео, все еще содержавшихся въ тюрьмѣ, и которымъ народъ не переставалъ выражать доказательства самой сильной симпатіи. 14 числа когда пришла вѣсть объ уступкахъ, сдѣланныхъ императоромъ, массы народа устремились частію къ тюрьмѣ, частію къ дворцу губернатора, который для усмиренія волненія, принужденъ былъ отдать приказъ, освободить Манина и Томмазео. Освобожденные чуть не были задавлены окружавшей ихъ толпою, бывшей внѣ себя отъ радости при видѣ своихъ вожатаевъ; принесенные торжественно на площадь Святаго Марка, передъ губернаторскій дворецъ, Манинъ и Томазео были свидѣтелями, произведенной въ честь ихъ, овація, сопровождаемой криками живаго энтузіазма. Въ рѣчи сказанной Маниномъ были выражены горячее чувство любви къ отечеству и народное достоинство, онъ вызывалъ воспоминаніе о славномъ прошедшемъ и кончилъ при громкихъ рукоплесканіяхъ, слѣдующими словами: „Нѣтъ настоящей свободы при отсутствіи порядка и безъ полнаго уваженія къ законамъ, хотя, въ нѣкоторыя рѣшительныя минуты, возстаніе становится не только правомъ, но и долгомъ.“ Такъ выражалъ онъ свои мысли о свободѣ, порядкѣ и освобожденіи отечества.

17-го три трехцвѣтные флага поднимаются на трехъ мачтахъ площади Святаго Марка. Являются войска, построенные въ боевой порядокъ, срываютъ флаги и преслѣдуютъ сопротивляющійся народъ. Во время борьбы двое ранены, капитанъ одного купеческаго корабля задушенъ въ свалкѣ; народъ укрѣпляется въ безконечномъ, узкомъ и недоступномъ лабиринтѣ улицъ и городскихъ каналовъ. На другой день, 18, бой возобновляется на площади Святаго Марка, падаетъ еще пять жертвъ. Манинъ, побуждаемый отовсюду принять на себя роль предводителя и подать сигналъ къ общему сраженію, отказывается, желая, выбрать болѣе благопріятную минуту, узнать и приготовить средства, которыми онъ можетъ располагать.

XII.

На выбранныхъ народомъ предводителяхъ, лежитъ страшная отвѣтственность, когда они должны призвать его „къ оружію!“ Въ такомъ критическомъ положеніи, подать знакъ рано — значитъ пролить даромъ кровь и потерпѣть пораженіе, которое обрушится на ихъ же голову; опоздать — и толпа обвинитъ въ измѣнѣ и неспособности, что окончательно приведетъ къ потерѣ всякаго значенія, къ безчестью. Судьба народа дѣлается для нихъ тяжкимъ бременемъ. Предводители народа должны имѣть взглядъ, благоразуміе и присутствіе духа государственныхъ мужей, храбрость воина, готовность на безъусловное самопожертвованіе, свойственное истинному гражданину. Они должны умѣть удерживать нетерпѣливыхъ, побуждать робкихъ. Виновники дворцовыхъ переворотовъ, обладающіе казной, полиціей, арміей, управленіемъ, могутъ зрѣло обдумывать свои планы, приготовлять людей, прокламаціи, однимъ словомъ, у нихъ всѣ средства для успѣха. Простые же граждане, имѣющіе за собой вліяніе своего имени, популярность, смѣлость, нуждаются въ возвышенной душѣ, въ сильной волѣ, въ могучей энергіи. Въ нихъ самихъ, въ ихъ геніи начало всего; имъ приходится пріискивать, создавать средства къ дѣйствію, подчасъ въ то самое время, когда уже кругомъ все пришло въ движеніе, — и все это дѣлать посреди толпы, незнакомой съ дисциплиною. Они имѣютъ за собою право ихъ поддерживающее, вѣра ихъ одушевляющая и народъ, который часто самъ не знаетъ, оставляетъ, оскорбляетъ борящихся и умирающихъ за его спасеніе.

XIII.

Манинъ и его друзья начали тотчасъ думать объ учрежденіи гражданской стражи, которая бы повела разомъ къ

утвержденію порядка и къ вооруженію народа. Она была учреждена 18, послѣ многихъ попытокъ и многихъ сопротивленій, въ первый день былъ формированъ отрядъ въ 4000 человѣкъ; 19 и 20, число ихъ увеличилось. Муниципалитетъ, подъ предсѣдательствомъ подесты, графа Коррера, призвалъ для участія въ его трудахъ и подачи совѣтовъ извѣстныхъ гражданъ: Авеццани, Менгальдо, назначеннаго начальникомъ гражданской стражи, Льва Пинчерле, Кастелли, и проч., который съ энергіею поддерживалъ свою посредническую власть.

Губернаторъ, графъ Палффи, узнавъ о паденіи Меттерниха, о возстаніи всѣхъ областей имперіи, объ уступкахъ, вынужденныхъ у императора, волнуемый молчаніемъ Миланскихъ властей, которыхъ курьеры были перехвачиваемы, разсматривая это спокойствіе какъ предвѣстіе всеобщаго возстанія въ Ломбардіи, медлилъ, переходилъ отъ одной мирной сдѣлки къ другой, а между тѣмъ приготовлялъ втайнѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Зичи, всѣ средства, чтобы разгромить городъ.

Въ ночь на 21, Манинъ имѣлъ совѣщаніе съ Томмазео, Авеццани, Пинчерле, Бенвенути и нѣкоторыми другими. По его мнѣнію насталъ часъ, чтобы изгнать австрійцевъ. Войска были деморализованы, начальники — въ колебаніи, народъ въ волненіи, стража изъ гражданъ — вооружена и занимала важнѣйшіе пункты. Сдержавъ вначалѣ движеніе, надлежало теперь его направить.

XIV.

22 числа, Манинъ, сообразно съ принятымъ имъ намѣреніемъ, принимаетъ на себя инициативу революціи, столь долго имъ сдерживаемой. Въ его глазахъ арсеналъ — ключъ позиціи; тотъ, кто владѣетъ арсеналомъ, владѣетъ Венеціей; онъ бѣжитъ къ нему. Сперва одинъ, рѣшительный, непоколебимый въ

своихъ намѣреніяхъ, онъ захватываетъ по дорогѣ нѣсколько своихъ друзей, вполнѣ неустрашимыхъ, которые слѣдуютъ за нимъ; онъ устремляется съ грозной волей, съ полной энергіей, съ торжествующей увѣренностію, съ тѣмъ высокимъ воодушевленіемъ всякаго человѣка, готоваго жертвовать жизнію для успѣха. Арсенальные рабочіе съ утра уже бывшіе въ полномъ волненіи, убили коменданта Мариновича, офицера чрезвычайно жестокаго, обвиняемаго ими въ изготовленіи снарядовъ для бомбардировки города. Мартини, главный морской начальникъ предписалъ городской стражѣ усмирить волненіе. Манинъ прибѣгаетъ, овладѣваетъ позиціей; онъ приказываетъ, — все повинуется. Онъ предчувствовалъ моральный упадокъ Мартини, который не могъ воспрепятствовать убійству Мариновича. Онъ поражаетъ его своею смѣлостію и хладнокровіемъ, схватываетъ ключи, назначаетъ новаго коменданта, овладѣваетъ оружіемъ, организуетъ рабочихъ, арестуетъ вице-адмирала Мартини и оставляетъ арсеналъ въ рукахъ городской стражи.

Тогда онъ выходитъ съ крикомъ: „да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ свобода! да здравствуетъ Венеція! да здравствуетъ республика! да здравствуетъ святой Маркъ!“ Окружавшая его толпа отвѣчала съ энтузіазмомъ на слова дорогаго ей трибуна. Онъ останавливается, чтобы дать толпѣ проникнуться этими криками, толпѣ, вновь возраждавшей къ жизни. Потомъ онъ направляется къ площади святаго Марка, гдѣ уже повторялось тысячи разъ эхо восклицаній. Площадь дѣлается главной сценой волненія. Манинъ объявляетъ о взятіи арсенала и въ воодушевленной рѣчи, часто прерываемой криками возбуждаемаго народонаселенія, провозглашаетъ республику. Крики „да здравствуетъ святой Маркъ!“ возбудили всѣ прежнія воспоминанія о славѣ и могуществѣ прошлыхъ дней. Венеція почувствовала, какъ вздрогнулъ древній левъ ея на своемъ пьедесталѣ.

XV.

Въ то же время, движимые глубокимъ патріотизмомъ, Авецани, графъ Карреръ, Менгальдо, Луиджи Микіель, Датаико Мединъ, Леонъ Пинчерле, и Піетро Фабрисъ, послѣ продолжительнаго разсужденія, около половины четвертаго часа отправили депутацію отъ имени муниципалитета, къ графу Палфи, находившемуся въ совѣтѣ. Торжественное засѣданіе должно было рѣшить участь города. Подеста, изложивъ всю важность обстоятельствъ, спросилъ о мѣрахъ принятыхъ для избѣжанія кровопролитія, потомъ онъ передалъ рѣчь Авецани, который долженъ былъ изложить желаніе жителей города. Авецани прямо требуетъ прекращеніе власти губернатора. Графъ приказываетъ передать губернаторскую власть Зичи, который забывается и начинаетъ угрожать. Авецани въ свою очередь угрожаетъ. Съ обѣихъ сторонъ посыпались колкости. „Тутъ дѣло идетъ о нашой жизни!“ воскликнулъ Маршалъ, „и нашей также“, перебилъ Авецани.

Получивъ упорный отказъ, переговаривающіе съ правительствомъ, продолжаютъ настойчиво упорствовать. Авецани понималъ хорошо, что дѣло будетъ выиграно, если воспользоваться обстоятельствами и — проиграно при малѣйшемъ колебаніи. Всякій часъ, каждая минута промедленія можетъ повести къ рѣзнѣ. Маршалъ зналъ, что въ Вѣнѣ войска вышли изъ города по приказанію императора, это его смущало, и до залы, въ которой происходили разсужденія, доносились крики народа, торжествовавшаго взятіе арсенала. Уступая мало по малу, онъ все болѣе и болѣе терялъ увѣренность въ свои силы, наконецъ Авецани предложилъ слѣдующія условія для капитуляціи: итальянскія войска останутся въ Венеціи, нѣмецкія — удалятся; параходъ поступитъ въ ихъ распоряженіе и доставитъ ихъ въ Тріестъ. Эти условія были

сперва отвергнуты, но наконецъ приняты и подписаны. Въ 6 часовъ вечера Венеція была свободна.

Депутаты отъ муниципалитета приняли временно на себя власть и объявили о капитуляціи въ слѣдующей прокламаціи.

„Мы одержали побѣду безъ кровопролитія. Австрійскія гражданскія и военныя власти — не существуютъ! Слава нашей храброй городской стражѣ! Ваши, нижеподписавшіеся, сограждане заключили съ властями формальный договоръ. Будетъ учреждено временное правительство, а до тѣхъ поръ, вслѣдствіе стеченія обстоятельствъ, подписавшіеся и заключившіе договоръ, должны временно взять на себя всю отвѣтственность. Договоръ напечатанъ сегодня въ прибавленіи къ нашей газетѣ. Да здравствуетъ Венеція! да здравствуетъ Италія!

«Корреръ, Мичіель, Медини, Фабрисъ, Авезани Менгальдо, Пинчерле.»

XVI.

Между миланскими жителями и австрійскими войсками въ сентябрѣ и январѣ было пролито много крови. Тамъ мирная революція была невозможна. Во всѣхъ сердцахъ была взаимная ненависть, которая могла быть ослаблена только битвой, или пораженіемъ, или побѣдой. Каждый гражданинъ жаждалъ отмстить свой стыдъ, свое униженіе, свою честь, свое отечество. Тридцатилѣтнее униженіе и рабство должны были быть смыты кровью. Накопилось много гнѣва — ужасный взрывъ долженъ былъ разразиться. 17 марта въ 5 часовъ утра, вице-король эрцгерцогъ Райнеръ удалился изъ Милана, подъ конвоемъ 500 гусаръ, съ такою поспѣшностію, что отъѣздъ его походилъ на бѣгство. Вывозъ всѣхъ его пожитковъ, наскоро захваченныхъ изъ дворца, показывалъ ясно, что онъ не думаетъ

скоро возвратиться. Между тѣмъ, 18-го, читали программу, прибитую къ стѣнамъ, объ уступкахъ сдѣланныхъ императоромъ: уничтоженіе цензуры, обѣщаніе точныхъ законовъ въ отношеніи книгопечатанія, рѣшеніе созвать собраніе королевствъ германскихъ и славянскихъ, также какъ и центральныя собранія ломбардо-венеціянскаго королевства не позже 3 іюля.

Эти уступки казались недостаточны и смѣшны самому эрцгерцогу, уѣхавшему изъ Милана въ Верону. Народъ, устремляясь на площади, посреди возрастающаго волненія, требовалъ вооруженія городской стражи, уничтоженія смертной казни, освобожденія политическихъ преступниковъ, временнаго правительства, народнаго представительства, невмѣшательства австрійскихъ войскъ.

XVII.

Около полудня, графъ Казати, миланскій подеста, во главѣ воодушевленной толпы, тѣснящейся за нимъ, отправляется въ губернаторскій дворецъ для заявленія народной воли. Тотчасъ двое часовыхъ, венгерскихъ гренадеровъ, падаютъ пораженные, остальные солдаты, занимавшіе постъ, обезоруживаются. Возставшіе завладѣваютъ дворцомъ. Графъ О'Доннелль, начальникъ всего управленія въ отсутствіе губернатора, объявляется плѣнникомъ посреди толпы, которая кричитъ, угрожаетъ и распоряжается. Графъ блѣднѣетъ и подписываетъ колеблющейся рукой три представленные ему декрета, отъ имени народа, смѣлымъ молодымъ человѣкомъ, Чернуски, сдѣлавшимся народнымъ предводителемъ.

«Миланъ 18 марта.»

„Вице-президентъ, видя необходимость поддержать порядокъ, уполномочиваетъ муниципалитетъ на вооруженіе городской стражи.

„Полицейская стража немедленно должна передать свое оружіе въ распоряженіе муниципалитета.

„Полицейское управленіе уничтожается: муниципалитетъ обязанъ наблюдать за спокойствіемъ города.“

Впродолженіе этой первой сцены драмы, которая вскорѣ должна была окончательно разъиграться, полицейскій архивъ, это воспоминаніе всѣхъ притѣсненныхъ австрійцами, былъ уничтоженъ. Графъ Казати, во главѣ торжествующей толпы, отправился въ городскую ратушу. На улицѣ Горы ружейный огонь сильнаго патруля разгоняетъ толпу и графъ Казати скрывается въ домъ Видизерти, сдѣлавшійся случайно главной квартирой возстанія.

Сраженіе началось. Въ одно мгновеніе, мущины всѣхъ сословій, всѣхъ родовъ занятій, женщины, занимающіяся самыми трудными работами и деликатныя дамы, даже дѣти припасаютъ оружіе и средства для сопротивленія. На улицахъ разбирается мостовая, воздвигаются баррикады. По недостатку бревенъ и досокъ притаскиваютъ экипажи. Берутъ все, что попадается подъ руки. Одни жертвуютъ своей мебелью, бѣднякъ отдаетъ свою единственную кровать, богачъ — свои позолоченные стулья. Фабрикантъ роялей приноситъ свое самое большое фортепьяно. Въ эту минуту всякій приноситъ на защиту свое состояніе и свою жизнь. Радецкій едва ускользнулъ отъ потока, выступившаго изъ береговъ: онъ спасается изъ дворца въ замокъ, оставивъ часть своего гардероба и даже шпагу, которой онъ грозилъ Миланцамъ и которымъ она досталась трофеемъ. Два милліона, лежавшіе въ различныхъ общественныхъ кассахъ, остаются въ рукахъ жителей. Радецкій призываетъ муниципалитетъ, обѣщаетъ предать городъ огню и мечу, посылаетъ двѣ тысячи солдатъ, чтобы овладѣть городской ратушей, гдѣ думаетъ схватить вожатыхъ движенія, ядрами выламываетъ двери и оставляетъ заложниками нѣ-

сколькихъ арестованныхъ, изъ числа наиболѣе уважаемыхъ гражданъ. Ночь проходитъ въ приготовленіи обѣихъ сторонъ къ сраженію.

XVIII.

Радецкій остается распорядителемъ замка, отдѣленнаго отъ города эспланадой; онъ занимаетъ бастіоны, командующіе надъ городомъ и предмѣстіемъ. Оттуда ему удобно охватить Миланъ обѣими крыльями своей арміи. Массы войскъ и артиллеріи помѣщены у заставъ, откуда ему возможно двинуть свои силы по болѣе прямымъ и широкимъ улицамъ до самой средины города, гдѣ солдаты занимаютъ каѳедральный соборъ, королевскій дворецъ, министерство юстиціи, дворецъ Марино, полицію, ратушу, инженерный корпусъ, многія казармы и полицейскіе округи. Тирольскіе стрѣлки, помѣщенные на мраморныхъ спицахъ собора, должны были стрѣлять безъ разбора по всѣмъ лицамъ, которыя покажутся на улицахъ или въ окошкахъ домовъ. Австрійцы окружаютъ такимъ образомъ весь городъ и дѣлаютъ невозможнымъ всякое сообщеніе съ окрестностями. У нихъ сильная артиллерія, многочисленные боевые снаряды и армія, значительная и хорошо дисциплинированная; 14,000 человѣкъ на лицо, подъ начальствомъ опытнаго и извѣстнаго генерала, можетъ возрасти до 20,000.

Граждане имѣютъ въ своемъ распоряженіи отъ 300 до 400 ружей всякаго калибра, которыми вооружаются молодые люди, наиболѣе искусные въ стрѣльбѣ. Разсѣянные по разъединеннымъ частямъ города, бывшіе въ первый день безъ всякаго предводителя, они поддерживаются однимъ мужествомъ. Почти нѣтъ пороху и пуль. Порохъ — надо приготовить! пули — надо отбить у непріятеля! Начальники муниципалитета еще колеблются: итти ли имъ къ своей цѣли путемъ легальнымъ или путемъ возстанія; вмѣсто того чтобъ управлять

возстаніемъ, — возстаніе двигаетъ ими. Домъ, сосѣдній съ домомъ Видизерти, болѣе обширный и лучше построенный, принадлежащій графу Карлу Таверна, служитъ имъ мѣстомъ убѣжища и центромъ ихъ дѣятельности. Нѣсколько баррикадъ и нѣсколько охотничьихъ ружей, — вотъ что Миланцы противополагаютъ австрійцамъ.

Флагъ французской республики, развѣвающійся передъ домомъ консульства, посреди баррикадъ, служитъ одобреніемъ и надеждой возставшимъ. Но непропорціональность силъ была такова, что одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ предводителей, Карлъ Каттанео, еще наканунѣ утромъ, на совѣщаніи съ своими друзьями, совѣтывалъ имъ ожидать времени, когда они будутъ лучше вооружены и лучше приготовлены, если не желаютъ жертвовать цѣлымъ народонаселеніемъ; но когда началась аттака — Каттанео былъ однимъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ людей. Можно было думать, что въ продолженіи ночи сравненіе средствъ сражающихся успокоитъ волненіе дня и смутитъ мужество народа. — Нисколько!

XIX.

19-го на разсвѣтѣ, раздался набатъ, крики: „къ оружію!“ и громъ артиллеріи. Сраженіе началось снова.

Никогда еще народонаселеніе не находилось въ столь критическомъ положеніи: запертое окончательно въ стѣнахъ, оно, въ случаѣ пораженія, не могло разсчитывать даже на бѣгство; нельзя было ждать пощады и состраданія отъ иностранныхъ, почти дикихъ солдатъ, которыхъ звѣрство могло быть только удовлетворено грабежемъ, насиліями и рѣзней. Развѣ не объявилъ предводитель непріятелей, что онъ разграбитъ городъ, въ случаѣ сопротивленія? А это былъ человѣкъ, умѣвшій держать свое слово! Граждане могли только разсчитывать на

свое мужество и отчаяніе. Каждый, участвовавшій въ этой гигантской борьбѣ, носилъ въ глубинѣ души слѣдующее убѣжденіе: побѣда или смерть!

Необходимость создаетъ оружіе. Разграбливаютъ театры и музеи старинныхъ ружей, нарядныхъ шпагъ; желѣзныя рѣшетки разломаны, прутья отточены, концы палокъ снабжаются остріями, ножи служатъ кинжалами; женщины кипятятъ масло и растопляютъ свинецъ; мебель, черепица, бутылки, булыжники, всѣхъ сортовъ вазы,—все это употребляется, какъ метательные снаряды; баррикады умножаются; все воодушевляется, все возбуждается. Ни одна рука не находится въ бездѣйствіи: аптекари приготовляютъ порохъ, пистоны, гремучую хлопчатую бумагу; нѣкоторые придумываютъ различныя средства разрушенія; купцы снабжаютъ купоросным масломъ, долженствующимъ падать огненнымъ дождемъ на непріятеля. Любовь къ отечеству, жажда свободы дѣлаютъ храбрыхъ героями, придаютъ силы слабымъ. Полицейское управленіе, купеческая площадь, многія казармы, большая часть памятниковъ, занятыхъ австрійцами, подвергаются горячей аттакѣ и энергически обороняются. Войска приближаются по болѣе широкимъ улицамъ, очищаютъ ихъ картечью и направляютъ орудія на баррикады. Граждане осыпаютъ солдатъ цѣлой массой собранныхъ матеріаловъ; молодежь бережетъ свои заряды, тратитъ ихъ разсчетливо, такъ что съ каждымъ выстрѣломъ число непріятелей убываетъ. Случай руководитъ миланцами; аттака направляется сообразно сопротивленію; мужество указываетъ предводителей. Въ продолженіи этого дня возстаніе не уступило ни дюйма своей позиціи; напротивъ, всѣ еще болѣе сформировалось. Отнынѣ привыкли сражаться; громъ орудій возбуждаетъ только одно желаніе битвы.

XX.

20-го, сраженіе продолжается съ такимъ же рвеніемъ. Число ружей возросло, увеличенное отбитыми у непріятельскихъ солдатъ. Порядокъ начинаетъ устанавливаться. Неустрашимѣйшіе изъ гражданъ образуютъ военный совѣтъ. Юлій Терзаги Георгій Клерици, Карлъ Томмазео, Генрихъ Чернуски управляютъ битвой, которою поддерживаютъ рвеніе и энергію членовъ муниципалитета. Къ Казати, Борромео и ихъ товарищамъ присоединяются: Грасселли, графъ Борджіа, генералъ Леки, Порро, Гвичіарди, адвокатъ Гверріерри и графъ Дюрини.

Первый результатъ лучшей организаціи состоялъ въ пресѣченіи простыми средствами сообщеній между австрійскими постами, находившимися въ центрѣ города. Только что они увидѣли себя изолированными, лишенными сообщенія, тотчасъ одни поняли необходимость отступить, другіе—сдаться. Отрядъ, занимавшій городскую ратушу и состоявшій изъ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, сопротивлявшійся до самаго вечера, былъ обращенъ въ бѣгство.

XXI.

Съ арестованнымъ семействомъ барона Торезани Ламенфельда, начальника полиціи, обходились самымъ вѣжливымъ образомъ. Графъ Больца, фанатическій агентъ полиціи и главный распорядитель убійствъ внутри города, не могъ спастись. Люди изъ простонародія явились, чтобы спросить: дать ли ему пощаду, если его отыщутъ. „Если вы его убьете, отвѣчали члены военнаго совѣта,—вы совершите благое дѣло; если вы его не убьете,—вы совершите святое дѣло“. Графъ Больца былъ найденъ и — пощаженъ. „Граждане!“ говорилъ совѣтъ

въ адресѣ къ народу, „пусть наша побѣда остается чиста! Не унизимся до отомщенія кровью жалкимъ эмиссарамъ, оставленнымъ въ вашихъ рукахъ убѣжавшими властями! Возвысьте ваше достоинство на одинъ уровень съ вашимъ мужествомъ! Для нихъ ваше презрѣніе есть единственное наказаніе. Вотъ чего ожидаетъ отъ васъ Пій IX“. Нѣкоторые изъ второстепенныхъ агентовъ были убиты во время сраженія, но чиновники и ихъ семейства были защищены отъ всякихъ покушеній.

Взятіе нѣсколькихъ постовъ и казармъ доставило много ружей для довольно значительнаго числа гражданъ. Много офицеровъ было взято въ плѣнъ. Упорное сопротивленіе жителей въ разныхъ мѣстахъ, ихъ стремительная и побѣдная аттака на многіе пункты начали деморализировать армію. Радецкій послалъ парламентера къ членамъ муниципалитета съ предложеніемъ пятидневнаго перемирія. Согласиться на это, — значило дать себя обезоружить. Муниципалететъ, разсчитывая на скорую помощь, склонился на это предложеніе, надѣясь дать время прибыть піемонтцамъ. Но военный совѣтъ, представитель бьющагося на баррикадахъ народа, не согласился. Онъ хотѣлъ, чтобы Миланъ былъ обязанъ только себѣ самому, чтобы Ламбардія осталась распорядительницею своей судьбы. Офицеръ, присланный парламентеромъ, услыхавъ этотъ отказъ полный благородства, не могъ удержаться, чтобы не изъявить уваженія къ такому мужеству: „прощай, закричалъ онъ, удаляясь, храбрый и мужественный народъ!“

Предложеніе перемирія воспламенило сражавшихся: оно было объявлено миланцамъ, какъ предвѣстіе побѣды. Муниципалитетъ объявилъ объ устройствѣ городской стражи. На комитеты были возложены заботы о безопасности лицъ, о финансахъ, о войнѣ, о защитѣ, о доставленіи пищи.

XXII.

Тирольскіе стрѣлки, которыхъ выстрѣлы, направленные съ купола собора, наносили чрезвычайно много вреда, были сбиты; трехцвѣтное знамя, вложенное въ руки колоссальной статуи Богородицы, стоящей на первомъ планѣ зданія, явилось народу, какъ символъ воскресенія и было привѣтствуемо радостными криками. Колокола каѳедральнаго собора сливали свой набатный звонъ со звономъ колоколовъ другихъ церквей, не перестававшихъ сзывать жителей окрестныхъ деревень на помощь городу. Ученые, находившіеся на возвышеннѣйшихъ мѣстахъ зданій, вооруженные зрительными трубами, наблюдали движеніе войскъ на бастіонахъ и то что происходило внѣ стѣнъ, и передавали отъ времени до времени полныя свѣденія. Для окончательнаго успѣха нужно было поднять возстаніе во всѣхъ ломбардскихъ городахъ и деревняхъ. Не имѣя возможности послать эмиссаровъ, изъ окруженнаго со всѣхъ сторонъ, Милана, они напали на геніальную мысль пускать небольшія аэростаты съ прокламаціями въ родѣ слѣдующей: „Послѣ двухъ дней самаго жаркаго боя, поддержаннаго почти безоруженными, Миланъ еще окруженъ значительной массой, хотя и деморализованныхъ войскъ; этимъ листкомъ, пущеннымъ съ высоты нашихъ стѣнъ, мы призываемъ населенія городовъ и сельскихъ общинъ взяться за оружіе и немедленно составить національную гвардію, чтобы спѣшить туда, куда будетъ ее призывать необходимость нашего спасенія! — Помощи и побѣды!“ — 21-го, эти странные вѣстники разносили другія слова: „Братья! побѣда—наша! Непріятель удерживается только въ замкѣ и бастіонахъ. Спѣшите поставить городскія ворота между двухъ огней и соединиться.“ Кроатскіе солдаты, удивленные воздушной пропагандой, стрѣляли понапрасну въ аэростаты.

Нѣкоторые изъ аэростатовъ упали въ самыхъ отдаленныхъ округахъ, другіе перелетѣли даже границу и упали въ Швейцаріи, Піемонтѣ, герцогствѣ Пьяченцѣ.

Тысячи крестьянъ и городскихъ жителей, предводимые студентами, докторами, священниками, таможенными, направились къ Милану. Съ высоты колоколенъ были примѣтны массы людей, двигавшіяся по дорогамъ и своимъ огнемъ преслѣдовавшія кавалерію.

Пятьсотъ человѣкъ, прибѣжавшихъ изъ Итальянской Швейцаріи, соединясь съ молодежью изъ Комо и горцами съ озера, взяли въ плѣнъ 1200 кроатовъ. Возмущая всѣ страны, черезъ которыя проходили, они дали сраженіе въ Монцѣ и подступили подъ городскія стѣны съ сѣверной стороны, гдѣ они сошлись еще съ тремя другими колоннами. Одна колонна взяла въ плѣнъ 300 человѣкъ въ Варезѣ; другая—съ озера Лаго-Маджіоре, ушла отъ пограничной стражи Карла-Альберта, получившей приказъ обезоружить ее; третья колонна, пришедшая съ юга, была составлена изъ жителей береговъ Но. Гви, одинъ изъ ея предводителей, палъ жертвою своей любви къ отечеству подъ бастіонами Милана. Трабукки, бѣднякъ и отецъ семейства, сопровождавшій его, былъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ въ Лоди. Комитетъ, составленный въ Лекко, организовалъ возстаніе въ Вильтелинѣ. Бергамо прислалъ нѣсколько сотенъ своихъ горожанъ и горцевъ. Іеронимъ Боргацци, инспекторъ монцской желѣзной дороги, шелъ во главѣ двухъ тысячъ работниковъ и, пренебрегая жизнію, прорвался въ городъ для полученія приказа отъ военнаго совѣта *).

XXIII.

Между тѣмъ, какъ помощь начинала прибывать извнѣ, число сражающихся внутри увеличивалось дезертирами-итальян-

*) Извлеченіе изъ разсказа Каттанео

цами, предпочитавшими смерть за отечество участію въ убіеніи согражданъ. Ряды сражавшагося народа заключали въ себѣ многихъ ламбардскихъ жандармовъ, превосходный отрядъ пожарныхъ солдатъ и финансовую стражу. Снаряды отбитые у непріятеля, явились въ большомъ количествѣ. Начали изготовлять деревянныя пушки, сколоченныя желѣзными обручами, чтобы отсылать обратно ядра, на которыхъ австрійцы въ насмѣшку оттиснули портретъ Пія IX; его замѣнили словами: „Свобода Италіи!"

На четвертый день миланскія силы были еще лучше организованы. Приступы производились на разныхъ пунктахъ; дворецъ инженернаго корпуса былъ упорно аттакованъ. Августъ Анфосси, командовавшій приступомъ, былъ пораженъ пулей прямо въ лобъ, въ то время, когда наводилъ пушку, и умеръ съ радостію на лицѣ при видѣ побѣды, одержанной его друзьями. Паскаль Соттокорно перешелъ площадь подъ градомъ пуль и, раненный, собралъ силы, чтобы поджечь осажденныя двери. Въ коллегіи святой Луціи, въ казармахъ святаго Франциска, святаго Аполинарія, святаго Симеона, святаго Симплиціана, святаго Виктора-Великаго дерутся съ остервененіемъ и, послѣ чудовищныхъ усилій мужества, войска побѣждены.

Военный совѣтъ обнародовалъ слѣдующую реляцію о цѣломъ рядѣ успѣховъ. „Граждане! наши аванпосты отъ воротъ Тоза подвинулись впередъ до садовъ монастыря de la Passion, откуда наши стрѣлки начинаютъ нападать на бастіоны. Со стороны воротъ Верцеллина (съ западной стороны) часть храбрецовъ достигла Граціи, акведуки, которые проходятъ подъ бастіонами — осушены и облегчаютъ сообщеніе съ деревнями. Наши храбрецы штыками взяли зданіе инженернаго корпуса и менѣе чѣмъ въ три дня съумѣли выучиться владѣть этимъ оружіемъ ветерановъ. Внѣ укрѣпленій, пятьдесятъ человѣкъ изъ Мариньяно захватили батальонъ егерей,

который, вообразивъ, что имѣетъ дѣло съ значительнымъ отрядомъ, обратился въ бѣгство, оставивъ убитыхъ и раненыхъ. У непріятеля нѣтъ съѣстныхъ припасовъ: видѣли офицеровъ, ѣвшихъ черный хлѣбъ. Наши друзья изъ села, вооруженные, прибѣжали со всѣхъ сторонъ и тѣснятся у нашихъ воротъ. Непріятель проситъ перемирія, конечно, чтобы собраться и бѣжать спокойно, но уже поздно: его бѣгство, по почтовымъ трактамъ, загроможденнымъ засѣками, затруднительно. Мужайтесь! приближайтесь къ бастіонамъ! Подайте руку друзьямъ, которые идутъ къ вамъ на помощь! Надобно въ эту ночь снять блокаду съ города. — Храбрые граждане! ваше имя Европа будетъ произносить съ почтеніемъ. Тридцатилѣтній стыдъ смытъ вашимъ мужествомъ! — Да здравствуетъ Италія!“

XXIV.

Радецкій, видя столь хорошо организованную оборону, воображалъ, что иностранные офицеры, введенные въ городъ, управляли мужественной обороной Милана и рѣшился принять посредничество иностранныхъ консуловъ, для предложенія перемирія на три дня; члены муниципалитета снова склонялись на это предложеніе. Къ первому побужденію — ожиданію скорой помощи отъ Піемонта — присоединилось обстоятельство болѣе сильное: городъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, имѣлъ припасовъ только на 24 часа. Борромео, замѣтившему это обстоятельство, отвѣчалъ Каттанео: „Развѣ лучше умереть съ голоду, чѣмъ быть повѣшеннымъ“. Вслѣдствіе этого, перемиріе, по желанію сражавшихся, было отвергнуто.

Послѣ этого окончательнаго рѣшенія, члены муниципалитета, не колеблясь, учредили временное правительство, состоявшее изъ Казати — президента, Борромео, Дурини, Литта, Стрегелли, Джіулини, Беретта, Гренни, Порро и Кор-

ренти — главнаго секретаря. Военный совѣтъ былъ преобразованъ въ военный комитетъ, членами котораго были: Литта — президентъ, Каттанео, Чернуски, Терраги, Клеричи, Карневали, Лессони, Черони и Торелли. Народъ узналъ объ отказѣ въ перемиріи, о новыхъ распоряженіяхъ и о новыхъ приготовленіяхъ къ сраженію изъ прокламаціи, поддерживавшей его храбрость, преданность и его надежды.

Послѣднее усиліе состояло въ томъ, чтобы прорвать линію войскъ, блокирующихъ городъ, установить сообщеніе съ подкрѣпленіями, приходящими извнѣ. Всѣ разсужденія предводителей сосредоточивались на выборѣ лучшаго плана дѣйствій для достиженія столь долго ожидаемаго успѣха: окончательнаго спасенія Милана — положительнаго торжества народа.

22-го, небольшой отборный отрядъ неустрашимыхъ бойцевъ, рѣшившійся пожертвовать жизнію, подъ предводительствомъ Луціана Манара, направляется къ воротамъ Тоза, защищаемымъ 2,000 солдатъ и шестью орудіями. Со смѣлостію, увеличивающеюся отъ опасности, они бросаются на австрійцевъ, обращаютъ ихъ въ бѣгство, овладѣваютъ воротами и укрѣпляются въ своей позиціи. Вслѣдъ за тѣмъ, вспомогательныя колонны, при помощи храбрыхъ горожанъ, успѣваютъ отбить ворота Комо.

XXV.

Послѣ двойнаго успѣха миланцевъ, Радецкій не могъ болѣе владѣть Миланомъ. Его войска, отрѣзанныя отъ воротъ и бастіоновъ, подвергались опасности быть въ свою очередь осажденными и взятыми въ плѣнъ по одиночкѣ. Онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ революціей; эмиссары извѣщали его о возстаніи всѣхъ ломбардскихъ городовъ. Піемонтцы могли въ нѣсколько переходовъ соединить свои силы съ воз-

ставшимъ народонаселеніемъ. Радецкому ничего болѣе не оставалось, какъ сосредоточить армію, соединить отдѣльные отряды и гарнизоны городовъ, занять цитадели, оставшіяся въ его власти и выбрать мѣсто сраженія. Со взглядомъ на дѣло опытнаго военноначальника, онъ не поколебался и рѣшился отступить.

Съ наступленіемъ ночи онъ хотѣлъ скрыть отступленіе удвоенной бамбардировкой. Шестьдесятъ орудій громили городъ, нанося смерть и разрушеніе. Пожаръ отдѣльныхъ домовъ предмѣстій увеличивалъ зловѣщее пламя уже горѣвшихъ зданій. Вдругъ огромный столпъ дыма поднялся надъ замкомъ. Австрійцы нагромоздили въ огромную кучу солому, сѣно, повозки, мебель, чтобы сжечь своихъ убитыхъ и уничтожить печальныя доказательства своего пораженія. Тысячи ружейныхъ огней опоясывали Миланъ какимъ-то огненнымъ кругомъ. Учащенный артиллерійскій огонь повторялся эхомъ. На пятидесяти городскихъ колокольняхъ раздавался усиленный набатъ. Это была сцена величественнаго ужаса, котораго описаніе оставилъ одинъ изъ сражавшихся на бельведерѣ.

Австрійцы надѣялись воспользоваться безпорядкомъ и ужасомъ, наведеннымъ на Миланъ, бомбардировкой. Пользуясь сумятицей, произведенной пожаромъ, они надѣялись пробраться вдоль бастіоновъ и скрыть свое послѣднее движеніе. Но раздраженные стрѣлки, не теряя присутствія духа, продолжали тревожить ихъ. Безчисленныя препятствія, воздвигнутыя по дорогамъ, задерживали движеніе войскъ. Они везли съ собой артиллерію, раненыхъ, семейства чиновниковъ и несчастныхъ плѣнныхъ, взятыхъ заложниками. Отступленіе отъ Милана продолжалось 8 часовъ; армія на каждомъ шагу оставляла мертвыхъ и плѣнныхъ.

XXVI.

Потери Австрійскихъ войскъ значительно превышали потери миланцевъ. Итальянцы приписывали мести звѣрскіе

поступки, въ которыхъ они обвиняли передъ лицомъ всей Европы своихъ непріятелей. Главнокомандующаго обвиняли въ томъ, что онъ всему этому подалъ примѣръ. Разсказывали, что онъ во время сраженія предалъ военному суду несчастныхъ горожанъ и разстрѣлялъ ихъ на дворѣ замка. Всѣ плѣнники были принуждены попарно приходить смотрѣть на изувѣченные штыками трупы убитыхъ. Нѣкоторые падали въ обморокъ передъ ужасомъ подобной сцены.

Что относится до звѣрства кроатскихъ солдатъ, то его ужасающая картина представлена итальянскими историками такъ живо, что мы ее выписываемъ цѣликомъ, заимствуя описаніе изъ сочиненій генерала Пепе, одного изъ самыхъ знаменитыхъ и справедливыхъ людей *).

„Было найдено восемъ дѣтей, изъ которыхъ одни были разбиты объ стѣну, другіе, брошены объ землю и раздавлены ногами. Нашли двоихъ, пригвожденныхъ къ ящику. Двое были сожжены въ скипидарѣ; одинъ ребенокъ, проткнутый штыкомъ, былъ пригвожденъ къ дереву, на которомъ онъ корчился въ жестокой агоніи передъ глазами своей матери.... Другой, еще грудной младенецъ, ради какой-то звѣрской шутки, былъ брошенъ на трупъ матери, чтобы продолжать сосать уже остывшую грудь. Другой былъ разсѣченъ на двое; объ половины разсѣченнаго трупа были связаны его же кишками. Пять дѣтскихъ головъ были положены передъ глазами ихъ умиравшихъ отцевъ; зародышъ, вырванный изъ утробы матери, служилъ игрушкою злодѣямъ. Въ мѣшкѣ одного кроата найдена была женская рука, на которой были кольца. Многимъ были выколоты глаза, отрѣзаны языкъ, руки и ноги. Эти чудовища сперва мучили людей, а потомъ убивали ихъ штыками. Нѣсколько человѣкъ было сожжено въ извести, другіе были заживо погребены въ водосточныхъ трубахъ и колодцахъ. Другихъ—сожигали, обма-

*) Канто. Исторія итальянскихъ революцій.

завъ предварительно смолою. Восемь обгорѣлыхъ труповъ были найдены въ гостинницѣ, у воротъ Тоза; столько же — въ другой гостинницѣ, у воротъ Верцеллина; девять труповъ — въ рощѣ близь Тессинскихъ воротъ были найдены раздавленными и страшно изуродованными. Видны были слѣды усилій, которыя употребляла одна несчастная женщина, чтобъ спастись изъ камина. Я умалчиваю объ убійствахъ, совершенныхъ въ домахъ, надъ спящими въ постеляхъ и въ другихъ мѣстахъ. Одного заставили стать на колѣна на трупъ его роднаго брата и въ этомъ положеніи онъ былъ убитъ штыкомъ. Двое несчастныхъ, отецъ и сынъ, были вмѣстѣ повѣшены на бульварномъ деревѣ. Сынъ Маріи Беллони былъ сожженъ. Братъ и сынъ Джіованна Піатти были умерщвлены!.... Но опустимъ завѣсу на ужасныя злодѣянія этой убѣгающей орды. Сердце возмущается при видѣ ужасной картины звѣрской рѣзни.“

XXVII.

Жестокости кроатскихъ войскъ и военныя экзекуціи, исполненныя по приказу фельдмаршала, далеко не достигли своей цѣли: онѣ не внушили страха, а напротивъ, не пораждая въ горожанахъ желанія мести, возбудили мужество. Сохранивъ жизнь графу Больца, они уже не могли сурово поступать съ плѣнными, взятыми съ оружіемъ въ рукахъ. Ихъ человѣчность и умѣренность равнялась ихъ храбрости *). Завоевать независимость — эта цѣль облагороживала ихъ сердца. Они предоставили непріятельскимъ войскамъ безславить себя даже среди ихъ пораженія и этимъ оправдать передъ глазами всего человѣчества ненависть, внушенную Италіи ея непріятелями. Они возвысились до той степени, когда народъ достоинъ получить право

*) Отзывъ французскаго консула. (Монитёръ, 30 марта.)

управлять самъ собою. Они рѣшились напасть безъ оружія, безъ боевыхъ снарядовъ на сильную армію, предводимую опытными генералами, снабженную сильной артиллеріей, и—они побѣдили ее. Сбивъ со всѣхъ пунктовъ, они принудили ее, обратиться въ бѣгство. Юноши, старики, дѣти, даже женщины дрались геройски. Каждый имѣетъ право на участіе въ побѣдѣ, потому что она была достигнута общими усиліями. Радость была такъ всеобща, такъ жива, что стерла слѣды личнаго несчастія. Падшимъ воздавали почести, какъ мученикамъ.

XXVIII.

Жители сосѣднихъ деревень, удивленные событіями, значенія которыхъ они не понимали, оставались вначалѣ равнодушными зрителями борьбы. Любовь къ отечеству только мало по малу пробуждалась въ ихъ сердцѣ. Но жители сосѣднихъ городовъ вздрогнули при воинственныхъ крикахъ, при извѣстіяхъ — сперва о возстаніи, а потомъ объ освобожденіи миланцевъ. Многіе города возстали немедленно.

Жители Комо, лежащаго на берегахъ живописнаго озера, въ поэтической, гористой странѣ, рвали, 18-го числа, австрійскія прокламаціи, провозгласили республику, овладѣли хлѣбомъ, заготовленнымъ для войскъ, организовали при свѣтѣ факеловъ городскую стражу; усѣяли все озеро барками, для собиранія людей и оружія; на другой день овладѣли пороховымъ магазиномъ въ Сено; 20-го числа дали сраженіе, аттаковавъ войска въ ихъ казармахъ, и послали самыхъ смѣлыхъ волонтеровъ въ Миланъ. Лекко послѣдовалъ примѣру Комо и соединилъ съ послѣднимъ свои колонны. Бергамо силою вырвалъ у эрцгерцога Сигизмунда приказъ о вооруженіи жителей; перерѣзалъ путь 1,200 солдатамъ, шедшимъ въ Миланъ, принудивъ ихъ запереться въ казармахъ и тамъ за-

щищаться; добился отъ эрцгерцога, спасшагося ночью бѣгствомъ, обѣщанія не посылать болѣе помощи Радецкому; отпустилъ побѣжденныхъ кроатовъ и отправилъ своихъ храбрыхъ воиновъ въ Миланъ. Ближайшіе города, какъ Монца, поддерживали борьбу. Каждый, болѣе значительный округъ находился въ движеніи. Бресчіа, геройскій городъ, принудилъ генерала Шварценберга, сдаться на капитуляцію. Кремона увлекла итальянскій батальонъ Чеккопіери на защиту общаго отечества, окружила австрійскаго коменданта съ отрядомъ венгерцевъ и принудила его дать обѣщаніе не поднимать болѣе оружія противъ Италіи. Пиццигеттоне овладѣлъ крѣпостью. Мантуя украсилась, 17-го, національными флагами и добилась отъ губернатора учрежденія національной гвардіи, занявшей ворота этого укрѣпленнаго города. Верона, убѣжище эрцгерцога Райнера, бѣжавшаго изъ Милана, окружила его, 19 утромъ, и принудила согласиться вооружить городскую стражу. Народъ, въ нетерпѣніи, ждалъ только сигнала къ битвѣ. Итальянскій Тироль былъ въ полномъ возстаніи. Ровередо, Падуа, Виченца, Тревиза, Удино, Пальма-Нова взялись за оружіе и преслѣдовали австрійцевъ, бѣжавшихъ со всѣхъ сторонъ. Это было всеобщее, поголовное возстаніе противъ иностраннаго притѣсненія. Всѣ, имѣвшіе оружіе, силу, сердце, формировались въ батальоны. Способнѣйшіе и преданнѣйшіе люди принимали власть; въ такія минуты власть есть бремя, жертва. Ломбардія и Венеція казались волканами, готовыми поглотить всѣхъ до однаго непріятеля.

XXIX.

Возстаніе не вездѣ однакожъ имѣло такой рѣшительный успѣхъ, какъ въ Миланѣ и Венеціи. Итальянцы, вездѣ побѣдивъ, не вездѣ съумѣли равно воспользоваться побѣдой. Если были люди, какъ Манинъ и Томмазео, умѣвшіе такъ

воспользоваться благопріятной минутой, то нисколько не удивительно, что были другіе, менѣе искусные и менѣе дальновидные, упускавшіе случаи, пользоваться которыми во время, значило имѣть возможность вполнѣ освободить Италію. Уступки, которыхъ недостаточность заставила ломбардцевъ взяться за оружіе, значительно ослабили ихъ энергію. Нѣтъ сомнѣнія, что при бо́льшей рѣшимости Бресчіа удержала бы въ плѣну генерала Шварценберга и эрцгерцога Сигизмунда, убѣжавшихъ изъ Бергамо. Кремона не освободила бы, взятаго въ плѣнъ коменданта. Мантуя овладѣла бы крѣпостью. Наконецъ, Верона, счастливымъ случаемъ захватила Райнера, и овладѣла бы цитаделью.

Два эрцгерцога въ рукахъ итальянцевъ были бы заложниками, Верона и Мантуя отнятыя у австрійской арміи, и—Радецкій былъ бы принужденъ сдаться. Но, когда онъ узналъ, что двѣ самыя важныя цитадели еще служатъ ему опорою, онъ почувствовалъ, что колеблющаяся подъ его ногами почва, начинаетъ успокоиваться и, въ несчастіи, онъ воскликнулъ: „Еще не все потеряно!“

XXX.

20-го, революціонное движеніе въ Пармѣ и Пьяченцѣ приняло рѣшительный характеръ. Австрійцы, занимавшіе Парму сильнымъ отрядомъ, были аттакованы народомъ. Ружейный и пушечный огонь очистилъ площадь, но, не смотря на это, рѣшительнѣйшіе изъ жителей неустрашимо выдержали нападеніе. Орудія, заряженныя, ядрами и кортечью не могли удержать ихъ мужества. Овладѣвъ таможенными магазинами, гдѣ было найдено оружіе и патроны, жители продолжали нападеніе еще съ большимъ рвеніемъ.

Герцогъ, испуганный успѣхами возстанія, призвалъ одного изъ ревностнѣйшихъ патріотовъ, Кантелли и, ввѣривъ ему правленіе, обнародовалъ слѣдующую прокламацію:

*

„Мы, Карлъ, и т. д., желая удалиться изъ нашихъ владѣній съ семействомъ нашимъ, назначаемъ, для образованія регенства, графа Санъ-Витале, графа Кантелли, адвоката Маэстри, адвоката Джіойя и профессора Пеллегрини; регенству ввѣряемъ мы верховную власть, съ правомъ издавать законы и принимать мѣры, сообразныя съ совершающимися событіями". Въ тотъ же день, Пьяченца послѣдовала примѣру Пармы.

XXXI.

Революціонныя движенія въ герцогствѣ Моденѣ начались 20 марта, при крикахъ: „Да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ парижская революція! Да здравствуетъ вѣнская революція! Да здравствуетъ Италія! Да здравствуетъ Пій IX! Да здравствуютъ наши братья — венгерцы!" Народъ, восторжествовавшій въ Моденѣ, Реджіо, Каррарѣ. Массѣ, принудилъ великаго герцога поспѣшно бѣжать, 21-го марта.

Колонны волонтеровъ, подъ начальствомъ Замбеккари, отправились изъ Болоніи на помощь Моденѣ, но тамъ онѣ уже застали праздникъ въ честь освобожденія. Онѣ воротились назадъ, счастливые тѣмъ, что своимъ приближеніемъ заставили герцога бѣжать.

Восклицанія моденскихъ патріотовъ выражали пламенныя желанія соединенія, въ одной общей революціи, народовъ Франціи, Германіи и Италіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Венеція и всѣ провинціи, кромѣ Веронской, — свободны. Объявленіе республики въ Венеціи. — Временное правительство, Манинъ президентъ. — Приготовленія къ защитѣ. — Положеніе Венеціи: ея форты. — Провинціи приготовляются къ борьбѣ. — Отбытіе колонны крестоносцевъ.—Ломбардія: продолженіе возстанія. — Отступленіе австрійской арміи. — Радецкій собираетъ ее и окапывается въ укрѣпленномъ четыреугольникѣ, между Минчіо и Адижемъ. — Значительный уронъ, понесенный австрійцами. — Миланскій военный совѣтъ изъявляетъ желаніе преслѣдовать непріятельскую армію, не давая ей ни въ какомъ случаѣ перемирія. — Отправленіе колонны волонтеровъ, которая проходитъ Огліо, Чіезе; доходитъ до Гардскаго озера, и Нескьеры. — Приготовленіе экспедиціи въ Тироль. — Временное правительство ждетъ піемонтскаго короля съ арміей. — Два мнѣнія. — Воззваніе къ Карлу-Альберту. — Участь, ожидающая побѣдителей.

I.

Капитуляція, подписанная въ Венеціи, вечеромъ 22 марта, австрійскимъ маршаломъ, графомъ Зичи, заключала слѣдующія весьма важныя условія: „Статья 2. Полкъ Кинскаго и кроатскій, артиллерія, инженерный отрядъ очистятъ городъ и форты. Всѣ итальянскія войска и итальянскіе офицеры останутся въ Венеціи. — Статья 3. Всѣ боевые припасы останутся въ Венеціи.— Статья 8. Всѣ кассы останутся въ Венеціи; будутъ выданы необходимыя деньги для уплаты жалованья войскамъ и для ихъ перевозки. Жалованье заплатится за три мѣсяца.“ Мы уже знаемъ, какъ легко

Венеція овладѣла арсеналомъ и черезъ это пріобрѣла для своей сухопутной и морской обороны порядочный запасъ военныхъ снарядовъ; въ различныхъ общественныхъ кассахъ лежало 10,000,000 лиръ, а этого было достаточно на первое время; итальянскіе батальоны могли служить кадрами для образованія регулярной арміи. Городская стража, составленная, 23 марта, изъ 7,000 человѣкъ, увеличивалась со дня на день. Всюду формировались волонтеры, горѣвшіе нетерпѣніемъ выгнать австрійцевъ съ твердой земли также точно, какъ ихъ выгнали изъ Венеціи.

II.

22-го, на другой сторонѣ залива, въ Полѣ, остановилась флотилія изъ девяти судовъ, подъ австрійскимъ флагомъ; матросы на ней были венеціянцы и далматы. Не было сомнѣнія, что по первому призыву, она не замедлитъ поспѣшить на помощь льву Святаго Марка. Тогда Венеція, повелительница Адріатическаго моря, могла бы господствовать надъ Тріестомъ и попытаться овладѣть своими прежними морскими владѣніями. Черезъ это, силы и могущество Венеціи удвоивались. Она не нуждалась бы тогда призывать на помощь сардинскій, неаполитанскій, или иностранные флоты; она чувствовала, какъ черезъ это усилилось бы ея вліяніе на судьбы Италіи.

Эта спасительная мысль явилась, но не была исполнена — вслѣдствіе несчастной случайности — членами муниципалитета, на одну ночь преобразованнаго капитуляціей во временное правительство. Пароходъ Ллойда имѣлъ порученіе отправиться въ Полу для передачи прямо флоту депеши, извѣщавшей объ освобожденіи Венеціи, прежде чѣмъ австрійскія власти могли бы воспрепятствовать его отправленію. Пароходъ былъ уже готовъ къ отплытію, какъ экъ-губер-

наторъ просилъ позволенія отправиться на немъ, такъ какъ изъ Полы пароходъ шелъ въ Тріестъ.

Посреди замѣшательствъ, неизбѣжно соединенныхъ съ первымъ торжествомъ революціи, не думая о послѣдствіяхъ, дано было согласіе на просьбу губернатора. Едва пароходъ вышелъ въ открытое море, какъ губернаторъ и другія австрійскія власти, бывшія на пароходѣ, принудили капитана держать путь прямо на Тріестъ. Комендантъ и командиръ войскъ, расположенныхъ въ Полѣ, были предъувѣдомлены ранѣе флота, и такъ какъ въ ихъ рукахъ были баттареи, командовавшія надъ портомъ, то и корабли остались въ повиновеніи императорскому правительству.

Только двадцать-два офицера успѣли убѣжать на маленькой лодкѣ, презирая всѣми опасностями, для защиты отечества. Потеря флота была большимъ несчастіемъ для Венеціи, гибельные результаты которой она долго оплакивала. Три военныхъ брига, крейсировавшихъ въ Адріатическомъ морѣ, прибыли въ Венецію и подняли итальянскій національный флагъ.

Радость объ освобожденіи, которое надо было ожидать нѣсколько дней ранѣе; безумное веселье о побѣдѣ одержанной безъ битвы, одной энергіей нѣсколькихъ человѣкъ, поддержанныхъ цѣлымъ народонаселеніемъ; извѣстія о пораженіи Австрійцевъ въ Миланѣ и объ успѣхѣ Венеціи, — все это смягчило горечь сожалѣнія о потери флота.

III.

Важнѣйшіе форты, господствующіе надъ входомъ въ Венецію, Брондоло, Трепорти и Малгера переходятъ въ руки жителей безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны вполнѣ деморализованныхъ австрійскихъ войскъ. Кіоджіа смѣлымъ натискомъ прогоняетъ нѣмецкія войска изъ форта Сан-Феличе,

въ которомъ они укрылись. 24-го, генералъ д'Аспръ очищаетъ Падую и отправляется съ отрядомъ, состоящимъ изъ артиллеріи и 8,000 человѣкъ, на соединеніе съ Радецкимъ, такъ поспѣшно, что оставляетъ больныхъ подъ великодушное покровительство города.

Гарнизонъ Тревизы сдается на капитуляцію. Веченца, Ровиго освобождаются. Беллуна остается во власти своихъ жителей, также какъ и Озопо съ своимъ фортомъ. Пальма-Нова, военный пунктъ, поступаетъ въ распоряженіе городской стражи подъ команду итальянскаго генерала Зукка. Удино освобождается отъ ненавистнаго ига.

Изъ восьми венеціянскихъ провинцій, семь — провозгласили свою независимость и послали въ Венецію депутатовъ. Жестокій деспотизмъ иностранцевъ свергнутъ на всемъ пространствѣ отъ береговъ Изонцо до береговъ Адижа. Мужество народонаселеній вездѣ торжествуетъ. Желѣзная лапа не тяготитъ болѣе надъ плодоносными странами.

Одна Верона, колеблющаяся въ своихъ дѣйствіяхъ, не имѣла достаточно смѣлости и обольщалась обѣщаніями эрц-[illegible], — черезъ это она упустила благопріятный случай, осталась плѣнницей и сдѣлалась центромъ операцій австрійской арміи.

IV.

22-го, Манинъ, еще не зная о быстрыхъ успѣхахъ революціи, уже восклицалъ: республика! Всѣ провинціи тотчасъ же откликнулись. Даже Верона услышала этотъ крикъ: „Да здравствуетъ венеціянская республика!“ Крики дошли до самой Далмаціи, — это было воспоминаніемъ прежняго, возрожденіемъ этой страны. Революція не напоминала итальянцамъ французскихъ гражданскихъ войнъ, которыхъ слава обагрилась кровью. Восторженнымъ умамъ итальянцевъ она напоми-

нала годину величія, могущества и богатства. Это небыло послѣднимъ днемъ революціи! — Это было пробужденіе народа. Весь періодъ времени, отъ паденія древней Венеціянской республики до ея возстановленія, изгладился изъ памяти народа. Онъ помнилъ свое настоящее только съ того времени, когда была потеряна, его независимость. Республика и освобожденіе Венеціи, по его понятію, были представленія совершенно тождественныя. Могъ ли онъ предпочесть другое, когда это составляло его прошедшее, его исторію, его преданія? Каждый камень его зданій, каждый трофей его побѣдъ выражаетъ тоже, возбуждая воспоминаніе прошлаго. Это могучее слово, казалось было написано на всѣхъ стѣнахъ. Безсмертныя произведенія живописцевъ, поэтовъ, распространили по всему свѣту это слово и оставили его, какъ священное вѣрованіе, потомству. Отказаться отъ этого слова, — значило отказаться отъ самаго себя, измѣнить своимъ началамъ, разорвать знамя освобожденія, разбить льва святаго Марка!

Самолюбіе, желаніе отдѣлиться отъ общей семьи итальянцевъ не входили въ программу людей, провозгласившихъ республику. Развѣ цѣль не была всѣмъ обща? Не общій ли стыдъ надо было смыть, не всѣмъ ли было нужно одинаково отмстить, не однѣ ли и тѣже оковы — разбить? Развѣ не у всѣхъ была одна и таже потребность осуществить общія надежды? Для Венеціи, воспоминаніе о монархіи, было воспоминаніемъ бѣдствій и рабства. Неужели, смѣняя династію, она дѣлала это для того, чтобы безразсудно предаться другой? Карлъ-Альбертъ былъ извѣстенъ однимъ своимъ сопротивленіемъ либеральнымъ началамъ. Поэты воспѣли только его прошедшія жестокости; его имя, внушая сомнѣніе, являлось плохой гарантіей революціи. Предавшись ему, не подвергнуть ли они себя безпомощному состоянію? Если же эта боязнь, это недовѣріе ни на чемъ не основаны, если предаться Карлу-Альберту необходимо для спасенія Италіи, то и въ такомъ случаѣ республика

не есть препятствіе, — Венеція всегда останется распорядительницей своей судьбы; она дастъ часть своей власти тому лицу и въ тотъ день, когда почтетъ это полезнымъ для своего будущаго, для будущаго Италіи. Но зачѣмъ спѣшить? Венеція не можетъ противиться, далеко превосходнымъ силамъ Имперіи, безъ пособія всѣхъ владѣтелей Италіи, или безъ помощи Франціи. Но предаться одному государю, не значитъ ли это, оттолкнуть отъ себя прочихъ и даже, можетъ быть, Францію? Объявленіе республики въ Венеціи имѣло, напротивъ, ту выгоду, что, сохраняя свою независимость, она могла во всякое время заняться своею судьбою, заключать союзы, просить помощи. 22-го утромъ, самъ сардинскій генеральный консулъ совѣтовалъ тоже Манину въ своемъ письмѣ. Преданіе, чувство, разумъ, политика съ перваго же дня воодушевили одною мыслію всѣ умы и всѣ сердца.

V.

23-го, все народонаселеніе Венеціи, національная гвардія съ оружіемъ въ рукахъ, граждане, работники, дворяне, духовенство собрались на площади, передъ древнимъ храмомъ святаго Марка, съ которымъ были соединены воспоминанія прошедшихъ вѣковъ. Народъ провозгласилъ республику и образовалъ свое правленіе. Манинъ, по волѣ народной, былъ избранъ президентомъ.

Послѣдній дожъ былъ тоже Манинъ. Случай предоставилъ поднять снова знамя свободы человѣку, одной фамиліи съ тѣмъ, который его выронилъ изъ своихъ рукъ.

Генералъ Менгальдо, начальникъ городской стражи, которому муниципалитетъ временно вручилъ власть, представилъ народу, для избранія вмѣстѣ съ Маниномъ, имена слѣдующихъ министровъ, которые должны были вмѣстѣ составить правленіе: знаменитый поэтъ Томмазео, извѣстный адвокатъ Кастелли, Палеокапа — инженеръ, извѣстный своими за-

мѣчательными работами, Левъ Пинчерле, другъ Манина, поборникъ соединенія всѣхъ религій, Тоффоли-портной, Паулуччи, Каммерата, Солера и Менгальдо, оставленный начальникомъ городской стражи. Единодушіе было полное. Въ народѣ, соединенномъ одною общею цѣлью, была одна душа, одна воля: стряхнуть пыль, покрывавшую древнюю и славную венеціянскую республику; снять съ нея саванъ и воззвать ее къ жизни, но не такъ какъ прежде — содѣйствіемъ аристократіи, державшей въ рукахъ своихъ судьбу государства; возобновить не прежній городъ, давившій, своимъ преобладаніемъ, провинціи, но возстановить ея прежнюю свободу, вмѣстѣ съ улучшеніями, просвѣщеніемъ, выработаннымъ современной революціей, вмѣстѣ съ свободой, равенствомъ правъ, братствомъ — этими принципами демократіи.

VI.

Оборона Венеціи и защита провинцій были первою заботою правительства. Австрійскія войска были отброшены, разсѣяны, деморализованы, но не уничтожены. Они могли остановиться въ своемъ бѣгствѣ, сосчитать свои силы, сосредоточиться и пойти войной противъ страны, изъ которой они были изгнаны; ожесточенныя своими бѣдствіями, они будутъ готовы смыть свой стыдъ и свое несчастіе кровью и опустошеніемъ. Конечно, революціонныя движенія внутри имперіи, въ Галиціи, въ Венгріи и Богеміи были значительной диверсіей, ослабляли австрійское правительство, отвлекая часть войска. Но быть можетъ, революціонныя движенія въ Имперіи ослабнутъ вслѣдствіе взаимной вражды различныхъ національностей? А развѣ не могутъ явиться на границахъ новыя когорты, движимыя самолюбіемъ и національной враждой? Фріуль, Тироль, море— дороги открытыя; нужно имѣть организованную армію, чтобы задержать непріятеля, а Венеція не скоро могла образовать ее.

Недовѣрчивое австрійское правительство не основало въ странѣ, ни инженерной, ни артиллерійской школы; жители не имѣли понятія какъ владѣть оружіемъ, они не знали тактическихъ правилъ. Города, большею частію неукрѣпленные, защищаемые однѣми баррикадами, могли противоставить одно мужество народа военной наукѣ, дисциплинѣ, пушкамъ; они могли сперва представить отчаянное сопротивленіе, но должны были вскорѣ пасть. Венеціянское правительство много довѣряло революціоннымъ порывамъ, которые были причиной его торжества, но это довѣріе не ослѣпляло ихъ по отношенію къ опасности ихъ положенія; вслѣдствіе чего оно и послѣшило, 28 марта, образовать комитетъ защиты.

VII.

Венеція, — центръ и убѣжище провинцій; сохраненіе ея, какъ стратегическаго пункта, необходимо для спасенія Италіи, а потому оборона ея требовала немедленныхъ работъ. Надлежало озаботиться о ихъ быстромъ исполненіи со стороны моря и суши. Провинціи нуждались тоже въ общей системѣ укрѣпленій; границы, неукрѣпленные города, укрѣпленныя позиціи должны были быть тщательно защищены. Планъ былъ составленъ, и принялись за его исполненіе.

Венеція, по своему исключительному положенію, скорѣе укрѣпленная провинція, чѣмъ крѣпость. Ее защищаетъ линія фортовъ, расположенныхъ цѣпью на разстояніи 70 миль. Въ военномъ отношеніи она раздѣляется на три части: первая отъ города до Фузины, потомъ поворачиваетъ у Магеры, достигаетъ воротъ Дель-Зиле, загибается у Трепорти и кончается въ Сантъ-Эразмо; длина этой части укрѣпленій равняется 42 милямъ и защищена 19-ю фортами или фортификаціонными ботами. Вторая — составлена изъ линіи Лиди, простирается отъ вершины святаго Николая, черезъ Маламокко и Альбе-

рини, до оконечности Мурацци-де-Палестрина; длина этой линіи—20 миль, она защищается тринадцатью укрѣпленіями различныхъ родовъ. Третья часть заключаетъ въ себѣ Кіоджію и Брондоло до Фоце-дель-Бринта; она защищена шестью фортами. Эти укрѣпленія, безъ артиллеріи и припасовъ, были заброшены австрійцами, не боявшимися нападенія. Надлежало немедленно ихъ исправить и вооружить для безопасности лагунъ и каналовъ, удобныхъ для высадки, нападеній и опустошеній, которыя могъ произвести непріятельскій флотъ, имѣвшій полную возможность тотчасъ зафрахтовать нѣсколько пароходовъ торговой австрійской компаніи Ллойда. Въ нѣсколько дней возобновляютъ стѣны, устраиваютъ палиссады. Снаряды, свинецъ, порохъ, припасы доставляютъ на всѣ пункты: 77 вооруженныхъ судовъ поставлены въ устьяхъ, при входахъ: 327 орудій, искусно расположенныхъ, дѣлаютъ грозную оборону. Правительство приглашаетъ на службу моряковъ, работающихъ на комерческихъ судахъ; 800 рабочихъ наняты для присоединенія къ 1.100 арсенальнымъ. Офицеры управляютъ работами подъ командой контръ-адмирала Граціани и морскаго министра Паолуччи. Вездѣ сильное рвеніе. Арсеналъ оживаетъ. Корветъ «la Sivica» готовъ идти на стоянку въ портъ Лидо. Нѣсколько дней спустя военный бригъ «il Crociato» вступаетъ подъ-паруса. Вскорѣ бригъ «il San-Marco», корветъ перваго разряда «la Lombardia» и другой «l'Indipendencia», готовы выйти изъ арсенала. Отдѣлка шкуны «la Fenice» и двухъ бриговъ «il Delfino» и «il Camaleonte» оканчиваются. Старый паровой корветъ «il Pio Nono» и «Veloce» исправлены. На верфи быстро подвигается впередъ постройка превосходнаго фрегата «l'Italia» При видѣ энтузіазма начальниковъ и рабочихъ, при видѣ ихъ дѣятельности, становится ясно, что любовь къ отечеству, а не иностранное правительство, управляетъ всѣмъ.

VIII.

Между тѣмъ, какъ работы по устройству защиты идутъ быстро впередъ, граждане, желающіе сражаться за спасеніе Италіи, организуютъ армію: хорошо организованной арміи нужно противопоставить другую такую же. Батальонъ гренадеровъ, одинъ изъ полковъ Вимифена, другой батальонъ, распредѣленный между Венеціей, Кіоджіа и Местре, для исправленія полицейской службы, всѣ, составленные изъ итальянцевъ и оставшіеся вслѣдствіе капитуляціи, могутъ служить для образованія кадровъ. Военный министръ, Солера, старый отставной офицеръ, обратился съ приглашеніемъ къ солдатамъ, бывшимъ наканунѣ въ австрійской службѣ. Но офицеры, почти всѣ нѣмцы, уѣхали; отрядъ остался безъ дисциплины и начальниковъ. Солдаты,—возставшіе противъ прежняго правительства, со дня на день ожидавшіе встрѣчи съ арміей, отъ которой были отдѣлены, и полагавши, что ихъ будутъ считать за дезертировъ и разстрѣляютъ, если попадутся въ плѣнъ, — просятъ отставки или переформированія. Не поддавшіеся подобнымъ опасеніямъ требуютъ позволенія возвратиться на родину, чтобы тамъ защищать свои дома и семейства. Генералъ, потерявъ надежду убѣдить ихъ, совѣтуетъ правительству, изъявить свое согласіе на то, въ чемъ онъ не вправѣ отказать. Просившіеся въ отставку, вступаютъ, по приглашенію правительства, во вновь формируемые отряды. 27 марта, учреждаютъ 10 батальоновъ подвижной стражи, состоящей каждый изъ 6 ротъ, по сту человѣкъ въ каждой; высокая плата за службу, право назначать офицеровъ до командира батальона, все это принуждаетъ большую часть итальянскихъ солдатъ вступить въ эти отряды. Находившіеся на службѣ въ полиціи вступаютъ въ волонтерскія жандармскія роты, учрежденныя декретомъ отъ 28-го марта.

Гренадеры, большею частію жители Фріуля, возвращаются въ горы, гдѣ не остаются въ бездѣйствіи. Небольшое число изъ этихъ 3,000 солдатъ было потеряно для защиты страны; между тѣмъ явились жалобы на ихъ удаленіе и генералъ Солера вышелъ изъ министерства. Паолуччи взялъ на себя управленіе военнымъ министерствомъ, оставаясь въ то же время и морскимъ министромъ.

Конечно, дѣятельный, искусный генералъ могъ бы образовать изъ остатковъ войскъ и волонтеровъ хорошо организованную армію. Онъ бы успокоилъ однихъ, вселилъ бы довѣріе въ другихъ, подчинилъ бы людей и дѣло своей волѣ и сталъ бы выше обстоятельствъ. Но такого генерала не было. Подобнаго — просили у Піемонта и прочихъ государствъ Италіи, а въ ожиданіи, венеціянское правительство подготовляло, что было возможно.

21 марта, венеціянское знамя было составлено изъ трехъ цвѣтовъ: зеленаго, бѣлаго и краснаго. 27-го марта, устройство отрядовъ артиллеристовъ, морскихъ солдатъ, было подвинуто впередъ и ясно улучшено; граждане, отъ 18 до 55 лѣтъ, были призваны для принятія участія въ городской стражѣ. 28-го, комитетъ защиты началъ свои работы. 29-го, призываютъ старыхъ офицеровъ наполеоновскихъ временъ и иностранцевъ для борьбы за спасеніе Италіи. 31-го, издается декретъ объ образованіи отряда артиллеріи; молодые люди первыхъ фамилій желаютъ записаться въ него. 3-го апрѣля, формируется, посредствомъ приглашенія волонтеровъ, эскадронъ регулярной кавалеріи. Телеграфическія линіи, центръ которыхъ — на башни Святаго Марка, связываютъ одинъ конецъ прибрежья съ другимъ, чтобы возможно было тотчасъ дать извѣстіе о приближеніи непріятеля. 6-го, уполномочиваютъ общины на необходимыя издержки для итальянскихъ войскъ, находящихся на содержаніи націи. Рѣшаютъ оставить чиновникамъ, которые возьмутся за оружіе, ихъ мѣста и жало-

ванье. Деньги, лежащія въ кассахъ государства, служатъ для уплаты за издержки на военныя приготовленія и припасы. Нани и Цанардини посланы во Францію для покупки 10,000 ружей.

IX.

Правительство не имѣло ни времени, ни силы, ни средствъ прибѣгнуть къ усиленной конскрипціи, которая не доставила бы солдатъ, а поселила бы въ деревняхъ отвращеніе къ революціи. Болѣе вѣроятнаго успѣха можно было добиться, обращаясь къ чувству народному, возбуждая ненависть къ австрійцамъ. Довѣріе къ правительству не ослабѣвало. Нѣкоторые изъ гражданъ, самые преданные дѣлу революціи, пригласили своихъ единомышленниковъ къ образованію отряда въ родѣ прежнихъ крестоносцевъ, съ крестомъ на знамени и груди, и, во имя Господа искупителя и освобожденія отечества, они устремились на непріятеля. 5-го апрѣля, первый отрядъ волонтеровъ, подъ командой Эрнеста Грондони, явился на площадь Святаго Марка, посреди густой толпы народа, чтобы испросить благословенія у кардинала-патріарха и услышать напутственную рѣчь отъ президента. Патріархъ благословилъ ихъ; Манинъ обѣщалъ вѣчную память республики о тѣхъ, которые падутъ, братскую помощь ихъ семействамъ и совѣтовалъ показать жителямъ венеціянскихъ областей, какъ спѣшитъ Венеція принять участіе въ общей защитѣ. Народъ привѣтствуетъ ихъ криками, шлетъ имъ желанія успѣха, аплодисменты, поцѣлуи, слезы. 8-го и 9-го, новыя колонны, подъ командой двухъ братьевъ Церманъ, Джироламо Мичіеля, Даніила Франческони, получаютъ подобныя же свидѣтельства всеобщаго сочувствія. Другіе приготовляются имъ подражать. — Опасность на границѣ, — спѣшатъ туда.

X.

Провинціи не оставались въ бездѣйствіи. Вездѣ тѣже усилія: образованіе комитетовъ для устройства обороны, сформированіе городской стражи изъ волонтеровъ. Венеція посылаетъ всѣ ружья и боевые снаряды, которые только можетъ удѣлить; все это распредѣляется между различными мѣстностями. Неукрѣпленные города, какъ Виченца, устроиваютъ баррикады; крѣпости возобновляются. Опытные воины, солдаты, привыкшіе къ войнѣ, волонтеры, готовые на все, запираются въ укрѣпленія, рѣшившись сохранить ихъ Италіи; отнынѣ эти крѣпости, служившія тираніи, будутъ охранять ихъ отечество. Озоно, Удино, Палма-Нова и Тальяменто образуютъ, на границахъ Италіи, отъ альпійскихъ вершинъ до Адріатическаго моря, легко защищаемую линію. Армія въ 10,000 человѣкъ, опирающаяся на укрѣпленныя позиціи, могла бы удержать армію въ три раза многочисленнѣйшую. Временное правительство Фріуля приказало, 29 марта, мобилизировать 10,000 городской стражи и ввѣрило командованіе надъ ними генералу Конти. Но декретъ не можетъ создать офицеровъ, оружія, артиллеріи, науки, солдатъ. Между прочимъ, всѣ провинціи отвѣчаютъ на этотъ призывъ. 30-го, тревизскій легіонъ отправляется изъ Тревизы подъ начальствомъ Іоанна Гритти. 1-го апрѣля, колонна изъ 270 волонтеровъ, подъ командой генералъ Зукки, оставляетъ Беллуно, чтобы занять Палма-Нову. Фелтре, Конегліано, Конеда, Валвазоне и другіе города посылаютъ отборныхъ людей. Венеціянскіе крестоносцы прибываютъ въ свою очередь. Другіе являются изъ Падуи, Ровиго, чтобы оттѣснить и захватить отрядъ непріятеля на берегахъ Адижа. Отъ вершинъ горъ до долинъ, отъ однаго конца Венеціянской области до другаго, крики: „къ оружію!“ не прекращаются.

XI.

Венеція вступила въ борьбу съ иностранцами не одна: война призывала всѣ итальянскіе народы на бой съ врагомъ. Въ Ломбардіи возстаніе шло еще болѣе судорожными порывами, сопровождавшимися кровопролитіемъ. Героизмъ жителей Милана, какъ мы уже сказали выше, восторжествовалъ, послѣ пяти-дневнаго сраженія, надъ ужаснѣйшими респрессаліями австрійцевъ, которые для того, чтобы маскировать свое отступленіе, начавшееся въ 11 часовъ ночи, 22 марта, удвоили нападеніе, поддерживали непрерывный ружейный огонь, страшную бомбардировку, пожары, грабежъ; это было послѣднее ужасное прощаніе арміи съ мужественнымъ городомъ.

Время было холодное, дождливое, дороги — испорчены, покрыты баррикадами, срубленными деревьями, рвами, запрудами. Надобно было проложить дорогу обозу, телегамъ, артиллеріи. Солдаты, не подчиняясь болѣе условіямъ дисциплины, лишенные съѣстныхъ припасовъ, предавались различнымъ крайностямъ. Деморализованные офицеры не могли приказывать. Ряды были перемѣшаны, мундировъ нельзя было узнать, такъ они были запачканы грязью и кровью. Войска были жертвою и бѣшенаго восторга, и заразительнаго страха. Отступленіе походило болѣе на бѣгство, чѣмъ на отступленіе. Фельдмаршалъ Радецкій пошелъ по дорогѣ къ Лоди. Необходимо было употребить 14 часовъ, чтобы пройти первыя десять миль отъ Милана до Мариньяно. Кроаты, прибывшіе въ городъ въ часъ пополудни, наказали жителей за слабое ихъ сопротивленіе страшнымъ опустошеніемъ, съ цѣлію внушить спасительный ужасъ другимъ городамъ. Вечеромъ, 24-го, армія расположилась лагеремъ у Лоди, занятаго кавалеріей и полкомъ линейной пѣхоты, подъ командой эрцгерцога Эриста. Имѣя въ своемъ распоряженіи переправу черезъ Адду, Радецкій вознамѣрился укрѣпиться въ этой позиціи, стянуть всѣ

свои силы, поддерживать сообщенія съ Мантуей и Вероной и произвести снова движеніе на Миланъ. Но, 25-го, онъ оставилъ линію Адды, узнавъ о революціи въ Венеціи, о возстаніи въ Брешіи и объ отступленіи итальянскаго гарнизона изъ Кремоны. Въ этотъ же день, онъ узналъ въ Кремѣ, что, сообразно его приказаніямъ, генералъ Бенедекъ очистилъ Павію вечеромъ 22-го и направился на Мантую, черезъ Казале и Бустерлинго, во главѣ отряда, состоявшаго изъ одного батальона, двухъ эскадроновъ и одной баттареи. Онъ обнародовалъ, 26-го, прокламацію, заключавшую въ себѣ изложеніе его потерь, его рѣшеній и его угрозъ:

„События, совершившіяся въ Миланѣ и другихъ городахъ, заставили меня сосредоточить свои силы и приблизиться къ базису моихъ военныхъ дѣйствій, и къ провіантскимъ складамъ. Миролюбивые жители не должны ничего бояться,— они будутъ неприкосновенны и охранены, сами и ихъ имущества; но я предупреждаю ихъ, не представлять препятствій движенію императорскихъ войскъ, которымъ приказано мною соблюдать самую строгую дисциплину. Взятый съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ немедленно преданъ военному суду и разстрѣленъ. Непоколебимая вѣрность мною предводительствуемой арміи, значительное количество войскъ, ее составляющихъ, служатъ мнѣ гарантіей въ точномъ исполненіи сдѣланныхъ мною распоряженій.“

Не смотря на возвышенный слогъ прокламаціи, фельдмаршалъ плохо скрывалъ бѣдственное состояніе войска, отсутствіе дисциплины, ропотъ офицеровъ, ежедневное бѣгство солдатъ.

XII.

Соединившись съ тремя батальонами пѣхоты и тремя баттареями, находившимися въ цитадели Пьяченцы, армія, 27-го, перейдя Огліо, прибыла въ Сончино. Нѣкоторое время, у фельд-

*

маршала была мысль броситься на Бресчію, для завладѣнія крѣпостью, но, увидѣвъ, что жители готовы отразить его нападеніе, онъ оставилъ Бресчію и направился на Монтечіаро. Въ Монтечіаро находился центръ арміи, правое крыло — въ Лонато, на бресчіанской дорогѣ, въ Пескьерѣ и Веронѣ; лѣвое крыло — въ Карпенедоло и главная квартира — въ Кастильоне-делла-Стивіере. Подобное расположеніе войскъ имѣло цѣлью защитить линію Чіезе, небольшой рѣчки, вытекающей изъ Тироля и впадающей въ Оглію. Радецкій, окруженный возстаніемъ, тревожимый отрядами волонтеровъ, узнавъ, 4-го апрѣля, о вступленіи въ Ломбардію піемонтцевъ и объ ихъ приближеніи, оставилъ Монтечіаро, бросилъ линію Чіезе, чтобы отойти за линію Манчіо, простирающуюся отъ Гардскаго озера до По, отъ Пескьеры до Мантуи. Безъ сопротивленія оставилъ онъ превосходныя позиціи: Лонато, Костильоне, Сольферино и Волта, которыя упорно защищались австрійцами противъ Бонапарта, Массены и Брюна, въ эпоху революціонныхъ войнъ.

5-го, Радецкій прибылъ въ Верону. 6-го и 7-го, армія послѣ пятнадцатидневнаго отступленія, пройдя 80 миль, утвердилась на Минчіо, оберегая мосты и переправы на Гаито, Валеджіо и Моцамбано.

„Солдаты обозначили послѣдніе дни своего отступленія вандализмомъ, укротить который офицеры были не въ силахъ. Пожары, грабежи, убійства невинныхъ были совершаемы въ Чіево, Кроче-Біанка, Санъ-Массимо, Санта-Лучіа, Томба и Томбетта *).“

XII.

Австрійская армія заняла крѣпкую позицію, извѣстную въ исторіи, какъ ключь къ Ломбардіи и Венеціи. Эта позиція—

*) Извлечено изъ дневника одного австрійскаго офицера.

между горами Тироля и рѣками По, Минчіо и Адижемъ, имѣетъ видъ четыреугольника, по угламъ котораго воздвигнуты сильныя укрѣпленія: Пескьера, Мантуя, Верона и Леньяно; во внутренности четыреугольника находится обширный укрѣпленный лагерь, простирающійся отъ итальянскаго Тироля до нѣмецкаго, по большой дорогѣ праваго берега Адижа, чрезъ Ровередо, Тренто и Больцано. 7-го апрѣля, Радецкій занялъ укрѣпленный лагерь, крѣпости четыреугольника и переправы черезъ рѣки.

1-го апрѣля, фельдмаршалъ-лейтенантъ д'Аспръ, во главѣ отряда, который онъ велъ изъ Падуи, собравъ по дорогѣ отдѣльныя части разсѣянныхъ войскъ, вступилъ въ Верону, оставленную эрцгерцогомъ Райнеромъ, бѣжавшимъ подъ прикрытіемъ кавалеріи. Обѣщанія, уступки, которыми вице-король усыпилъ патріотизмъ жителей, были взяты назадъ; осадное положеніе объявлено вновь, укрѣпленная цитадель сдѣлалась главнымъ опорнымъ пунктомъ австрійской арміи.

Жители Мантуи, троекратно намѣревавшіеся овладѣть цитаделью, тщетно ожидали помощи. Но, 23 марта, въ Мантую вступилъ гарнизонъ Модены и 8,000 отрядъ, присланный Радецкимъ, хорошо понимавшимъ, что безъ Модены оставаться австрійской арміи въ Италіи невозможно.

Фельдмаршалъ, прежде гордый предводитель 70,000 арміи, считалъ себя счастливымъ, имѣя возможность собрать 45,000 человѣкъ изъ остатковъ разныхъ гарнизоновъ. Онъ расположилъ ихъ въ знаменитомъ четыреугольникѣ, который съ Феррарскою цитаделью и городами по дорогѣ въ Тироль, занятыми нѣсколькими тысячами солдатъ, были единственными мѣстами, оставшимися во власти австрійцевъ. Австрійское правительство, въ нѣсколько дней, изъ восьми венеціянскихъ провинцій потеряло семь; сверхъ того, оно лишилось огромнаго количества военныхъ и морскихъ снарядовъ, 25,000 человѣкъ лучшихъ своихъ войскъ, убитыми, ранеными, плѣн-

ными, бѣглыми, высаженными въ Тріестѣ и итальянскими батальонами, присоединившимися къ возставшимъ. Армія могла оправиться отъ своего жалкаго состоянія, если-бъ только имѣла время запастись провіантомъ и укрѣпиться на своей позиціи, представлявшей и безъ того много выгодъ.

Но стоило только преслѣдовать ее, не теряя времени, и она навѣрно не могла бы устоять противъ хорошо организованной, равной ей численностью, итальянской арміи. Положеніе австрійцевъ было печально: они были безъ съѣстныхъ припасовъ, безъ денегъ; единственнымъ средствомъ существованія былъ для нихъ грабежъ. Кругомъ, народъ былъ въ полномъ возстаніи; къ тому же, въ войскахъ было отсутствіе всякой дисциплины, нарушаемой разногласіемъ командировъ и недостаткомъ вліянія на солдатъ. Къ этому присоединилось еще всеобщее недовѣріе къ главнокомандующему, подъ начальствомъ котораго армія потерпѣла цѣлый рядъ неудачъ. Побѣги усиливались съ каждымъ днемъ; крѣпости находились въ плохомъ состояніи защиты, такъ что для обороны ихъ и удержанія въ повиновеніи возставшаго народонаселенія требовалось большое раздробленіе силъ. Сообщенія были пресѣчены и столь затруднительны, что вѣнское правительство девять дней не получало извѣстій изъ арміи. Дорога въ Тироль могла быть пресѣчена возстаніемъ Ровередо и Тренто, что принудило бы австрійскую армію къ отступленію въ тирольскія горы.

XIV.

Члены Миланскаго военнаго комитета хорошо понимали жалкое положеніе непріятельской арміи и рѣшились безъ отдыха преслѣдовать ее, не давая времени ей опомниться. Они рѣшились тѣснить ее, лишать съѣстныхъ припасовъ, военныхъ снарядовъ, перерыть рвами дороги и завалить ихъ срубленными деревьями; спустить каналы, взорвать мосты, направить

на непріятельскую армію отряды волонтеровъ, баррикадировать самыя небольшія хижины, собрать дезертировъ, вездѣ организовать городскую стражу и переловить мародеровъ, — все это повело бы къ постепенному истребленію непріятельской арміи.

Они положили немедленно призвать народъ къ возстанію. Нѣсколько милліоновъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, вооруженныхъ ружьями, камнями, ножами, воодушевленные мыслію объ освобожденіи, могли поглотить армію въ нѣсколько тысячъ солдатъ, обращенныхъ въ бѣгство. Возстаніе должно довершить побѣду, начатую возстаніемъ же! „Однѣ и тѣже причины, ведутъ къ однѣмъ и тѣмъ же послѣдствіямъ“.

23-го, съ утра, члены комитета: Литта, Каттанео, Чернуски, Терзаги, Клеричи, Карневали, Лессони, Терони, и Торелли, не знавшіе отдыха въ продолженіи пяти сутокъ, начали заботиться о водвореніи порядка и доставленіи средствъ къ оборонѣ. По ихъ приказанію, цѣлый часъ не били въ набатъ, чтобы различить, въ какой сторонѣ гремятъ орудія. Наконецъ канонада послышалась по направленію къ Мариньяно, — тотчасъ отправляется туда колонна миланскихъ волонтеровъ; туда же спѣшатъ отряды изъ Комо, Лекко и Итальянской Швейцаріи. Члены военнаго комитета устраиваютъ оборону города, запасаются припасами и оружіемъ, на случай возвращенія австрійцевъ, распредѣляютъ вновь прибывшихъ волонтеровъ въ колонны, назначенныя для преслѣдованія непріятеля до самыхъ Альпъ; формируютъ кавалерійскій полкъ изъ лошадей, отобранныхъ у австрійцевъ. Карневали приглашаетъ желающихъ вступить въ формируемый имъ отрядъ артиллеріи и въ обозъ; Монтемерло занялся обученіемъ пѣхоты. Порохъ изготовляется въ огромномъ количествѣ; скупаютъ ружья, вещи для экипировки; все это складывается въ общественные магазины. Коммиссары разсылаются повсюду для формированія изъ отборныхъ людей отрядовъ, назначенія имъ начальниковъ, посылки отрядовъ съ цѣлью развѣдать о движеніяхъ непріятеля, изысканія средствъ

къ перевозкѣ, ускоренія движенія колоннъ, установленія сношеній между различными городами, образованія военныхъ совѣтовъ, возбужденія народа краткими и многочисленными прокламаціями.

Каждый имѣетъ свое назначеніе: члены миланскаго высшаго совѣта остаются въ Миланѣ, чтобы централизировать движеніе, другіе — отправляются для возбужденія народонаселенія. Одни спѣшатъ въ Тироль, другіе — въ Болонью, третіе — къ Мантуѣ. Всѣ идутъ туда, куда ихъ призываютъ долгъ, честь, любовь къ отечеству, ненависть къ притѣсненію. Всѣ съ нетерпѣніемъ слѣдятъ за ходомъ событій, понимая хорошо, что успѣхъ всего болѣе зависитъ отъ быстроты дѣйствій.

XV.

Манара, Арчіони, Тамбергъ, Торресъ, Анфосси, Лонгерра, Седебони, Галланти, ла-Кремонезъ-Бельтрами, импровизированные предводители возстанія, заявившіе себя мужествомъ, признаны народомъ предводителями, вслѣдствіе того, что инціатива вездѣ принадлежала-имъ. Народъ всегда слѣдуетъ за ними, зная, что въ дѣлѣ они всегда впереди. Съ первыхъ же дней, они устремляются за непріятелемъ во главѣ нѣсколькихъ колоннъ, все болѣе и болѣе возрастающихъ своею численностью. По дорогѣ къ Веронѣ, они останавливаются на короткое время въ Тревиліо; здѣсь начальство надъ ними ввѣряется генералу Лекки, назначенному временнымъ правительствомъ главнымъ предводителемъ ломбардскихъ войскъ. Они въ нетерпѣніи ждутъ сигнала къ выступленію и, наконецъ, вслѣдствіе неотступныхъ требованій члена комитета Каттанео, получаютъ приказаніе итти на непріятеля. 28-го утромъ, они вступили въ Крему, въ то время, когда хвостъ арріергарда Радецкаго выходилъ изъ города; они проходятъ черезъ Серіо, Огліо, Кіезе. Черезъ три дня они дошли уже до Сало, на берегу Гардскаго озера, и за-

хватили тамъ австрійцевъ, занимавшихся собираніемъ съ жителей контрибуціи. Сѣвши на пароходы, они высаживаются въ Дезенцано и достигаютъ Пескьеры, гдѣ отвѣчаютъ на встрѣтившій ихъ огонь артиллеріи выстрѣлами изъ своихъ карабиновъ.

Для вѣрнаго достиженія побѣды, необходимо было броситься въ Тироль, произвести тамъ возстаніе, захватить Рива, Арко, Тренто, Ровередо, произвести диверсію австрійской арміи, пресѣчь ей дорогу отъ Вероны къ Ботцену (нѣмецкій Тироль), отрѣзать ее отъ всякаго сообщенія съ имперіей и лишить всякой возможности получать помощь и провіантъ. Начальники различныхъ отрядовъ, признали, 6 Апрѣля, своимъ предводителемъ генерала Аллеманди, назначеннаго миланскимъ правительствомъ. Рѣшившись на такой планъ, они стали заботиться о приведеніи его въ исполненіе.

XVI.

Рядомъ съ пылкою, горячею молодежью, которая, благодаря своей смѣлости, считаетъ все доступнымъ, отважною вслѣдствіе своей увѣренности, славною своими успѣхами, — провозвѣстниками новыхъ успѣховъ, готовою пролить свою благородную кровь; рядомъ съ этою молодежью находились члены временнаго миланскаго правительства и старые офицеры, имъ приглашенные, которые, сознавая могущество всеобщаго возстанія, всю его силу и всю успѣшность борьбы въ городѣ, не считали однако возможнымъ бороться въ открытомъ полѣ: только регулярная армія, снабженная артиллеріей, и кавалеріей могла сражаться съ непріятелемъ, хотя и разстроеннымъ, но сильнымъ своей организаціей. Воображать, что въ равнинахъ и на переправахъ охотничьи ружья и карабины могли заставить замолкнуть пушки, — воображать подобное, казалось имъ самообольщеніемъ безразсудной храбрости, которое надлежало разсѣять. Надо

было противопоставить науку наукѣ, батальоны — баталіонамъ.

Ломбардцы не имѣли арміи, — имъ было необходимо прибѣгнуть къ помощи Піемонта. Временное правительство, вполнѣ раздѣляя такія мысли, и будучи соединено съ сардинскимъ королемъ своимъ положеніемъ и симпатіей его подданныхъ, а также и необходимостью освобожденія, съ первыхъ же дней обратилось къ Карлу-Альберту. Въ то же время, временное правительство, для охраненія народнаго самолюбія и для удовлетворенія наиболѣе высказавшихся требованій, отложило покуда вопросы, которые могли имѣть приложеніе въ будущемъ и не переставало возбуждать чувство самоотверженія, принимая всѣ мѣры, необходимыя для спасенія страны.

XVII.

22-го марта, когда мужествомъ ломбардцевъ доступъ въ Миланъ сдѣлался возможнымъ, прибылъ туда изъ Турина Генрихъ Мартини, для того, чтобъ узнать — какъ онъ говорилъ — отъ имени короля, намѣреніе миланцевъ. Временное правительство поручило ему просить короля скорой помощи, которую онъ обѣщалъ немедленно прислать, если на это согласятся миланцы.

Были долгія пренія о формѣ, въ которой должна быть принята помощь короля, и, наконецъ, 21-го, во время самыхъ жаркихъ дебатовъ, образовались два мнѣнія: одно — отдать судьбу Ломбардіи въ руки короля, другое — заключить только союзъ съ Сардиніей и предоставить побѣдоносной націи право располагать своимъ будущимъ. Первое — поддерживалось Казати, Борромео, Джіулини и ихъ единомышленниками; второе — членами военнаго комитета: Чернуски, Каттанео и ихъ друзьями.

XVIII.

Послѣдняя партія выражала желанія тѣхъ, которые бились за свободу; она отъ ихъ имени написала къ Карлу-Альберту письмо слѣдующаго содержанія:

«Военный совѣтъ, 21-го марта.

„Милостивый Государь,

Графъ Мартини!

„Городъ принадлежитъ гражданамъ, его освободившимъ. Мы не можемъ созывать ихъ для разсужденія, — имъ нужно быть на баррикадахъ. Звуки набата слышны день и ночь. Если Піемонтъ великодушно явится на помощь, — на долю его выпадетъ признательность людей всѣхъ партій. Одно только слово: признательность, можетъ замѣнить слово: республика, и соединить насъ однимъ, единственнымъ желаніемъ.

„Примите и проч.

„Карлъ Каттанео."

Въ тотъ же день, при помощи аэростатовъ, были разсѣяны слѣдующія воззванія:

„Миланцы, для довершенія побѣды и изгнанія за Альпы общаго врага Италіи, призываютъ на помощь всѣ народы и всѣхъ итальянскихъ владѣтелей, преимущественно же своего воинственнаго сосѣда — Піемонтъ."

Это выраженіе общихъ желаній, подписанное двумястами человѣкъ, было препровождено въ муниципалитетъ, во время его засѣданія, и на него должно было послѣдовать рѣшеніе, желаемое военнымъ совѣтомъ.

XIX.

Временное правительство обнародовало, 22-го, слѣдующую прокламацію:

„Было бы лишнимъ излагать мнѣнія о будущей судьбѣ нашего отечества до тѣхъ поръ, пока борьба еще не кончена. Въ настоящую минуту, у насъ одна цѣль—завоевать независимость; у добрыхъ гражданъ должна быть одна мысль — сражаться. Пусть восторжествуетъ наше дѣло и судьба наша будетъ разрѣшена народомъ. (A causa vinta i nostri destini saranno discussi e fissati dalla nazione.)

«Миланъ, 22 марта.

«Члены временнаго правительства: Казати, президентъ, Борромео, Виталіано, Литта, Стригелли, Джіулини, Дурини, Гренни, Беретта, Порро».

23-го марта, временное правительство обратилось съ слѣдующимъ письмомъ къ Піемонтскому королю:

„Непріятель, занимавшій нашъ городъ — побѣжденъ. Онъ очистилъ въ эту ночь замокъ и отступилъ по направленію къ Веронѣ, но онъ еще не далеко ушелъ отъ Милана, обозначая каждый часъ своего движенія разрушеніемъ и грабежемъ. Наши сограждане сдѣлали героическія усилія, но они не могутъ, при недостаточности средствъ, сломить гордость врага, основывающаго увѣреность свою на армію. У насъ нѣтъ хорошо организованнаго войска, нѣтъ артиллеріи; наша страна не можетъ въ столь короткое время образовать ни того, ни другаго. Мы уже призывали на помощь ваше величество еще въ то время, когда бились въ стѣнахъ Милана, готовые пасть въ другой разъ, защищая общее итальянское дѣло. Теперь, хотя городъ и освобожденъ, тѣмъ не менѣе, мы нуждаемся въ скорой и значительной помощи со стороны вашего величества.

„Временное правительство ждетъ съ нетерпѣніемъ окончательнаго рѣшенія в. в. Ваше величество! вы заслужите славу за ваше содѣйствіе святому дѣлу независимости Италіи; вы получите всеобщую признательность этого народа. Мы бы хотѣли сказать болѣе (Noi voremmo aggiungere di più), но наше значеніе — какъ временнаго правительства — не позволяетъ намъ своими желаніями опережать желанія націи, которой главное стремленіе состоитъ въ достиженіи единства Италіи."

XX.

Мы обратили особенное вниманіе на отношенія піемонтскаго короля къ ломбардцамъ въ первое время. Образъ дѣйствій, принятый Карломъ-Альбертомъ, въ отношеніи къ возставшему народонаселенію, еще во время занятія Милана австрійцами, указывали ясно на его намѣренія. Намѣренія эти вызвали выраженія желаній самыхъ значительныхъ членовъ временнаго правительства и надежды республиканцевъ, партизановъ полной независимости Италіи. Этими тремя фактами объясняется все послѣдующее.

Немного позже, всѣ партіи осыпали другъ друга упреками, обвиненіями. Естественно, что, въ столь критическихъ обстоятельствахъ, было большое разногласіе въ мнѣніяхъ, и въ то же время, со всѣхъ сторонъ любовь къ отечеству. Одни проливали свою кровь, другіе жертвовали имуществомъ, третіе подвергались изгнанію, смерти, — каждый стремился къ одной общей цѣли, хотя и различными путями. Безпристрастный историкъ долженъ отдать справедливость мнѣніямъ и доводамъ каждой партіи.

XXI.

Одни говорили: мы безсильны передъ могуществомъ Австріи, если мы останемся одни; сегодня побѣдители — завтра мы бу-

демъ побѣжденные; непріятель еще не изгнанъ изъ нашей территоріи; восторжествовать мы можемъ только при помощи піемонтской арміи, безъ нея наше торжество — немыслимо.

„Должно призвать ее — мы въ этомъ всѣ согласны, какъ соединенные съ ней общими интересами и какъ члены одной націи. Какъ равные ей и имѣющіе съ ней общую цѣль, мы должны опредѣлить и ограничить ея помощь; какъ сограждане, — мы соединяемся съ ней во-едино! Прибѣгнуть къ Піемонту, — значитъ прибѣгнуть къ Карлу-Альберту? обратиться къ нему, — не значитъ ли признать его королемъ? Къ чему липнія формальности, которыя покажутъ ему наше недовѣріе и охладятъ его ревность? Вы упрекаете насъ въ сочувствіи къ Карлу-Альберту: мы призываемъ его, какъ единственнаго, по нашему мнѣнію, будущаго освободителя Италіи. Къ чему торговаться съ нимъ о коронѣ, въ которой мы ему не въ силахъ отказать, если будемъ освобождены имъ отъ иностраннаго ига. А если мы падемъ? — что же? Оспаривая у него часть награды за его усилія, мы будемъ поставлять ему преграды. Мы будемъ заявлять ему наши скрытыя мысли, чтобы волновать его! Мы отвлечемъ его вниманіе отъ заботъ объ единствѣ Италіи длинной перспективой внутреннихъ смутъ. Развѣ соединеніе съ Піемонтомъ не есть шагъ впередъ къ единству Италіи, столь неизмѣнно желаемому всѣми? Идемъ же всѣ вмѣстѣ, и такъ какъ, вслѣдствіе стеченія обстоятельствъ, Карлъ-Альбертъ назначенъ судьбой орудіемъ исполненія нашихъ желаній, то ввѣримся ему не колеблясь и, да здравствуетъ общественная свобода и независимость Италіи!

XXII.

Другіе возражали: вы прибѣгаете къ Карлу-Альберту, — мы — ко всѣмъ народамъ и королямъ. Вы ограничиваете ваши стремленія дѣломъ одной только части Италіи, мы же хотимъ —

всей Италіи! Предаться одному государю. — значитъ вооружить противъ себя всѣхъ прочихъ! Знаете ли вы, какъ посмотритъ на это Пій IX, во имя котораго поднялась Италія? — Не будетъ ли онъ глядѣть со страхомъ на начало подчиненія всей Италіи одному государю? Развѣ вамъ извѣстно, какъ поступятъ великій герцогъ тосканскій и неаполитанскій король? — Согласятся ли они пожертвовать своими арміями для осуществленія намѣреній піемонтскаго короля и для увеличенія его владѣній? Лучше немедленно короновать Карла-Альберта желѣзной короной, чѣмъ слѣдовать вашему плану дѣйствій. Мы повторимъ исторію старыхъ распрей ломбардскихъ королей и герцоговъ Висконти, результатомъ которыхъ будетъ возбужденіе недовѣрія къ вамъ остальной Италіи. Развѣ уроки прошедшаго не дѣйствуютъ на васъ? Свобода едва достигнута, и вы уже хотите проститься съ ней! Сохраните ее, хотя нѣсколько дней; дайте себѣ время оглядѣться! Вы считаете себя несчастными, будучи разъ въ жизни распорядителями своей судьбы! Право располагать участью Ломбардіи принадлежитъ ей одной, ея народу; на это мы, ни какъ отдѣльныя личности, ни какъ временное правительство, не имѣемъ права. Можете ли вы собрать въ эту минуту гражданъ, чтобы вотировать столь важный вопросъ, гражданъ, занятыхъ защитою жизни вашей, семействъ, отечества? Начнемъ новую эру уваженіемъ всѣхъ мнѣній, уваженіемъ благородныхъ иллюзій воинственной молодежи. Если вчера было несвоевременно объявленіе республики, — неужели сегодня время объявить монархію? Когда мы покончимъ съ непріятелемъ, а causa vinta, народъ рѣшитъ, что дѣлать. Но развѣ теперь вы хотите безусловно отдаться? — ничего не можетъ быть безразсуднѣе. Можно ли довѣриться тому, кто уже разъ не сдержалъ своего слова, и который оставитъ васъ теперь на жертву врагу, если вы не отдадитесь ему? Хотите ли вы заключить съ нимъ торговую сдѣлку, или трактатъ? — Пусть сперва онъ освободитъ Италію и тогда

уже ждетъ короны отъ вполнѣ свободнаго народа, не въ видѣ платы, а какъ знакъ признательности. Тогда мы подавимъ въ сердцахъ нашихъ наши убѣжденія, мы съумѣемъ пожертвовать тогда нашими желаніями полной независимости и свободы — единству, спасенію и благосостоянію нашей родины.

XXIII.

Члены временнаго правительства, убѣжденные логичностію этихъ доводовъ, хотя и не вполнѣ согласные съ этими мнѣніями, и надѣясь, что рано или поздно большинство будетъ на ихъсторонѣ, рѣшились продолжать энергически дѣло освобожденія и, 28 марта, обратились къ итальянцамъ, живущимъ внѣ отечества, къ швейцарцамъ и полякамъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сардинія: энтузіазмъ, возбужденный извѣстіемъ о революціи въ Миланѣ и Венеціи. — Отправленіе волонтеровъ.—Возбужденное состояніе прессы. — Карлъ-Альбертъ колеблется. — Англія, послѣ 24 Февраля, умѣряетъ свою либеральную политику относительно Италіи.—Австрія, одновременно съ Піемонтомъ, обращается къ Англіи. — Пальмерстонъ измѣняетъ свою политику относительно Піемонта и сближается съ Австріей. — Первоначальное расположеніе піемонтскаго короля къ союзу съ Австріей противъ Французской республики.—Карлъ-Альбертъ узнаетъ о торжествѣ ломбардскаго возстанія и измѣняетъ свою политику.—Онъ рѣшается, 25 Марта, на союзъ съ Ломбардіей. — Его прокламація: l'Italia farà da se. — Его боязнь французской пропаганды. — Оправданіе его передъ Европой: онъ объясняетъ свои дѣйствія желаніемъ воспрепятствовать народамъ провозгласить республику и тѣмъ оказать услугу всѣмъ государямъ.—Предлогъ къ разрыву Піемонта съ Австріей. — Презрѣніе Австріи, обращающейся съ воззваніемъ къ Европѣ. — Армія Карла-Альберта переходитъ Тессино. — Отвѣтъ короля на обвиненіе въ медленности и самолюбіи. — Піемонтская армія у Минчіо, въ виду австрійцевъ. — Карлъ-Альбертъ подавляетъ революціонное движеніе.

I.

18-го марта получены извѣстія о первыхъ схваткахъ австрійцевъ съ миланцами; всеобщій трепетъ распространился, 19 числа, въ Піемонтѣ. Все народонаселеніе взволновалось: звуки набата миланскихъ церквей дошли до самой глубины сердца и казались голосомъ свыше, звавшимъ Италію на борьбу съ иностранцами. Народъ сбѣгался на площадяхъ, наполнялъ кофейни; всѣ спѣшили узнать малѣйшія подробности еще не вполнѣ извѣстныхъ фактовъ.

Всеобщее удивленіе росло вмѣстѣ съ ходомъ совершавшейся драмы; надежда, страхъ, сочувствіе, месть, — однимъ словомъ, всѣ страсти, возбужденныя любовью къ отечеству, наполняли сердца всѣхъ. Никогда національное движеніе не овладѣвало такъ сильно народомъ. Одни, — случайные трибуны, волновали умы воодушевленными рѣчами; другіе, — пламеннымъ словомъ газетъ, объявленій, прокламацій, возбуждали всѣхъ къ самопожертвованію. Одни предлагали свои руки, свою кровь для борьбы за Ломбардію, формировали колонны волонтеровъ; другіе занимались организаціей комитетовъ, подписокъ и жертвовали состояніемъ.

Самыми энергическими двигателями были: въ Генуѣ—Нино Биксіо, адвокатъ Данери, Жеоржіо Доріа; въ Мортарѣ—Франчіони; въ Александріи — Лаццарини; въ Туринѣ — Синео, Брофферіо, Торресъ и множество другихъ гражданъ, которыхъ не пересчитать. Мы уже говорили объ отрядахъ, составленныхъ изъ молодыхъ людей всѣхъ состояній, всѣхъ профессій, устремившихся къ границѣ, изъ Верчелли, Виджевано, Чиваско, Казале, Нови и другихъ городовъ, пѣшкомъ, въ повозкахъ, верхомъ, въ каретахъ, на почтовыхъ. Рвеніе было постоянное, энтузіазмъ — всеобщій. Воодушевленіе возрастало безпрестанно, общественное мнѣніе росло такъ быстро, заявляло себя такъ настойчиво и такъ рѣшительно, что правительство не имѣло силы ни сдержать, ни умѣрить его.

II.

19 числа, въ Туринѣ, министры, только что вступившіе въ управленіе, были собраны на совѣтъ къ королю. Они видѣли, отправляясь во дворецъ, какъ въ городѣ все волновалось. Объявленія сзывали народъ въ общественный садъ: должно было предвидѣть сильныя изъявленія сочувствія миланцамъ.

Надобно было, хотя для виду, показать сочувствіе народу и вотъ было рѣшено и объявлено объ образованіи трехъ наблюдательныхъ корпусовъ въ Чивассо, Нови и Казале.

Тотчасъ отданы были приказанія о приведеніи въ исполненіе распоряженій совѣта. Министры обвиняли своихъ предшественниковъ, не заботившихся о приведеніи Піемонта въ оборонительное состояніе, въ томъ, что они расположили войска въ округахъ близкихъ съ Франціей, а не съ Австріей. Немедленно распубликована была программа министерства, обѣщавшая наибольшее развитіе парламентскаго образа правленія, законъ относительно прессы съ окончательнымъ уничтоженіемъ цензуры и скорое созваніе палатъ.

III.

Но уступки, сдѣланныя правительствомъ общественному мнѣнію, не утишили и не ослабили всеобщаго настроенія. Учрежденіе трехъ обсерваціонныхъ корпусовъ казалось гражданамъ, взывавшимъ къ оружію, какимъ-то равнодушіемъ, какою-то холодностію къ дѣлу Италіи. Жалобы, восклицанія, укоры, обвиненія, угрозы слышались со всѣхъ сторонъ! Даже партизаны Карла-Альберта, мечтавшіе о сѣверномъ итальянскомъ королевствѣ подъ его скипетромъ, не отставали отъ другихъ въ заявленіи своихъ чувствъ. Біанки-Джіовани напечаталъ въ «le Messager», передовомъ журналѣ, издаваемомъ подъ главной редакціей Брофферіо, статью, въ которой было очерчено состояніе дѣлъ. Этой статьей, исполненной жаромъ увлекательнаго краснорѣчія, онъ старается возбудить энергію министровъ и самого короля. „Рано или поздно гнѣвъ божій разразится надъ головами злодѣевъ, проливших кровь миланцевъ и разрушившихъ великолѣпный городъ!... Овладѣвшее нами нетерпѣніе дѣлаетъ образъ дѣйствій министровъ слишкомъ медленнымъ! Здѣсь жизнь идетъ днями, — въ Ми-

ланѣ часами, минутами. Желѣзная корона въ Монцѣ, а не въ іезуитскомъ монастырѣ и не въ милости Меттерниха. Архіепископъ, который возложитъ на короля итальянскую корону. на другомъ берегу Тессино! Перейдемъ рѣку! Министры, будьте мужественны! Будь мужественъ король! Счастіе — помощникъ смѣлыхъ, — оно покидаетъ трусовъ! Мы малочисленны, у насъ нѣтъ магазиновъ, средствъ къ нападенію, у насъ мало порядка и не много дисциплины! Если насъ будетъ десять тысячъ — идемъ! Если — пять, — идемъ! если — три, — идемъ! если насъ будетъ одинъ батальонъ и тогда идемъ! Перейдемъ Тессино, чтобы развернуть знамя съ девизомъ Савойи! Этого довольно, — армія пойдетъ за нами. Піемонтскій барабанъ раздастся отъ одного конца Ломбардіи до другого, воодушевитъ еще болѣе возставшихъ! Къ оружію! къ оружію! въ Миланъ! на Минчіо! на Адижъ! тамъ — обѣтованная земля, тамъ — угнетенные братья! тамъ и угнетатели 36,000,000 людей! О! да не погибнетъ Миланъ! Миланъ, — слава Ломбардіи! столь прекрасный городъ, столь богатый, мужественный, гостепріимный! — мѣсторожденіе столькихъ геніевъ, столькихъ великихъ произведеній, памятниковъ! О! да не погибнетъ Миланъ! Идемъ! бѣжимъ! Богъ, да благословитъ Италію! Побѣда за нами!.“

Онъ же писалъ: „Министры, ваши предшественники, видя Францію, сокрушившую въ теченіи 50 лѣтъ троны трехъ королей и сдѣлавшуюся республикой, сочли это поводомъ, чтобы уклониться на старую дорогу. Они пытались сблизиться съ Австріей (un avvicinamento coll'Austria). Вы смѣло вступайте на новую дорогу, рука объ руку съ Франціей! Франція, Италія, Швейцарія, соединившись искренно вмѣстѣ, способны держать въ рукахъ своихъ судьбы Европы (Tengono il nodo dell'Europa!).

IV.

Требованіе народа, заявленное въ послѣдній разъ правительству и неисполненное имъ тогда, появилось опять, 21 марта.

„Мы опять тоже говоримъ и тоже повторяемъ! — дай намъ Богъ быть услышанными! Если наше правительство промедлитъ еще хотя одну минуту и не двинетъ своихъ войскъ въ Ломбардію, оно обречетъ на гибель прочія провинціи Италіи и даже самый Піемонтъ. Въ случаѣ, если Австріи удастся подавить ломбардское возстаніе, мы будемъ свидѣтелями ужасной реакціи, которой подвергнется ретоградная партія со стороны крайней и даже умѣренной партіи.

Побѣда, добытая единственно силами возставшихъ, безъ помощи піемонтскихъ войскъ, поведетъ къ провозглашенію республики и присоединенію къ Швейцаріи или Франціи. Умы, которые теперь начинаютъ привыкать къ либерально-конституціонному началу и начинаютъ любить его, при такомъ образѣ дѣйствій, быстро отдѣлятъ свои стремленія отъ стремленій чисто-конституціонныхъ и тогда начнется ужасная война. Пусть услышатъ насъ всѣ, которымъ должно насъ слышать! Народъ будетъ бороться одинъ, своими собственными силами, если итальянскіе государи не хотятъ обнажить своей шпаги на защиту отечества. Если героическая оборона Милана увѣнчается успѣхомъ и ему удастся стряхнуть съ себя иго Австріи, повѣрьте, — миланцы не захотятъ подчиниться тому, кто не поспѣшилъ къ нимъ на помощь, когда кровь ихъ лилась рѣкою, когда они мучились въ предсмертной агоніи.

Франція не упуститъ случая покровительствовать дѣлу итальянской народности, хорошо понимая въ настоящую минуту все значеніе ломбардскаго возстанія. Собственное положеніе Франціи, въ настоящее время, крайне затруднительно: финансы ея въ плохомъ состояніи при всеобщемъ недостаткѣ

кредита, организація труда — вопросъ тяготѣющій надъ ней всею своею тяжестью, наконецъ, — всѣ внутреннія неустройства и безпорядки, однимъ словомъ — все это волнуетъ умы и требуетъ разрѣшенія. Слава республики и величіе имперіи — вотъ исходъ, къ которому должна стремиться Франція. Но если Франція, вступивъ въ борьбу за итальянскую народность, пойдетъ впереди итальянскихъ государей, — не привлечетъ ли она къ себѣ всю симпатію народа? Подобный рыцарскій поступокъ, подобная любовь къ человѣчеству и наконецъ услуга, оказанная народу, все это вмѣстѣ составитъ довольно сильный предлогъ къ признательности со стороны освобожденнаго и къ соединенію съ освободителемъ. Угнетенные, покинутые, весьма легко соединяютъ свои мысли и свою судьбу съ тѣми, которые, какъ ангелы освободители, явились къ нимъ на помощь въ самое тяжелое время, чтобы извлечь ихъ изъ могилы, въ которую они были заключены. Благодарность сдѣлаетъ миланцевъ республиканцами; ихъ страданія и надежды способны сдѣлать ихъ въ настоящую минуту конституціонистами. Пусть государи подумаютъ о томъ значеніи, которое будетъ имѣть французская армія, идущая впереди всѣхъ бороться за свободу!.... Пусть они подумаютъ объ одномъ изъ этихъ рѣшеній: или война съ Австріей! или — съ народомъ! или же....!“

Выраженіе высокаго политическаго чувства, заключающееся въ этой статьѣ возбудило всеобщее сочувствіе.

V.

Карлъ-Альбертъ прислушивался къ ропоту и требованіямъ общественнаго мнѣнія, значеніе и послѣдствія котораго онъ могъ оцѣнить лучше другихъ. Рѣшительный часъ наступилъ, а онъ выжидалъ еще. Онъ такъ долго жилъ иною жизнью, что не зналъ какъ начать другую. Поставленный между про-

шедшимъ, которое не могло не оставить глубокихъ слѣдовъ на его характерѣ, и будущимъ, требовавшимъ отъ его души качествъ, ей до сихъ поръ не извѣстныхъ, онъ испытывалъ въ настоящемъ страшное затрудненіе; нерѣшимость овладѣла имъ вполнѣ. Въ немъ происходила борьба двухъ началъ, враждебныхъ другъ другу. Онъ долженъ былъ пересоздать себя: сдѣлаться изъ человѣка боязливаго — смѣлымъ, изъ миролюбиваго государя — воинственнымъ. Онъ согласился на изгнаніе іезуитовъ, долго управлявшихъ его совѣстью. Онъ долженъ былъ объявить войну Австріи, подъ вліяніемъ которой находился. Государь не большаго королевства, онъ долженъ былъ принять на свою отвѣтственность дѣло освобожденія всей Италіи. Почти незнакомый съ военнымъ искусствомъ, онъ долженъ былъ стать во главѣ арміи, предводительствовать ею, вдохновлять ее. Привыкшій къ тишинѣ и спокойствію монастырей, Карлъ-Альбертъ долженъ былъ преобразиться въ героя сраженій. Подавивши въ своемъ государствѣ духъ партій, онъ стремился теперь стать во главѣ всѣхъ партій, мечтавшихъ о единствѣ Италіи. Въ немъ были всѣ противоположности: сквозь новыя стремленія пробивались прежнія чувства, новый человѣкъ не могъ побѣдить стараго. Отсюда постоянныя противорѣчія, легко объяснимыя, если подумать о томъ, чѣмъ онъ былъ прежде и чѣмъ хотѣлъ быть теперь.

VI.

Графъ Арезе, отправившійся изъ Милана въ началѣ возстанія, прибылъ въ Туринъ ночью, 19 марта, чтобы просить помощи у піемонтскаго правительства. 20-го утромъ, онъ видѣлся съ министрами и отправился обратно, недовольный результатомъ переговоровъ: ему не удалось даже имѣть свиданія съ королемъ. Карлъ-Альбертъ не выразилъ своего окончательна-

го рѣшенія, потому ли что не зналъ размѣра и силы возстанія, или же онъ ждалъ, чтобъ его призвало достаточно окрѣпшее революціонное правительство и тогда онъ имѣлъ бы предлогъ и оправданіе своему вмѣшательству.

Министерство сообщило англійскому посланнику Аберкромби объясненіе по поводу образованія обсерваціонныхъ корпусовъ. Объясненіе это было сообщено, 20 марта, лорду Пальмерстону въ слѣдующихъ словахъ: „Собраніе войскъ на сардинской границѣ есть мѣра, исполненіемъ которой нельзя было болѣе медлить. Эта мѣра, вызвана интересами арміи и необходимостью сохранить дисциплину. Подобное распоряженіе имѣетъ много выгодъ: оно успокоиваетъ всеобщее волненіе публики и даетъ правительству средство уничтожить возможность столкновенія на границѣ, которое могло легко произойти при всеобщемъ раздраженіи народа".

VII.

Англійское правительство въ послѣднее время покровительствовало Піемонту и либерально-конституціоннымъ стремленіямъ, проявлявшимся въ Италіи. Но, послѣ провозглашенія республики во Франціи, англійское правительство не желало, чтобы итальянское движеніе перешло извѣстные предѣлы. Идти далѣе, по его мнѣнію, значило дать случай Франціи пріобрѣсть господствующее вліяніе надъ Италіей. Лордъ Пальмерстонъ любезно принялъ сообщеніе князя Меттерниха, отъ 4 марта, спрашивавшаго, не измѣнились ли намѣренія англійскаго правительства вслѣдствіе февральской революціи, и что оно будетъ дѣлать въ случаѣ, если „тѣ же самые люди, которые одержали побѣду въ Швейцаріи, опрокинули тронъ во Франціи въ 1830 году и желаютъ взволновать всю Европу, — захотятъ предложить Карлу-Альберту корону и отнять у Австріи всѣ ея за-альпійскія владѣнія, съ обѣ-

щаніемъ подчинить скипетру піемонтскаго короля всю верхнюю Италію".

VIII.

Англійское правительство приняло съ одинаковой симпатіей просьбу Карла-Альберта объ оказаніи ему покровительства, въ случаѣ несогласія съ Франціей. Сардинскій король писалъ чрезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Сенъ-Марсана, слѣдующую депешу къ Ревелю, піемонтскому посланнику въ Парижѣ: „Прося у британскаго правительства вниманія и совѣтовъ, изъясните ему, въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ, полное довѣріе, которое питаетъ нашъ король къ Англіи, находя постоянно въ ней свою опору и поддержку. Извѣстіе о парижской революціи пришло сюда въ день торжественнаго празднества, которымъ народъ заявлялъ свою благодарность королю, осыпавшему нашу страну благодѣяніями. Выраженіе глубокой признательности и почтительнаго сочувствія къ его величеству даетъ намъ поводъ надѣяться, что мы счастливо избѣжимъ всѣхъ опасностей, которыя представляются намъ настоящими обстоятельствами. Но буря такъ близка къ намъ, что мы не имѣемъ права не размышлять о тѣхъ случайностяхъ, предвидѣть которыя не дано человѣку. Вслѣдствіе всего этого, король рѣшилъ пополнить вооруженія и приступить тотчасъ къ необходимымъ распоряженіямъ."

Такимъ образомъ, въ то время, какъ Австрія заявляла свои опасенія англійскому правительству, чтобы французская революція не подвинула Карла-Альберта на освобожденіе Ломбардіи, въ это самое время, Карлъ-Альбертъ извѣщалъ лорда Пальмерстона объ анти-революціонной цѣли своихъ вооруженій.

IX.

Англійское правительство отвѣчало на сдѣланныя ему сообщенія слѣдующими совѣтами: Австріи,—согласиться на уступки въ своихъ итальянскихъ провинціяхъ, съ цѣлію отвратить возстаніе; Сардиніи — соблюдать и стараться о соблюденіи ея подданными самаго строгаго нейтралитета. Британское министерство, на запросъ парламента отвѣчало: „что движеніе, увлекшее Піемонтъ въ Ламбардію, произошло безъ содѣйствія и противъ желанія англійскаго правительства и противъ инструкцій, посланныхъ нашему представителю. Инструкціи эти, до ихъ отсылки, были представлены австрійскому посланнику въ Лондонѣ, который остался вполнѣ доволенъ ихъ содержаніемъ".

X.

Безпокойства, опасенія и нерѣшительность Карла-Альберта, порожденныя провозглашеніемъ республики въ Парижѣ, заставившей его искать у Англіи временной поддержки противъ Франціи, сближали его иногда также и съ Австріей до миланскаго возстанія. Ничто такъ хорошо не характеризуетъ этого состоянія короля, какъ депеша, отъ 18 марта, сардинскаго кабинета къ австрійскому. Это — оффиціальная нота, которою піемонтскій король увѣдомляетъ императора о конституціи, данной имъ своему государству и заключающая въ себѣ слѣдующую протестацію:

„Сверхъ того, король желаетъ дать увѣреніе его величеству императору австрійскому въ соблюденіи трактатовъ, которое будетъ всегда служить основаніемъ его политики. Его величество надѣется, что помощь его подданныхъ въ трудномъ дѣлѣ внутренняго управленія, нисколько не вредя дружественнымъ от-

пошеніямъ къ иностраннымъ державамъ, послужитъ, напротивъ, укрѣпленіемъ дружественныхъ связей, соединявшимъ до сихъ поръ оба государства, и которыя король льститъ себя надеждою сдѣлать еще болѣе тѣсными.“

Не смотря на это увѣреніе и на самыя удовлетворительныя объясненія характера вооруженій, дѣлаемыхъ Сарданіей съ цѣлью чисто оборонительною, австрійскій кабинетъ жаловался на сардинскую прессу, допускающую безпрестанныя и самыя язвительныя нападки противъ Австріи.

Во время миланскаго возстанія, австрійскій посланникъ, бывшій свидѣтелемъ движенія, сопровождавшаго выступленіе на границу волонтерскихъ отрядовъ и воодушевленіе этихъ послѣднихъ, протестовалъ противъ вступленія въ волонтеры ломбардскихъ изгнанниковъ. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, маркизъ Парето, далъ уклончивый отвѣтъ, кончавшійся этими словами: „Нижеподписавшійся, считая своимъ долгомъ дать объясненія на ноту графа Буоля, спѣшитъ выразить свое желаніе содѣйствовать всѣмъ, что можетъ укрѣпить дружественныя отношенія и доброе сосѣдство обоихъ государствъ.“

XI.

Такимъ образомъ, Карлъ-Альбертъ слышалъ съ одной стороны совѣты Англіи, съ другой — протестаціи Австріи. Революція внушала ему ужасъ; онъ со страхомъ смотрѣлъ на Ломбардію, готовую провозгласить республику и призвать на помощь Францію и Швейцарію; онъ боялся чтобы Піемонтъ, окруженный тремя республиками и увлеченный примѣромъ, не свергнулъ бы съ себя королевской власти, покидающей итальянское дѣло и не желающей воспользоваться случаемъ изгнать иностранцевъ изъ Италіи. Онъ слышалъ мольбы, убѣжденія, ободренія своихъ привер-

женцевъ, которые постоянно напоминали ему о тронѣ верхней Италіи, ожидающемъ его; онъ слышалъ постоянныя просьбы миланцевъ; а съ другой стороны его самолюбіе, слава, величіе и блескъ предстоящей ему роли и, наконецъ, самый энтузіазмъ и національная гордость его арміи... Одолеваемый всѣми этими чувствами, тѣснящимися въ его душѣ, онъ не зналъ которому отдаться; побуждаемый со всѣхъ сторонъ къ дѣйствію, онъ все еще выжидалъ.

Въ продолженіи четырехъ дней, отъ 19 до 23, онъ отказывалъ дать ружья волонтерамъ, терявшимъ въ безполезныхъ просьбахъ драгоцѣнное время. Мало того: онъ не позволялъ перейти имъ границу и тѣ изъ волонтеровъ, которымъ удавалось пройти незамѣченными его солдатами и таможенными, упрекали его предъ ломбардцами за его желаніе подавить итальянское движеніе. И при всемъ томъ, онъ еще выжидалъ.

А между тѣмъ, Миланъ великодушно проливалъ свою кровь и боролся съ храбростью, доходившей до героизма. Миланъ видѣлъ каждый день, каждый часъ новыя жертвы любви къ отечеству. Государь же, мечтавшій быть королемъ этого мужественнаго города, не слышалъ ни воинственныхъ криковъ, ни стоновъ умирающихъ, — онъ все еще ждалъ и, въ то же время, терялъ въ глазахъ всѣхъ то обояніе, которое должно было окружать спасителя Милана. блестящія заслуги котораго должны были заставить умолкнуть республиканскія стремленія. Онъ упускалъ случай одержать побѣду, первую, самую блестящую и, можетъ быть, самую рѣшительную побѣду: нѣтъ сомнѣнія, что отступленіе Радецкаго было бы невозможно, если бы Карлъ-Альбертъ находился 22-го числа въ Миланѣ, хотя съ небольшою частью своихъ войскъ.

XII.

Наконецъ, онъ узнаетъ о торжествѣ, 24 числа, миланцевъ, о всеобщемъ возстаніи ломбардскихъ городовъ и разстройствѣ австрійской арміи, убѣгающей къ Аддѣ. Онъ узнаетъ отъ графа Мартини о благопріятномъ расположеніи временнаго правительства и объ оппозиціи противъ него со стороны народа. Онъ видитъ, что не смотря на потерянное время, можетъ еще привлечь къ себѣ этотъ народъ, пострадавшій отъ его медлительности; онъ понимаетъ всю гибель для себя отъ нерѣшительности и чувствуетъ, въ тоже время, что ему остается только воспользоваться плодами народныхъ завоеваній. — Теперь онъ не ждетъ болѣе!

Слово его къ возставшему народу, хотя и поздно сказанное, было исполнено благородства, достоинства и рыцарства, слово, достойное великихъ подвиговъ народа. Душа его рвалась изъ оковъ, чтобы возвыситься и возвеличиться.

„Я войду въ Миланъ, говорилъ онъ, когда разобью австрійцевъ, потому что я не хочу представиться этому храброму народу раньше, чѣмъ одержу побѣду, которая должна сравнять меня въ храбрости съ ними.“

Въ прокламаціи, обсужденной въ совѣтѣ министровъ, король *оффиціально объявляетъ свое рѣшеніе:*

„Карлъ-Альбертъ, Божіей милостію, король Сардиніи, Кипра и Іерусалима, и проч.

„Народы Ломбардіи и Венеціи!

„Судьба Италіи приспѣла; счастливая будущность улыбается неустрашимымъ защитникамъ правъ, попранныхъ ногами.

„Мы — ваши кровные друзья, понимающіе предстоящія времена и желающіе одного съ вами,—мы первые, провозглашаемъ всеобщее удивленіе къ вамъ Италіи.

„Народы Ломбардіи и Венеціи!—Наше оружіе уже сосредоточивалось на вашей границѣ, когда вы предупредили наши желанія славнымъ освобожденіемъ Милана; теперь, мы вамъ предлагаемъ, въ вашихъ дальнѣйшихъ испытаніяхъ, помощь, ожидаемую братомъ отъ брата и другомъ отъ друга.

„Мы поможемъ вамъ исполнить ваши справедливыя желанія, полагая свои надежды на Бога, видимо намъ покровительствующаго, на того Бога, который далъ Италіи Пія IX и который своимъ чудотворнымъ дѣйствіемъ даетъ Италіи возможность устроить свою судьбу (Posè l'Italia in grado di fare da se).

„И, чтобы выразить видимымъ и блестящимъ образомъ чувство итальянскаго соединенія, мы хотимъ, чтобы наши войска, вступивши на землю Ломбардіи и Венеціи, имѣли бы на трехцвѣтномъ знамени Италіи савойскій щитъ.

«Туринъ, 23 марта.

„Карлъ-Альбертъ."

XIII.

Вотъ когда, въ первый разъ, Карлъ-Альбертъ произнесъ это торжественное слово, которое такъ громко разнеслось по Италіи, Франціи и всей Европѣ: L'Italia farà da se. Въ этомъ словѣ заключается вся политика Италіи: нежеланіе вмѣшательства Франціи въ ее войну противъ Австріи. Прежде всего, въ этой мысли короля выражался, какъ уже указано выше, страхъ вліянія, которое могла бы имѣть французская республиканская армія на судьбу полуострова; въ ней также выражалось желаніе успокоить Англію относительно этого важнаго обстоятельства и тѣмъ склонить ее къ нейтралитету. Въ этомъ словѣ выражалось, въ тоже время, чувство національности и справедливой гордости.

Быть обязанным самому себѣ, своимъ собственнымъ усиліямъ, своимъ жертвамъ, своему оружію и крови своего народа за изгнаніе чуземца; быть обязаннымъ своему отечеству за возстановленіе его свободы и славы, — справедливая и высокая гордость, воспламеняющая воображеніе, электризующая сердца, становящаяся символомъ свободы и способная привлечь королю симпатіи и согласіе народовъ Италіи. Даже сами республиканцы, имѣвшіе совсѣмъ другіе причины опасаться Франціи, гордились тою мыслью, чтобы завоевать себѣ независимость своимъ собственнымъ геніемъ и храбростію, подобно тому, какъ они собственными силами завоевали себѣ свободу. Нѣкоторые, впрочемъ, болѣе предусмотрительные, не позволявшіе себѣ обольщаться, лучше предпочли бы, не смотря на національную гордость, быть обязаннымъ республикѣ, чѣмъ государю, заинтересованному въ дѣлѣ Италіи.

Эти различныя чувства, волновавшія Италію и на которыя мы указали при самомъ ихъ зарожденіи, будутъ постоянно встрѣчаться на страницахъ этой исторіи.

XIV.

Маркизъ Парето, либеральный министръ, поспѣшилъ въ тотъ же день, 23-го, объяснить англійскому посланнику, Аберкромби ужасъ внушаемый Карлу-Альберту именемъ и видомъ республики. Этимъ чувствомъ короля онъ старался оправдать вступленіе піемонтской арміи въ Ломбардію.

„....Первая обязанность и непреступный долгъ каждаго государства заключается несомнѣнно въ обезпеченіи своего собственнаго существованія....

„Правительство имѣетъ несомнѣнное право принимать необходимыя мѣры предосторожности для обезопасенья себя отъ переворотовъ, потрясающихъ государства и приводящихъ его иногда на край своей гибели.... Симпатія, возбуждаемая за-

щитою Милана, чувство національности, которое, не смотря на искусственное разграниченіе различныхъ государствъ, могущественно овладѣваетъ всѣми итальянцами и возбуждаетъ волненіе въ провинціяхъ и столицѣ. Всеобщее волненіе народовъ такъ сильно, что съ минуты на минуту можетъ разразиться революція, которая подвергнетъ тронъ опасности. Нельзя скрывать и того, что происшествія во Франціи приближаютъ время объявленія республики въ Ломбардіи.... Естественно думать, что положеніе Піемонта таково, что съ извѣстіемъ о провозглашеніи республики въ Ломбардіи, подобное же движеніе можетъ разразиться съ минуты на минуту и во владѣніяхъ е. в. короля сардинскаго, или же можетъ произойти какое нибудь серьезное волненіе, которое подвергнетъ опасности тронъ е. в.....

„П. Н. Парето."

М. Биксіо, повѣренный въ дѣлахъ французской республики, прибывшій, 26-го марта, въ Туринъ, писалъ своему правительству: „.....Я узналъ вечеромъ, по слухамъ, что король отправился черезъ Александрію въ Миланскую область, обратившись заранѣе къ ломбардцамъ съ прокламаціей, которую я при этомъ прилагаю, господинъ министръ. Въ ней говорится, что уже настало, наконецъ, время для Италіи и что она должна сдѣлать все сама для себя, fare da se.

„Передъ своимъ выѣздомъ, король обратился ко всѣмъ посольствамъ, исключая французскаго, и къ нунцію съ нотой, въ которой онъ объявлялъ, что, находясь подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, раздраженнаго противъ Австріи, и испуганный республиканскими стремленіями ломбардцевъ, онъ полагаетъ, что сдѣлаетъ услугу дѣлу монархической власти, рѣшившись вмѣшаться въ движеніе, чтобы потомъ подавить его."

Наконецъ, Парето послалъ депешу маркизу Ричи. „Сегодня вечеромъ, (24-го марта), король рѣшился вмѣшаться

военно силою въ дѣла Ломбардіи. Это рѣшеніе е. в. было вынуждено настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Италіи.... Надобно было также опасаться, чтобы различныя политическія ассоціаціи, существующія въ Ломбардіи, не провозгласили республики. Эта форма правленія была бы гибельна для дѣла Италіи, для нашего правительства и для августѣйшаго савойскаго дома. Надобно было принять скорое и безотлагательное рѣшеніе. Правительство и король не медлили; они искренно убѣждены, не смотря на опасности, которымъ они подвергаются, что поступокъ ихъ послужитъ для спасенія монархизма въ Европѣ."

Опасенія эти были основательны: они должны были имѣть вліяніе на англійское министерство. Надобно было Карлу-Альберту умѣрить страхъ, внушаемый ему Франціей и республикой. Онъ не съумѣлъ удержать своихъ чувствъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Онъ думалъ, что самое лучшее средство сопротивляться народнымъ стремленіямъ къ республикѣ заключается во вмѣшательствѣ его въ дѣла Ломбардіи; но за то у него недоставало полной вѣры, въ громадное могущество, которое онъ могъ бы пріобрѣсти, какъ основатель Италіи свободной и либеральной.

XV.

Чтобы оправдать перемѣну въ дипломатическомъ языкѣ и поведеніи своего правительства, министръ Парето обратился къ австрійскому посланнику, графу Буолю, съ тѣми же идеями о монархическомъ интересѣ; сверхъ того, онъ еще приводилъ болѣе спеціальный доводъ: „.....Трактатомъ 24 го декабря 1847 года, австрійское правительство, подъ предлогомъ подачи помощи, присоединило къ своимъ владѣніямъ герцогства Парму и Пьяченцу и Модену, которые могли бы войти въ составъ Піемонта по праву возвращенія (réversibilité).

Такимъ образомъ, австрійское правительство: перенеся свои военныя границы отъ По, гдѣ онѣ должны были кончаться, до Средиземнаго моря, поколебало равновѣсіе, существовавшее въ государствахъ Италіи....."

Этотъ послѣдній доводъ былъ не новъ, но за то ловко высказанъ, потому что эти провинціи были тоже въ полномъ возстаніи и король Піемонта давалъ почувствовать свои тайныя намѣренія завладѣть ими, и такимъ образомъ, подготовлялъ ихъ присоединеніе къ Сардинскому королевству.

Графъ Буоль, получивъ, 23-го числа, въ 11 часовъ вечера, объяснительную ноту маркиза Парето, отвѣчалъ ему: „Ваша нота защищаетъ революцію и нападаетъ на самодержавныя права его императорско-королевскаго и апостолическаго величества въ противность трактатамъ, бывшимъ до сего времени основаніемъ союза обоихъ дворовъ....." Графъ потребовалъ свои паспорты и выѣхалъ, 24-го числа, изъ Турина. — Разрывъ послѣдовалъ и объявлена была война.

Императорское правительство, въ негодованіи своемъ, напечатало документы, содержавшіе въ себѣ депешу Карла-Альберта, отъ 15-го марта, въ которой онъ высказывалъ свое уваженіе къ трактатамъ, а нѣсколько дней спустя, нарушалъ ихъ. Правительство взывало къ общественному мнѣнію Европы, подобно тому какъ народы взывали къ божественной справедливости. Но если народы, въ отношеніи къ Австріи, имѣли причину уничтожать трактаты, въ которыхъ они не участвовали и которые заставили ихъ принять силою, то былъ ли правъ король сардинскій, столь обязанный этимъ трактатамъ и принявшій ихъ по доброй волѣ? Существуетъ ли наконецъ, существовало ли когда между государями другое дѣйствительное право, какъ право ихъ личнаго интереса? Отъ того, маркизъ Парето — въ оправданіе своего государя — могъ привести только необходимость защиты трона.

XVI.

Храбрымъ миланцамъ, считавшимъ каждую минуту, казалось слишкомъ продолжительнымъ время, прошедшее отъ начала борьбы ломбардцевъ и венеціанцевъ, отъ удаленія австрійской арміи, до вмѣшательства піемонтскаго короля въ дѣла революціонеровъ и до вступленія его въ Ломбардію. Пять дней битвы, окончившейся побѣдой миланцевъ, были потеряны Карломъ-Альбертомъ въ нерѣшительности, въ попыткахъ, въ дипломатической перепискѣ. Эти пять дней слѣдовало бы описать, руководствуясь самыми неопровержимыми данными, по подлиннымъ документамъ, съ тою цѣлью, чтобы узнать, уловить всѣ движенія этой драмы, столь полной и величественной.

Въ то время, когда Карлъ-Альбертъ рѣшился дѣйствовать, онъ еще не зналъ объ освобожденіи Венеціи и провозглашеніи венеціанской республики. Тѣмъ тверже онъ былъ убѣжденъ въ своемъ послѣднемъ рѣшеніи.

Въ день прокламаціи, 23-го марта, онъ послалъ въ помощь временному миланскому правительству генерала Пассальаква для образованія милицій, а въ общемъ совѣтѣ онъ рѣшилъ: немедленное призваніе на службу отпускныхъ двухъ разрядовъ, необходимыхъ для пополненія кадровъ дѣйствующей арміи,—выступленіе на границу всѣхъ полковъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, — принятіе пожертвованныхъ посторонними лицами лошадей, перевозочныхъ средствъ и разныхъ добровольныхъ пожертвованій для содержанія войскъ, — отдать приказъ резервной арміи быть готовой къ выступленію по первому требованію, — открытіе добровольнаго временнаго пятипроцентнаго займа съ опубликованіемъ въ журналахъ именъ подписчиковъ.

Немедленно за этимъ утихаютъ всѣ жалобы, и крики восторга раздаются громче, чѣмъ прежде ропотъ недоволь-

ства. 25-го числа, король дѣлаетъ смотръ войскамъ въ Туринѣ; со всѣхъ сторонъ раздаются крики: „да здравствуетъ Карлъ-Альбертъ, король Италіи! освободитель отечества, спаситель Италіи!“

XVII.

Генералъ Безъ получаетъ въ тотъ же день приказаніе перейти Тессинъ съ шестью батальонами, шестью эскадронами и баттареей. Послѣ полудня, 26-го числа, генералъ уже въ Миланѣ и требуетъ себѣ квартиръ. Чтобъ выразить нетерпѣніе народа, члены комитета говорятъ ему, что квартиры его должны бы быть въ вагонахъ желѣзной дорогѣ. 27-го числа, Безъ уѣзжаетъ въ Тревильо. Карлъ-Альбертъ прибылъ, 28-го числа, въ Александрію, назначивъ своимъ намѣстникомъ принца Евгенія Кариньяна-Савойскаго. 29-го, онъ въ Вогезѣ, откуда объявляетъ своимъ народамъ о принятіи на себя начальствованія надъ арміей:

„Долгъ государя и обязанности, связывающія меня со священными интересами Италіи, заставили меня отправиться съ моими сыновьями на равнины Ломбардіи, гдѣ должны рѣшиться судьбы нашей итальянской родины. Армія за нами....

Онъ оканчиваетъ свою прокламацію словами, исполненными волнующихъ его тайныхъ мыслей и заботъ о Франціи:

„....Мы съ полнымъ довѣріемъ ввѣряемъ цѣлость нашего семейства и охраненіе порядка — главнаго основанія всякой свободы — общиннымъ милиціямъ королевства и любви къ намъ народа. Вѣрные Савойцы! храбрые Лигурійцы! — ваша честь и вѣрность будутъ служить оплотомъ на границахъ нашего королевства. Въ отсутствіи вашихъ братьевъ — воиновъ, вы будете достойными хранителями свободы и неприкосновенности отечества!“

Въ этотъ самый день Карлъ-Альбертъ переходитъ Тессинъ и вступаетъ въ Павію во главѣ трехъ дивизій: первой, — состоящей изъ двѣнадцати батальоновъ, шести эскадроновъ и двухъ баттарей, подъ командой генерала д'Арвильяра; второй, — изъ девяти батальоновъ, шести эскадроновъ и одной баттареи, подъ командой генерала Бролья; третьей — изъ девяти батальоновъ, шести эскадроновъ и одной баттареи. Піемонтская армія составляла съ авангардомъ генерала Беза числительность 28 или 29 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ около 2,000 кавалеріи и 48 орудій. Король оставляетъ Павію, 30-го числа, и переноситъ свою главную квартиру въ Лоди, въ то самое время, когда генералъ Радецкій располагается у Монтекіяри на Кіезѣ.

XVIII.

Въ энергической прокламаціи къ своей арміи, отъ 31-го марта, Карлъ-Альбертъ отвѣчалъ на упреки въ его медленности, и на то, что рѣшимость его была слѣдствіемъ домогательства новой короны.

„Солдаты, — говорилъ онъ, — мы перешли Тессинъ и вступаемъ наконецъ въ священную землю Ломбардіи. Вы достойны похвалы за легкость, съ которою, не смотря на трудности форсированнаго марша, прошли въ семьдесятъ два часа сто десять миль.

„Многіе изъ васъ, пришедшіе изъ отдаленныхъ границъ государства, едва имѣли время присоединиться въ Павіи къ своимъ знаменамъ; но теперь не время думать объ отдыхѣ — мы вкусимъ его послѣ побѣды....“

Къ итальянцамъ Ломбардіи, Венеціи, Пьяченцы и Реджіо онъ обратился съ слѣдующими словами: „Меня призвали — и я пришелъ во главѣ своей арміи, слѣдуя въ этомъ случаѣ своему сердечному влеченію. Я пришелъ безъ всякихъ условій и только за тѣмъ, чтобъ окончить великое предпріятіе, счасливо начатое вашими доблестными подвигами.....“

Въ Лоди, король принялъ отъ временнаго миланскаго правительства депутацію, представившую ему адресъ, въ которомъ замѣчательны были слѣдующія слова; „Государь! временное миланское правительство и вся Ломбардо-Венеція шлетъ вамъ знаки своего глубокаго уваженія. Въ нихъ выражаются чувства почтенія и признательности къ государю становящемуся солдатомъ итальянской независимости,—это свободныя чувства итальянскаго народа, который самъ избавился отъ чужеземнаго ига. — Италія и Европа смотрятъ на васъ! Государь! прибѣгая къ намъ на помощь безъ всякихъ условій, вы подаете этимъ примѣръ неизвѣстный въ исторіи."

XIX.

Изъ Лоди Карлъ-Альбертъ выступаетъ въ Кремону, гдѣ собираетъ военный совѣтъ для обсужденія наилучшаго плана дѣйствій. 5-го апрѣля, онъ учреждаетъ свою главную квартиру въ Боццоло, на мантуанской дорогѣ, въ 24 километрахъ отъ этого послѣдняго города и въ 19-ти отъ Минчіо. Авангардъ, состоявшій изъ баталіона пѣхоты, роты берсальеровъ и полу-баттареи, занималъ Маскарію на Огліо. Бригада генерала Беза двигалась параллельно изъ Бресчіи въ Монтекіяри, по веронской дорогѣ; эту позицію оставили австрійцы 4-го числа. Въ Маскаріи, 6-го числа, отрядъ австрійцевъ, вышедшій изъ Мантуи на рекогносцировку, наткнулся на сардинскій аванпостъ и взялъ нѣсколько плѣнныхъ. Наконецъ, произошла первая встрѣча съ непріятелемъ.

Арьергардъ австрійской арміи переходилъ между Мантуей и Пескьерой линію рѣки Минчіо по мостамъ въ Гоито, Валледжіо и Монцамбано.

Итальянская армія приближалась къ этимъ же пунктамъ, которые непріятель рѣшился защищать, а въ крайности и уничтожить взрывами.

Главныя силы обѣихъ армій были отдѣлены одною только рѣкою Минчіо.

XX.

Двадцать дней — отъ 19-го марта до 7-го апрѣля — двадцать дней прошло! Эти двадцать дней показались столѣтіемъ для тѣхъ горячихъ патріотовъ, которые бились за отечество и побѣдили. По мнѣнію ихъ, Карлъ-Альбертъ, котораго они уже упрекали за то, что онъ не поспѣлъ раньше въ Миланъ, чтобы отрѣзать Радецкому отступленіе, по мнѣнію ихъ, онъ долженъ былъ быстро спуститься, съ небольшею частью своихъ войскъ, внизъ по теченію По; окружить генерала Венедека по выходѣ его изъ Павіи; помѣшать соединиться 5—6,000 человѣкъ изъ гарнизоновъ Пармы, Пьяченца и Модены, которыхъ окружали піемонтцы и возставшее населеніе и которыхъ легко было заставить сдаться; и, наконецъ, захватить при помощи жителей мантуанскую цитадель. Но 6-го числа уже было поздно.

Піемонтская армія, по ихъ мнѣнію, была полна энтузіазма, доходившаго до восторженности, при которомъ нельзя было сомнѣваться въ результатахъ сраженія: она шла въ битву, напѣвая аріи изъ „Пуританъ“ и народные воинственные гимны. Съ такими солдатами надобно было гнать австрійцевъ по пятамъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ, узнавали о сдачѣ отдѣльныхъ гарнизоновъ, о счастливомъ освобожденіи Венеціи и всѣхъ городовъ Венеціанской области до Адижа. Все это заставляло быстро, неутомимо и жарко преслѣдовать непріятеля. Австрійская армія, съ своимъ ничтожнымъ жалованьемъ, недостаткомъ припасовъ, безпокоемая вѣнскими смутами и окруженная возстаніемъ, не могла бы долго сопротивляться. Съ болѣе искуснымъ и смѣлымъ полководцемъ успѣхъ былъ бы вѣренъ и торжество несомнѣнно.

Карлъ-Альбертъ слушался совѣтовъ болѣе осторожныхъ. Въ минуту его выѣзда, армія его не была собрана. Надобно было совершать маленькіе переходы, чтобы запоздавшіе батальоны могли соединиться съ арміей, чтобы могли поспѣть припасы, заранѣе незаготовленные. Да при томъ же: какъ рисковать вѣрной побѣдой въ битвѣ съ регулярной арміей въ 30 тысячъ человѣкъ, которая и въ самомъ отчаяніи своемъ можетъ найти источникъ мужества и, имѣя преимущество уже занятыхъ ею позицій, находилась въ странѣ ей извѣстной? Такимъ образомъ, можно было въ одинъ день потерять плоды, пріобрѣтенные столькими побѣдами. И отчего же не дать времени піемонтской арміи собрать всѣ свои силы и военныя средства? Австрійская армія могла только ослабляться, находясь среди враждебной страны, отдаленная отъ своихъ магазиновъ и резервовъ.

Итальянцы же находились у себя дома и ряды ихъ войскъ могли только увеличиваться. — И въ самомъ дѣлѣ: извѣстно было, что итальянскіе государи, увлеченные выраженіемъ народной воли, отправляли свои войска въ походъ подъ команду сардинскаго короля, помогая ему, можетъ быть и нехотя, въ исполненіи его плановъ и подчиняясь въ тоже время необходимости изгнать общаго врага Италіи. Въ этомъ случаѣ былъ еще новый предлогъ выжидать.

XXI.

Болѣе важная причина, однакожъ, имѣла вліяніе на умъ Карла-Альберта: дать средство революціи окончить побѣду, ею начатую, явиться къ ней только на помощь и прійти на битву не въ качествѣ короля, предводительствующаго регулярной арміей, но какъ предводитель во главѣ какихъ нибудь революціонныхъ войскъ, — не значило-ли это отнять у себя все обаяніе успѣха и отдать его народу? И тогда, — не поте-

ряетъ ли онъ вліянія, котораго добивался, права, которое онъ хотѣлъ утвердить за собой, короны, которую онъ хотѣлъ завоевать? Увеличивая революціонное движеніе, не повредитъ ли онъ своему дѣлу и не будетъ ли онъ служить революціоннымъ идеямъ своихъ соперниковъ?—Такія мысли боролись въ немъ.

Оттого онъ ничего не сдѣлалъ, чтобъ поддержать колонны волонтеровъ, предводительствуемыя людьми, бывшими главами возстанія *) и предпочелъ смѣшать ихъ съ регулярными войсками, а тѣ изъ нихъ, которые хотѣли сохранить свою первоначальную организацію, не нашли ни въ королѣ, ни въ его генералахъ ни симпатіи, ни поддержки. Члены военнаго совѣта, Каттанео, Чернуски и его друзья, предводительствовавшіе битвою въ продолженіи славныхъ миланскихъ дней, предчувствовали это положеніе и, не колеблясь принести въ жертву свои личные интересы, подали 31-го марта въ отставку.

Конечно, нужны болѣе сильные доводы, чтобы умѣрить, если даже не охладить всеобщее увлеченіе этой горячей и преданной молодежи и этимъ лишить себя подобной силы. Не естественнѣе ли было управлять ею, чѣмъ подавить? То что было въ ней опаснаго для королевской власти — не легче ли было Карлу-Альберту отвратить, сдѣлавшись ея предводителемъ? Развѣ не удовлетворилась бы революціонная оппозиція — въ виду ненавидимаго врага — конституціонной свободой, соединенной съ завоеванной національностью? Отстраняя отъ дѣла это страстное юношество, пренебрегая имъ, дѣлая его недовольнымъ, — не значило ли это увеличивать противъ себя оппозицію, давать ей силу и значеніе и поддерживать разъединеніе, въ то время, когда его можно было заглушить?

---

*) Слова Биксіо, извлеченныя изъ его переписки съ временнымъ правительствомъ.

Кто же, какъ не это юношество понуждало государей послать на ломбардо-венеціанскія равнины своихъ солдатъ, свои сокровища и, такимъ образомъ, давало возможность возвыситься королевской власти, которая грозила рано или поздно поглотить его въ себѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тоскана: великій герцогъ — первый государь, объявившій себя въ пользу итальянской войны. — Выступленіе волонтеровъ. — Препятствія со стороны правительства.—Обсерваціонный лагерь.—Монтанелли въ Тиролѣ.—Честолюбіе Леопольда.—Модена: временное правительство — Парма: дурно истолкованная послѣдность великаго герцога освободить Италію. — Герцогъ удаляется; его замѣняетъ временное правительство.—Папская область. — Радость, возбужденная въ Римѣ освобожденіемъ Милана и Венеціи. — Всеобщее сочувствіе.—Подписка, одобренная папой и кардиналами.—Военныя приготовленія.—Выступленіе волонтеровъ и арміи въ Болонью. — Дурандо назначается главнокомандующимъ. — Неудачная попытка овладѣть Феррарой.—Пій IX присоединяется къ итальянскому движенію и благословляетъ волонтеровъ.—Онъ защищаетъ іезуитовъ. — Выѣздъ іезуитовъ изъ Рима.— Отрицаніе папы. — Пій IX — глава христіанства и итальянскій государь; двойственное положеніе его.—Смущеніе папы.—Королевство Обѣихъ Сицилій: народъ и король.—Взаимное недовѣріе.—Новый кабинетъ.—Демонстрація въ пользу Ламбардо-Венеціи.—Пріѣздъ генерала Пепе въ Неаполь.— Совѣщаніе его съ королемъ. — Новое министерство Тройя. — Прокламація короля въ пользу итальянскаго дѣла. — Выступленіе волонтеровъ и 10-го линейнаго полка.—Пепе — начальникъ экспедиціонной арміи.—Планъ, представленный имъ королю, для уравновѣшенія вліянія Карла-Альберта и возвращенія Сициліи. — Окончательное отдѣленіе Сициліи. — Парламентъ лишаетъ Фердинанда и его династію королевскаго достоинства.—Протестація короля. — Народы и государи.

I.

Вѣсть о вѣнской революціи и о первомъ днѣ миланской битвы, дошедшая до Тосканы, 21-го марта, была сигналомъ къ возстанію народа. Правительство не долго медлило своимъ рѣшеніемъ, въ противоположность туринскому. Это свободное

движеніе цѣлаго народа, стрѣмящагося на помощь къ своимъ собратіямъ, представляло необыкновенно оживленное зрѣлище. Предводители движенія, которыхъ необходимость не заставляла быть членами революціоннаго правленія, не ограничились однимъ только воззваніемъ „къ оружію“, — они на самомъ дѣлѣ взяли оружіе въ руки; они подали собой примѣръ, устремившись туда, гдѣ умирали за Италію. Монтанелли — капитанъ итальянскаго батальона, сдѣлался простымъ волонтеромъ; въ порывѣ самоотверженія, онъ хотѣлъ смѣшаться въ рядахъ своихъ товарищей по оружію, чтобы имѣть только право итти первымъ на встрѣчу непріятелю. На улицахъ и площадяхъ неумолкаемо раздавались крики: „въ Ломбардію, въ Ломбардію! Долой варваровъ!“

Во Флоренціи нѣсколько демократовъ, желавшихъ видѣть власть ввѣренною болѣе твердому и рѣшительному министерству, отправились къ старому двору требовать отставки министровъ. Но министерство быстрымъ рѣшеніемъ и искусною рѣчью подавило этотъ ропотъ и разсѣяло грозу: „было бы великимъ несчастьемъ и достойно большаго порицанія, — воскликнулъ Ридольфи, обращаясь къ толпѣ, изъ Ложи дей-Ланци, куда онъ взошелъ вмѣстѣ со своими товарищами, — отдавать насъ въ жертву междоусобію въ то время, когда началась народная война.“

II.

Первый итальянскій государь, объявившій себя въ пользу итальянской войны, былъ великій герцогъ тосканскій. Разсчитывалъ ли онъ, счастливою инициативою воспрепятствовать опасному взрыву общественнаго мнѣнія, или же онъ былъ увлеченъ своимъ собственнымъ убѣжденіемъ, — во всякомъ случаѣ, онъ обратился къ своему народу, 21-го числа, съ слѣдующимъ горячимъ воззваніемъ: „Тосканцы! неожиданно про-

билъ часъ окончательнаго возрожденія Италіи. Кто любитъ нашу родину, тотъ не можетъ отказать ей въ необходимой помощи. Я обѣщалъ споспѣшествовать, когда настанетъ время, стремленіямъ вашего сердца. Я готовъ теперь исполнить свое обѣщаніе.... Въ вашемъ сердечномъ стремленіи къ святому дѣлу Италіи не забывайте умѣренности, которая украшаетъ всякое предпріятіе. Я, также какъ и мое правительство, заботимся о всѣхъ нуждахъ страны и я со всѣмъ усиліемъ стараюсь организовать могущественную итальянскую лигу, о которой я всегда думалъ....“ Затѣмъ, великій герцогъ объявилъ о немедленномъ выступленіи на границу войскъ, направленныхъ на два пункта; объ организаціи волонтеровъ и о приказаніяхъ, отданныхъ губернаторамъ и генераламъ.

Изъ двухъ волонтерскихъ колоннъ,—одна, составленная изъ гражданъ Пизы, Сіенны, Лукки, Ливорно и Маремм, двинулась изъ Пизы въ Массу; другая, — составленная изъ гражданъ Флоренціи, Ареццо, Пистойи и Прато, направилась изъ Флоренціи къ Моденѣ. „Чудесно было видѣть, — говоритъ Монтанелли своимъ поэтическимъ, благозвучнымъ языкомъ — эти импровизированные легіоны, въ которыхъ профессоры, студенты, медики, адвокаты, работники и дворяне, бѣдные и богатые, господа и слуги, священники,—всѣ, смѣшавшись, шли подъ однимъ знаменемъ, съ сердцами исполненными вѣры въ Италію и славы быть борцами за святое дѣло. Ихъ встрѣчали звонъ колоколовъ и рукоплесканія народа, смотрѣвшаго на нихъ съ восторгомъ; къ нимъ обращались симпатіи всѣхъ женщинъ, матерей, дочерей, сестеръ, махавшихъ изъ оконъ своим платками, прощавшихся съ ними слезами и цвѣтами; оставшіеся дома обѣщали поддерживать семейства работниковъ, отсутствующихъ на службѣ отечества. Они раздвигали свои ряды новымъ толпамъ, прибѣгавшимъ изъ самыхъ глухихъ деревень, чтобы броситься въ ихъ объятья.“

III.

Когда узнали о торжествѣ Милана и выступленіи въ походъ піемонтской арміи, — энтузіазмъ народа былъ такъ великъ, что правительство почло необходимымъ умѣрить его. Въ своей прокламаціи, отъ 23-го числа, префектъ города Пизы говорилъ: „на будущее время волонтерамъ не нужно будетъ болѣе покидать своей страны, потому что провидѣніе ведетъ Италію къ желанной свободѣ.... Наше дѣло ждетъ впереди побѣда,—не зачѣмъ болѣе подвергаться утомленію и опасностямъ.“ Былъ даже изданъ декретъ, запрещавшій выступать въ походъ работникамъ-волонтерамъ. Но, не смотря на это, въ главныхъ городахъ были назначены сборные пункты для волонтеровъ и развѣвались итальянскія знамена, „затѣмъ, чтобы выразить желаемое соединеніе народовъ полуострова“.

Во Флоренціи, 25-го марта, народъ, въ минуту раздраженія, сорвалъ австрійскій гербъ и сжегъ его передъ домомъ сардинскаго посольства. Тосканское министерство сочло необходимымъ, изъ уваженія къ народному праву, выразить свое прискорбіе австрійскому посланнику.

Всѣ эти факты, взятые вмѣстѣ, были приняты подозрительными демократами за дѣйствіе измѣны и, вслѣдствіе этого, явился ропотъ: „зачѣмъ же сдерживать народный порывъ? Развѣ жестокій и ненавистный врагъ не оскверняетъ болѣе своимъ присутствіемъ итальянской земли? Чтобы изгнать его, надобно рѣшиться на поголовное возстаніе, а между тѣмъ, гражданамъ запрещаютъ вооружаться и итти въ походъ! А къ чему это излишнѣе вниманіе къ нашимъ притѣснителямъ? Вѣдь посланникъ остался неприкосновенъ, — разбитъ былъ только этотъ двуглавый орелъ. Если вы серьезно объявляете войну, то зачѣмъ, съ одной стороны, препятствовать форми-

рованію волонтеровъ, а, съ другой—медлить до сихъ поръ отсылкою паспортовъ австрійскому посланнику?“

На чемъ же были основаны эти доводы?—Паспорты были возвращены австрійскому посланнику только 11-го апрѣля и въ это же время тосканское правительство приказало сформировать наблюдательный лагерь между Реджіо и Моденой. Въ этомъ лагерѣ должны были сосредоточиться шесть тысячъ человѣкъ регулярной арміи и пять тысячъ волонтеровъ; но общее число войскъ не превышало шести тысячъ.

IV.

Если герцогъ медлилъ дѣломъ, за то былъ быстръ на словахъ: „солдаты! — говорилъ Леопольдъ II, 5-го апрѣля, въ день выхода ихъ изъ Флоренціи — жители Милана купили свою свободу цѣною крови и геронзма, почти безпримѣрнаго въ исторіи. Сардинская армія въ походѣ, предводительствуемая великодушнымъ королемъ и принцами! Сыны Италіи, наслѣдники военной славы вашихъ предковъ — Тосканцы! вы не можете, вы не должны оставаться праздными въ эти торжественныя минуты! Устремитесь же вмѣстѣ съ гордыми гражданами, поспѣшившими стать волонтерами подъ наши знамена; поспѣшите на помощь нашимъ братьямъ ломбардцамъ!... Слава итальянскому оружію! Да здравствуетъ независимость нашей родины!“

9-го апрѣля, въ день освященія знаменъ флорентинской городской стражи, состоявшей изъ 5,000 гражданъ, великій герцогъ высказывалъ тѣ же мысли, превознося великія судьбы Италіи, которую Богъ, народное право и мужество итальянцевъ сдѣлаютъ счастливою и свободною.

V.

Между тѣмъ какъ тосканцы шли къ берегамъ По, соединяясь по дорогѣ съ волонтерами Модены и Реджіо, нѣсколько молодыхъ людей, между которыми были: два брата Парра, Луиджи Фантони, Джіованни Франи и Энрико Моретти, опережая своихъ братьевъ по оружію, спѣшили соединиться въ Сало съ колоннами генерала Аллеманди, приготовлявшагося въ тирольскую экспедицію. Монтанелли, желая согласиться съ своими миланскими друзьями, отдѣлился на мгновеніе отъ тосканскихъ колоннъ, обѣщая возвратиться въ первый день битвы. Прибывъ, 25-го марта, въ Миланъ, онъ дрожитъ отъ волненія при видѣ кровавыхъ слѣдовъ битвы и побѣды этого храбраго города. Въ Бресчіи ему даютъ опасное порученіе узнать о состояніи Тироля. Нагруженный прокламаціями, онъ устремляется въ горы, переходитъ отъ одного секретнаго общества къ другому, оставляя всюду слѣды пожирающаго его огня. Преслѣдуемый австрійцами, онъ достигаетъ Трента, гдѣ его схватываютъ. Находясь въ опасности быть разстрѣляннымъ, его спасаетъ одно только присутствіе духа. Онъ возвращается изъ Тироля, отдавъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и затѣмъ присоединяется къ экспедиціи, которую онъ такъ мужественно и смѣло подготовилъ.

VI.

Леопольдъ II, подобно Карлу-Альберту, среди волненій, которыя приносились въ его государство революціей и войной, не терялъ изъ виду увеличенія своихъ владѣній и обольщался тщеславною мыслью отодвинуть — пользуясь обстоятельствами — границы своихъ провинцій. Уже 23-го марта, онъ издалъ слѣдующій декретъ: „Леопольдъ, великій герцогъ то-

сканскій. Принимая въ соображеніе, что спокойствіе и безопасность нашихъ владѣній могли бы пострадать отъ безпорядковъ, происходящихъ вслѣдствіе политическихъ движеній въ городѣ Моденѣ и другихъ частяхъ этого герцогства, и отразившихся уже на провинціяхъ, сопредѣльныхъ съ великимъ герцогствомъ тосканскимъ, а именно, со стороны луккскаго герцогства и провинціи Піетра-Санта, повелѣваемъ занять эти владѣнія великогерцогскими войсками. Всѣ издержки на войско, кромѣ квартирной повинности, будутъ пополнены Тосканой". Съ изданіемъ этого декрета, герцогъ занялъ Фивиццано и провинціи Каррару и Массу, возставшія противъ моденскаго герцога, а въ герцогствѣ пармскомъ—провинцію Понтремоли.

27-го марта, въ флорентинскомъ театрѣ „Пергола" герцогъ привѣтствовалъ скромною улыбкою титулъ этрурскаго короля, которымъ величалъ его народъ.

VII.

Моденцы не отставали отъ другихъ въ приготовленіи средствъ къ изгнанію врага.

Чтобы имѣть больше свободы помогать національному движенію, они замѣнили регентство, учрежденное герцогомъ въ день своего бѣгства, временнымъ правленіемъ, подъ предсѣдательствомъ Іосифа Мальмузи. Весь народъ, превращенный въ гражданскую стражу, взялъ на себя защиту герцогства. Регулярныя войска и волонтеры проникнули въ Ламбардію.

VIII.

Герцогъ пармскій и пьяченскій думалъ, что скорѣйшее соединеніе съ другими народами для завоеванія итальянской независимости и немедленное принятіе либеральной конституціи, составленной совѣтомъ регентства, дадутъ ему возможность

снова управлять своею страною. Въ этомъ соображеніи была имъ опубликована слѣдующая протестація, выражающая преданность свободѣ и итальянскому дѣлу: „Принимая въ соображеніе быстрое развитіе революціи и желая доказать— какова бы ни была наша участь — какъ близко моему сердцу спасеніе и могущество Италіи и какъ велико мое сожалѣніе, что необходимость и политическое и географическое положеніе нашихъ владѣній подчинили меня иноземному вліянію,— я торжественно объявляю, что съ этой минуты я ввѣряю мою судьбу волѣ его святѣйшества Пія IX, его величеству Карлу-Альберту, королю Сардинскому и его королевскому высочеству Леопольду II, герцогу Тосканскому, которые рѣшатъ будущее этихъ провинцій для лучшаго блага и увеличенія могущества Италіи, готовый принять вознагражденіе, какое будетъ признано приличнымъ справедливою волею этихъ государей.

„Покуда же, въ доказательство моей заботливости о благѣ народа, я одобряю основной статутъ представительнаго правленія, предложенный мнѣ верховнымъ регентствомъ, представлявшимся мнѣ, и которому я ввѣряю власть до тѣхъ поръ, пока рѣшится судьба нашего государства.... Пусть Пьяченца и Понтремоли возвратятся къ повиновенію и — я забуду ихъ несвоевременное возстаніе.... Пусть Парма останется мнѣ вѣрною....

„Я дамъ клятву исполнять статутъ! Я пошлю въ помощь ломбардцамъ линейный батальонъ. Мой сынъ Фердинандъ, во главѣ храбрыхъ гражданъ, желающихъ слѣдовать за нимъ, протягиваетъ вамъ свою руку! Онъ, надѣюсь, покажетъ вамъ, что въ его жилахъ течетъ кровь доблестнаго савойскаго дома и что родъ Генриха IV еще не погибъ!“

Услуги молодаго герцога, задержаннаго на время, вслѣдствіе ошибки, произведенной перемѣной костюма, не были

приняты Миланомъ, которому онъ ихъ предлагалъ, потому что не повѣрили искреннему чувству его преданности.

Эти странныя и запоздалыя воззванія герцога были холодно приняты страною, которою онъ прежде управлялъ самопроизвольно: не вѣрили въ такое быстрое превращеніе, выраженное въ такихъ скромныхъ и покорныхъ словахъ. Герцогъ, опечаленный своимъ безполезнымъ униженіемъ, одинаково невыносимымъ какъ ему, такъ и другимъ, удалился 9-го апрѣля, объявивъ, что онъ предоставляетъ герцогству Пармскому совершенную свободу назначить себѣ, по крайнему разумѣнію, „временное правительство въ замѣну верховнаго регенства и вручаетъ свои владѣнія высокому попечительству и заботливости великодушнаго короля Карла-Альберта, который будетъ почитать ихъ за одно изъ государствъ, содѣйствующихъ великому дѣлу итальянской независимости....“

Совѣтъ старшинъ назначилъ временное правительство, состоявшее изъ Фердинанда де-Кастаньола, Іеронима Кантелли, Петра Пеллегрини, Луи Дамиталя, Іосифа Бандини, Іоанна Каретти и Фердинанда Маэстри. Избавленные отъ своего герцога, пармезанцы могли безпрепятственно предаться движенію, увлекавшему всѣ народы на равнины Ломбардо-Венеціи и принести свои жертвы общему дѣлу спасенія.

IX.

Восторгъ, возбужденный въ Римѣ германской революціей и возстаніемъ Венеціи и Милана, извѣстіе о которыхъ пришло 21 и 22-го марта, былъ болѣе шуменъ, болѣе откровенъ, чѣмъ въ Піемонтѣ и Тосканѣ. Эти событія, изукрашенныя поэтическимъ воображеніемъ итальянцевъ, произвели на царственный городъ дѣйствіе электрическаго сотрясенія. Вдругъ раздался звонъ колоколовъ, какъ въ великіе дни торжественныхъ праздниковъ. Изъ роскошныхъ дворцовъ и

ветхихъ домишекъ, изъ богатыхъ магазиновъ и бѣдныхъ лавчёнокъ народъ выбѣгалъ толпой на улицы и площади. Одни стрѣляли изъ ружей въ знакъ радости и битвы, другіе украшали себя цвѣтами, водружали на башняхъ трехцвѣтныя знамена и разцвѣчивали ими окна и балконы. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики: „Италія, Италія! — война съ Австріей!“ Народъ собрался на венеціанской площади передъ дворцомъ австрійскаго посланника, сорвалъ, подобно тому, какъ и во Флоренціи, императорскій гербъ, разбилъ его и потащилъ по улицамъ, не смотря на увѣщанія осторожныхъ и воздержныхъ людей. Ничто не въ силахъ было умѣрить народнаго увлеченія. Какой-то вдохновленный артистъ взбирается на фронтисписъ дворца австрійскаго посольства и рисуетъ эти слова, выражающія народное желаніе: „Итальянскій сеймъ“.

Отсюда народъ стремится въ капитолій и въ церковь Ара-Цели, чтобы возблагодарить Бога. Потомъ всѣ идутъ въ Колизей, гдѣ отецъ Гавацци и докторъ Масси поддерживаютъ энтузіазмъ своимъ воодушевленнымъ словомъ. Вечеромъ горитъ иллюминація, и городъ, въ знакъ печали по убитымъ въ Миланѣ, не праздновавшій послѣдняго дня карнавала, въ противность обычаю, наверстываетъ потерянное время и зажигаетъ свои моколетти, — выраженіе итальянскаго восторга. Нельзя ничѣмъ описать картины этой патріотической лихорадки; семейныя горести, народная печаль, дѣла, страсти, ненависть, любовь, — все, казалось, было забыто. Смѣются, плачутъ, восторгаются. Земля мертвецовъ — какъ говоритъ поэтъ — содрогается, оживаетъ; она живетъ, она живетъ! — потому что вооружается за свободу Италіи.

X.

Дѣло Италіи — дѣло святое! Являются волонтеры, на груди которыхъ изображенъ крестъ — символъ жертвы и ис-

купленія рабства смертью Іисуса Христа. Развѣ, на самомъ дѣлѣ, не священна война за независимость? Развѣ незаконна война за защиту правъ? Развѣ тотъ, кто сражается за свое семейство и жилище, за могилу отцовъ, за честь родины, — развѣ тотъ не есть возлюбленный сынъ Бога? Прекрасны чувства, воодушевляющія весь этотъ народъ! Нѣтъ мѣста разъединенію пока длится этотъ великодушный и величественный порывъ: молодежь берется за оружіе; священники освящаетъ знамена; монашескія общины кладутъ дорогія подарки на столы, поставленные среди площадей; папа, кардиналы, князья, граждане, купцы и работники усердно несутъ свою дань въ общую сокровищницу. Женщины даютъ свои драгоцѣнности, дѣвушки — головныя уборы; одна изъ нихъ, ничего неимѣющая, отдаетъ свою косу. Папа напутствуетъ волонтеровъ своимъ благословеніемъ и обращается къ нимъ со словами, полными достоинства и твердости: „Я въ мірѣ со всѣми, какъ глава церкви, но, какъ итальянскій государь, я имѣю право защищать нашу родину. Благословляю васъ. — Дѣло, которое вы защищаете, свято; волею Божіею, это дѣло восторжествуетъ. Еще разъ благословляю васъ: сражайтесь и побѣждайте во имя Господа!“

XI.

Министерство 10-го марта было предусмотрительно: оно очень дѣятельно и поспѣшно готовило дѣла. 22-го числа, оно объявило слѣдующій декретъ: „Принимая въ соображеніе важность настоящаго положенія государства и Италіи, и крайнюю необходимость, какъ въ доставленіи средствъ защиты и безопасности папскимъ владѣніямъ, равно и для совокупнаго дѣйствія національнымъ итальянскимъ силамъ — по выслушаніи рѣшенія совѣта министровъ и по изъявленіи воли его святѣйшества — будетъ составленъ обсерваціонный кор-

пусъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: четыре полка пѣхоты, два — кавалеріи, три баттареи линейной артиллеріи, рота фейерверкеровъ, взятая отъ артиллерійскаго корпуса и двѣ роти инженеровъ. Иностранныя войска (швейцарцы), находящіяся на службѣ его святѣйшества, присоединяются къ этому операціонному корпусу.“ На другой день издается декретъ объ организаціи волонтеровъ, подъ начальствомъ полковника Феррари — храбраго неаполитанца, бывшаго прежде на службѣ Франціи и произведеннаго на этотъ случай въ генералы. Генералъ Дурандо — родомъ изъ Піемонта — получилъ начальство надъ всѣми римскими войсками. Регулярная армія выступила изъ Рима въ Болонью 24-го марта; генералъ Дурандо отправился въ ту же ночь съ своими адъютантами: Массимо д'Азельо и графъ Казанова — оба піемонтцы; волонтеры и гражданская гвардія двинулись 25 и 26-го числа. Около десяти тысячъ человѣкъ спѣшили ускореннымъ маршомъ присоединиться къ піемонтскимъ войскамъ. — Не было потеряно ни одной минуты.

XII.

Переходъ волонтеровъ черезъ каждый городъ, черезъ каждую деревушку увеличивалъ ихъ ряды. Впереди ихъ шли братья-проповѣдники, собирая приношенія платьями, лошадьми, хлѣбомъ, деньгами. „Подайте, подайте, — просили они; подайте для свободы Италіи, сотворите милостыню отечеству!“ И всѣ спѣшили нести свою ленту.

Провинціальные волонтеры ознаменовали себя смѣлыми нападеніями. Подвижная равенская колонна, состоящая изъ гражданской гвардіи, швейцарцевъ, драгунъ, съ двумя орудіями, и соединенная съ гражданскою гвардіею Бюсси, Санъ-Альберто и другихъ сосѣднихъ мѣстъ, принудила коменданта важной крѣпости Комаччіо — на морской границѣ Адріатики —

принять, 30 марта, одну изъ тѣхъ капитуляцій, которыя въ эти минуты диктуетъ счастье и смѣлость.

Тысячу болонцевъ, подъ командою подполковника Маттеи, съ авангардомъ Замбеккари, выказали такую же смѣлость, но безъ такого успѣха, прійдя, въ послѣдній день марта мѣсяца, въ Феррару, чтобъ помочь жителямъ овладѣть цитаделью. Австрійскій комендантъ, оставивъ, 26 марта, городскія казармы, запершись въ цитадели, рѣшившись защищаться до послѣдней крайности, а въ случаѣ аттаки, разрушить городъ. Волонтеры, презирая эти мѣры, готовы были итти на приступъ, но жители боялись разоренія ихъ жилищъ и разрушенія Феррары. Генералъ Дурандо объявилъ о невозможности овладѣть этой цитаделью безъ правильной осады и, такимъ образомъ, она осталась во власти непріятеля, хотя и отрѣзанная отъ всякаго сообщенія, но заключающая въ себѣ постоянную опасность.

XIII.

Пій IX, узнавъ о прокламаціяхъ Леопольда II и Карла Альберта, захотѣлъ присоединить и свой голосъ къ голосамъ итальянскихъ государей. Онъ, къ которому взывали со всѣхъ концовъ полуострова, какъ къ спасительному вождю, какъ ходатаю предъ Богомъ, для возстановленія національной независимости, онъ — свидѣтель энтузіазма народовъ, которыхъ онъ былъ пастыремъ — не могъ удержаться отъ своихъ благочестивыхъ увѣщаній. Мы помѣщаемъ здѣсь въ сжатомъ видѣ этотъ любопытный документъ.

«Отъ папы Пія IX народамъ Италіи привѣтствіе и апостольское благословеніе!

„События, совершающіяся въ продолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ съ такою быстротою, не есть дѣло рукъ человѣче-

скихъ. Горе тому, кто среди этой бури, вырывающей съ корнемъ и ломающей въ щепки кедры и тростники, горе тому, кто не слышитъ гласа Господа.

„Горе человѣческой гордости, помышляющей объ этихъ чудесныхъ перемѣнахъ, какъ объ дѣлѣ ошибокъ или заслугъ человѣческихъ, вмѣсто того чтобы благоговѣть передъ таинственными дѣлами провидѣнія, выражающимися или путемъ справедливости, или путемъ милосердія,—провидѣнія, въ рукахъ котораго всѣ концы земли. Мы же, которымъ дано слово для объясненія нѣмаго краснорѣчія дѣлъ Божіихъ, мы не можемъ хранить молчанія среди выраженія желаній, опасеній, надеждъ, волнующихъ души нашихъ дѣтей.

„И прежде всего, мы должны сказать: что если сердце наше было тронуто когда мы узнали, что въ одной части Италіи были предупреждены великія несчастія усиліями вѣры, которыя, какъ дѣла благотворительности, возвысили благородство души человѣческой; то вмѣстѣ съ этимъ, мы не можемъ и никогда не могли бы остаться неопечаленными оскорбленіями, нанесенными представителямъ религіи въ другихъ частяхъ Италіи. Если бы даже мы, забывая нашъ долгъ, умолчали объ этихъ дѣйствіяхъ, то и это молчаніе не уменьшило бы вліянія, какое имѣютъ эти дѣла на дѣйствительную силу нашихъ благословеній.

„Мы не можемъ также удержаться, чтобъ не сказать вамъ: что благоразумно пользоваться побѣдою труднѣе чѣмъ побѣждать. Если настоящее время напоминаетъ вамъ иную эпоху изъ вашей исторіи, то пусть, по крайней мѣрѣ, ошибки отцовъ принесутъ пользу потомкамъ.

„Помните, что условіе всякаго гражданскаго благосостоянія, всякаго порядка заключается въ согласіи; что Богъ одинъ поселяетъ согласіе въ сожительствующихъ; что Богъ даруетъ это благо только человѣколюбію, кротости, только тѣмъ, кто уважаетъ его законы въ свободѣ церкви, въ общественномъ порядкѣ, въ милосердіи ко всѣмъ людямъ.

„Помните, что одна только справедливость созидаетъ дѣло, страсти же только разрушаютъ, и что тотъ самый, который носитъ имя царя царей называется также властителемъ народовъ.

„Да вознесутся наши молитвы къ Богу и низведутъ на васъ духъ совѣта, силы и мудрости, начало котораго въ страхѣ Божіемъ, и да узрите вы миръ во всей Италіи! Если мы, въ нашей любви ко всему католическому міру, не можемъ назвать Италію нашею любезнѣйшею страною, то Богу угодно было, по крайней мѣрѣ, чтобы она была ближе всѣхъ къ намъ."

„Данъ въ Римѣ у Санта-Маріи-Маджіоре, 30-го марта 1848 года, во второй годъ нашего папства.

„Папа Пій IX."

Это священное слово апостолическаго государя, ввѣряющаго божественному попечительству движеніе, ведущее Италію къ свободѣ, указывающаго на него народамъ, какъ на дѣло провидѣнія; его совѣты, великіе даже въ своемъ униженіи, простые, какъ мудрость, нѣжные, какъ любовь къ ближнему, освящающіе всеобщія усилія, проникающіе въ самую смиренную совѣсть, — придавали силу патріотизму и создавали въ глубинѣ всѣхъ сердецъ популярность Пія IX.

XIV.

Папа не могъ удержаться въ этомъ воззваніи отъ выраженія сочувствія, которое онъ питалъ къ іезуитамъ. Преслѣдованія, недовѣрія, возмущенія противъ нихъ были, по его мнѣнію, несправедливыми; обвиненія противъ нихъ казались ему слѣдствіемъ предразсудковъ и неоправдывались ихъ поступками.

Уничтоженіе іезуитскихъ монастырей, ихъ поспѣшное изгнаніе глубоко огорчало его. Народы же думали иначе: они не переставали видѣть въ нихъ своихъ самыхъ заклятыхъ, самыхъ коварныхъ внутреннихъ враговъ. Даже въ самомъ Римѣ вліяніе папы не могло удержать взрыва народной ненависти, который каждую минуту грозилъ разразиться. Гражданская стража дала правительству понять, что она не въ силахъ защитить іезуитовъ.

На этотъ случай была напечатана, 1 апрѣля, въ оффиціальной газетѣ слѣдующая декларація:

„Не однажды доходили до Его Святѣйшества неотступныя просьбы преподобныхъ отцовъ-іезуитовъ, въ которыхъ они выставляли горести, испытуемыя ихъ обществомъ даже въ здѣшней столицѣ, и необходимость обезпечить ихъ безопасность. Святой отецъ, почитавшій всегда этихъ монаховъ неутомимыми сподвижниками въ вертоградѣ Господнемъ, не могъ не испытать новой и еще болѣе живой горести въ виду такого несчастнаго положенія. Но, принимая въ соображеніе увеличивающееся раздраженіе умовъ и различіе обоихъ враждебныхъ сторонъ, угрожающее серьезными послѣдствіями, онъ былъ вынужденъ серьезно позаботиться объ этомъ важномъ вопросѣ. Святой отецъ пожелалъ выразить вчера, черезъ посредство одной высокой особы, преподобному отцу-генералу общества чувства, здѣсь изображенныя, также какъ и затрудненія въ которыя онъ поставленъ теперешними трудными обстоятельствами и опасностію какого нибудь серьезнаго столкновенія. Вслѣдствіе этого объявленія, преподобный отецъ-генералъ собралъ на посужденіе отцовъ-совѣтниковъ, которые рѣшили подчиниться силѣ обстоятельствъ, не желая, чтобы ихъ присутствіе дало поводъ къ какому нибудь важному безпорядку и къ пролитію крови.

„Вслѣдствіе чего, были приняты необходимыя мѣры — согласно съ преподобнымъ отцомъ-генераломъ — какъ въ от-

ношеніи средствъ приведенія въ исполненіе этого рѣшенія, такъ равно и для обезпеченія школъ римскаго коллегіума и монастырей, ими обитаемыхъ, а также и для сохраненія ихъ имуществъ, и обезпеченія средствъ къ ихъ существованію."

Кардиналу Каструччіо Кастракане и отцу Ротоану, генералу ордена, поручено было привести въ исполненіе принятое іезуитами рѣшеніе. Дѣла ихъ и имущества были отданы въ управленіе кардиналу Виццарделли; управленіе школами ввѣрено духовнымъ наставникамъ. Удаленіе іезуитовъ не сопровождалось никакимъ безпорядкомъ, который могъ бы возникнуть въ нѣкоторыхъ бѣдныхъ римскихъ кварталахъ, гдѣ, какъ предполагалось, они имѣли вліяніе. Часть іезуитовъ отправилась во Францію, другая въ Англію и въ Неаполь. Нѣкоторые изъ нихъ, скрылись въ окрестностяхъ города, чтобы воспользоваться первымъ удобнымъ предлогомъ возвратиться къ своей дѣятельности. Но многіе изъ нихъ остались и въ самомъ Римѣ.

XV.

Въ прокламаціи Пія IX къ народамъ Италіи была умѣренность, свойственная характеру Отца Церкви. Генералъ Дуранд*о, командующій римскою арміею, долженъ былъ придать* своей прокламаціи воинственный характеръ. 5-го апрѣля, въ Болоньѣ онъ обратился къ войску съ слѣдующими словами:

„Солдаты!

„Подобно нашимъ предкамъ, сражавшимся на благородной землѣ Ломбардіи, великій первосвященникъ напутствовалъ насъ своимъ благословеніемъ.

„Святой, справедливѣйшій, добросердечнѣйшій изъ всѣхъ людей, онъ понялъ, что противъ того, кто попираетъ всѣ

права, всякій божескій и человѣческій законъ — единственно возможное и справедливое средство есть оружіе.

„Настала минута, когда всякое соболѣзнованіе, столь свойственное его сердцу, было бы преступнымъ поощреніемъ несправедливости, и онъ пришелъ къ убѣжденію, что если Италія не съумѣетъ постоять за себя, то, въ такомъ случаѣ, австрійское правительство предастъ ее грабежу, насилію, всѣмъ жестокостямъ его дикихъ милицій, пожарамъ, убійствамъ и разрушенію.

„Радецкій идетъ войной противъ креста Спасителя.

„Ній IX благословилъ ваше оружіе, соединенное съ оружіемъ Карла-Альберта.

„Вашъ мечъ долженъ истребить враговъ Бога и Италіи и тѣхъ кто оскорбилъ Нія IX, осквернилъ мантуанскія церкви и убилъ нашихъ братьевъ-ломбардцевъ. Эта война цивилизаціи противъ варварства есть не только національная война, но и война священная! Солдаты! съ этихъ поръ рѣшено — и я уже распорядился, чтобы всѣ мы носили на себѣ крестъ Спасителя. Всякій, принадлежащій къ операціонной арміи, будетъ носить крестъ на своемъ сердцѣ подобно тому, какъ я буду носить его на груди. Крестомъ на сердцѣ и съ крестомъ въ душѣ мы будемъ побѣждать, какъ побѣждали наши отцы! Пусть нашимъ воинственнымъ крикомъ будетъ: „такъ угодно Богу!"

Эта воинственная рѣчь была внушена самимъ положеніемъ. Генералъ Дурандо и его совѣтники: д'Азельо и Казанова — всѣ трое піемонтцы — старались проникнуться страстями римскаго народа, чтобъ имѣть больше силы управлять и предводительствовать своей арміей. Имъ также нужно было отвѣчать на обвиненія въ медленности, которыя уже слышались вокругъ нихъ, потому что 5 апрѣля они все еще были въ Болоньѣ. Ихъ обвинители не принимали въ соображеніе трудности сосредоточить войска и колонны, которыхъ они опере-

дили своимъ поспѣшнымъ маршемъ и большой части которыхъ приходилось пройти около 400 миль, чтобы достигнуть границы.

Прокламація главнокомандующаго арміей итальянскаго государя глубоко смутила сердце папы—главы христіанства. Онъ не могъ допустить этихъ пылкихъ выраженій, сказанныхъ отъ его имени. Совѣсть его была болѣзненно взволнована. 10-го апрѣля, онъ приказалъ напечатать въ оффиціальной газетѣ свое отрицаніе отъ словъ Дурандо:

„Въ приказѣ къ арміи, данномъ въ Болоньѣ, 5-го апрѣля, выражаются идеи и чувства въ такомъ смыслѣ, какъ бы онѣ были сказаны самимъ Его Святѣйшествомъ. Когда папа хочетъ выразить свои чувства, — онъ всегда говоритъ лично отъ себя (ex se), а не устами кого нибудь изъ своихъ подчиненныхъ."

XVI.

Пій IX принялъ, 28 марта, графа Риньона, посланнаго Карломъ-Альбертомъ извѣстить его о рѣшеніи своемъ вступить въ Ломбардію. Папа послалъ сейчасъ же къ піемонтскому королю своего экстраординарнаго легата, монсиньора Корболи Бюсси, съ приглашеніемъ составить итальянскую лигу и съ просьбою о займѣ для удовлетворенія военныхъ издержекъ. Пій IX равно поручилъ, 28 числа, военному министру Альдобрандини, отдать нетерпѣливо ожидаемый приказъ войскамъ и волонтерамъ, дошедшимъ до Болоньи, перейти По. Но, убѣждаемый своимъ министерствомъ, нескрывавшимъ отъ него того, что дѣло шло не объ одномъ только переходѣ черезъ рѣку, но также и объ войнѣ, на которой погибнетъ много людей,—онъ колебался, оттоваривался необходимостью ждать извѣстій изъ Піемонта, и между тѣмъ уполномочивалъ „дѣлать распоряженія, необходимыя для безопасности и блага церковной области."

Подобно Карлу-Альберту, Пій IX былъ жертвою противоположныхъ чувствъ, вносившихъ нерѣшительность и смущеніе въ его мысли. Но папа не колебался подобно королю, между страхомъ къ республикѣ и къ Франціи и самолюбивою надеждою на новую корону. Онъ былъ покоенъ со стороны Франціи, уважавшей церковь, и, не имѣя самолюбія Карла-Альберта, онъ вовсе не помышлялъ объ увеличеніи своихъ владѣній. За то его терзали, съ одной стороны, внушенія совѣсти, какъ главы церкви; съ другой—необходимость и интересы итальянскаго государя. Духовная и свѣтская власть смутно мѣшались въ его душѣ и ему трудно было отдѣлить ихъ одну отъ другой. Онъ, папа, хранитель власти, предѣлы которой ограничивались обязанностями передъ Богомъ, онъ, хранитель преданій, освященныхъ страданіями первыхъ епископовъ, наслѣдникъ св. Петра, первосвященникъ, окруженный уваженіемъ двухъ сотъ милліоновъ христіанъ,—могъ ли онъ войти въ кровавую распрю, вмѣшаться въ страсти, споры, волненія народныя, раздѣлять ихъ ненависти, ихъ мстительность и злобу? Его благочестіе, мудрость и умѣренность не позволяли ему этого. Но развѣ онъ не былъ въ тоже время государемъ, управлявшимъ одною изъ итальянскихъ провинцій? Развѣ его владѣнія не были унижены иноземнымъ покровительствомъ? Сколько разъ—въ противность трактатамъ—видѣла Феррара на своей землѣ непріятельскихъ солдатъ. Развѣ сердце папы не было сердцемъ итальянца, и развѣ онъ могъ отказаться отъ обязанностей гражданина? И въ то время, когда послѣ долгаго гнета, возстали цѣлые народы, чтобы изгнать иноземныхъ властителей; когда со всѣхъ сторонъ, народы и государи высоко и смѣло поднимали свои поникшія знамена, съ крикомъ: „за свободу Италіи!" —развѣ онъ одинъ изъ цѣлаго народа останется глухъ на зовъ чести и свободы?—Нѣтъ!—этого не будетъ съ нимъ!

Въ первые дни послѣ своего избранія, папа хотѣлъ взять

на себя обязанность примирителя. Сторонникъ умѣренной свободы и прогрессивныхъ преобразованій, онъ мечталъ о новомъ величіи церкви, о болѣе могущественномъ вліяніи вѣры; но, послѣдовательно увлеченный этими стремленіями, онъ зашелъ дальше чѣмъ предполагалъ, а между тѣмъ, его каждый день понуждали все болѣе и болѣе. Но гдѣ же онъ наконецъ остановится? — И съ этихъ поръ, онъ шелъ медленно, боязливо, страшась компрометировать ввѣренную ему папскую власть, которую онъ долженъ неприкосновенно передать слѣдующему. Прежде ему льстила популярность, теперь онъ чуждался ее, боясь быть принужденнымъ пожертвовать ей своею совѣстью. Его смущалъ восторгъ народа, въ которомъ онъ видѣлъ слѣдствіе религіозныхъ уступокъ. Онъ со страхомъ взиралъ, какъ съ каждымъ днемъ ускользала власть изъ рукъ кардиналовъ и духовенства, чтобы перейти къ гражданамъ. Онъ находился между людьми, сожалѣвшими о потерянной власти, и народомъ, который, видя какъ онъ колеблется на избранномъ имъ пути, ослабѣвшимъ голосомъ взывалъ къ нему: Corragio! santo padre! — Пій IX испытывалъ послѣдствія двойственности своего положенія, какъ папы и какъ государя, — положенія, столько разъ смущавшаго церковь.

Римская армія, обязанная повиноваться подобному государю, развѣ не теряла своей силы и энергіи? Развѣ ей не препятствовали дѣйствовать? Чего же ей было ожидать, когда самое первое дѣйствіе ея генерала было поражено печальнымъ отрицаніемъ — неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неопредѣленнаго положенія?

XVII.

Въ неаполитанскомъ королевствѣ, народъ и король находились во взаимномъ недовѣріи. Медленная публикація изби-

рательнаго закона, продолжительное замедленіе въ организаціи національной гвардіи и неловко скрываемое нежеланіе раздать ей оружіе; открытіе палатъ, отложенное до мая мѣсяца, словомъ — бездѣйствіе во всемъ, плохо маскированное разглагольствованіями, поселило въ народѣ безконечныя подозрѣнія. Эти подозрѣнія перешли въ ропотъ, а ропотъ, въ свою очередь, въ обвиненія противъ вліятельнаго министра Боццелли, извѣстнаго предводителя либеральной партіи, подозрѣваемаго въ измѣнѣ, вслѣдствіе того, что онъ остался на своемъ мѣстѣ, въ то время, когда кабинетъ нѣсколько разъ перемѣнялся. Мѣсто президента совѣта и министра иностранныхъ дѣлъ перешло отъ герцога Серра-Капріола къ князю Каріати; министрами юстиціи, путей сообщеній и публичныхъ зданій, народнаго просвѣщенія, военнымъ и морскимъ были назначены: Салицети, Саварезе, полковникъ Дельи-Уберти, Поэріо. Боццелли же остался министромъ внутреннихъ дѣлъ, Дентиче — финансовъ и Боннано — духовнымъ. Спустя нѣсколько времени, Салицети, хотѣвшій представить Фердинанду слишкомъ смѣлый проэктъ и поддерживаемый Андреемъ Ромео и Костибале Кардуччи, обѣщавшими ему поддержку Калабрійцевъ и Цилентани, ненавидимый королемъ за его слишкомъ смѣлое слово и требовательность, неподдержанный товарищами, долженъ былъ удалиться изъ кабинета. Портфель его получилъ Маскарелли. Фердинандъ постоянно затруднялъ своихъ министровъ и медлилъ вступить на путь реформъ, сдѣлавшихся необходимыми. Граждане, поставленные между ними, раздѣленные на многочисленные центры, соблазнялись казенными мѣстами, не имѣя достаточно энергіи ни для возстанія, ни для покорности, и безпрестанно мирились съ королемъ, котораго они упрекали въ непостоянствѣ.

Въ такомъ состояніи находился Неаполь, когда, 25-го, марта, получены были извѣстія о событіяхъ въ Вѣнѣ и Миланѣ. Народное движеніе приняло характеръ бунта; народъ,

сорвавъ гербовый щитъ съ дома австрійскаго посольства, устремился къ министерству внутреннихъ дѣлъ, съ криками: „долой Боццелли! долой отступника! на помощь ломбардцамъ!“ Изданная на другой день прокламація, въ слѣдующихъ выраженіяхъ, не могла остановить волненія.

«Неаполь, 26-го марта.

„Королевское правительство симъ увѣдомляетъ народъ, что въ двѣнадцати постахъ неаполитанской національной гвардіи открыта подписка для великодушныхъ молодыхъ людей, пылающихъ любовью къ отечеству, которые желаютъ вступить въ корпуса волонтеровъ и готовы къ отплытію въ Ливорно, откуда они — распредѣленные въ батальоны, роты и полки — двинутся въ верхнюю Италію.

„Правительство, на этотъ случай, уже озаботилось о вооруженіи вышепоименованныхъ волонтеровъ и назначило пароходы, необходимые для транспортировки ихъ въ Ливорно.

„Имена отъѣзжающихъ волонтеровъ будутъ вписаны и опубликованы въ оффиціальной газетѣ.

«За министра внутреннихъ дѣлъ,
«Директоръ Джіакомо Тофано.»

XVIII.

Демонстраціи увеличивались. Войска окружили дворецъ. Волненіе усиливалось; крики: „долой министровъ, на помощь ломбардцамъ!“ становились гнѣвнѣе. Полковникъ національной гвардіи, Габріэль Пепе, объявляетъ отъ имени короля, что министерство будетъ смѣнено и отданы будутъ приказанія для отправленія помощи ломбардцамъ. Дѣйствительно, 27-го числа, оффиціальная газета объявила объ отставкѣ министровъ. Въ это время Неаполь былъ въ полной анархіи. Министерскій кризисъ длился восемь дней. Каждый изъ этихъ

дней сопровождался уличными волненіями и угрожающимъ ропотомъ.

Въ политическихъ кружкахъ составлялись списки и программы. На улицахъ происходили вооруженныя демонстраціи. Во дворцѣ были хлопоты, — король отказывался отъ реформъ, переходившихъ предѣлы статута 29 января. Австрійскій посланникъ уѣхалъ послѣ протестаціи. Пылкость юношества, готоваго организоваться и итти на бой, крики, смятеніе, раздраженное самолюбіе, жажда успѣха, преданность, измѣна и расчетъ — все смѣшалось. Каждую минуту надобно было опасаться развязки этой драмы, въ которой боролось столько страстей и препятствій, готовыхъ разразиться кровавою битвою.

Но ожиданія были-напрасны: ни съ той, ни съ другой стороны не было ни воли, ни рѣшительности.

XIX.

29-го марта, среди министерскаго кризиса, пріѣхалъ въ Неаполь генералъ Вильгельмъ Пепе. Послѣ восемнадцатилѣтней ссылки, благородно выдержанной, онъ снова увидѣлъ любимую родину. Извѣстный своимъ мужествомъ, своими либеральными идеями, своими заслугами и важною ролью, которую онъ игралъ въ своемъ отечествѣ во время революціи 1820 года, этотъ человѣкъ съ сердцемъ, Лафайетъ Обѣихъ Сицилій, былъ тотчасъ же призванъ и обласканъ королемъ. На одной аудіенціи, имъ самимъ описанной, онъ показалъ королю примѣръ, которому послѣдній долженъ былъ слѣдовать. — „Гдѣ же этотъ примѣръ? — спросилъ король. — „Государь, отвѣчалъ генералъ, этотъ примѣръ въ бельгійскомъ королѣ, который поставилъ себя въ такое положеніе относительно своего народа, что его самъ народъ упрашиваетъ не покидать трона.“

Совѣтъ его не былъ уваженъ. Его просили составить министерство; онъ представилъ королю списокъ, начинавшійся

его именемъ, на должность президента; другіе члены были: Салицети, Конфорти, Драгонетти, Поэріо, Уберти, Саварезе Каріати и Лізто. Кромѣ того онъ представилъ королю программу, заключавшую въ себѣ слѣдующія условія: полномочіе палатѣ общинъ, съ цѣлью издать статутъ на широкихъ основаніяхъ, и закрытіе до этого времени палаты перовъ; радикальное преобразованіе избирательнаго закона, равно и другіе реформы, и, наконецъ, отправленіе арміи въ Ломбардію. На эти предложенія онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: „его величество не можетъ измѣнить конституціи, которой онъ и всѣ его подданные присягали. Развитіе и дополненіе конституціи 29 января, безъ измѣненія ея сущности, будетъ принадлежать законнымъ властямъ, т. е. королю и обѣимъ палатамъ. Вслѣдствіе этого не можетъ быть принято предлагаемое министерство. Адресы, получаемые отовсюду его величествомъ, укрѣпляютъ его въ той мысли, что всякая перемѣна въ настоящей конституціи, была бы съ его стороны преступленіемъ противъ долга государя“.

Генералъ Пепе, желая успокоить совѣсть короля, отвѣчалъ ему, что „если бы онъ, для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, далъ вмѣсто ограниченной конституціи, конституцію вдвое болѣе либеральную, то онъ былъ бы клятвопреступникомъ въ той же мѣрѣ, какъ должникъ, отдавшій двѣсти тысячъ вмѣсто ста.

XX.

Между прочимъ, король увидѣлъ необходимость сдѣлать уступки, чтобы имѣть возможность образовать министерство, составленное изъ людей либеральныхъ, которое бы удовлетворило и успокоило общественное мнѣніе и измѣнило постоянно угрожающее положеніе. 3 апрѣля, были призваны въ совѣтъ: Дельи Уберти, Драгонетти, Джіоване Виньяле, Піетро Фе-

*

ретти, Рафаэле дель-Джюдиче. — подъ предсѣдательствомъ Карла Тройи.

Программа министерства, опубликованная 4 числа, заключала въ себѣ слѣдующія условія, принятыя королемъ: самоскорѣйшее назначеніе срока для избранія депутатовъ; уравненіе депутатскаго цензаса съ цензомъ избирательнымъ; присоединеніе способныхъ людей къ избирательнымъ спискамъ. Назначеніе, въ первый разъ, пятидесяти перовъ, изъ списковъ кандидатовъ, выбранныхъ избирателями; предоставленіе права обѣимъ палатамъ, согласно съ королемъ, измѣнить конституцію, особенно въ томъ, что касается палаты перовъ; немедленное отправленіе дипломатическихъ агентовъ для заключенія лиги съ остальными государствами Италіи; предоставленіе въ распоряженіе лиги сильнаго корпуса войскъ, для немедленнаго отправленія ихъ на границу; отправленіе моремъ линейнаго полка; королевскій гербъ, окруженный итальянскими цвѣтами; быстрое вооруженіе національной гвардіи всего королевства; отправленіе въ провинціи депутатовъ-организаторовъ.

Въ исполненіе этой программы, Фердинандъ объявилъ, въ первое засѣданіе новыхъ министровъ, о слѣдующихъ распоряженіяхъ:

Призваніе резервовъ, увеличеніе арміи пропорціонально необходимости, посаженіе на суда 10-го линейнаго полка для отплытія въ Ливорно, немедленное выступленіе на границу корпуса войскъ; воззваніе ко всѣмъ, принимающимъ участіе въ итальянскомъ дѣлѣ, помогать всѣми своими средствами снабженію арміи лошадьми, мулами и всѣмъ другимъ; уплата денегъ, по востребованію, билетами казначейства. Его величество объявилъ о поданномъ имъ уже примѣрѣ, пожертвованіемъ изъ своихъ конюшень двадцати самыхъ лучшихъ лошадей.

XXI.

Король обратился къ народу. 7 числа, съ слѣдующими торжественными словами:

„Любезнѣйшій народъ!

„Король сочувствуетъ вмѣстѣ съ вами живому интересу, внушаемому всѣмъ итальянскимъ дѣломъ. Въ этомъ соображеніи, онъ рѣшилъ споспѣшествовать сему дѣлу всѣми силами, которыми мы можемъ располагать, принимая въ соображеніе наше исключительное положеніе въ этой части королевства. Хотя еще не опредѣленную никакими положительными актами, мы считаемъ, однакожъ, итальянскую лигу существующею на самомъ дѣлѣ, потому что всеобщее согласіе государей и народовъ Италіи таково, что мы почитаемъ ее какъ бы уже заключенной. Первыми нами предложенный конгресъ, въ скоромъ времени соберется въ Римѣ и мы, первые же, поспѣшимъ послать туда представителей этой части великой итальянской семьи.

„Мы уже отправили сухопутную экспедицію и одна дивизія уже выступила въ походъ вдоль Адріатики, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ центральной Италіей. Судьба общаго отечества должна рѣшиться на равнинахъ Ломбардіи. Принять участье въ войнѣ за свободу, независимость и славу отечества есть долгъ всѣхъ государей и народовъ полуострова. Хотя нѣкоторыя обстоятельства не позволяютъ намъ располагать значительною частью нашихъ войскъ, не смотря на это, мы разсчитываемъ принять участіе въ дѣлѣ всѣми нашими сухопутными и морскими силами, съ арсеналами и со всѣмъ народнымъ достояніемъ. Братья наши ждутъ насъ на полѣ битвы и мы поспѣшимъ туда, куда призоветъ насъ борьба за великое дѣло итальянской народности.

„Народы Обѣихъ Сицилій! сомкнитесь тѣснѣе вокругъ своего государя. Соединимся, чтобъ быть сильными и страшными, и приготовимся къ битвѣ, съ тѣмъ спокойствіемъ, которое является изъ сознанія силы и смѣлости. Довѣримся храбрости нашей арміи, чтобы имѣть въ этомъ великодушномъ предпріятіи славную долю, выпадающую намъ, какъ самому большому государству полуострова. Чтобы доказать внѣ нашихъ предѣловъ всю нашу силу, намъ нужно согласіе и миръ внутри нашего отечества, — въ этомъ случаѣ, мы полагаемся на отличный духъ нашей превосходной національной гвардіи, на любовь нашего народа, который будетъ сохранять порядокъ и блюсти законы, и который, въ свою очередь, долженъ всегда разсчитывать на нашу прямоту и любовь къ конституціонному порядку, который мы поклялись торжественно соблюдать и который мы намѣрены поддерживать цѣною самыхъ великихъ жертвъ.

„Пусть будетъ нашей единою мыслью: союзъ, самоотверженіе, твердость, и тогда мы достигнемъ независимости нашей прекрасной Италіи. Эти высокія чувства должны подавить въ насъ всѣ другія, мелкія. И вскорѣ двадцать четыре милліона итальянцевъ будутъ имѣть могучую родину, общее, богатое наслѣдіе славы и уважаемую всѣми національность, которая не мало будетъ вѣсить на политическихъ вѣсахъ міра.

„Фердинандъ.“

Это были великія слова, но не то было на дѣлѣ.

XXII.

Пароходъ Виргилій привезъ уже, 29-го марта, въ Геную 200 волонтеровъ, отправлявшихся въ верхнюю Италію, подъ предводительствомъ княгини Тривунчіо-де-Бельджоіозо. За нимъ послѣдовали черезъ Ливорно другіе волонтеры, а

равно и 10-й линейный полкъ. 7-й полкъ двинулся къ римской границѣ. Это были тѣ волонтеры, тѣ солдаты, предводимые генераломъ Пепе и капитаномъ Уллоа, достигшимъ впослѣдствіи своими талантами, патріотизмомъ и храбростью до степени генерала, это были тѣ воины, которые возвысили неаполитанское оружіе на самую высокую степень. Поцаженные смертью, они возстановили на поле брани честь своего знамени. Сограждане ихъ, безъ различія мнѣній, должны воздать имъ честь, потому что они заплатили своею жизнью и кровью за вновь пріобрѣтенное честное имя.

XXIII.

Генералъ Пепе принялъ начальство надъ экспедиціоннымъ корпусомъ, который долженъ былъ состоять изъ 40,000 человѣкъ. Но формированіе войскъ, послѣ отправки 10-го линейнаго полка, шло чрезвычайно медленно и было задерживаемо различными препятствіями, представлявшимися на каждомъ шагу. Пепе пришелъ въ отчаяніе при видѣ подобнаго промедленія и, горя нетерпѣніемъ поспѣшить на помощь Венеціи, отправился къ королю, чтобы предложить ему слѣдующій откровенный вопросъ: „Государь! весьма естественно, что женившись на австрійской принцессѣ, вы чувствуете невольное отвращеніе отъ войны съ австрійцами.“ Король прервалъ Пепе, не давъ ему кончить: „Вы ошибаетесь: я всегда презиралъ австрійцевъ!“ Тогда генералъ совѣтовалъ ему отправиться во главѣ шестидесятитысячной арміи и сильнаго флота, чтобы на берегахъ Изонцо предписать Австріи условія, и уравновѣсить вліяніе Карла-Альберта и Пія IX, завоевать независимость итальянскаго народа, заслужить признательность и любовь его, и покрыться безсмертною славою. Сицилійцы — прибавилъ онъ — не будутъ противодѣйствовать

спасителю Италію. Я предлагаю отправиться въ Сицилію и возвратить ее вамъ, не проливъ даже капли крови."

Планъ былъ обширенъ, привлекателенъ и строго обдуманъ. Фердинандъ не зналъ того, что онъ могъ выиграть, дѣйствуя какъ конституціонный король, когда возвратилъ бы своимъ благородствомъ и храбростію утраченную власть надъ народами, прежде управляемыми имъ, и сдѣлался бы такимъ образомъ властителемъ судебъ Италіи. Безъ сомнѣнія, грандіозный планъ Пепе увѣнчался бы полнѣйшимъ успѣхомъ. Шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, соединившись съ силами Рима и Венеціи, поддержанными неаполитанскимъ и сардинскимъ флотомъ, дѣйствуя въ связи съ шестидесятитысячною арміею, составленною изъ сардинскихъ, тосканскихъ и ломбардскихъ войскъ, захватили бы австрійскую армію съ двухъ сторонъ и принудили бы ее покинуть итальянскую территорію. И тогда побѣдоносная Италія могла бы сказать: «L'Italia ha fatto da se!» (Италія сдѣлала все своими собственными силами).

Подобное славное рѣшеніе итальянскаго вопроса усмирило бы внутреннія распри королевства Обѣихъ Сицилій и дало бы Фердинанду преобладающее вліяніе на дѣла, которое онъ пытался оспорить у Карла-Альберта провозглашеніемъ итальянской лиги въ Римѣ; Фердинандъ могъ ослабить попытки, измѣнить данную имъ хартію и задушить всякое республиканское стремленіе. Но Фердинандъ не могъ постичь силы обстоятельствъ; онъ не могъ и не успѣлъ уничтожить благородными средствами всѣхъ опасностей, которыя представлялись его трону въ революціи, въ возмущеніи Сицилій и стремленіи Карла-Альберта къ основанію итальянскаго королевства. Онъ надѣялся, тѣмъ или другимъ путемъ, овладѣть революціей, усмирить Сицилію и воспрепятствовать планамъ Карла-Альберта, запутавъ его въ итальянскую лигу и стараясь замедлить, на сколько возможно, отправленіе войскъ въ Венецію.

XXIV.

Особенность положенія Сициліи, возмутившейся противъ своего короля, не позволяла сицилійцамъ принять дѣятельнаго участія въ освобожденіи Италіи. Предложенія доставленныя имъ лордомъ Минто отъ короля, были отвергнуты. Король объявилъ, 23 марта, недѣйствительными всѣ акты, совершенные въ странѣ, возставшей противъ законнаго государя. Сицилійскій парламентъ, собранный 26-го, отвѣтилъ на протестацію короля выборомъ въ обѣихъ палатахъ Руджіеро Сеттимо въ президенты королевства и образованіемъ министерства, въ составъ котораго вошли: Маріано Стабиле, Ризо, ла-Лумія, Калви, маркизъ Корда и князь Скордіа.

Сицилійское правительство видѣло всю опасность своего положенія при извѣстіи о воззваніи короля, сдѣланномъ имъ 7 апрѣля, къ народамъ обоихъ королевствъ. Оно боялось подвергнуться обвиненію въ томъ, что, отказавшись отъ присоединенія своихъ силъ къ неаполитанской арміи, оно удержитъ вдали отъ Ломбардіи часть неаполитанской арміи; что, въ то время когда должно соединиться всѣмъ воедино, оно ослабляетъ итальянскія силы, нужныя для борьбы съ чужеземцами. Сицилійское правительство рѣшилось заявить свой патріотизмъ къ итальянскому дѣлу ускореніемъ событій: оно послало депутатовъ на итальянскую лигу, объявило низверженіе Фердинанда и начало вести переговоры о замѣнѣ его другимъ итальянскимъ государемъ.

XXV.

13 апрѣля, въ палатѣ общинъ, собранной подъ предсѣдательствомъ маркиза Торреарза, министръ иностранныхъ дѣлъ объявилъ, что „Сицилія желаетъ принять участіе въ итальянской

лигѣ и что она съумѣетъ противодѣйствовать интригамъ своихъ враговъ.“ Патеръ Ностро отвѣчалъ: „Сицилія не можетъ болѣе имѣть своимъ королемъ Фердинанда. Надобно издать теперь же, въ это самое засѣданіе, декретъ о низложеніи Фердинанда и его династіи съ трона Сициліи.“ Ла-Фарина выразилъ слѣдующее мнѣніе: „Сицилія, въ выборѣ себѣ государя, должна остановиться на двухъ династіяхъ: тосканской и савойской. Но прежде всего, мы должны подумать о насъ самихъ: организуемся, соберемся съ силами! Пусть узнаютъ всѣ о нашемъ желаніи остаться итальянцами! Будущее укажетъ, чѣмъ мы должны быть: конституціоннымъ государствомъ, подъ скипетромъ итальянскаго государя, или же республикой (апплодисменты). Послѣ нѣсколькихъ словъ Переца, Интердонато воскликнулъ: нужно объявить сверженіе Фердинанда и его династіи, провозгласить республиканскую монархію съ итальянскимъ государемъ, и отечество будетъ спасено!“ (апплодисменты). Декретъ о низложеніи Фердинанда былъ принятъ палатами и распубликованъ правительствомъ:

„Статья 1-я — Фердинандъ и его династія лишаются навсегда правъ на престолъ Сициліи.

„Статья 2-я — Сицилія будетъ имѣть конституціонное правленіе. Преобразовавъ конституцію, она призоветъ на тронъ одного изъ итальянскихъ государей.

„Данъ и обнародованъ въ Палермо, 18 апрѣля 1848 г.“

«Президентъ палаты общинъ, де-Торреарза.
«Президентъ палаты перовъ, Герцогъ Серра Дифалько.

«Съ копіей вѣрно, Торреарза.
«Секретарь, Калви
«Президентъ королевства, Руджіеро Сеттимо».

XXVI.

Декретъ о низложеніи Фердинанда и его династіи былъ принятъ народомъ съ великою радостію и привѣтствованъ криками энтузіазма. Воспоминаніе о бомбардировкѣ не изгладилось; кровь еще не высохла. Толпы наполняли улицы; со всѣхъ сторонъ слышалось: „долой короля bombardatore!“ Статуи бурбонской династіи были разбиты, бронзовыя были расплавлены и пошли на отливку пушекъ. Только два памятника остались нетронутыми: одинъ — Карла III, считавшагося справедливымъ и благодѣтельнымъ государемъ, другой — Донъ-Жуана Австрійскаго, побѣдителя при Лепанто, спасшаго берега Средиземнаго моря отъ опустошенія магометанъ. Народъ въ своемъ гнѣвѣ не забывалъ уваженія къ правосудію и славѣ.

Амари, князь Гранателли, Ла-Фарина, Сколіа, Пизано тотчасъ же отправились представителями Сициліи на собраніе итальянской лиги и къ другимъ правительствамъ Италіи.

Президентъ королевства испросилъ разрѣшеніе на отправку въ Ломбардію 100 сицилійскихъ волонтеровъ, подъ начальствомъ Ла-Маза, и необходимыя субсидіи. Сицилія заявляла этимъ только свое доброе желаніе, не имѣя возможности послать дѣйствительную помощь.

Итальянскіе патріоты, узнавъ о декретѣ, содержавшемъ въ себѣ низложеніе Фердинанда, задавали себѣ вопросъ: не лучше ли было подождать того времени, когда Фердинандъ откажется отъ намѣренія послать помощь Ломбардіи и Венеціи; они также не склонялись въ пользу рѣшенія сицилійскаго парламента, который вмѣсто того, чтобы провозгласить республику, бросилъ тронъ Сициліи яблокомъ раздора между итальянскими государями, въ ту минуту, когда единство ихъ необходимо было для изгнанія иностранцевъ.

XXVII.

„Фердинандъ II, Божіею милостью король Обѣихъ Сицилій, Іерусалима и т. д., герцогъ Пармы, Пьяченцы, Кастро и т. д. наслѣдный принцъ Тосканы, торжественно протестовалъ, 13-го апрѣля, по единогласному мнѣнію своего совѣта министровъ, противъ акта о его низложеніи съ престола Сициліи, подобно тому какъ онъ уже протестовалъ, 22-го марта, противъ акта, нарушавшаго священныя права короля Обѣихъ Сицилій и его династіи, и противнаго единству и неприкосновенности монархіи и конституціи, которой онъ присягалъ; мы объявляемъ вышеизложенный актъ пустымъ, ничтожнымъ и не имѣющимъ никакого значенія." Неаполитанское министерство, будучи вполнѣ либеральнымъ, не могло оставить также безъ протеста отдѣленіе Сициліи отъ Неаполя.

XXVIII.

Ясно видно, что во всѣхъ итальянскихъ государствахъ инициатива войны съ Австріей принадлежала народамъ; вездѣ движеніе было одно и тоже. Народы вполнѣ были согласны между собою въ энергической рѣшимости изгнать иностранцевъ и возстановить итальянскую народность; они имѣли одно общее желаніе провозгласить свою свободу. Для достиженія этой цѣли всѣ предлагали свою кровь, свое имущество, свою жизнь! Всѣ спѣшили на поле сраженія, гдѣ будетъ происходить борьба за судьбу ихъ общаго отечества.

Сами государи были увлечены. Подъ вліяніемъ противоположныхъ чувствъ, они послѣдовали за даннымъ имъ толчкомъ. Карлъ-Альбертъ колебался между боязнью республики и своимъ самолюбіемъ; великій герцогъ Тосканскій былъ въ нерѣшимости, находясь между опасностью возстанія, желаніемъ

округлить свое государство, и родственными связями съ Австріей; папа Пій IX колебался, между своей популярностію, своимъ вліяніемъ, обязанностями итальянскаго государя и своею совѣстью, какъ глава церкви; неаполитанскій король видѣлъ приближеніе революціи, отдѣленіе Сициліи и желалъ удержать за собой войско съ цѣлью защищать свой абсолютизмъ. Послѣдніе три государя соперничали съ королемъ Сардиніи, имѣли различные интересы и въ глубинѣ души были враждебны другъ другу.

Между тѣмъ государи все таки становятся во главѣ тѣхъ народовъ, которые идутъ бороться за Италію. Карлъ-Альбертъ предводительствуетъ войсками. Сообразно съ приказаніями своихъ правительствъ, генералъ д'Арко Феррари командуетъ тосканцами; генералъ Дуандо — римлянами; генералъ Пепе — неаполитанцами. Ломбардцы передаютъ свои войска въ распоряженіе Піемонта, сообразно съ волею временнаго правительства. Венеціянцы, возстановившіе древнюю республику, имѣвшіе президента и министерство, не могли найти генерала. Моденцы, пармезанцы ждали своего предводителя. Кругомъ, въ безпорядкѣ тѣснились толпы волонтеровъ, имѣвшихъ опору только въ своемъ мужествѣ и патріотизмѣ. Усилія всѣхъ были единодушны. Но гдѣ же единство воли, гдѣ сосредоточеніе силъ, необходимое для успѣха? Гдѣ планъ, которому всѣ *должны слѣдовать!* — Къ несчастію, никакой трактатъ не связывалъ между собою, ни государей, ни народовъ. Всякій шелъ на удачу.

XXIX.

Итальянскіе народы чувствовали потребность въ созваніи національнаго собранія или, по крайней мѣрѣ, лиги изъ представителей всѣхъ государствъ. Но время еще не настало для этого собранія. Лига, предложенная Карлу-Альберту неаполи-

танскимъ королемъ и чрезвычайнымъ посломъ Пія IX, Корболли Бюси, была встрѣчена отказомъ.

„Карлъ-Альбертъ желалъ общаго содѣйствія, но противился всякому преждевременному соглашенію. Онъ отказывался отъ подчиненія своихъ плановъ и идей совѣту и обсужденію народовъ и государей; подобный отказъ съ его стороны заставилъ подозрѣвать въ немъ стремленіе не къ итальянскому, а къ піемонтскому единству.

Представители итальянскихъ государствъ, явившіеся въ Римъ, тщетно ждали прибытія сардинскихъ уполномоченныхъ. Отсутствіе ихъ порождало недовѣріе и подозрѣніе, между тѣмъ какъ дѣйствія агентовъ Карла-Альберта въ Сициліи возбуждали неудовольствіе въ Неаполѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Итальянскіе изгнанники во Франціи. — Итальянское національное собраніе въ городской ратушѣ. — Ламартинъ предлагаетъ помощь Франціи. — Отказъ Маццини тождественный со словами Карла-Альберта. — Предложенія, сдѣланныя Ламартиномъ генералу Пепе, передъ отъѣздомъ послѣдняго. — Совѣтъ Джіоберти. — Мечты итальянцевъ. — Корреспонденція Биксіо, французскаго посланника въ Туринѣ. — Переходъ піемонтцевъ черезъ Минчіо. — Сраженія при Гонто, Монцамбано и Боргетто. — Прокламаціи короля и Радецкаго. — Ихъ противоположный характеръ. — Отправленіе подкрѣпленій австрійской арміи; воззваніе Австріи къ Германіи, съ цѣлію возстановить нѣмецкую и итальянскую народность, одну противъ другой. — Нѣмецкіе волонтеры. — Нѣмецкій Тироль вооружается противъ Италіи. — Временное миланское правительство и Томмазео провозглашаютъ братство народовъ. — Австрія, изъ боязни французскаго вмѣшательства, предпочитаетъ вступить въ переговоры съ Сардиніей. — Холодный пріемъ Пальмерстономъ сообщеній, сдѣланныхъ Маниномъ. — Отсутствіе англійскаго консула на панихидѣ въ церкви святаго Марка, въ память павшихъ за отечество. — Адресъ венеціянскаго правительства французскому министру иностранныхъ дѣлъ. — Письмо Томмазео Ламартину. — Отвѣтъ. — Лемерани, французскій консулъ въ Венеціи. — Надежда Манина, что Италія можетъ обойтись безъ помощи Франціи, и просьба его о присылкѣ французскихъ кораблей въ Адріатическое море. — Немедленный приказъ, данный адмиралу Бодену. — Асмодей, подъ командой капитана Рикоди въ Венеціи. — Появленіе французской эскадры въ неаполитанскихъ водахъ. — Жалобы партизановъ Карла-Альберта на венеціянское правительство за его желаніе вызвать симпатіи Франціи къ итальянскому дѣлу. — Оправданіе венеціянскаго правительства. — Адресъ временнаго ломбардскаго правительства французскому временному правительству. — Увѣщаніе Карла-Альберта. — Приготовленіе Франціи для поддержки независимости народовъ. — Армія, доведенная до 532,000 человѣкъ. — Альпійская армія. — Требованіе сардинскаго правительства, чтобы французскій флотъ не останавливался въ Генуѣ, и его отказъ отъ французскаго вмѣшательства. — Запросъ

Ламартина отъ имени временнаго правительства, черезъ посланника въ Турине о томъ: не будетъ ли французская армія отражена отъ границъ силою оружія. — Утвердительный отвѣтъ: требованіе ждать той минуты, когда Франція будетъ призвана, что вѣроятно не замедлитъ исполниться. — Упорное противодѣйствіе итальянцевъ предложеніямъ Франціи.

I.

Итальянскіе изгнанники, находившіеся во Франціи и въ Англіи, счастливые видѣть зрѣлище торжества тѣхъ началъ, за которыя они такъ долго и такъ жестоко страдали, видѣли близкую возможность снова возвратиться въ отечество и не отставали отъ другихъ въ принесеніи жертвъ обще-итальянскому дѣлу. Будучи свидѣтелями парижской революціи и горячности, охватившей самыя холодныя сердца, увлекшей людей съ самымъ положительнымъ образомъ мыслей, они думали, что спасеніе Италіи есть дѣло высшей справедливости и что соединеніе всѣхъ партій необходимо для успѣха.

Крайніе республиканцы, еще съ 5-го марта, образовали въ Парижѣ національное итальянское общество, президентомъ котораго былъ выбранъ Мацціни, глава Молодой Италіи, а вице-президентомъ—Канути, человѣкъ либеральныхъ, но не столь рѣзкихъ убѣжденій, какъ Мацціни. Въ манифестѣ, изданномъ ими 12-го марта, читаемъ слѣдующее:

„Въ этомъ прогрессѣ, который, въ разныхъ государствахъ Италіи, еще дробящихъ на части нашу общую родину, проявляется въ болѣе или менѣе смѣлыхъ формахъ, — въ немъ заключается для насъ великое счастье и предвѣстіе будущаго: это движеніе совершается подъ вліяніемъ высокой идеи, — идеи народности! Въ этомъ волненіи, посреди разнообразныхъ и разнохарактерныхъ движеній, крикъ „Да здравствуетъ Италія!“ покрываетъ всѣ другіе голоса. Наше общество не есть тосканское, піемонтское или неаполитанское общество, оно — итальянское общество!.... Оно не будетъ помогать торжеству той или другой формы правленія. Цѣль его въ распростра-

нія чувства народности.... Народъ, упрочивъ свое будущее, заявитъ свое торжественное рѣшеніе выборомъ той формы гражданской жизни и тѣхъ условій своего политическаго и соціяльнаго быта, которые будутъ наиболѣе ему соотвѣтствовать.

II.

Члены общества изъявили желаніе, передъ выѣздомъ своимъ въ Италію, отправиться въ городскую ратушу для заявленія своего сочувствія временному правительству французской республики. По прочтеніи адреса, краснорѣчіе котораго еще болѣе возвышалось любовью къ отечеству, послѣдовалъ отвѣтъ Ламартина, прерываемый рукоплесканіями и служившій полнымъ выраженіемъ французской республики.

„....Франція и Италія одинаково возбуждаютъ наше сочувствіе къ ихъ либеральному пересозданію. Идите и скажите Италіи, что у нея есть дѣти и по сю сторону Альповъ (браво). Скажите ей, что если кто нападетъ на ея нравственныя и матеріяльныя силы и если ея средства защиты будутъ недостаточны, тогда Франція не ограничится однимъ сочувствіемъ, — она пошлетъ ей свое оружіе, чтобъ предохранить ее отъ нашествія врага (единодушное браво).

„....Не безпокойтесь! — это слово не должно унижать васъ, граждане свободной Италіи! Время научило Францію: она теперь на столько благоразумна и умѣрена, что не мечтаетъ о славѣ и завоеваніяхъ. Намъ не надо другихъ завоеваній кромѣ тѣхъ, которыя мы можемъ совершить съ вами и для васъ.“

Маццини, на офиціяльное предложеніе вооруженной помощи Франціи, сказалъ нѣсколько словъ, исполненныхъ чувства; прибавивъ, что „Италія, мы надѣемся, совершитъ все своими силами. Во имя общихъ интересовъ европейской демократіи, во имя политики свободы, равенства и прогресса,

провозглашаемыхъ вами всему міру, мы полагаемся на вашу моральную поддержку, которая важнѣе для насъ, чѣмъ ваше оружіе.“

Трибунъ и король, движимые различными чувствами, выражали одну и туже мысль.

III.

Ламартинъ высказалъ тоже самое генералу Пепе наканунѣ отъѣзда этого послѣдняго изъ Парижа въ Неаполь. Генералъ Пепе упоминаетъ о немъ въ своихъ мемуарахъ [1]): „Ламартинъ, отправляясь въ совѣтъ, сказалъ мнѣ въ присутствіи двухъ старыхъ генераловъ, что Франція готова послать стотысячную армію въ Италію для поддержки итальянскаго дѣла. Я отвѣчалъ ему: что будетъ достаточно тридцати тысячъ, чтобы составить сильную армію, присоединивъ къ ней сардинскія и неаполитанскія войска, такъ же какъ и небольшіе тосканскіе и римскіе отряды.“

IV.

Маццини прибылъ въ Миланъ 8-го апрѣля, и сообщилъ свои мысли и чувства, выраженныя имъ въ Парижѣ. Многіе патріоты желали основать журналъ, чтобы бороться съ иллюзіями временнаго правительства, обольщавшаго умы, и доказать, что выгоднѣе было бы обратиться къ республиканской Франціи, чѣмъ получить слабую и недостаточную помощь отъ піемонтскаго короля и государей, враждебныхъ дѣлу ломбардцевъ. На совѣщаніи, куда былъ приглашенъ Маццини, онъ противился принятію подобной политики и считалъ ее неудобною.

---

*) Страница 28.

Большая часть республиканцевъ, откладывая въ сторону свои желанія и намѣренія, спѣшили на поле битвы. „Число республиканцевъ въ римской области, говоритъ историкъ Фарини, было не велико, мацциністовъ было еще менѣе, и большая часть тѣхъ и другихъ отбросила въ сторону политическія прописки, чтобы итти защищать судьбу Италіи. Огромное число журналистовъ, между которыми особенно указываютъ на болонца, Берти-Пина, перемѣнили перо на ружье.

Въ Тосканѣ Монтанелли, его друзья и всѣ, о которыхъ мы упомянули выше, сдѣлались солдатами для защиты святаго дѣла. Такой достойный и благородный образъ дѣйствій былъ въ тоже время искусный.

Сертори, въ Миланѣ, желая убѣдить въ необходимости республиканской формы правленія, вмѣстѣ съ Чезаре Леви, въ Венеціи, напечатали статью противъ Карла-Альберта и черезъ это подверглись жестокому нападенію и увеличили силы своихъ противниковъ, обвинявшихъ ихъ въ изысканіи средствъ къ ослабленію короля, сражающагося съ австрійцами.

Джіоберти, сохранявшій свое вліяніе, старался также въ письмахъ, напечатанныхъ имъ, 25-го февраля, въ Парижѣ, убѣдить своихъ друзей въ необходимости для итальянцевъ единодушія и согласія съ правительствами, чтобы не разрушить того, что сдѣлано въ продолженіе трехъ лѣтъ. Онъ умолялъ дѣйствовать благоразумно и не забывать того, чѣмъ всѣ обязаны тремъ государямъ реформаторамъ: Пію IX, Леопольду и Карлу-Альберту. Онъ восхвалялъ Францію, парижскій народъ и республику, столь великодушную и либеральную. Онъ превозносилъ ее, какъ необходимую и выгодную союзницу. Наконецъ, онъ прибавилъ слѣдующее: „Республика сама по себѣ представляетъ много опасностей; предоставимъ нашимъ сосѣдямъ сдѣлать опытъ и, если имъ не удастся, поможемъ имъ въ случаѣ нужды, вмѣсто того, чтобы быть соучастниками ихъ бѣдствій.“

*

V.

Мы уже указали на слѣды существовавшаго разъединенія, также какъ на усилія и жертвы республиканской партіи, клонившіяся къ поддержкѣ единства и согласія. Но Италіи грозила еще большая опасность, чѣмъ соперничество, ложное положеніе, колебаніе государей и борьба принциповъ: это безъусловное самообольщеніе, въ которомъ она находилась.

Быстрота побѣды, мужество итальянцевъ, ихъ энергія и смѣлость, деморализація австрійцевъ, и быстрое бѣгство послѣднихъ, все это ослѣпило воображеніе итальянцевъ. Послѣ удивительныхъ результатовъ, которыхъ достигли итальянцы, дальнѣйшія предпріятія казались имъ легкими. Если народонаселенія, не имѣя тѣсной связи между собою, безъ оружія и боевыхъ снарядовъ, восторжествовали надъ сильной арміей, то чего нельзя было добиться при содѣйствіи піемонтскихъ регулярныхъ войскъ.

Виксіо, французскій посланникъ въ Туринѣ писалъ своему правительству: „Сардинскій министръ, Парето, кажется, совершенно увѣренъ во всѣхъ шансахъ и въ хорошемъ исходѣ войны. Онъ почти не сомнѣвается, что сардинская армія нанесетъ австрійцамъ пораженіе на равнинахъ Ломбардіи и нисколько не безпокоится о возможности неудачи. Эта безпечность меня взволновала. Я спросилъ Парето: имѣетъ ли онъ резервы на случай пораженія. Онъ отвѣчалъ мнѣ: что на дняхъ онъ собирается созвать ихъ. Я настаивалъ и спросилъ: готово ли все піемонтское населеніе къ защитѣ, на случай вторженія. Мои слова удивили его, но были для него не понятны. — Здѣсь болѣе всего поражаетъ удивительный контрастъ между смѣлостью предпріятія и недостаткомъ средствъ.

Виксіо писалъ еще слѣдующее, отъ 7-го апрѣля: „Къ несчастью, въ Миланѣ, какъ и въ Туринѣ царствуетъ самое безумное и полнѣйшее довѣріе. Въ министерствахъ, въ са-

лонахъ, на улицахъ встрѣчаешь и слышишь людей, для которыхъ вопросъ о независимости Италіи кажется уже однимъ изъ разрѣшенныхъ историческихъ вопросовъ, заниматься которыми несвоевременно. По общему мнѣнію, Австрія — призракъ, а армія Радецкаго — тѣнь."

Карлъ-Альбертъ вполнѣ раздѣлялъ эти мечтанія. Эта смѣлая увѣренность, боязнь республики и честолюбіе, соединенныя вмѣстѣ, вполнѣ объясняли характеръ политики и образъ его дѣйствій. Понятно почему, увѣренный въ возможности побѣдить одними своими силами, онъ пренебрегалъ поголовнымъ возстаніемъ, революціонными средствами, содѣйствіемъ волонтеровъ, итальянской лигой, помощью Франціи. Понятно, почему онъ медлилъ; почему онъ выжидалъ и не помогалъ венеціянской республикѣ, не будучи призванъ ею въ качествѣ государя.

VI.

Блестящій подвигъ піемонтскихъ войскъ еще болѣе ослѣпилъ умы всѣхъ. Австрійцы, опираясь на крѣпости Пескьеру и Мантую, господствовали надъ линіею Минчіо. Занимая оба берега, они имѣли въ рукахъ своихъ переходы при Гонто, Валеджіо и Монцамбано. 8-го апрѣля, король предпринялъ нападеніе на эти переправы. Авангардъ, подъ командой генерала Бава, произвелъ быструю аттаку на Гонто, гдѣ укрѣпился непріятель, перерѣзавшій всѣ дороги и занявшій всѣ строенія, откуда направлялъ на нападающихъ убійственный огонь. Но смѣлость и быстрый натискъ стрѣлковъ королевскаго батальона Нови, бывшихъ во главѣ колонны и поддерживаемыхъ нѣсколькими орудіями, преодолѣли всѣ препятствія. Непріятель, принужденный оставить позицію, переходитъ на другую сторону рѣки и взрываетъ мостъ, подъ которымъ заранѣе подведена мина; но одинъ парапетъ остался непронутымъ;

неустрашимые стрѣлки устремляются по остаткамъ еще горящаго моста и овладѣвають обстрѣливавшею ихъ артиллерію. Такимъ образомъ Минчіо была занята.

Австрійцы бросили своихъ убитыхъ и раненыхъ на полѣ сраженія и отступили по направленію къ Мантуѣ. На другой день, 9-го, колонна дивизіи Соннаца, подъ командой генерала Брогліа, заставила прекратить огонь австрійскихъ баттарей, возведенныхъ на другомъ берегу Минчіо; она устроила при помощи народа понтонный мостъ, между Монцамбано и Валеджіо, и, благодаря стрѣлкамъ и артиллеристамъ, совершила переправу противъ позиціи, занятой австрійцами. 10-го и 11-го апрѣля, піемонтская армія овладѣла мостами и переправами черезъ Минчіо; Радецкій уклонился отъ сраженія и отошелъ къ Веронѣ.

Король, гордый успѣхами своей арміи, обратился къ солдатамъ съ прокламаціей, въ которой хвалилъ ихъ храбрость. Радецкій слѣдующимъ образомъ объяснялъ свое отступленіе:

«Верона, 11 апрѣля.

„Никогда не имѣвши намѣренія упорно защищать линію Минчіо—что стоило бы большихъ потерь въ частныхъ столкновеніяхъ, которыя не имѣли бы никакихъ послѣдствій—я приказалъ арміи сдѣлать отступленіе, съ цѣлью доставить отдыхъ войскамъ. Имѣя въ своихъ рукахъ Мантую и Пескьеру, я могу, когда угодно, перейти Минчіо безъ большихъ силъ и безъ большихъ потерь, аттакуя непріятеля при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Я надѣюсь, что войско довѣряетъ мнѣ и смѣло пойдетъ за мною противъ непріятеля.

„Радецкій.“

Торжественная и воинственная рѣчь короля выражала вѣру въ побѣду. Сбивчивыя объясненія фельдмаршала доказывали, что пораженіе поколебало его. Авангардное дѣло піе-

монтской арміи, встрѣченное въ Италіи всеобщею радостію, было празднуемо всѣми, какъ вѣрное предзнаменованіе будущихъ успѣховъ. Это счастливое начало устраняло всѣ сомнѣнія въ возможности изгнать австрійцевъ.

Маршалъ Радецкій, смущенный, но не потерявшій присутствія духа, спрашивалъ себя: будетъ ли онъ въ состояніи, занимая крѣпкую позицію, выиграть время, необходимое для осуществленія его предположеній: подкрѣпить разстроенныя войска, получить помощь изъ Австріи, боевые снаряды и армію.

VII.

Но если Италія поднялась съ энтузіазмомъ противъ иностранцевъ, то и Австрія не осталась равнодушною къ дѣлу, въ которомъ честь ея оружія была унижена, предѣламъ ея владѣній угрожала опасность, а интересы ея торговли и промышленности были нарушены. Когда австрійское правительство получило роковое извѣстіе о возстаніи своихъ прекрасныхъ итальянскихъ провинцій, объ отступленіи фельдмаршала, то, не смотря на трудности, ослаблявшія силы имперіи, оно приняло энергическое рѣшеніе немедленно послать свѣжія войска въ Ломбардію и Венецію. Отданъ былъ приказъ о сформированіи восьмидесяти батальоновъ въ тысячу человѣкъ каждый, объ отправленіи полковъ, составлявшихъ вѣнскій гарнизонъ, самымъ кратчайшимъ путемъ, объ образованіи армейскаго корпуса, который, подъ командой фельдмаршала Нюгента, немедленно занялъ бы позицію на берегахъ Изонцо.

Потомъ австрійское правительство обратилось къ чувству патріотизма народовъ имперіи и къ Германіи, стараясь возбудить вражду народностей.

Воззваніе, съ цѣлію возбудить вражду національностей, было лишнее,—она существовала и безъ него. 27-го, во всѣхъ

вѣнскихъ журналахъ и въ объявленіяхъ, прибитыхъ на стѣнахъ Вѣны, было напечатано слѣдующее:

„Въ Миланѣ и вокругъ Милана идетъ борьба съ тѣми, которые желаютъ преобразовать наши провинціи въ республики, и хотятъ во что бы то ни стало отдѣлить эти провинціи отъ имперіи. Венеція, съ ея необъятными матерьяльными богатствами, уже отдѣлилась; мы же колеблемся, увертываемся вмѣсто того, что бы тѣломъ и душою предаться на защиту конституціонной монархіи, бывшей цѣлью нашихъ стремленій и нашей борьбы. Сагунта пала въ то время, какъ въ Римѣ судили и рядили.... Мы свободны!... Свободные народы радостно жертвуютъ всѣмъ своимъ состояніемъ на защиту отечества.... Мы свободны!.... Какъ посмотрятъ иностранцы на наше бездѣйствіе! Взгляните на Англію, Францію, Соединенные Штаты; научитесь тамъ, что такое патріотизмъ; это—справедливая гордость всякаго гражданина и цѣлой націи. Безбородые юноши взялись бы тамъ за первое, попавшееся имъ въ руки, оружіе; женщины, подобно тому какъ въ древнемъ Карѳагенѣ, пожертвовали бы своими драгоцѣнностями; старцы, утомленные жизнью, готовые умереть, переродились бы и съ остаткомъ силъ явились бы на брань. А мы, считающіе въ рядахъ нашихъ сотни тысячъ мужей и юношей, полныхъ жизни и силы; мы, слышащіе со всѣхъ сторонъ крики: „Хлѣба! работы!“ мы *не составляемъ легіоновъ, не шлемъ нашихъ дѣтей въ Италію, на поле чести, на защиту нераздѣльной монархіи!* — Нѣтъ! — Это не можетъ больше продолжаться!

„Устроимъ корпусъ волонтеровъ изъ студентовъ, чиновниковъ, купцовъ, мужиковъ, работниковъ; дадимъ ему хорошихъ офицеровъ; а тѣ, которые не могутъ вступить въ него, пусть шлютъ деньги, оружіе, снаряды.... Мартовская революція, первая произвела этотъ пожаръ; пусть же Вѣна, начавшая революцію, будетъ первою въ дѣлѣ прекращенія ея гибельныхъ послѣдствій для отечества; пусть она будетъ цен-

тромъ всего лучшаго и всего великаго. Провинціи, оставайтесь вѣрны! Пусть великіе и малые люди, богачи и бѣдняки соперничаютъ въ усердіи; за нихъ ручается ихъ честь, ихъ гордость, ихъ любовь къ отечеству.

„Печальныя извѣстія приходятъ изъ Италіи, которая, кажется окончательно потеряна для насъ. Этимъ нанесенъ смертельный ударъ вѣнской и богемской торговли и промышленности. Большая часть шерстяныхъ и хлопчато-бумажныхъ мануфактуръ должны будутъ прекратить работы, тысячи семействъ останутся безъ хлѣба и труда.

„....Возстанемъ! пойдемъ въ Италію! Какъ? неужели мы должны оставить не только Ломбардію, но и эту чудесную Венецію, съ ея огромнымъ военнымъ значеніемъ? Неужели мы не рѣшимся нанести удара, съ цѣлью сохранить возрожденному германскому флоту эту царицу Адріатики? Неужели мы, совершившіе своими собственными силами революцію и предложившіе венеціянцамъ свободу и братскую помощь, мы, давшіе имъ съ полнымъ довѣріемъ оружіе, которое они тотчасъ же измѣнически подняли противъ насъ,—неужели мы должны постыдно бѣжать изъ этой страны, безъ боя и заклейменные передъ глазами всей Европы?! Не будемъ слушать ультра-либераловъ Германіи, не возвышавшихъ никогда голоса за отдѣленіе отъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи, чисто германскихъ провинцій.

Развѣ мы приносимъ Италіи оковы? Развѣ ударъ нанесенный Меттерниху, вышелъ не изъ сердца самой Австріи; развѣ онъ нанесенъ не нѣмецкой рукой; развѣ онъ не одинаково послужилъ для нашего блага и для блага итальянцевъ? Уважать народности, уважать итальянцевъ — мы готовы; но насильственное отдѣленіе всей Ломбардіи и Венеціи отъ Австріи будетъ разрушеніемъ для Германіи.“

VIII.

Вѣна и вся Германія услышали этотъ горячій призывъ. „Съ самаго утра, говоритъ одна газета, народъ въ Вѣнѣ срываетъ афиши съ итальянскаго театра, который запирается во избѣжаніе шумныхъ демонстрацій. Корпусъ волонтеровъ увеличивается со дня на день. На всѣхъ улицахъ видны молодые люди, часто дѣти 15 или 16 лѣтъ, набранные большею частію изъ низшихъ классовъ рабочаго народонаселенія и имѣющихъ на шляпахъ, украшенныхъ цвѣтами надпись: „волонтеры противъ Италіи!“

Число ихъ скоро возросло до пяти тысячъ. Все споспѣшествовало къ возбужденію страстей у нѣмцевъ: воинская слава, нанесенное оскорбленіе, месть, выгоды, необходимость работы, сохраненіе морскаго порта, неприкосновенность имперіи, любовь къ отечеству, пролитая кровъ! Германія откликнулась на голосъ Италіи. Были конечно люди, въ родѣ поэта Генриха Стреглица, ставившіе справедливость выше интересовъ государства и предразсудковъ расы, признававшихъ за другими права независимости, которыхъ они требовали для себя; но число такихъ людей было невелико, и ихъ умныхъ и справедливыхъ рѣчей не слушали.

IX.

Тироль раздѣляется на итальянскія и нѣмецкія провинціи. Когда различныя народности приходятъ въ соприкосновеніе, то надобно бы предположить, что между ними должны установиться братскія отношенія, но часто, къ несчастію, выходитъ на оборотъ. Когда населеніе нѣмецкаго Тироля увидѣло, что итальянскій Тироль хотѣлъ провозгласить свою независимость, оно также воодушевилось воинственностію:

„Германцы! Тироль—эта крѣпость скалъ и горъ—находится въ опасности! Новая Италія желаетъ отнести свои предѣлы къ Мальзергайду и Бреннеру.—Территорія Эйзака и роскошная долина Эча (Адижа) должны сдѣлаться итальянскими. Замокъ Тироля и домъ Гофера сдѣлаются тоже итальянскими!.... Мы должны взяться за оружіе, оставимъ женъ, дѣтей, незасѣянныя поля и поспѣшимъ защищать границу и каждую пядь нѣмецкой земли. Пришлите намъ ядеръ и пороху, — насъ будетъ довольно, чтобы отбросить непріятеля; мы не хотимъ уступить ни единаго шага нашей земли.“

X.

Не одна только Австрія, но вся Германія была противъ Италіи: во Франкфуртѣ, на собраніи всѣхъ представителей союзныхъ народовъ (19-го апрѣля), также какъ и въ коммиссіи Пятидесяти и въ коммиссіи Семнадцати, австрійскіе депутаты выражали сильныя жалобы и грозныя обвиненія противъ „итальянцевъ, не перестававшихъ взывать: смерть нѣмцамъ! вонъ варваровъ!“ Коммиссія Пятидесяти устранила предложеніе о подачѣ категорической протестаціи сардинскому королю противъ всякаго вторженія въ итальянскую территорію; но она рѣшила единогласно сдѣлать возваніе къ Тирольцамъ, ввѣря имъ охраненіе интересовъ и чести Германіи, также какъ и неприкосновенность ихъ земли и отечества противъ всѣхъ попытокъ и усилій непріятеля.

Тироль составляетъ часть владѣній Германскаго союза. Революціонная Германія воспользовалась случаемъ, чтобы заявить свое сочувствіе австрійскому правительству въ дѣлѣ Ломбардо-Венеціянской области. Полемика по этому важному предмету приняла характеръ горячій и ненавистный; восходили къ отдаленнѣйшимъ вѣкамъ для оправданія нѣмецкаго господства въ Ломбардіи; перерывали историческія документы и фамильныя

преданія. Наконецъ, благодаря австрійской дипломаціи и самолюбивымъ патріотическимъ тенденціямъ предводителей либеральной нѣмецкой партіи, вопросъ этотъ сдѣлался на столько же національнымъ для Германіи, какъ и для Италіи.

XI.

Миланское и венеціянское правительства старались ослабить національныя распри и установить различіе во взглядѣ на тиранію прошедшаго времени и народныя отношенія.

Провозглашая священное право братства, вмѣсто старыхъ преданій раздора, миланское правительство обратилось къ германцамъ съ такими примирительными словами:

„Каждый народъ имѣетъ право на свободу и независимость. Вы, прежде всего, ставите на первое мѣсто интересы германской партіи; мы — независимость и интересы итальянской партіи.

„Мы подняли оружіе не противъ австрійскаго народа, но для того, чтобы искупить позоръ и страданія тридцатичетырехъ лѣтняго позорнаго гнета....

„Мы уважаемъ васъ! Мы не можемъ повѣрить, чтобы связи расы и языка могли заставить васъ забыть священныя требованія несчастія и права!... Пожмите крѣпче руку, которую мы вамъ протягиваемъ съ чувствомъ братской дружбы!...“

Томмазео, отъ имени венеціянцевъ, въ трогательныхъ выраженіяхъ, исполненныхъ поэзіи, старался возбудить сочувствіе не только германцевъ, но и кроатовъ и славянъ. Едва ли что сильнѣе можетъ дѣйствовать на сердца, какъ его воззваніе къ народамъ.

„....Будемъ различать въ понятіи нашемъ Австрію отъ Германіи! Заключимъ союзъ съ настоящей и великой Германіей, какъ съ сестрой?

„....Великая семья славянъ пробуждается и сознаетъ свои силы! Ея разсѣянныя и разбросанныя части собираются! Новая кровь течетъ въ ея жилахъ! Кроаты, пренебреженные Австріей, ненавистные для Италіи, какъ орудія тиранніи,—міръ не знаетъ васъ!... Ему не извѣстна ваша борьба въ продолженіи десяти лѣтъ за ваши права, вашъ языкъ, за ваши преданія и достоинство. Міру не извѣстно, что вы первые поколебали могущество Меттерниха, — вы, на которыхъ смотрятъ ваши товарищи-рабы, какъ на стадо!

„....Кроаты, находящіеся еще въ Италіи и проливающіе итальянскую кровь, освободитесь отъ этого позора! Положите оружіе, обезславленное постыдными жестокостями! — Кроація васъ зоветъ! Ваше отечество энергически требовало въ Вѣнѣ вашего выступленія изъ Италіи,—она требуетъ, чтобы вы перестали быть палачами и жертвами!....

„Кроаты! Богемцы! Славяне! подавленные австрійскимъ игомъ, возстаньте! Но не будемъ презирать тѣхъ, которые презираютъ насъ! Не будемъ ненавидѣть враговъ нашихъ! Напротивъ — будемъ сожалѣть объ ихъ несчастныхъ прежнихъ побѣдахъ и объ ихъ быстромъ паденіи.

„Возстаньте, Кроаты, богемцы! разбейте ваши цѣпи и обратите ихъ въ оружіе вашей защиты! Вы долго сгибались подъ ударами австрійской палки, — встаньте! Едва вы явитесь, — *побѣда ваша будетъ несомнѣнна!* Встаньте, не имѣя ни страха, ни ненависти въ сердцѣ! Богъ всѣхъ народовъ за ваше дѣло!“

Въ Indepenđente священникъ Антоніо Марія Пасини напечаталъ слѣдующее: „Больно то, что священный зовъ „да здравствуетъ Италія!“ сопровождается другимъ: „смерть нѣмцамъ!“ Пусть народъ поучится отличать германца отъ австрійца!... Пусть знаетъ народъ, что сама Германія возстаетъ и требуетъ отчета у своихъ правительствъ, провозглашая свободу и реформы! Даже сами австрійцы потрясли

ненавистное иго, тяготившее надъ ними. Да, вѣнское возстаніе было первымъ сигналомъ нашего освобожденія! Народъ не долженъ и не желаетъ болѣе быть повелителемъ другаго народа!... Пусть не проклинаютъ болѣе народовъ; пусть лучше проклинаютъ тѣхъ, которые подавляютъ народы и льстятъ насилію, какого бы государства, отечества и нарѣчія они ни были.“

Всѣ эти чувства человѣчности и братства когда нибудь разовьются и окрѣпнутъ; но въ смутную, революціонную эпоху онѣ затерялись и не ослабили поводовъ къ предстоявшей международной войнѣ. Народности приносили съ собой и свои добродѣтели и свои страсти.

XII.

Возбуждая Германію противъ Италіи, Австрія могла надѣяться устоять, бороться и даже, можетъ быть, восторжествовать; но императорское правительство не менѣе Карла-Альберта боялось вмѣшательства французской республики; оно отступало съ ужасомъ отъ призрака, который угрожалъ всѣмъ тронамъ, и рѣшилось на переговоры.

„....Италія можетъ сдѣлаться поводомъ ко всеобщей войнѣ. Правительство французской республики будетъ нуждаться въ войнѣ для своей личной поддержки; намъ бы хотѣлось, чтобы вы устранили возможность французскаго вмѣшательства въ дѣла Италіи!....“ писалъ лордъ Пальмерстонъ къ графу Фикельмонту. Графъ Фикельмонтъ отвѣчалъ черезъ графа Дитрихштейна, что онъ уже сказалъ лорду Понсонби: „Милордъ, судьба Италіи въ рукахъ Англіи. Вы — единственная держава, пользующаяся вліяніемъ на нее. Это вліяніе тѣмъ сильнѣе, что оно единственное. Сверженіе Луи-Филиппа, учрежденіе республики во Франціи внушили всѣмъ ужасъ. Помощь ея такъ же страшна, какъ и вражда.

„....Императорскій коммиссаръ отправится немедленно въ Италію, снабженный полномочіями для переговоровъ, имѣющихъ цѣлію соглашеніе на самыя широкія основанія, которыя должны быть естественнымъ слѣдствіемъ новой политической системы, принятой Австріей. Интересы Англіи совпадаютъ съ интересами Австріи въ томъ, чтобы австрійское правительство могло опираться на свои итальянскія владѣнія."

XIII.

Если возможность вмѣшательства французской республики въ дѣла Италіи безпокоила Англію, ужасала Австрію и піемонтскаго короля, то потребуетъ ли этого вмѣшательства венеціянская республика? Положеніе ея было совершенно особенное: она не раздѣляла всеобщей антипатіи и страха.

Венеціянская республика (мы приведемъ этому самыя безпристрастныя доказательства), сдержанная національнымъ самолюбіемъ и благородной гордостью, предпочла содѣйствіе сардинскихъ, римскихъ и неаполитанскихъ войскъ, поблагодаривъ только Францію за выраженіе ея дружбы и, оставивъ за собой право прибѣгнуть къ ней въ случаѣ нужды.

Президентъ совѣта, Манинъ, объявилъ, 28-го марта, виконту Пальмерстону возстановленіе республики, какъ необходимую дань уваженія преданіямъ древности и какъ естественное послѣдствіе предъидущихъ событій. Виконтъ отвѣчалъ, 5-го апрѣля, посылкою инструкцій къ генеральному консулу Даукинсу: „Входить въ сношенія съ временнымъ правительствомъ всякій разъ, когда этого потребуютъ обязанности службы, и заявить ему, что, поступая такимъ образомъ, британское правительство нисколько не стѣсняетъ себя въ правѣ признать то или другое правительство, которое можетъ установиться въ Венеціи, будетъ ли оно итальянское или австрійское!"

Холодность англійскаго правительства сдѣлалась еще болѣе замѣтною вслѣдствіе слѣдующаго факта:

„Въ церкви святаго Марка, на торжественной панихидѣ, въ честь павшихъ за свободу и независимость Италіи, присутствовали всѣ иностранные консулы, кромѣ англійскаго и русскаго, хотя всѣ безъ исключенія были приглашены....“

XIV.

Временное венеціянское правительство обратилось къ министру иностранныхъ дѣлъ французской республики съ слѣдующимъ посланіемъ:

„Обращаясь къ французской республикѣ, съ изъявленіемъ братской благодарности, мы не слѣдуемъ старымъ дипломатическимъ формуламъ. Французская республика сожалѣла о нашихъ бѣдствіяхъ; она привѣтствовала наше пробужденіе; она обѣщала намъ поддержку, на которую мы еще много надѣемся и которой не страшимся нисколько. Время узурпаторскаго вмѣшательства миновало; помощь, оказанная страной, имѣющей Ламартина министромъ, не можетъ быть опасна. Венеція имѣетъ много воспоминаній о древнихъ отношеніяхъ Италіи къ Франціи; тогда городъ стоилъ королевства. Времена перемѣнились, но идеи и чувства стали, можетъ быть, еще болѣе чисты и болѣе благородны. Несчастные умѣютъ любить. Иногда хорошо вытерпѣть гнетъ, — это ведетъ къ сознанію настоящаго величія.

„Мы желаемъ Франціи славы и благополучія; мы протягиваемъ ей руку, съ выраженіемъ нашей признательности, которая еще болѣе окрѣпнетъ съ теченіемъ времени.

«Венеція, 28-го марта 1848 г.

«Президентъ, Манинъ.
«Секретарь, Дженнари.»

XV.

Томмазео написалъ слѣдующее частное письмо къ Ламартину:

„Когда я встрѣтился съ вами въ Парижѣ, вы были поэтъ и знаменитый ораторъ, я—неизвѣстный изгнанникъ. Мы были далеки отъ мысли, что сдѣлаемся когда нибудь министрами двухъ республикъ. Одинаковость положенія, не уничтожая огромной разницы въ нашихъ достоинствахъ, дѣлаетъ меня на столько смѣлымъ, что я обращаюсь къ вамъ, какъ братъ. Вы любите Италію; вы защищали ее въ эпоху несчастій, — слѣдовательно, вы раздѣляете наши радости. Мы уважаемъ во французскомъ народѣ тотъ инстинктъ мужественнаго великодушія, съ которымъ онъ стремится къ великимъ подвигамъ, какъ къ чему-то для него врожденному, и мы уже чувствуемъ, что ваше сердце съ нами, и благодаримъ васъ отъ всего сердца.“

Ламартинъ отвѣчалъ на частное письмо Томмазео такимъ же письмомъ, исполненнымъ тѣми же чувствами:

„Славный и дорогой гражданинъ!

„Если я еще не отвѣчаю вамъ отъ имени республики, то по крайней мѣрѣ тороплюсь, какъ гражданинъ, поздравить васъ съ новымъ и славнымъ положеніемъ вашего отечества. Я считаю себя счастливымъ тѣмъ, что вы вспомнили меня посреди важныхъ, окружающихъ васъ, занятій. Вы правы: ничье сердце въ Европѣ не полно такою любовью къ Италіи, какъ мое; едва ли кто воодушевленъ такимъ энтузіазмомъ и удивленіемъ, особенно къ Венеціи, какъ я. Позвольте мнѣ присоединить ко всему этому привязанность къ вамъ и къ тѣмъ великодушнымъ людямъ, которые отъ Альпъ до Океана несутъ Италіи свободу.“

XVI.

Мы знаемъ сердечное изліяніе двухъ благородныхъ мужей, — обратимся теперь къ оффиціальнымъ документамъ. 8-го апрѣля, генеральный французскій консулъ Лемперани, прибывшій въ тотъ же день въ Венецію, писалъ къ министру иностранныхъ дѣлъ:

„Я просилъ свиданія съ Маниномъ, президентомъ республики. Меня приняли всѣ лица, составляющія правительство. Манинъ сказалъ, что меня ожидали съ нетерпѣніемъ и что, не сомнѣваясь въ расположеніи французской республики къ ея младшей сестрѣ (подлинныя слова Манина), желали бы получить болѣе прямыя тому доказательства. Я не поколебался отвѣчать Манину, хотя и не былъ уполномоченъ на это особой инструкціей, что извѣстіе объ освобожденіи венеціянскихъ провинцій было принято во Франціи, какъ временнымъ правительствомъ, такъ и всѣмъ народомъ, съ выраженіемъ полнѣйшаго сочувствія; что независимость Италіи дороже для Франціи независимости какой-либо другой страны Европы; что можно разсчитывать на сочувствіе Франціи; что всему міру извѣстно, что Франція, пользуясь свободой, не остается въ бездѣйствіи, не забываетъ своихъ стремленій.

„Манинъ отвѣчалъ мнѣ, что надѣется на соединенныя усилія различныхъ государствъ Италіи, которыя при всеобщемъ воодушевленіи народовъ полуострова будутъ достаточны для изгнанія врага Италіи; что въ случаѣ нужды венеціянцы прибѣгнутъ къ геройскому великодушію Франціи, но, что особенно теперь венеціянцы сочли бы себя счастливыми увидѣть нѣсколько военныхъ французскихъ судовъ на адріатическихъ водахъ и что онъ проситъ меня обратиться къ вамъ, господинъ министръ, съ этою просьбою отъ имени венеціянскаго пра-

вительства". — Президентъ совѣта венеціянской республики, увлеченный общественнымъ мнѣніемъ и, надѣясь, что Италія достигнетъ всего единственно своими собственными средствами, выразилъ одно только желаніе и оно было немедленно удовлетворено.

XVII.

Флотъ, подъ начальствомъ адмирала Бодена, назначенный для поддержанія чести французскаго флага и либеральной политики французскаго правительства, долженъ былъ сравняться въ силахъ съ англійской эскадрой Средиземнаго моря, увеличивавшей число своихъ судовъ; оттого французская эскадра не могла покинуть Тулона ранѣе половины апрѣля. Въ день прибытія эскадры въ Ливорно, въ концѣ апрѣля, адмиралъ получилъ письмо отъ французскаго посланника въ Туринѣ, Биксіо, отъ 17 апрѣля, въ которомъ выражалось желаніе венеціянскаго правительства, сообщенное Биксіо черезъ Лемерани: „....Три паровыхъ англійскихъ корабля крейсируютъ въ Адріатическомъ морѣ. Одно изъ нихъ стоитъ на якорѣ въ портѣ Венеціи.... При такомъ положеніи дѣлъ, не зная вашихъ инструкцій, г. адмиралъ, и полномочій на случай вмѣшательства вооруженной силой, я предлагаю вамъ, во всякомъ случаѣ, какъ можно скорѣе послать въ Адріатическое море столько судовъ, сколько ихъ необходимо по вашему мнѣнію для поддержанія чести французскаго флота."

Адмиралъ Боденъ отвѣчалъ тотчасъ же, 3 мая 1848.

«На Фридландѣ, ливорпскій рейдъ, эскадра Средиземнаго моря.

„Третьяго дня я получилъ во Флоренціи письмо, посланное вами 27 апрѣля.... Я отправляю сегодня въ Венецію паровой фрегатъ „Асмодей", въ 450 силъ и даю капитану его, Рикоди приказаніе быть готовымъ.... Другой фрегатъ я отправ-

*

ляю въ Чивита-Веккью и самъ вечеромъ выступаю съ остальною частью эскадры въ Неаполь."

Биксіо тотчасъ извѣстилъ телеграфической депешей французское правительство и Лемерани о своей перепискѣ съ адмираломъ. Нельзя было заявить болѣе рвенія и сочувствія.

„Военный французскій фрегатъ Асмодей, говоритъ Контадини въ Memorial vénète, прибылъ въ портъ 10 мая. Двое офицеровъ, приплывшихъ въ лодкѣ на берегъ и высадившихся на Піаццеттѣ, были встрѣчены живымъ сочувствіемъ народа и криками: Viva l'Italia! Viva la Francia!"

Асмодей былъ представителемъ въ Адріатическомъ морѣ французскаго флота, находившагося въ Неаполитанскомъ заливѣ и имѣвшаго возможность прибыть въ Венецію въ нѣсколько дней. Этихъ силъ было достаточно. Храбрый Рикоди, офицеры и экипажъ, бывшіе подъ его начальствомъ, умѣли достойнымъ образомъ поддержать честь французскаго флота. Они выказали, при исполненіи возложеннаго на нихъ порученія, то хладнокровіе и то благородство характера, которыя всегда уважаются, какъ самыя блестящія качества французскаго флота. Манинъ требовалъ одной только моральной поддержки и французское правительство не заставило долго ожидать себя, потому что Асмодей опередилъ прибытіе въ Венецію другихъ эскадръ: неаполитанскій флотъ явился 19, а сардинскій 22 мая.

XVIII.

Не смотря на всю осторожность венеціянскаго правительства, ограничившагося только указаніемъ случая, когда Италія будетъ имѣть нужду въ помощи Франціи, оно возбудило противъ себя упреки, жалобы, обвиненія. „Что это! — въ негодованіи, восклицала флорентинская газета La Patria*) — венеціянское

*) 24 апрѣля.

правительство проситъ помощи Франціи, забывая, что возрожденіе Италіи заключается въ священныхъ словахъ: L'Italia farà da se! Въ этихъ словахъ выражается вся вѣра итальянцевъ. Неужели мы должны заявить въ первые дни борьбы, передъ лицемъ всей Европы, невозможность изгнать иностранцевъ безъ чужеземной помощи, безъ пособія иностранцевъ, назначенныхъ, быть можетъ, судьбою сдѣлаться нашими угнетателями.

„Въ настоящее время недостаточно только говорить въ пользу Италіи, если слова противорѣчатъ дѣлу. Еслибы Венеція не держалась въ сторонѣ отъ Ломбардіи и Піемонта, то она не была бы принуждена искать помощи извнѣ. Непріятель все еще занимаетъ берега Адижа; но мы не хотимъ сомнѣваться въ побѣдѣ и пусть мы будемъ обязаны нашимъ торжествомъ одному только итальянскому оружію. Присутствіе иностранцевъ сдѣлаетъ мечтой нашу независимость. Теперь и всегда Италія должна дѣлать все своими собственными силами.“

Монтанелли, герой и историкъ этой эпохи, открыто сознающій ошибку своихъ согражданъ, отвергшихъ предложеніе Франціи, приводитъ одно письмо, еще болѣе выражающее общественное настроеніе; письмо это, напечатанное въ томъ же журналѣ, написано Массари изъ Милана, отъ 5 апрѣля, „....Великія слова: L' Italia farà da se, выражающія весь смыслъ возрожденія Италіи,—эти слова, составляющія основаніе политическихъ убѣжденій каждаго истиннаго итальянца, не имѣютъ вѣрно никакаго значенія для венеціянскаго правительства. Какое заблужденіе, какой бредъ помутилъ умы министровъ венеціянской республики? Мы не находимъ болѣе суровыхъ словъ, чтобы осудить ихъ поведеніе.... Скажите: хотите ли вы быть настоящими итальянцами, или святое слово — Италія, столько разъ произнесенное вами, служитъ только великолѣпной драпировкой, за которой вы хотите скрыть отъ глазъ всей Европы и вашихъ согражданъ ваше скряжничество и мелочное муниципальное само-

любіе! Выскажитесь откровенно, — теперь не время скрываться. Никто болѣе не вѣритъ вашимъ словамъ, потому что имъ прямо противорѣчатъ ваши анти-итальянскія дѣйствія."

Освободить отечество и быть въ тоже время такъ жестоко обвиненнымъ въ томъ, что единственнымъ побужденіемъ ко всему этому было личное самолюбіе, — подобное обвиненіе должно было глубоко оскорбить венеціянское правительство: оно напечатало въ оффиціальной газетѣ возраженіе, для успокоенія общественнаго мнѣнія, и, чтобы показать ошибку и несправедливость этихъ нападковъ, оно просило Манари быть болѣе умѣреннымъ и приличнымъ, упрекая его въ неумѣньи отличать условное сослагательное наклоненіе отъ прочихъ временъ глагола и еще въ томъ, что выраженіе: „....Помощь страны, въ которой Ламартинъ — министръ, не можетъ быть опасна" было перетолковано имъ въ смыслѣ требованія прямаго и немедленнаго вмѣшательства.

XIX.

Временное ломбардское правительство, вполнѣ предавшись Карлу-Альберту, еще болѣе остерегалось Франціи. Между тѣмъ, въ первыя минуты освобожденія, когда еще раздавался громъ австрійскихъ орудій, оно послало, 27-го марта, временному правительству французской республики письмо, которымъ извѣщало о пятидневной геройской борьбѣ Милана, о своей побѣдѣ, о бѣгствѣ австрійцевъ по направленію къ Веронѣ и о помощи Сардинскаго короля, спѣшившаго съ своими войсками для изгнанія непріятеля за Альпы: „при подобномъ положеніи дѣлъ мы воздерживаемся отъ всякаго рѣшенія политическаго вопроса: мы нѣсколько разъ торжественно объявляли, что послѣ борьбы самъ народъ рѣшитъ свою судьбу.

„По этой причинѣ, мы не старались о томъ, чтобы временное правительство французской республики признало насъ;

мы ожидаемъ того времени, когда у насъ образуется какая нибудь форма правительства, чтобы обратиться къ Европѣ. Теперешнее правительство существуетъ только вслѣдствіе необходимости. Посылая Луи Порро, одного изъ нашихъ наиболѣ почтенныхъ гражданъ, для закупки оружія, мы сочли возможнымъ обратиться къ временному правительству французской республики, съ выраженіемъ нашего сочувствія и уваженія.

„Мы обращаемся къ правительству, торжественно заявившему свое желаніе итти на помощь всѣмъ угнетеннымъ народностямъ и способствовать ихъ освобожденію; пусть правительство храбрѣйшей и великодушнѣйшей націи въ мірѣ найдетъ средство помочь намъ въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ.“

Не смотря на всю неопрѣделенность этого письма, неимѣвшаго даже, по мнѣнію временнаго ломбардскаго правительства, никакого политическаго значенія, оно произвело взрывъ гнѣва въ душѣ Карла-Альберта, потому что было адресовано французской республикѣ. Доказательствомъ этому служитъ депеша Аберкромби къ лорду Пальмерстону, посланная изъ Турина, 14-го апрѣля 1848: „Временное миланское правительство послало къ временному правительству французской республики адресъ съ просьбою о поддержкѣ. Карлъ-Альбертъ сдѣлалъ тотчасъ строгое внушеніе миланскому правительству и предписалъ ему безотлагательно взять назадъ просьбу о содѣйствіи французской республики, требуя, чтобы оно немедленно протестовало противъ всякаго иностраннаго вмѣшательства. Тотчасъ послѣ этого предостереженія маркизъ Бриньоль въ Парижѣ вновь подтвердилъ Ламартину формальное увѣреніе въ томъ, что всякое иностранное вмѣшательство въ дѣла Италіи встрѣтитъ сопротивленіе не только со стороны сардинскаго, но и всѣхъ итальянскихъ правительствъ.

XX.

Пренія временнаго французскаго правительства, по поводу дѣлъ внѣшней политики, извѣстны въ подробности изъ протоколовъ засѣданій совѣта; мы представимъ здѣсь краткое извлеченіе изъ нихъ.

Объявленіе министра иностранныхъ дѣлъ, единогласно принятое за основанія политики, заключало слѣдующую, ясно выраженную декларацію „....Республика никому не объявитъ войны.... но мы торжественно объявляемъ: если часъ пересозданія нѣкоторыхъ угнетенныхъ европейскихъ національностей наступитъ, или покажется намъ, что онъ уже наступилъ... если независимыя итальянскія государства будутъ опустошены, или если положатъ предѣлы или препятствія ихъ внутреннему преобразованію; если будутъ вооруженной рукой препятствовать имъ соединиться для прочнаго основанія ихъ итальянскаго отечества, то французская республика признаетъ за собою право взяться за оружіе для покровительства законныхъ проявленій народной возмужалости и чувства народности.“

Для поддержки столь достойной, высокой и благородной политики, Ламартинъ требовалъ образованія коммиссіи народной защиты, сформированія трехъ армейскихъ корпусовъ: одного, въ 60,000 человѣкъ, на альпійской границѣ, другаго, въ 120,000, на Рейнѣ, третьяго, въ 20,000, на Пиренеяхъ; отозванія части африканской арміи и посылки флота въ Средиземное море. Правительство, вслѣдствіе просьбы коммиссіи народной защиты, собранной подъ предсѣдательствомъ Франсуа Араго, вотировало необходимый фондъ, въ 114 милльоновъ, для того чтобы увеличить дѣйствующую армію до 532,000 человѣкъ. Министръ финансовъ, не смотря на кризисъ и денежный недостатокъ государственнаго казначейства, принялъ все на

свою отвѣтственность, въ видахъ сохраненія интересовъ и чести республики.

Временное французское правительство считало попытки освобожденія всѣхъ европейскихъ народностей отвѣтомъ на призывный крикъ, раздавшійся въ Парижѣ; оно съ томительнымъ безпокойствомъ слѣдило за фактами самаго освобожденія народовъ и ожидало призыва со стороны Италіи, чтобы вмѣшаться въ дѣла ея, къ чему она уже давно готовилась.

XXI.

Одна мысль о появленіи французскаго флота передъ генуэзскимъ портомъ и объ образованіи арміи на англійской границѣ заставила вздрогнуть правительство Карла-Альберта.

Парето, при первой встрѣчѣ съ Биксіо, выразилъ ужасъ, возбужденный предстоящимъ прибытіемъ французскаго флота.... „Присутствіе французскаго флота,по словамъ Парето, — говоритъ Биксіо въ депешѣ отъ 29-го марта, — должно произвести въ Генуѣ революціонное движеніе, которое произведетъ въ эту торжественную для Италіи минуту раздѣленіе во мнѣніяхъ итальянцевъ, которымъ теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, надобно соединиться противъ общаго врага. Сообразно съ просьбой г. Парето, я просилъ васъ вчера, господинъ министръ, телеграфическою депешею о перемѣнѣ назначенія мѣста стоянки флота.“

Биксіо писалъ отъ 31-го марта: „...Сардинское правительство окончательно подавлено заботами о своихъ личныхъ интересахъ; министръ иностранныхъ дѣлъ, съ которымъ я вижусь ежедневно, болѣе боится распространенія революціонныхъ идей, чѣмъ австрійской арміи, и корпусъ Радецкаго внушаетъ ему менѣе страха, чѣмъ предстоящее, объявленное въ газетахъ, собраніе на Варѣ войскъ французской республики.“

Маркизъ Парето писалъ лорду Аберкромби 30-го марта: „Я видѣлся съ посланникомъ французской республики, Биксіо, извѣстившимъ меня, что французская эволюціонная эскадра выйдетъ изъ Тулона и появится въ скоромъ времени у береговъ Италіи и вѣроятно у Генуи. Такъ какъ должно опасаться, что появленіе флота возбудитъ движеніе въ народонаселеніи, то я и просилъ г. Биксіо о томъ, нельзя ли эскадрѣ измѣнить свой курсъ.

„....Онъ сообщилъ мнѣ также, что временное правительство отдало приказъ о возвращеніи нѣсколькихъ полковъ изъ Алжира и о томъ, что эти войска будутъ расположены въ Варскомъ департаментѣ. Я выразилъ ему, что не могу понять цѣли подобныхъ распоряженій.

„....Я писалъ къ маркизу Бриньолю, прося его убѣдить временное правительство держать войска въ отдаленіи отъ границы, дабы устранить отъ народа мысль о желаніи Франціи вмѣшаться въ наши дѣла какимъ бы то ни было образомъ, потому что цѣль наша заключается въ томъ, чтобы всѣ были убѣждены въ томъ, что Италія желаетъ «fare da se.».

XXII.

Въ то время, какъ піемонтское правительство заявляло свои требованія и безпокойства, до Турина дошло извѣстіе, 1-го апрѣля, что колонны савойцевъ вмѣстѣ съ французами двинулись въ Совойю, или для провозглашенія тамъ отдѣльной республики, или для присоединенія ее къ Франціи. Это дерзкое предпріятіе, которому препятствовали французскія мѣстныя власти, не удалось и произвело на Піемонтъ мимолетное впечатлѣніе. Ламартинъ доказалъ депешами и отданными приказами, что коммиссары департамента Роны и Изеры сдѣлали все для воспрепятствованія подобному движенію. Для Биксіо

легко было объяснить это печальное происшествіе; онъ писалъ отъ 7 апрѣля: „Тяжелое впечатлѣніе, произведенное здѣсь взятіемъ Шамбери, смѣнилось радостію, когда сдѣлалось извѣстно, что мятежники были усмирены дѣйствіемъ одной національной гвардіи. Министры и публика убѣждены теперь вполнѣ, что республиканское правительство не возбуждало подобнаго движенія, и что если бы оно хотѣло вмѣшаться даже косвенно, то борьба была бы гораздо болѣе серьезна....„ Биксіо съ помощью Морнана, коммиссара республики, присланнаго 27-го числа, едва могъ исходатайствовать декретъ о полной амнистіи плѣннымъ.

Политика Карла-Альберта и до этой безумной попытки, разрушенной однимъ ударомъ, была одна и таже. Эта политика была, какъ извѣстно, внушена не одною только боязнью потерять корону, но и самолюбіемъ, которое могло быть удовлетворено пріобрѣтеніемъ новой, еще болѣе блестящей короны верхне-итальянскаго королевства. Карлъ-Альбертъ думалъ, что онъ уже былъ близко къ своей цѣли. Могъ ли онъ достичь ее безъ пособія французской республики? Но если онъ предоставитъ ей право вмѣшаться во время войны, не будетъ ли она имѣть права вмѣшиваться послѣ побѣды? Это была одна изъ главныхъ причинъ, заставлявшихъ его уклоняться отъ вмѣшательства Франціи съ упорствомъ, доходившимъ до гнѣва.

Но должна ли Франція подчиняться соображеніямъ Карла-Альберта? Не было ли ея обязанностью сообразоваться съ интересами Италіи, человѣчества и священнаго дѣла народностей? Развѣ она не должна была смотрѣть серьезно на воззваніе, хотя и глухое, временнаго ломбардскаго правительства? Развѣ этотъ призывъ былъ недостаточенъ? Если между Піемонтомъ и провинціями, добивавшимися освобожденія, было родство племени, то между ними и французской рес-

публикой было родство принциповъ? Развѣ французская республика не имѣла такого же права подать имъ помощь, какъ и Піемонтъ? Развѣ не сами миланцы утвердили это право? „Упорство—говоритъ Каттанео—оказываемое въ дѣлѣ сопротивленія вмѣшательству Франціи въ наши дѣла, было достаточной причиной, чтобы Франція обратила на него вниманіе и это обстоятельство еще болѣе доказываетъ интересъ, заключающійся въ нашемъ дѣлѣ для Франціи. Въ сторону великодушіе и сочувствіе, — Франція должна была препятствовать, чтобы враги Италіи, не завладѣли ее средствами.... Итакъ: ея враги — наши враги.... Мы — авангардъ французскаго народа!“

XXIII.

Судьба готовитъ иногда народамъ такія счастливыя минуты, которыми они должны съумѣть воспользоваться; если они пропустятъ ихъ, то имъ будутъ предстоять долгія страданія, длинные дни томленія. Временное французское правительство чувствовало наступленіе для Италіи подобнаго момента. Вся Германія мечтала о своемъ единствѣ, преслѣдовала идею своей независимости, провозглашала свободу. Не только каждое изъ ея королевствъ производило свою революцію, но даже въ австрійской имперіи не одни только итальянцы мечтали о своемъ освобожденіи. Венгерцы, богемцы, галичане, кроаты, всѣ племена мечтали о томъ, какъ бы соединиться, собраться. Французская республика предлагала всѣмъ этимъ народамъ, всѣмъ племенамъ и національностямъ свою помощь противъ угнетенія. Развѣ они могли находить дурнымъ то, что она придетъ на помощь къ итальянцамъ, а не къ нимъ; что она явится не противъ народовъ, но противъ армій, которыя они сами выгнали изъ своихъ главныхъ городовъ, какъ ору-

дія падшей тираніи? Права была Италія, права и Франція, идущая на ея зовъ. Сама Англія, озабоченная возстаніями чартистовъ и ирландцевъ была смущена и искала исхода изъ своего затруднительнаго положенія. Ламартинъ, какъ истинный государственный человѣкъ, видѣлъ благопріятную минуту и, объясняя неполное довѣріе ломбардскаго правительства, какъ выраженіе желанія, умѣреннаго только вліяніемъ піемонтскаго короля, онъ представилъ временному французскому правительству слѣдующее знаменательное письмо, написанное имъ въ самомъ засѣданіи совѣта и адресованное туринскому повѣренному въ дѣлахъ.

Собраніе совѣта министровъ.

«Парижъ, 11-го апрѣля 1848 г.

„ Милостивый Государь!

„Событія, совершающіяся въ Италіи, безпокоятъ насъ такъ сильно, что заставляютъ думать о возможности высадки нашего обсерваціоннаго корпуса въ Піемонтѣ, послѣ предварительнаго согласія сардинскаго правительства, или даже, *въ случаѣ нужды, мы должны будемъ опередить его просьбу.* Не сообщайте объ этомъ туринскому правительству, но узнайте стороной: что, *если корпусъ французской арміи двинется въ Савойю, то форты, находящіеся на моріенской дорогѣ, какъ напримѣръ Брюнъ, откроютъ ли противъ насъ огонь?*

„Отошлите назадъ курьера до Ліона, для сообщенія мнѣ вашего отвѣта.

„Ламартинъ.“

Депеша эта, единогласно принятая всѣми членами правительства, была послана съ экстреннымъ курьеромъ.

XXIV.

Отвѣтомъ не замедлили.

«Турин, 15-го апрѣля 1848 г., три часа утра.»

Телеграфическая депеша.

Повѣренный въ дѣлахъ французской республики
Господину министру иностранныхъ дѣлъ.

„События, совершавшіяся въ Миланѣ и Савойѣ и отступленіе австрійцевъ передъ сардинской арміей поселили въ общественномъ мнѣніи высшую степень самоувѣренности и раздражительность.

„Вмѣшательство Франціи въ дѣла Италіи, безъ просьбы со стороны послѣдней и вопреки часто повторяемыхъ ею протестовъ, будетъ считаться поступкомъ недостойнымъ благородства французской республики.

„Въ Савойѣ всего 4,000 солдатъ, но форты ея вооружены и коменданты ихъ, предупрежденные недавнимъ примѣромъ, будутъ энергически обороняться. Ихъ поддержитъ народонаселеніе, которое, имѣя конституцію, меньшіе налоги и помня недавній свой успѣхъ, будетъ смотрѣть недружелюбно на французовъ.

«7 часовъ утра.

„Говорятъ, что Пескьера сдалась. (Этотъ слухъ былъ опровергнутъ на другой день.)

„Вмѣшательство Франціи въ эту минуту будетъ сигналомъ ко всеобщей войнѣ и произведетъ на Италію тоже вліяніе, какъ и на Испанію (1808.)

„Тутъ идетъ дѣло о вліяніи и чести республики.“

Сообщая совѣту эту депешу, Ламартинъ не могъ удержаться и сказалъ: „они слѣпы и глупы!“

XXV.

20 апрѣля, Виксіо подтвердилъ въ глубоко убѣдительномъ письмѣ необходимыя объясненія, которыя онъ торопился сообщить.

„....Существенный характеръ движенія, волнующаго Италію, отличающій его отъ всѣхъ предъидущихъ, заключается въ томъ, что оно прежде всего чисто-итальянское.

„Каждая партія считаетъ себя исключительно призванной направлять это движеніе и сосредоточивать въ одномъ высшемъ усиліи всѣ прочія отдѣльныя попытки, которыя, будучи предоставлены сами себѣ, сдѣлались бы вполнѣ безплодными. Но никто не думаетъ о замѣнѣ Австріи Франціей.

„Пусть это будетъ извѣстно Франціи: если альпійская армія перейдетъ Альпы, не будучи призвана сюда ходомъ событій, интересами и всеобщимъ желаніемъ, то Франція и ея идеи утратятъ здѣсь надолго свое вліяніе.

„Во всей сѣверной Италіи, также какъ и во Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ, вездѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ клубовъ въ Миланѣ, не желаютъ военной поддержки со стороны Франціи, до тѣхъ поръ пока Италія не потерпитъ окончательнаго пораженія и не будетъ въ силахъ изгнать австрійцевъ за Альпы. До тѣхъ поръ народная гордость льститъ себя надеждою, что сардинская армія, поддержанная контингентами Рима, Неаполя и волонтерами Тосканы и Ломбардіи, будетъ въ силахъ побѣдить непріятеля и возстановить Италію.

„Если Франція вмѣшается раньше того времени, когда ее призоветъ всеобщій ужасъ, — во всей Италіи раздадутся крики: „Франція, въ помощи которой мы не нуждались, вмѣшалась съ единственною цѣлію удовлетворить своему воинскому честолюбію, которому нѣтъ исхода; она устроитъ не наши, а свои дѣла. Въ программѣ своей она выразила, что не желаетъ

завоеваній; она солгала! она хочетъ наслѣдствовать Австріи. Ея старая политика является вновь, политика вполнѣ безумная, отъ которой она отказалась въ своемъ манифестѣ и которую она фактически возобновляетъ."

„Вотъ что навѣрно скажутъ во всей Италіи, и это возбудитъ во всѣхъ сердцахъ неукротимую ненависть итальянца".

Биксіо, изложивъ всѣ трудности проникнуть въ Италію, не взирая на сопротивленія фортовъ и невозможность продовольствовать армію, не взирая на враждебное народонаселеніе, въ то время, когда даже сардинская армія съ трудомъ достаетъ провіантъ, продолжаетъ:

„....Я не знаю, что можетъ заставить французскую армію немедленно перейти границу. Если этого требуетъ неумолимая необходимость, — пусть совершится это! Но нельзя ли остановить это движеніе? — Еще нѣсколько дней и часъ вмѣшательства наступитъ!

„Радецкій съ 40,000 арміей, далеко не деморализованной, какъ это многимъ нравится утверждать, потому что кроаты не способны ни на деморализацію ни на рвеніе, — Радецкій, повторяю я, стоитъ въ Виллафранкѣ, въ треугольникѣ, составленномъ крѣпостями Мантуей, Вероной и Пескьерой, имѣя операціонною линіей долину Адижа и Венеціянскую область, составляющую непрерывную сѣть военныхъ позицій, находясь въ мѣстности хорошо ему извѣстной; онъ только ожидаетъ, какъ я уже говорилъ въ своихъ предъидущихъ депешахъ, піемонтскую армію, которая или аттакуетъ его на мѣстности выбранной имъ впередъ, или, если останется въ бездѣйствіи, то, по прибытіи ожидаемыхъ имъ изъ Вѣны 80 батальоновъ, онъ перейдетъ въ наступательное положеніе.

„....Сардинская армія, составленная изъ храбрыхъ солдатъ и хорошихъ офицеровъ, но не имѣющая предводителя, будетъ принуждена перейти въ оборонительное положеніе, что дастъ мало надеждъ на успѣхъ при теперешнихъ обстоятель-

ствахъ, или же она должна будетъ помѣряться съ арміей, превышающей ее численностью.

„Пусть свершится ударъ! Общій голосъ призоветъ Францію на помощь. Тогда французы уже болѣе не завоеватели, а спасители; понятно, что спасители должны же существовать, — тогда все будетъ принесено имъ въ жертву, и республиканская армія найдетъ столько же матеріальной и моральной поддержки, сколько препятствій встрѣтитъ теперь.

„Представьте себѣ тогда положеніе этой арміи передъ лицомъ всей Европы и исторіи, и — это будетъ уже не завоевательная армія, но армія братства, армія созданная тѣмъ манифестомъ, который возбудилъ въ народахъ желаніе переродиться!....“

XXVI.

Предложенія содѣйствовать итальянскому дѣлу, сдѣланныя Ламартиномъ отъ имени временнаго правительства французской республики, были отвергнуты, какъ лишнія и опасныя, и французскому правительству оставалось только слѣдовать программѣ, которой руководствовался ея посланникъ. Не вступать въ Италію безъ приглашенія со стороны итальянцевъ; приготовить могущественную армію, чтобы быть готовымъ *явиться на помощь при первомъ воплѣ отчаянія итальянцевъ* (*судя по предвѣщающимъ признакамъ, вопль этотъ* долженъ былъ вскорѣ раздаться), — можетъ ли быть политика болѣе благородная, болѣе великодушная, искусная, великая и болѣе ясная. Этотъ характеръ французской политики не подлежитъ болѣе сомнѣнію, со времени обнародованія документовъ, относящихся къ тому времени. Эта политика была такъ естественна и разумна, что инструкція, отъ 19-го апрѣля, адресованная министромъ иностранныхъ дѣлъ на имя Биксіо, сходится въ своихъ мысляхъ съ замѣчательнымъ донесеніемъ

послѣдняго, отъ 20-го апрѣля, въ которомъ заранѣе разрѣшаются вопросы, заключающіяся въ этихъ инструкціяхъ. Это обстоятельство дало Биксіо возможность тотчасъ же отвѣчать Ламартину, отъ 25-го: „Я нашелъ случай вновь увѣрить г. Парето — что я дѣлалъ и прежде при всякомъ удобномъ случаѣ — въ твердомъ намѣреніи правительства республики вмѣшаться въ дѣла полуострова, когда наступитъ опасность дѣлу итальянской независимости и когда сами итальянцы обратятся къ содѣйствію нашей арміи. Увѣреніе, сдѣланное мною, было принято съ видимымъ удовольствіемъ.“

Наконецъ, опережая нѣсколькими днями событія, приведемъ, въ дополненіе къ нашимъ доказательствамъ, отвѣтъ сардинскаго министра на запросъ, сдѣланный относительно присутствія альпійской арміи на границѣ.

„.... Я могу увѣрить депутатовъ и всю страну, въ томъ что между французскимъ правительствомъ и правительствомъ его величества, короля Сардиніи существуетъ полнѣйшее согласіе. Французская армія не вступитъ въ наши владѣнія безъ приглашенія съ нашей стороны.“ Потомъ онъ самоувѣренно прибавилъ „А такъ какъ мы ее никогда не призовемъ, то она и не вступитъ въ наши предѣлы.“

XXVII.

Временное правительство и его дипломатическіе представители были обвиняемы одними въ нежеланіи вмѣшаться въ дѣла Италіи, въ отказѣ вооруженной помощи Франціи, въ политикѣ, заключавшейся единственно въ громкихъ словахъ; другими — въ секретныхъ интригахъ, въ коварномъ намѣреніи возбудить республиканскія партіи, развить въ Италіи анархическія стремленія, съ цѣлью стать во главѣ ихъ и образовать республики для противодѣйствія проэктамъ Карла-Альберта.

Факты на столько противорѣчатъ первымъ обвиненіямъ, что отнынѣ становится невозможнымъ всякій споръ. Нѣтъ, не Франція отказала въ вооруженной помощи Италіи въ періодъ существованія временнаго правительства и исполнительной коммиссіи, а сама Италія отказалась отъ предложенія услугъ со стороны Франціи, или, лучше сказать, король, въ рукахъ котораго была судьба Италіи. Что же касается до другаго рода нападокъ, то немного словъ нужно, чтобы убѣдиться въ ихъ неосновательности.

Французское правительство, равно какъ и представитель его въ Туринѣ не раздѣляли мечтаній итальянцевъ. По ихъ мнѣнію, раздробленная и разъединенная Италія не могла устоять передъ силами Германіи. Они были убѣждены въ неуспѣхѣ піемонтской арміи; Ламартинъ неоднократно разбиралъ и доказывалъ въ совѣтѣ вѣроятность этой неудачи. Французское правительство было убѣждено, что Италія будетъ принуждена требовать помощи Франціи весьма скоро, какъ только Радецкій получитъ подкрѣпленія, посланныя изъ Вѣны. Зачѣмъ же ему было дѣйствовать неблаговиднымъ образомъ, чтобы достигнуть того порядка вещей, который долженъ былъ быть логическимъ послѣдствіемъ совершающихся фактовъ.

„Весьма легко можетъ случиться, писалъ Бикіо, отъ 27-го апрѣля, что наша армія черезъ нѣсколько дней будетъ призвана въ Италію; стоитъ только распространиться въ Миланѣ паническому страху, или слуху о какомъ нибудь трактатѣ.“ Поставивъ такимъ образомъ вопросъ, онъ осуждалъ политическія дѣйствія Піемонта, какъ безсильныя, вредныя, гибельныя, имѣющія цѣлью оставить вооруженную Францію изолированною, лицемъ къ лицу съ Европой. Надо было предоставить событіямъ идти своимъ порядкомъ. Посланникъ говорилъ также о недостаткѣ силъ революціонной партіи. Въ корреспонденціи министра иностранныхъ дѣлъ нельзя найти

никакого слѣда тайнаго замысла. Вездѣ, напротивъ, можно найти доказательства противоположнаго. Благородство цѣли соотвѣтствовало открытому образу дѣйствій.

Что касается до меньшинства временнаго правительства французской республики, то оно конечно желало, подобно большинству, видѣть въ Ломбардіи, по примѣру Венеціи, предпочтеніе республиканской формѣ правленія. Но, въ тоже время, оно умѣло уважать желанія народовъ Италіи и предоставить имъ свободу выбора. Ни въ актахъ, ни въ отношеніяхъ, ни въ самыхъ даже интимныхъ дѣлахъ этого времени, — нигдѣ не видно было какого нибудь доказательства того, чтобы временное французское правительство старалось ускорить ходъ событій, появленія которыхъ оно такъ горячо желало. Его абсолютная вѣра въ силу обстоятельствъ вполнѣ объясняетъ его бездѣйствіе. По его мнѣнію, ничто не въ состояніи было удержать этого движенія, которое захватило бы въ себѣ, рано или поздно, не только итальянцевъ, но и другіе народы.

Вліяніе нѣкоторыхъ французскихъ клубовъ на итальянскихъ демократовъ не было нигдѣ примѣтно. Итальянскія демократы были слишкомъ гордые патріоты, чтобы подчиниться вліянію людей, которыхъ, по ихъ мнѣнію, они превосходили преданностью интересамъ отечества.

Итальянскіе демократы доставили обильный матеріалъ для исторіи этой эпохи; въ ихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ нигдѣ не видно, чтобы чья либо французская рука вмѣшивалась въ ихъ внутреннія дѣла.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Карлъ-Альбертъ старается ускорить въ Ломбардіи подачу голосовъ. — Затрудненія временнаго миланскаго правительства. — Республика въ Венеціи; препятствія самолюбію Карла-Альберта. — Умѣренный образъ дѣйствій республиканскаго правленія въ Венеціи. — Мѣры общественной пользы въ Венеціи. — Корреспонденція; согласіе ломбардскаго и венеціянскаго правительствъ. — Судьбы обоихъ народовъ рѣшаются послѣ побѣды. — Безусловное признаніе Карломъ-Альбертомъ венеціянской республики. — Взаимное недовѣріе между республиканцами и партизанами Карла-Альберта. — Старанія піемонтскаго правительства ограничить военныя дѣйствія, сдѣлавъ ихъ исключительно сухопутными; оно требуетъ перемирія на морѣ. — Жалобы венеціянцевъ. — Приближеніе Дурандо къ піемонтской арміи, удаленіе его отъ границъ Фріуля. — Карлъ-Альбертъ отправляетъ на помощь Венеціи только 112 артиллеристовъ. — Ропотъ на бездѣйствіе короля. — Генералъ Нюгентъ угрожаетъ Фріулю. — Венеціянскія провинціи отдѣляются отъ Венеціи, чтобы сблизиться съ Карломъ-Альбертомъ. — Венеціянское правительство призываетъ на помощь всю Италію; отправленіе уполномоченныхъ въ лагерь Карла-Альберта. — Карлъ-Альбертъ не одинъ только виновенъ въ своемъ бездѣйствіи. — Дипломатическія препятствія. — Корреспонденція. — Неопытность Карла-Альберта и его генераловъ. — Карлъ-Альбертъ не просѣкаетъ сообщеній съ Турином. — Тирольскіе волонтеры оставлены безъ поддержки; ихъ пораженіе. — Нюгентъ, 16-го апрѣля, проникаетъ въ Тироль, — Взятіе Удино. — Сопротивленіе Озопно. — Успѣхъ отряда Нюгента. — Блокада Венеціи. — Приказъ Карла-Альберта Дурандо сопротивляться Нюгенту. — Встрѣча отрядовъ Дурандо и Нюгента у Павіи. — Положеніе армій Карла-Альберта и Радецкаго, завладѣніе Пескьерой. — Сраженіе при Парето.

I.

Карлъ-Альбертъ, побуждаемый самолюбіемъ и совѣтами своихъ партизановъ и льстецовъ, утомленный стремленіемъ

къ цѣли, видѣвшій корону столь близко, что ему недоставало силы дождаться побѣды для ея полученія, рѣшился ускорить волю народа, который долженъ былъ возложить на его голову эту корону.

Зачѣмъ же медлить королю? говорили его друзья. Онъ далъ конституцію, произвелъ большія реформы, разорвалъ трактаты, вступилъ въ борьбу съ Австріей, жертвуя войнѣ своими сокровищами! Онъ подвергаетъ себя, въ случаѣ пораженія, ярости неумолимаго врага; онъ рискуетъ своею кровью, своею жизнію и своимъ тропомъ для освобожденія Италіи. Развѣ этого не довольно? Неужели онъ предоставитъ свободу нѣсколькимъ республиканцамъ, ничтожнѣйшей части націи, слѣдовать своимъ стремленіямъ и распространять идею о единой, нераздѣльной республикѣ, въ составъ которой должны войти не только Ломбардія и Венеція, но и Тоскана, Римъ, Неаполь и даже самый Піемонтъ? Если же онъ побѣдитъ, — что будетъ ему наградой? — нѣсколько холодныхъ изъявленій благодарности! потомъ недовѣріе, клевета, неблагодарность! Ему припишется самая незначительная часть успѣха! Народъ и армія будутъ единственными завоевателями независимости! Имъ — вся признательность, ему — ничего! Такое положеніе ложно: надобно рѣшиться на что нибудь! Дальнѣйшая нерѣшительность повредитъ дѣлу. Если онъ только союзникъ для ломбардцевъ, — пусть они скажутъ это! если же они признаютъ его своимъ королемъ, пусть они провозгласятъ это! Этого требуетъ спасеніе Италіи.

Прибывъ въ Лоди, Карлъ-Альбертъ приказалъ тотчасъ написать въ Миланъ къ Казати, президенту временнаго правительства, слѣдующее письмо: „Его величество принимаетъ во вниманіе, что народъ, съумѣвшій столь мужественно и такъ скоро освободиться отъ иностраннаго ига, имѣетъ священное право опредѣлить самъ для себя образъ правленія. Вслѣдствіе этого его величество желаетъ, чтобы временное

правительство приступило, какъ можно скорѣе, къ созванію избирателей, которые должны будутъ самодержавно рѣшить дальнѣйшую судьбу этихъ прекрасныхъ итальянскихъ провинцій. Его величество желаетъ также, чтобы выборъ избирателей былъ основанъ на наиболѣе широкихъ и либеральныхъ началахъ, съ цѣлію доставить народу случай полнѣе выразить свою волю.“

II.

Такая поспѣшность дѣйствій показалась оппозиціонной партіи нарушеніемъ условій, предложенныхъ во время сраженія и принятыхъ Карломъ-Альбертомъ. Могло ли временное правительство позабыть эти условія, слѣдующимъ образомъ выраженныя въ прокламаціи отъ 22 марта: „Наша судьба будетъ обсужена и рѣшена народомъ, когда наше дѣло восторжествуетъ, — a causa vinta“. Могъ ли король такъ скоро уничтожить торжественно сказанныя имъ слова 23-го марта: „Мы являемся предложить вамъ поддержку, которую ожидаетъ братъ отъ брата и другъ отъ друга“, и 31-го: „я прихожу безъ условія....“ Все это породило горькія жалобы. Измѣнить такимъ образомъ договору, освященному на баррикадахъ, — развѣ это не безчестное насиліе. Развѣ австрійцы уже болѣе не оскверняютъ своимъ присутствіемъ землю Италіи? Прогналъ ли ихъ уже король? Къ чему же эта поспѣшность? Требовать у народа изъявленія его воли въ то время, когда все народонаселеніе трепещетъ отъ страха быть покинутымъ, оставленнымъ на жертву арміи Радецкаго, — это значитъ лишить народъ свободы выбора, подѣйствовать на выраженіе его воли своимъ безусловнымъ величіемъ! У народа не требуютъ согласія, — ему даютъ приказаніе! Пусть Карлъ-Альбертъ дождется, по крайней мѣрѣ, побѣды, которая дастъ ему право на корону! Послѣ

побѣды онъ получитъ ее не изъ рукъ народа, находящагося въ страхѣ, но народа полнаго удивленія и признательности. Будучи побѣжденъ, онъ избѣгнетъ смѣшной роли обманутаго самолюбія, не оправданнаго успѣхомъ! Наконецъ, зачѣмъ, не оказавъ еще услуги, выпрашивать уже себѣ вознагражденія?

III.

Временное миланское правительство находилось въ затруднительномъ положеніи между формально-заявленнымъ желаніемъ Карла-Альберта, настойчивостію его приверженцевъ, и собственными тенденціями, къ удовлетворенію которыхъ оно стремилось, данными обѣщаніями, принятыми на себя обязательствами и упреками республиканцевъ; оно колебалось въ принятіи окончательнаго рѣшенія, подготовляло къ нему умы и постоянно старалось сдѣлаться популярнымъ, дѣйствуя мѣрами пріятными для народа. Отсюда происходили полумѣры, нерѣшительность, превосходныя намѣренія, и ни одного изъ тѣхъ дѣйствій, которые спасаютъ народъ. Оно и управляло, и повиновалось въ тоже время. Оно устроивало администрацію и предполагало слить ее съ сардинской. Ему предстояло сдѣлать громадныя издержки для общественнаго блага и оно одинаково разсчитывало на свои средства и на средства Піемонта. Оно должно было заботиться, по силѣ договора, о продовольствіи сардинскихъ войскъ, между тѣмъ, какъ король обязался съ своей стороны снабжать армію матеріяльною частью. Отсюда постоянное столкновеніе. Оно предпринимало какое нибудь дѣло, чтобъ потомъ его уничтожить; составляло какой нибудь планъ, чтобъ потомъ его отбросить; піемонтскаго генерала назначало военнымъ министромъ; ломбардскихъ солдатъ смѣшивало съ солдатами Карла-Альберта; употребляло всѣ усилія на лучшее, и безпрестанными ошибками вредило дѣлу. Оно не знало, стоитъ ли оно во главѣ независимаго госу-

дарства или же находится подъ властію короля; наконецъ, довѣряя вполнѣ королю, которому оно предавалось безъ всякой осторожности, оно становилось непредусмотрительнымъ, упускало изъ своихъ рукъ инициативу, которую должно было сохранить и которой ему недоставало въ послѣдніе дни.

Оно поддерживало свое вліяніе и оправдывало его декретами, которые оно считало полезными; оно уничтожило подушную подать, лотереи, право судоходства по каналамъ, часть пошлины на вино, выдѣлываемое въ Піемонтѣ, гербовую бумагу; уничтожило делегаціи, соединивъ ихъ съ конгрегаціями, распустило трибуналы, уполномочило конгрегаціи и новыхъ президентовъ смѣнять неспособныхъ чиновниковъ; созвало провинціальныхъ депутатовъ; приготовляло избирательные законы; приказывало принимать въ армію вольноступающихъ, объявляло рекрутскій наборъ; открыло безпроцентный заемъ въ 24 милліона. Патріотизмъ жителей отчасти отвѣчалъ на это финансовое предложеніе; но кредитъ былъ въ упадкѣ, приходъ уменьшился вслѣдствіе уменьшенія налога; правительство сочло себя вынужденнымъ пріостановить уплату процентовъ Monte — народнаго долга.

Можно было только сожалѣть о разъединеніи, бывшемъ столь гибельнымъ для Италіи. Это разъединеніе не находитъ-ли себѣ объясненія, даже оправданія, въ различіи цѣлей, которыхъ всякій добросовѣстно старался достичь, дѣйствуя въ томъ духѣ партій, который однѣмъ и тѣмъ же вещамъ даетъ различные оттѣнки, подъ вліяніемъ той человѣческой слабости, которая мѣшаетъ ему вѣрно понимать дѣло? Такимъ образомъ, Карлъ-Альбертъ—король, и дѣйствуетъ такъ какъ можетъ дѣйствовать король. У него такое же самолюбіе, какое было бы у всякаго на его мѣстѣ. Его приверженцы убѣждены, что онъ одинъ способенъ, при помощи піемонтской арміи, установить конституціонный порядокъ—по ихъ мнѣнію самый прочный—и освободить Италію. Республиканцы не до-

вѣряли королю, сомнѣвались въ его могуществѣ, искуствѣ и успѣхѣ, имѣя вѣру только въ свои принципы. Всѣ стремились къ единству и независимости Италіи: одни думали достичь этого владычествомъ Карла-Альберта; другіе либеральной представительной монархіей; третіе — республикой, по ихъ мнѣнію единственной формой правленія, въ которой возможны правосудіе и верховная власть народа.

IV.

Но если политика Карла-Альберта и его совѣтниковъ можетъ быть объяснима относительно Ломбардіи, то оправдываетъ ли она ихъ по отношенію къ Венеціи?—Пусть исторія скажетъ объ этомъ свое мнѣніе.

Немедленное провозглашеніе республики въ Венеціи противорѣчило видамъ и надеждамъ Карла-Альберта. Примѣръ Венеціи, заразительный для Ломбардіи, безпокоилъ его. Миланъ представлялъ ему временное правительство, которое легко было уничтожить; Венеція же могла противоставить его самолюбію независимое правительство и свои вѣковыя преданія. Чтобы склонить эту страну на свою сторону, надобно было стремиться уничтожить прошедшее, сокрушить настоящее. Для этого былъ одинъ только путь: предоставить страну ея собственнымъ средствамъ, чтобы она убѣдилась въ своемъ безсиліи; оставить ее безъ помощи, на жертву трудностямъ, чтобы она обратилась къ нему; оставить ее на время одну, лицемъ къ лицу съ австрійской арміей, чтобъ быть потомъ призваннымъ ею. Это средство было употреблено Карломъ-Альбертомъ, не замѣчавшимъ, что всякій шагъ непріятеля противъ Венеціи былъ шагомъ противъ него.

V.

Примѣръ, поданный венеціянской республикой, былъ дѣйствительно гибеленъ для монархіи. Манинъ и другіе члены

управленія поддерживали порядокъ въ свободѣ, возвышали духъ народа великодушными идеями и благородствомъ своихъ чувствъ. Австрійскія семейства, оставшіяся въ Венеціи, пользовались полнымъ уваженіемъ; пароходы, приходившіе изъ Тріеста, были охраняемы. Не было ни тѣни сомнѣнія, страха или ропота. Честность царствовала въ администраціи, нравственное начало во всѣхъ поступкахъ, благородство въ отношеніяхъ, ясность въ приказаніяхъ, умѣренность, соединенная съ твердостью, устраняли всякую мысль объ анархіи.

Англійскій консулъ, мало расположенный въ пользу венеціанскаго дѣла, отдавалъ ему полную справедливость въ письмахъ къ своему правительству.

Манинъ и его товарищи смотрѣли съ сожалѣніемъ на отправлявшихся, въ ночь 25 марта, на англійскомъ бригѣ la Reliance, зафрахтованномъ въ Тріестъ, герцога и герцогиню Бордоскихъ, герцогиню Беррійскую и графа Лукези Палли. Они желали, чтобы присутствіе старшихъ членовъ фамиліи Бурбоновъ въ стѣнахъ республики, свидѣтельствовало передъ лицемъ всей Европы объ ихъ гостепріимствѣ и спокойствіи города.

Венеціянская республика должна была возбудить всеобщее удивленіе. Пій IX прислалъ свое благословеніе въ письмѣ, имъ собственноручно написанномъ: „Да благословитъ Богъ Венецію, освободивъ ее отъ золъ, которыхъ она страшится; да сохранитъ Онъ народу своимъ всемогуществомъ то счастіе, котораго онъ заслуживаетъ“.

Правительство, президентомъ котораго былъ Манинъ, считало своимъ долгомъ дать народу нѣкоторыя льготы, которыя можетъ быть и не были согласны съ финансовыми потребностями, но были вызваны политическими обстоятельствами. Правительство воспретило лотереи; уничтожило подушную подать; понизило на треть цѣнность соли; уничто-

жило штемпель на журналы; освободило торговлю отъ контроля надъ хлопчатой бумагой, пряжей и мануфактурами, производящими хлопчатобумажныя матеріи и матеріи смѣшанныя съ бумагой; освободило отъ всѣхъ таксъ и налоговъ рыболовныя суда, въ тѣхъ даже случаяхъ, когда они исключительно занимаются покупкою рыбы въ адріатическомъ морѣ; согласилось на уничтоженіе пошлины съ винъ выдѣлываемыхъ въ Піемонтѣ; дозволило свободный ввозъ ржи, муки, рису и другихъ сортовъ хлѣба и запретило вывозъ его; назначило почтовую плату за журналы въ 5 сантимовъ; смягчило наказанія за проступки противъ финансовыхъ законовъ, уничтоживъ арестъ за нарушеніе ихъ; секвестровало имущество эрцъ-герцога Райнера, а чрезъ нѣсколько дней и моденскаго; обезпечило лицъ, заинтересованныхъ въ уплатѣ пансіоновъ и въ положеніи ломбарда, поступившаго въ его управленіе; преобразовало суды; замѣнило правильнымъ судебнымъ порядкомъ инквизиціонный характеръ правительственной полиціи; предоставило полную свободу прессѣ, не требуя отъ авторовъ ничего, кромѣ подписи и обозначенія мѣста продажи ихъ сочиненій; провозгласило религіозную свободу, объявивъ равенство гражданскихъ и политическихъ правъ для всѣхъ гражданъ, какого бы они ни были вѣроисповѣданія. Исполненное расположенія къ Пію IX, оно допустило свободную и прямую корреспонденцію между епископами и ихъ главою; замѣнило центральную конгрегацію совѣтомъ, составленнымъ изъ трехъ выборныхъ отъ провинцій (совѣтъ этотъ долженъ былъ быть собранъ къ 10 апрѣлю; этимъ удовлетворялось желаніе Венеціянцевъ); уничтожило дисциплинарныя правила для арміи и флота, равно какъ и наказанія палками и розгами, что было возмутительно для итальянцевъ и противорѣчило достоинству свободныхъ людей.

Эти интересныя подробности даютъ понятіе о важности и быстротѣ работъ республиканскаго правительства и о му-

дрости и прогрессивномъ его направленіи. Но предстоявшія затрудненія были еще значительнѣе совершенныхъ трудовъ. Правительству предстояли новыя, неожиданныя трудности въ войнѣ съ Австріей, въ приготовленіи къ оборонѣ, въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ, въ сношеніяхъ съ Ломбардіей, съ Піемонтскимъ королемъ, съ римскими военными силами, съ другими итальянскими государствами и наконецъ съ самыми венеціанскими провинціями. Никогда никакому правительству не предстояло съ самаго начала бороться со столькими затрудненіями; но къ счастію оно имѣло волю, вѣру и преданность дѣлу.

VI.

Характеръ первоначальныхъ отношеній къ Ломбардіи былъ истинный и чистосердечный. Таковъ онъ и долженъ былъ быть. Обѣ страны, прикованныя къ одной и той же цѣпи имѣли и однѣ общія страданія и одну общую цѣль. Между тѣмъ въ самомъ началѣ были нѣкоторые оттѣнки въ выраженіяхъ взаимныхъ чувствъ.

Миланское правительство писало 25 марта городу Венеціи:

„....Нами овладѣваетъ тоска отъ неизвѣстности вашей участи. *Извѣстите насъ поскорѣй; между тѣмъ мы заявляемъ вамъ* нашу увѣренность въ томъ, что вы въ вашей новой организаціи будете имѣть въ виду единство Италіи. Независимость и единство! — вотъ торжественныя слова, выражающія желаніе и стремленіе народа.“

Въ тотъ же день временное правительство венеціянской республики написало отвѣтъ Ломбардцамъ, которыхъ называло своими братьями:

„....Воля Божія и священное предзнаменованіе единства нашей будущей судьбы видны изъ нашихъ дѣйствій, столь

согласныхъ между собою. Въ одинъ и тотъ же день, 18 марта, была учреждена городская стража въ Миланѣ и Венеціи. Въ одинъ и тотъ же день, 22 марта, австрійскія власти въ Миланѣ и Венеціи договаривались о сдачѣ города! Все сдѣланное и дѣлаемое нами ничѣмъ не вредитъ будущему. Наше дѣло тождественно съ вашимъ и съ дѣломъ всей Италіи. Отнынѣ прекратились наши несогласія и муниципальное самолюбіе, бывшія причиной столькихъ дѣйствій, и мы начнемъ новую эру при предзнаменованіяхъ мира, болѣе славныхъ, чѣмъ всѣ наши древнія расцвѣти. Мы призываемъ васъ на помощь; мы предлагаемъ ее вамъ съ нашей стороны, хотя вы и не нуждаетесь въ ней. Мы предпочитаемъ выжидать, какое рѣшеніе приметъ богатая, роскошная и благородная Ломбардія для устройства своей будущей судьбы.“

Миланское правительство отвѣчало:

„Мы сходимся съ вами въ вашихъ понятіяхъ о національности. Вы видите, что мы опережаемъ ваши дѣйствія нашими желаніями и надеждами.

„Мы были увѣрены въ вашемъ сочувствіи. Мы были также-увѣрены въ томъ, что никакое муниципальное чувство не овладѣетъ тѣми, которые подняли трехцвѣтное знамя на львѣ святаго Марка.

„Когда мы были еще среди волненій нашей великой борьбы, то объявили, что, учреждая временное правительство, мы имѣемъ въ виду удовлетвореніе предстоящимъ требованіямъ, но что послѣ побѣды нашу судьбу рѣшитъ самъ народъ (e che a causa vinta la nazione avrebbe deciso).

„Вы сочли своею обязанностію вспомнить преданія вашего славнаго прошедшаго; вы хотѣли снова сказать венеціянцамъ то слово, которое было всегда въ ихъ сердцахъ.

„Вы отдали должную справедливость тысячелѣтію венеціянской исторіи.

„Но что всего болѣе удостовѣряетъ насъ въ нашемъ вза-

имномъ согласіи относительно великаго вопроса единства, основы нашей независимости, — это ваше объявленіе о томъ, что послѣ изгнанія иностранцевъ (cacciato il forestiere) вы приглашаете насъ къ совмѣстному обсужденію требованій нашей общей выгоды и общей славы.

„....Да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ Венеція! да здравствуетъ Миланъ!“

Эта корреспонденція, веденная подъ вліяніемъ радости освобожденія, тѣмъ живѣе интересуетъ насъ, что въ ней выражаются первыя мысли обоихъ правительствъ. Венеціянская республика принесетъ всѣ жертвы, которыхъ потребуетъ будущность, единство и независимость Италіи. Миланское правительство согласно на тоже самое и откладываетъ рѣшеніе вопроса,— a causa vinta — послѣ побѣды. На этихъ основаніяхъ возможно полное согласіе, и если бы ничто не перемѣнилось, то раздѣленіе было бы невозможно.

VII.

Отношеніе венеціянской республики къ Піемонту было также совершенно установлено и опредѣлено. Мы уже говорили о томъ, что утромъ 22 марта сардинскій консулъ совѣтовалъ Манину провозгласить республику. Дѣйствительно, въ эту критическую минуту подобное провозглашеніе было свидѣтельствомъ полнаго отдѣленія Венеціи отъ Австріи, первымъ шагомъ къ исполненію желаній Карла-Альберта. Вслѣдъ за тѣмъ, венеціянское правительство получило безкорыстныя воззванія Карла-Альберта, который спѣшилъ на помощь, „какъ вѣрный и благородный союзникъ.“

Временное правительство республики объявляло о своей конституціи Сардиніи, Неаполю и Тосканѣ:

„Новая республика объявляетъ также о своихъ началахъ и своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ, поднимая знамя, укра-

шенное древнимъ львомъ, окруженнымъ національными итальянскими цвѣтами, этимъ символомъ мира.... Республика желаетъ не только мирныхъ отношеній ко всѣмъ итальянскимъ государствамъ, сохраняя всѣ права послѣднихъ, но ей бы хотѣлось еще соединиться съ ними братскимъ союзомъ, слѣдствіемъ и знакомъ котораго будетъ на первое время таможенный союзъ.... Италія, имѣющая различныя правительства составляетъ одно цѣлое въ нашей мысли.“

Въ отвѣтъ на это письмо, 11-го апрѣля, сардинскій генеральный консулъ Факканони извѣстилъ правительство республики о депешѣ полученной имъ отъ короля, въ которой Карлъ-Альбертъ оффиціально признаетъ существованіе республики.

31-го марта, Парето писалъ къ презеденту венеціянской республики: „....Правительство его величества посылаетъ свои поздравленія временному венеціянскому правительству со вступленіемъ его въ управленіе; оно предлагаетъ ему вмѣстѣ съ дружбой и матерьяльную помощь для достиженія полной независимости Италіи; это—помощь друга другу, брата брату, по превосходному выраженію Карла-Альберта.“ Лаццаро Ребиццо былъ акредитованъ сардинскимъ правительствомъ представителемъ его въ Венеціи. Лаццаро, бывшій въ дружественныхъ отношеніяхъ со многими членами временнаго венеціянскаго правительства, вступилъ 13-го апрѣля въ свою должность.

8-го апрѣля, король, прибывшій въ Кастильоне делле-Стивіере, принялъ тамъ посланника венеціянскаго правительства, обратившагося къ нему съ просьбою о присылкѣ генерала, которому могли бы быть ввѣрены организація и управленіе республиканской арміей. Король обѣщалъ содѣйствіе генерала Альберта-де-ла-Мармора, который и прибылъ, 14-го, въ Венецію, гдѣ былъ встрѣченъ съ восторгомъ.

Венеціянская республика была такимъ образомъ въ оффиціальныхъ отношеніяхъ къ Карлу-Альберту. Если бы въ

этихъ отношеніяхъ не было задней мысли, то чистосердечный союзъ республики и монархіи могъ бы могущественно содѣйствовать освобожденію Италіи. Къ несчастью у сардинскаго короля были желанія, а у венеціянцевъ — боязнь.

VIII.

Когда армія подошла къ Веронѣ, вступивъ на венеціянскую территорію, приверженцы Карла-Альберта уже заявляли свое удивленіе тому, что страна, за которую король съ сыновьями и арміей явился бороться, не поспѣшила ввѣрить ему управленіе своею судьбою. Они уже толковали о неблагодарности, въ то время, когда самое дѣло еще не было кончено. Венеціянскіе республиканцы, казалось, были удивлены тѣмъ, что друзья и совѣтники Карла-Альберта, забывая королевскія обѣщанія, служили скорѣе его личному самолюбію, чѣмъ итальянскому дѣлу; безъ всякой причины они уже заявляли подозрѣніе и безпокойство.

Съ обѣихъ сторонъ явилось постоянное недовѣріе, тамъ гдѣ, напротивъ, должна была существовать полная довѣренность. Нерѣшительный образъ дѣйствій піемонтскаго правительства и его медленность были перетолковываемы въ Венеціи, какъ признаки того, что Карлъ-Альбертъ отказывается отъ дѣла.

Сардинское правительство старалось, черезъ посредство русскаго посланника въ Мюнхенѣ, ограничить непріязненныя дѣйствія съ Австріей одною войной на сушѣ, поддерживая торговыя морскія сношенія между обѣими странами in statu quo. Эти предложенія были приняты Австріей, что однако не помѣшало австрійскому флоту приготовиться къ блокадѣ Венеціи, а сардинскому — поспѣшить на помощь послѣдней.

Причины этого соглашенія были объявлены венеціянцамъ въ піемонтскомъ циркулярѣ слѣдующимъ образомъ: „Прави-

тельство его величества, имѣя въ виду, что большая часть экипажей и офицеровъ австрійскаго флота — итальянцы, сочло нужнымъ устранить возможность борьбы съ послѣдними— genti Italiane, такъ какъ общая единственная цѣль въ настоящее время есть изгнаніе иностранцевъ."

Эти доводы показались не слишкомъ основательными. Раздался ропотъ: развѣ въ рядахъ австрійской арміи не было и не находится въ настоящее время много итальянцевъ? Эта причина ослабленія непріятеля не одинакова ли на сушѣ и на морѣ? Кто знаетъ, что случится? Зачѣмъ препятствовать борьбѣ на морѣ, которая могла бы представить удобный случай къ отдѣленію части австрійскаго флота на сторону итальянцевъ; зачѣмъ отказываться отъ аттаки Тріеста, отъ высадки войскъ въ Иллирію и Далмацію: это была бы могучая диверсія, которая отвлечетъ корпусъ Нюгента отъ Тироля, куда онъ уже готовъ вступить. Довѣряться неискреннимъ обѣщаніямъ, не значитъ ли подвергать Венецію внезапной аттакѣ непріятельскаго флота? Вслѣдствіе подобнаго обвиненія явились размышленія, которыхъ не уничтожило даже самое время.

IX.

Еще болѣе важная причина послужила поводомъ къ болѣе горькимъ обвиненіямъ. Генералъ Дурандо съ римской арміей находился въ Болоньѣ и не подвигался впередъ; его ожидали, а онъ все не переправлялся черезъ По. Проходили дни, онъ не шелъ впередъ; тщетно просили его, чтобы онъ двинулся впередъ. Солдаты, волонтеры, бывшіе подъ его командой, требовали, чтобы онъ велъ ихъ на поле битвы, — онъ былъ глухъ къ ихъ просьбамъ. Неужели нужно столько дней, говорили всѣ, горя нетерпѣніемъ, для организаціи войскъ, идущихъ на соединіе съ друзьями? Имѣя 12,000 человѣкъ и

достаточную артиллерію, развѣ не долженъ былъ генералъ спѣшить въ Венецію, переходить отъ города къ городу, соединиться съ крестоносцами, создать значительную армію, двинуться на непріятеля и пресѣчь ему дорогу и отступленіе?

Только 18-го апрѣля, генералъ Дурандо рѣшился послать капитана генеральнаго штаба, Аглеберта, въ качествѣ коммиссара папскихъ войскъ, находящихся въ распоряженіи республики, чтобы извѣстить о вооруженномъ вмѣшательствѣ и переходѣ черезъ По, и истребовать субсидіи и сумму въ 100,000 ливровъ. Правительство спѣшитъ согласиться на эти требованія. Радость и надежда наполняютъ всѣ сердца. Но скоро наступаетъ глубокое изумленіе: узнаютъ, что вмѣсто столь ожидаемой, столь необходимой помощи, корпусъ австрійской арміи идетъ прямо на Фріуль, а авангардъ папскихъ войскъ, вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу австрійцамъ, принялъ совершенно другое направленіе къ Остигліи и Бадіи, съ цѣлью приблизиться къ Мантуѣ и Леньяно. Генералъ Дурандо — піемонтецъ. Страсть не разсуждаетъ. Причину его медленности и оставленія приписываютъ скорѣе приказаніемъ Карла-Альберта, чѣмъ Пія IX. Генералъ, казалось, покинулъ Венецію, лишенную всякой помощи, чтобы идти на соединеніе съ піемонтской арміей, силы которой были болѣе чѣмъ достаточны.

Комендантъ Пальма-Новы, генералъ Зукки требовалъ артиллеристовъ для обороны этой укрѣпленной позиціи; просьба была доставлена королю, который послалъ ему 112 человѣкъ. Этимъ и ограничилась помощь Карла-Альберта по ту сторону Адижа.

Являются новые факты и новыя обвиненія. Неаполитанскій король извѣстилъ въ прокламаціи, сообщенной г. Кампаной, консуломъ его въ Венеціи, что онъ располагаетъ принять участіе въ освобожденіи Венеціи при помощи своихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ и что съ этою цѣлью онъ сдѣ-

*

лалъ предложеніе королю Піемонта объ учрежденіи лиги, но что Карлъ-Альбертъ отказался.

Бездѣйствіе Карла-Альберта, находившагося лицемъ къ лицу съ непріятельской арміей, и неумѣніе его воспользоваться ни рвеніемъ своихъ войскъ, ни революціоннымъ пыломъ волонтеровъ, ни деморализаціей австрійцевъ, казалось неразрѣшимой задачей смущеннымъ умамъ, которые во все вѣрили, потому что всего ожидали.

X.

Странныя волненія овладѣвали умами, которые не находили объясненія всего этого въ естественномъ порядкѣ вещей, не понимая того, что быстрота и смѣлость есть принадлежность только геніяльныхъ людей. Друзья короля не оставляли его безъ защиты и отвѣчали порицателямъ, обращавшимъ свою безумную критику на спасителя отечества, на ихъ несправедливыя обвиненія, несогласныя ни съ временемъ, ни съ обстоятельствами. Въ газетахъ того времени можно было прочесть всю горячую полемику обѣихъ сторонъ. Многіе города, какъ напримѣръ Падуа, вмѣшались въ споры, которые вскорѣ распространились на начала конституціоннаго и республиканскаго порядка. Кружки, общества пришли въ движеніе; каждый превозносилъ свою систему; болѣе благоразумные сожалѣли о гибельномъ раздѣленіи мнѣній и всеобщемъ смущеніи; правительство республики предоставляло свободу всѣмъ, но употребляло усилія, чтобы успокоить и согласить умы.

Не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что австрійцы снова будутъ дѣйствовать наступательно. Вскорѣ сдѣлалось извѣстно, что генералъ Нюгентъ собралъ войска, вышедшія изъ Венеціи вслѣдствіе капитуляціи и, смѣшавъ ихъ съ новыми полками и рекрутами, во главѣ 13,000 отряда, при 60 орудіяхъ, приготовлялся перейти Изонцо, угрожая Удино и

Пальма-Нове. Это было причиной, что провинціи, лежащія на твердой землѣ, долѣе подверженныя опасности, стали болѣе и болѣе приближаться къ Карлу-Альберту, возлагая на него свои надежды и мольбы. Если это было цѣлью Карла-Альберта, то онъ достигъ ее; но къ несчастію граница была совершенно не защищена.

XI.

Венеціянское правительство не переставало изъявлять провинціямъ самыя живыя о нихъ заботы и просило взаимнаго довѣрія для общаго блага. 10 апрѣля, консульта, составленная изъ депутатовъ, по три отъ каждой провинціи, способствовала своими совѣтами дѣйствіямъ временнаго правительства и подготовляла законъ о выборахъ. Въ первомъ засѣданіи президентъ Джіакомо Бюзани извѣстилъ съ глубокимъ сожалѣніемъ о неприсылкѣ депутатовъ изъ Тревизы. 20-го, комитетъ Виченцы адресовалъ прямо на имя Карла-Альберта прошеніе въ слѣдующихъ почтительныхъ и краснорѣчивыхъ выраженіяхъ: „Правительство республики крѣпко держало власть въ своихъ рукахъ, но оно хорошо понимало, что въ періодъ столь жестокой войны нужно каждой провинціи предоставить наиболѣе полную иниціативу дѣйствій и свободное распоряженіе своими финансами. Оно раздавало имъ, по возможности, оружіе и снаряды. Оно заботилось о томъ, чтобы сгруппировать ихъ около одного общаго центра. Оно взывало къ жертвамъ, принося въ примѣръ свою жизнь, оно призывало къ единству, умоляло не производить разъединенія, которымъ бы непріятель могъ воспользоваться, умоляло изгнать изъ прекрасной благословенной страны несогласіе, проклятія, которыми заражень былъ воздухъ и полны всѣ сердца.“

Подобныя патріотическія увѣщанія уничтожали готовые появиться раздоры, успокоивали умы. Но непріятель прибли-

ближался и каждый шагъ его, вслѣдствіе необходимости защиты, привлекалъ жителей нѣкоторыхъ мѣстностей къ королю, ихъ покинувшему.

XII.

Удино угрожаемый непріятелемъ ежеминутно возобновлялъ свои просьбы о помощи Венеціи. Правительство республики посылало курьера за курьеромъ въ лагерь Карла-Альберта для извѣщенія объ опасности и ходѣ дѣлъ, представляло самыя настойчивыя просьбы генералу Дурандо, чтобы онъ поспѣшилъ охранить линію Изонцо, открытую для непріятеля; чтобы онъ противоставилъ свои регулярныя войска регулярнымъ войскамъ непріятеля. „Здѣсь дѣло идетъ о чести піемонтцевъ и римлянъ, о чести итальянскаго имени. Если храбрые жители Фріуля, столь честно послужившіе отечеству, будутъ оставлены на защиту одного только ихъ мужества, если непріятелю будетъ предоставлена свобода дѣлать жестокости, то не будетъ-ли этимъ дано право всей Европѣ думать, что въ этомъ замѣчательномъ движеніи Италіи недоставало доброй воли и согласія.“

Въ такомъ отчаянномъ положеніи правительство республики призывало къ себѣ на помощь всѣ народы Италіи и преимущественно Миланцевъ. Миланское правительство отвѣчало, что оно посылаетъ королю депешу за депешей; что оно учредило коммиссію для защиты Венеціи, приготовляющую средства къ оборонѣ; что оно приглашало прибывшій 25-го въ Павію батальонъ, сформированный въ Парижѣ итальянской ассоціаціей, состоящій изъ 500 волонтеровъ, подъ командою храбраго генерала Антонини, немедленно отправиться въ Венецію на паровой лодкѣ, которая должна была спуститься по теченію По. Миланское временное правительство вручило управленіе всѣми дѣлами Карлу-Альберту, не зная какъ лучше и полнѣе выразить свое сочувствіе къ Венеціи.

XIII.

Опасность все болѣе и болѣе увеличивалась. Непріятель перешелъ Изонцо. Каждый городъ готовился къ оборонѣ; каждый гражданинъ точилъ оружіе, собиралъ снаряды, брался за ружье. Генералъ Ла-Мармора хочетъ устроить отрядъ венеціянскихъ волонтеровъ, но для этого недостаточны одно мужество и готовность умереть. Надо было, чтобъ Карлъ-Альбертъ отпустилъ корпусъ генерала Дурандо. Онъ одинъ могъ вступить въ серьезную борьбу съ непріятелемъ. Венеціянское правительство рѣшилось на слѣдующія два рѣшительныя дѣйствія: 20-го числа, Альбертъ отъ своего имени извѣстилъ Дурандо о скоромъ нападеніи генерала Нюгента. Въ ночь, съ 22 на 23, Палеокана, министръ внутреннихъ дѣлъ и публичныхъ работъ, отправился въ лагерь Карла-Альберта, „съ порученіемъ снова и настойчиво просить о посылкѣ въ Фріуль обѣщанной помощи, и устранить вредъ, происшедшій отъ ошибки, основанной на ожиданіи Дурандо, направлявшагося на Остиглію.“ На случай, еслибы король хотѣлъ узнать, желаютъ ли венеціянцы оставить республиканскую форму правленія и вступить въ составъ государства верхней Италіи, онъ долженъ дать слѣдующій отвѣтъ: „собраніе депутатовъ, уже созванное, разрѣшитъ этотъ вопросъ, а временное правительство приведетъ въ исполненіе его рѣшеніе.“

И такъ венеціянское правительство, вслѣдствіе необходимости защиты страны, было увлечено по той же дорогѣ, какъ и Ломбардія: оно видѣло себя принужденнымъ призвать сардинскую армію и сардинскій флотъ, также какъ и вспомогательныя войска союзныхъ государей, находившіяся подъ командой Карла-Альберта. Только быстрое прибытіе неаполитанской арміи и флота могло измѣнить положеніе дѣлъ. Но въ столь важную минуту генералъ Пепе еще не оставлялъ Неа-

поля и первый шагъ къ основанію королевства въ верхней Италіи былъ сдѣланъ. Политика Карла-Альберта и его приверженцевъ, если только она имъ принадлежала, увѣнчалась бы полнымъ успѣхомъ, если бы средство къ ея достиженію не было первымъ и гибельнымъ ударомъ дѣлу Италіи. Было-ли это слѣдствіемъ небрежности, или разсчета? Оставить границы безъ защиты и Венецію на жертву вторженія—было грустнымъ фактомъ, гибельныя послѣдствія котораго должны были тяготѣть надъ судьбами Италіи.

XIV.

Карлъ-Альбертъ не долженъ нести на себѣ всей отвѣтственности за медленность и нерѣшительность своихъ дѣйствій. Противъ него была сила не одной Германіи: онъ имѣлъ передъ собой и вокругъ себя сѣти, раставленныя англійской дипломаціей, которыя душили его. Англія долгое время служила ему поддержкой противъ Австріи; на Англію онъ разсчитывалъ, какъ на послѣднее убѣжище въ случаѣ неудачи, потому что онъ ни въ какомъ случаѣ не желалъ отдать свою судьбу во власть французской республики. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ тѣмъ болѣе слушаться ея совѣтовъ, чѣмъ болѣе отдалялся отъ нея. Причиной этой принужденной угодливости были прежде оказанныя услуги и надежды на будущія. Все это ясно видно въ корреспонденціи французскаго посланника:

„Съ самаго прибытія моего въ Туринъ, 20 апрѣля, я удивлялся и безпокоился о той безпечности, которую заявляло сардинское правительство въ его взглядѣ на исходъ войны, на которую затрачены всѣ источники, гдѣ самая судьба его зависитъ отъ случайности сраженія. Недовѣріе къ республикѣ, отъ котораго піемонтское правительство не отступало ни на одну минуту, для меня вполнѣ непонятно.... Нескром-

ность объяснила мнѣ однакожъ тайну.... Англія, порицая вооруженное вмѣшательство короля, объявила, что неприкосновенность сардинской территоріи необходима для Европы и что покуда война будетъ чисто итальянскою и республика не вмѣшается въ нее, то побѣдоносные австрійцы не перейдутъ Тессина."

„....Это увѣреніе, данное лордомъ Понсоби еще въ Вѣнѣ сардинскому посланику Риччи, было столько разъ подтверждено впослѣдствіи формальнымъ образомъ, что здѣшнее министерство убѣждено въ томъ, что Англія сдержитъ свое слово."

Карлъ-Альбертъ, гарантированный Англіей въ цѣлости своихъ владѣній, былъ вынужденъ ею на перемиріе съ Австріей; могъ ли онъ отказать ей, не разсмотрѣвши и не обсудивши этого предложенія?

XV.

„Любезный другъ, лордъ Пальмерстонъ, писалъ 15 апрѣля графъ Дитрихштейнъ, вы видѣли изъ депеши графа Фикельмонта, отъ 5-го этого мѣсяца, копію съ которой я препроводилъ къ вамъ, что правительство рѣшилось послать императорскаго коммиссара въ Ломбардо-Венеціянское королевство, *поручивъ ему вступить въ переговоры о мирѣ на самыхъ широкихъ основаніяхъ*, которыя суть естественнымъ и желаемымъ слѣдствіемъ новой политической системы принятой Австріей. Это соглашеніе невозможно, пока обѣ вооруженныя стороны стоятъ другъ противъ друга въ ожиданіи столкновенія. Прежде всего необходимо добиться прекращенія непріязненныхъ дѣйствій, чего можно легко достигнуть вашимъ вліяніемъ на различные итальянскіе дворы.

„Сочувствуя этому желанію, которое я осмѣливаюсь выразить въ моемъ письмѣ, вы сдѣлаете большую услугу, устра-

нял возможность всеобщей войны, которая грозитъ произойти отъ столкновенія на итальянской землѣ.

„Примите и т. д.

„Дитрихштейнъ".

Просьба была принята Англіей и лордъ Минто отправился изъ Рима въ лагерь Карла-Альберта, гдѣ уже находился папскій легатъ, монсиньоръ Корболи; между тѣмъ какъ уполномоченный Австріи, графъ Гартигъ отправился въ Гориціо, откуда, 19 апрѣля, онъ обратился къ ломбардо-венеціянцамъ съ примирительнымъ манифестомъ, обѣщая имъ удовлетворенія требованій свободы и желаній народностей.

XVI.

Историку не остается болѣе ничего, какъ прослѣдить оффиціяльные документы: „Прибытіе лорда Минто — говоритъ уполномоченный Франціи, — присутствіе монсиньора Корболи въ главной квартирѣ, положеніе принятое Радецкимъ, очевидно разсчитанное замедленіе Дурандо, странная незначительность тосканскаго и неаполитанскаго контингентовъ, очевидная нерѣшительность Карла-Альберта, все это должно возбуждать серьезныя безпокойства. Я подозрѣваю въ этомъ общія происки Англіи, Австріи и Рима...."

Онъ писалъ еще, отъ 27 апрѣля: „сегодня утромъ вполнѣ подтвердились и уяснились мои подозрѣнія. Сегодня вполнѣ подтвердилось, что Австрія, Англія и Римъ вошли въ соглашеніе для устройства дѣлъ полуострова по своему, безъ участія французской республики.

„Лордъ Минто отправился изъ Рима въ Туринъ, по полученіи депеши, привезенной на англійскомъ пароходѣ изъ Трієста въ Анкону. Онъ визировалъ у меня паспортъ для своего отправленія во Францію, но онъ ѣдетъ въ лагерь, а

не во Францію; тамъ онъ найдетъ Корболи и если не австрійскихъ коммиссаровъ, то инструкціи, въ которыхъ будутъ выражены ультиматумъ и желанія Австріи.

„Аберкромби читалъ сардинскому министерству ноту лорда Пальмерстона, въ которой вооруженное вмѣшательство Карла Альберта осуждается какъ дѣйствіе неполитическое и почти безумное; въ нотѣ приглашаютъ короля остановиться на половинѣ дороги; пытаются устрашить его и заканчиваютъ объявленіемъ, что для него всего лучше выслушать предложеніе Гартига и согласиться на перемиріе, удобное для обсужденія его предложеній.

„Воля Англіи ясно выражена: она во что бы то ни стало желаетъ помѣшать республикѣ вмѣшаться въ дѣла. Она желаетъ полюбовнаго соглашенія съ Австріей при посредствѣ взаимныхъ уступокъ....

„Можетъ быть Парма и Модена обѣщаны Карлу-Альберту за измѣну дѣлу Италіи.

„Я увѣренъ, что піемонтское министерство не согласится на подобный безстыдный поступокъ. Министры послали Бальбо, своего президента, въ главную квартиру, и въ энергической депешѣ къ королю ясно высказали свои убѣжденія и обѣщанія выйти въ отставку, въ случаѣ если послѣдній вступитъ въ переговоры съ Австріей прежде ихъ окончательнаго изгнанія, или же заключитъ перемиріе, которое дастъ Радецкому время получить ожидаемыя имъ подкрѣпленія.

„Я увѣренъ, что какъ скоро эти переговоры сдѣлаются извѣстны всей странѣ,—общественное мнѣніе такъ возстанетъ противъ Карла Альберта, что Савойская династія навсегда лишится своего значенія.

„Между тѣмъ извѣстно, что сегодня приступлено къ переговорамъ.“

XVII.

Въ лагерѣ Карла-Альберта шли переговоры, но онъ казался въ нерѣшимости, потому что совѣтъ министровъ считалъ необходимымъ принять энергическія мѣры.

Устоитъ ли король противъ окружающихъ его вредныхъ вліяній? Остановится ли онъ на дорогѣ, по которой пошелъ, слушая совѣты и обѣщанія Англіи. Его, можетъ быть, будутъ устрашать европейской войной и французской республикой и въ то же время обнадеживать присоединеніемъ къ его королевству герцоргствъ Пармы, Модены и даже Ломбардіи. Пусть намъ разскажетъ о результатѣ этихъ переговоровъ тотъ самый, кто былъ оффиціальнымъ докладчикомъ французкаго правительства и кто съ такимъ усердіемъ и искусствомъ исполнялъ свое порученіе.

„Все, что я вамъ сообщилъ объ уловкахъ Англіи, Рима и Австріи, было вполнѣ справедливо; но преступное потворство, въ которомъ я заподозрѣвалъ Карла-Альберта, несправедливо. На депеши, отправленныя къ нему министрами, въ которыхъ Англія предлагала свое посредничество, съ обѣщаніемъ гарантировать не только цѣлость піемонтскихъ владѣній, но и присоединеніе герцогствъ Пармы и Модены, — въ случаѣ, если король согласится прекратить борьбу,—Карлъ-Альбертъ отвѣчалъ отказомъ въ перемиріи, сообщилъ правительству о полученныхъ имъ предложеніяхъ и объявилъ оффиціальнымъ образомъ, что онъ вступитъ въ переговоры только по изгнаніи австрійцевъ изъ Италіи.

„Карлъ-Альбертъ давно слылъ за человѣка способнаго стать во главѣ движенія, — послѣ этого обстоятельства онъ сталъ въ глазахъ всѣхъ человѣкомъ необходимымъ.

„Временное миланское правительство, до сихъ поръ разъединенное, открыто и ясно высказало свое согласіе, за исклю-

ченіемъ одного изъ своихъ членовъ, Гверріери, на присоединеніе Ломбардіи къ конституціонной піемонтской монархіи.“

XVIII.

Карлъ-Альбертъ освободился отъ гибельнаго вліянія англійской дипломаціи; но причины его нерѣшительности еще не были вполнѣ устранены. Онъ былъ королемъ, но не полководцемъ. Какъ король, онъ охотно выслушивалъ лесть, мысли и мнѣнія, которыя его поглощали и прежде и теперь; онъ не могъ въ нѣсколько дней отвыкнуть отъ старыхъ привычекъ; необходимость личнаго спасенія все еще дѣйствовала на его религіозныя убѣжденія. Какъ полководцу, ему не доставало опытности; онъ былъ храбръ, но не имѣлъ военнаго генія; у него была воля, но не было иниціативы; у него былъ инстинктъ къ войнѣ, но не было научныхъ познаній; онъ былъ храбръ, какъ солдатъ, но не былъ смѣлъ, какъ полководецъ, и къ несчастію войска подозрѣвали его несостоятельность какъ полководца, а непріятель угадывалъ этотъ недостатокъ.

Армія его была составлена изъ старыхъ офицеровъ, которымъ тридцатичетырехлѣтній миръ не слишкомъ способствовалъ къ развитію воинскихъ способностей; изъ молодыхъ офицеровъ, изнуренныхъ бездѣйствіемъ гарнизонной службы, храбрыхъ, какъ всѣ піемонтцы и савойцы, но неискусныхъ въ военномъ дѣлѣ, и изъ солдатъ непривыкшихъ къ большимъ маневрамъ. „Войдя въ Ломбардію, говоритъ Каттанео, они не имѣли военныхъ картъ и плановъ.“ Надо было пополнять то, чего не доставало, изученіемъ и догадками, а время между тѣмъ уходило.

XIX.

Многіе изъ лучшихъ офицеровъ составили въ это время, и послѣ того, планы военныхъ дѣйствій для піемонтской арміи. Въ цѣломъ планы эти разнятся, но сходятся совершенно въ томъ, что касается Тироля и Фріуля, двухъ единственныхъ путей, которыми австрійская армія могла получать подкрѣпленія, будучи заперта въ своемъ четырехъугольникѣ. Запереть долины, которыя спускаются отъ горныхъ кряжей въ равнину, пресѣчь дороги въ Тироль, укрѣпить линію Изонцо, сдѣлать невозможными сообщенія съ Германіей,—все это значило принудить австрійскую армію къ отступленію, если она не желаетъ подвергнуться пораженію. Радецкій понялъ это, но король не понялъ.

Радецкій тотчасъ отдѣлилъ отъ своей арміи значительные отряды для охраненія Ровередо и Тренто, между тѣмъ какъ Нюгентъ торопился завладѣть Фріулемъ.

Итальянскій Тироль, готовый возстать, нуждался въ поддержкѣ нѣсколькихъ батальоновъ; всѣ укрѣпленныя мѣста и крѣпости Фріуля, находившіяся во власти жителей, при небольшой помощи, могли сдѣлаться средствомъ грозной защиты. Карлъ-Альбертъ оставлялъ Тироль безъ помощи, изъ боязни окомпроментировать себя передъ лицомъ Германскаго Союза и, вслѣдствіе своего узкаго политическаго взгляда, оставилъ Фріуль безъ помощи, за исключеніемъ нѣсколькихъ артиллеристовъ, посланныхъ генералу Цукки. Все что было легко въ началѣ и могло дешево достаться, стало впослѣдствіи, когда король захотѣлъ, невозможнымъ, обставленнымъ разными препятствіями.

Исторія покажетъ намъ, сколько надо было употребить усилій, чтобы опять выиграть время и уменьшить вліяніе непоправимой ошибки.

XX.

Ломбардскіе волонтеры, которые, какъ мы уже видѣли, овладѣли Сало и Гардскимъ озеромъ, достигли до стѣнъ Пескьеры и рѣшились произвести диверсію противъ Тироля. Предъ своимъ отправленіемъ, 10 апрѣля, они рѣшились на смѣлое предпріятіе, счастливо удавшееся въ началѣ, но имѣвшее гибельныя послѣдствія. Они рѣшились неожиданно высадиться у Лацице, позади линіи австрійскихъ войскъ, внезапно овладѣли пороховымъ магазиномъ близь Пескьеры и взяли нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. Воодушевленные этимъ первымъ успѣхомъ, они двинулись по веронской дорогѣ къ Кастель-Ново, городу съ 2,000 жителей, занятому 200 человѣкъ австрійскихъ солдатъ; въ нѣсколько часовъ овладѣли имъ и при содѣйствіи жителей баррикадировали дорогу и городъ. Но 11 числа, 3,000 австрійцевъ, подъ командой генералъ-маіора де-ла-Туръ-е-Таксисъ, аттаковали ихъ и овладѣли баррикадами, не смотря на мужественное сопротивленіе, и заставили ихъ отступить; городъ впалъ во власть безжалостнаго непріятеля, который предалъ его огню, грабежу и убійствамъ. Потеря итальянцевъ простиралась отъ 4 до 500 человѣкъ. Эта отчаянная экспедиція, слишкомъ смѣло предпринятая волонтерами съ помощью слѣпаго самоотверженія жителей, была безполезной жертвой.

XXI.

Мужество волонтеровъ далеко не ослабло подъ вліяніемъ неудачи: они проникли въ Тироль, въ числѣ 2,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на двѣ главныя колонны, одна подъ начальствомъ Арчіони и другая подъ начальствомъ Манара.

Во главѣ экспедиціи шла колонна Арчіони; 13 апрѣля, она прибыла въ Стенико, аттаковала, 14-го, Саркскій мостъ, защищаемый 600 австрійцевъ, которые отбросили непріятеля къ замку Тоблино, откуда они были выбиты 15-го числа. Владѣя Стенико, Арчіони владѣлъ долиною Сарка и могъ обойти Риву, лежащую въ концѣ Гардскаго озера. Не видя себя достаточно сильнымъ для взятія Рива, онъ, дойдя до Веццано, воротился въ Стенико. Манара находился въ Тіоне; ускореннымъ маршемъ онъ идетъ. 18 числа, на Стенико, чтобъ поддержать Арчіони. Австрійскій полковникъ, командовавшій въ Трентѣ бригадой, посланной изъ Вероны, обезоружилъ гражданъ, объявивъ городъ въ осадномъ положеніи, арестовалъ главныхъ предводителей итальянской партіи и возстановилъ другъ противъ друга тирольскихъ итальянцевъ и нѣмцевъ, которые, съ такою же энергіей, какъ и нападающіе, образовали свои роты. Приготовивъ все, австрійцы напали на итальянскія колонны.

19 числа началось сраженіе: Манара занималъ правое крыло, Тибальди центръ, Арчіони лѣвое. — Битва продолжалась три часа; Манара и Тибальди мужественно оборонялись, но роты Арчіони принуждены были уступить превосходнымъ силамъ непріятеля. Императорскія войска заняли Селемо; итальянскіе волонтеры отступили къ Тіоне. Въ это самое время происходили стычки и на другихъ мѣстахъ, съ перемѣннымъ счастьемъ, но не имѣвшія положительнаго результата.

Волонтеры, прибывшіе 20-го въ Тіоне, получили приказъ отъ генерала Аллеманди отступить, чтобы пополнить свои ряды. „Волонтеры не должны ничего предпринимать, писалъ онъ имъ, безъ содѣйствія піемонтской арміи, но въ содѣйствіи этомъ имъ отказано.“ Генералъ просилъ у короля два батальона и четыре орудія, которыхъ послѣдній не считалъ возможнымъ отдѣлить, имѣя въ виду военныя дѣйствія на

Минчіо. Неподдержанная королевскими войсками, экспедиція волонтеровъ имѣла слѣдствіемъ оставленіе безъ защиты жителей, наиболѣе преданныхъ итальянскому дѣлу.

Волонтеры обвиняли въ жестокости полковника Цобеля, нѣмца, разстрѣлявшаго 17 плѣнныхъ.

Отозванные въ Бресчію и Бергамо, волонтеры удалились туда, съ надеждой снова вступить въ борьбу. На упреки въ недостаткѣ дисциплины и въ понесенной волонтерами неудачѣ, на предложенія соединиться съ регулярнымъ корпусомъ піемонтской арміи, небольшое число недовольныхъ разсѣялось и отвѣчало криками: да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ республика! Большая же часть, понимая, что слѣдуетъ, въ виду непріятеля, подчиниться требованіямъ необходимости, осталась въ лагерѣ, дѣйствуя съ одинаковою смѣлостью и храбростью вездѣ, гдѣ нужно было пролить кровь за спасеніе отечества.

Генералы Карла-Альберта смотрѣли неблагосклонно на волонтеровъ, не дѣлали ничего, чтобы ободрить ихъ и не съумѣли воспользоваться ихъ рвеніемъ и смѣлостью. Волонтеры имѣли всѣ достоинства и недостатки вольныхъ партизановъ: увлеченіе и отсутствіе дисциплины, неудержимая храбрость и быстрый упадокъ духа, безразсчетное самоотверженіе и безъосновательное сопротивленіе власти. Ихъ нельзя было подчинить военнымъ законамъ, слишкомъ произвольнымъ, по ихъ взгляду, ихъ можно было только подчинить добровольнымъ правиламъ; средство это было испытано и они жаловались, что это было сдѣлано безъ заявленія имъ малѣйшаго сочувствія, которое должно быть поддерживаемо на полѣ битвы опасностью и общею цѣлью.

XXII.

Венеціянскіе крестоносцы испытали также, 8 апрѣля, неудачу при Монтебелло *), въ стычкѣ съ австрійцами. До-

*) По дорогѣ отъ Вероны къ Виченцѣ, 8 килл. къ сѣв. отъ Леньяно.

вольно сильная колонна, составленная большею частью изъ студентовъ Павіи, Виченцы, Тревизы и изъ нѣсколькихъ ломбардцевъ, смѣло двинулась по веронской дорогѣ, испытывая стычки съ непріятельскими отрядами, 4, 5, 6 апрѣля; 7-го они съ успѣхомъ дрались въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ и утвердились на холмахъ при Соріо, но 8-го аттакованы превосходными силами и сбиты съ позиціи. Причиной этой неудачи была безпечность, незнаніе тактики и неповиновеніе. Послѣ чудесъ храбрости и потери 50 человѣкъ убитыми, они принуждены были отступить въ безпорядкѣ къ Виченцѣ и своимъ появленіемъ произвели на жителей мгновенный паническій страхъ. Около 200 человѣкъ изъ нихъ направились къ Арзиньяно. 28 плѣнныхъ, приведенныхъ въ Верону, были по приказу Радецкаго преданы военному суду, осуждены на смерть и помилованы передъ самымъ исполненіемъ приговора; они были освобождены и 11-го воротились въ Виченцу.

Это дѣло было новымъ доказательствомъ мужества волонтеровъ и необходимости поддерживать ихъ регулярными войсками; оно должно было также показать, что если жители одерживаютъ иногда побѣду надъ регулярными войсками внутри городовъ, въ узкихъ улицахъ, гдѣ каждая баррикада становится крѣпостью, каждый домъ — убѣжищемъ; за то въ открытомъ полѣ наука и дисциплина даютъ всегда перевѣсъ регулярнымъ войскамъ.

XXIII.

Нюгентъ, во главѣ отряда, состоящаго почти изъ 13,000 человѣкъ, съ семьюдесятью орудіями, перешелъ, 16 апрѣля, Изонцо. Торопясь какъ можно скорѣе соединиться съ Радецкимъ, онъ не могъ въ короткое время собрать болѣе значительнаго отряда. Онъ долженъ былъ овладѣть нѣсколькими

укрѣпленными мѣстами, дефилеями, мостами, переправиться чрезъ Тальяменто, Ливенца, Піаве, потомъ черезъ Бренту, прежде чѣмъ дойти до Вероны. Дурандо въ тотъ же самый день, 16, призванный приказомъ Карла-Альберта, перешелъ По, направляясь съ частью папскихъ войскъ въ противоположную сторону, къ Остигліи. Нюгентъ имѣлъ выгоду найти Фріуль подъ защитой только нѣсколькихъ отрядовъ, сформированныхъ подъ командой генерала Цукки, который не могъ оставить Пальма-Нове, защищаемой крестоносцами, городской стражей и жителями, патріотизмъ и мужество которыхъ были недостаточны, чтобы задержать движеніе арміи. Вслѣдствіе этого Нюгентъ быстро шелъ впередъ.

18-го числа онъ подошелъ къ Пальма-Нове и предложилъ ей сдаться, но, увидѣвъ энергическое сопротивленіе Цукки, онъ блокировалъ городъ четырмя батальонами, подъ командой Шварценберга, и, поддерживая его правый флангъ, направился къ Удино. Съ 17 числа волонтеры Удино, Беллуны, Фріуля и Венеціи тщетно отстаивали отъ непріятеля свои позиціи и проходы. Ихъ мужество оказалось безсильнымъ передъ многочисленностью непріятеля. Отозваніе волонтеровъ Беллуны для защиты ихъ города уменьшило ихъ силы. 21-го числа Удино былъ окруженъ непріятелемъ. Народонаселеніе отвѣчало воинственными криками на приглашеніе сдаться. Аттака началась въ 4 часа и кончилась въ семь. Въ продолженіе трехъ часовъ дождь пуль и ядеръ падалъ на городъ, жители котораго не падали духомъ. Но ночью архіепископъ, президентъ комитета и подеста, считая дальнѣйшее сопротивленіе невозможнымъ, соглашаются на выгодныя предложенія Нюгента. Президентъ комитета послалъ Дурандо самыя неотступныя просьбы. Считая его отсутствіе добровольнымъ или вынужденнымъ отказомъ въ помощи, онъ отчаялся въ спасеніи города и принялъ выгодную капитуляцію, подписанную 22-го числа. 23-го чис-

*

ла городъ былъ занятъ австрійцами. Обвиненія въ измѣнѣ посыпались на этотъ поступокъ, вызванный благоразуміемъ, слабостью и необходимостью.

XXIV.

Озопо, небольшой городокъ, осажденный непріятелемъ, но лучше укрѣпленный, отвѣчалъ энергическимъ отказомъ на всякіе переговоры и выдержалъ борьбу съ непоколебимымъ мужествомъ; Беллуна и жители Кадоре отбросили непріятеля, разъяреннаго ихъ сопротивленіемъ. Гордое и воинственное племя горцевъ, расположенное между Фріулемъ и Тиролемъ и блокированное со всѣхъ сторонъ, мужественно оборонялось противъ непріятеля. Многочисленныя попытки, произведенныя протихъ нихъ на семи различныхъ пунктахъ, были отражены ихъ стойкостью. Не имѣя возможности побѣдить, австрійцы окружили ихъ со всѣхъ сторонъ.

27-го числа, Нюгентъ былъ въ Тальяменто. Семнадцать аркъ большаго моста были сожжены; три дня было употреблено на ихъ возобновленіе и на фуражировку въ окрестностяхъ, чтобы составить значительный запасъ съѣстныхъ припасовъ для арміи Радецкаго. 30-го числа главный отрядъ его войскъ перешелъ рѣку, не встрѣтивъ сопротивленія. Главная квартира была учреждена въ Порденоне. Генералъ Вельденъ прошелъ вдоль верхнихъ долинъ, чтобы поддержать правое крыло. Піаве могла представлять весьма важныя препятствія: мостъ былъ отчасти разрушенъ, потоки, увеличенные дождями, задерживали движеніе арміи. 3-го мая, Нюгентъ перенесъ свою главную квартиру въ Конегліо и Піаве; Тревиза и Виченца одни только могли препятствовать его соединенію съ Радецкимъ.

Между тѣмъ какъ Австрійцы укрѣплялись въ Тиролѣ и подвигались въ Фріулѣ, они мало заботились о дипломати-

ческихъ обѣщаніяхъ и объявили блокаду Венеціи, которую поддерживали своими военными судами и пароходами Ллойда, состоявшими изъ трехъ фрегатовъ и четырехъ бриговъ.

XXV.

Дурандо не могъ не видѣть происходившаго вокругъ него, не могъ не слышать криковъ отчаянія, доносившихся изъ Тироля и Венеціи. Его удерживала необходимость организовать достаточныя силы и трудность предпріятія, болѣе серьезнаго, чѣмъ предполагали. Сверхъ того, его задерживали приказанія Карла-Альберта и нерѣшительность папы.

Фикельмонтъ писалъ, 3 мая, графу Дитрихштейну: „....папскія войска получили приказаніе перейти По. Этотъ приказъ, которому столь долго противился папа, ведетъ къ прекращенію съ нимъ нашихъ дипломатическихъ сношеній....“

Карлъ-Альбертъ принялъ, въ ночь съ 22 на 23 апрѣля, министра Палеоккапа, посланнаго изъ Венеціи, съ просьбою о помощи и съ обѣщаніями осуществить надежды короля. Вторженіе австрійцевъ въ Фріулъ пробуждаетъ его энергію. Онъ немедленно отдаетъ Дурандо приказъ воспрепятствовать движенію Нюгента, а сардинскому флоту — отправиться въ Венецію.

Уже 23-го числа Дурандо отрядилъ, по просьбѣ Венеціи, дивизію генерала Феррари и три линейныхъ батальона. 24-го онъ получилъ приказаніе короля и двинулся со всѣми своими войсками на встрѣчу генералу Нюгенту. 28-го числа Феррари былъ въ Ровиго съ 7000 войска; за нимъ слѣдовалъ Дурандо во главѣ десятитысячнаго отряда. 29-го, почти всѣ папскія войска, соединенныя съ волонтерами, находились въ сборѣ въ Тревизѣ, гдѣ главнокомандующій обратился къ своей арміи съ воинственной прокламаціей. Ла-Мармора, образовавшій колонны венеціянскихъ волонтеровъ, учредилъ свою

главную квартиру въ Сцезіано, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Конегліано. Наконецъ итальянскія войска были предъ австрійскими. Только рѣка Піаве раздѣляла ихъ. Однѣ имѣли за собой дисциплину, другіе — горячую любовь къ отечеству и помощь жителей. Силы обѣихъ сторонъ были равны.

При искусствѣ, дѣятельности и самоотверженіи можно было еще надѣяться, если не возвратить потерянное время и взятые города, то по крайней мѣрѣ воспрепятствовать соединенію Нюгента съ главной арміей, — послѣдствія отъ этого были бы громадны.

Въ это время дошла вѣсть объ отправленіи неаполитанскихъ войскъ, подъ командой генерала Пепе и объ отплытіи флота Обѣихъ Сицилій подъ флагомъ адмирала Коза. Должны ли они были принести съ собою увеличеніе силъ и побѣду?

XXVI.

Карлъ-Альбертъ, послѣ успѣховъ 8 и 9 апрѣля, овладѣвши мостами и переправами на Минчіо, перенесъ на правый берегъ ея, въ Вольту, свою главную квартиру. Лѣвый берегъ, въ Валеджіо, занимала бригада. Все теченіе рѣки было въ его распоряженіи.

Радецкій, имѣвшій минутное желаніе вступить 8-го числа въ сраженіе, измѣнилъ свое распоряженіе 9-го числа и занялъ Виллафранку подъ защитой Вероны и Адижа, заботясь только о сосредоточеніи своихъ силъ, о подвозкѣ провіанта и стараясь избѣгать сраженія до прихода ожидаемыхъ имъ подкрѣпленій, чтобы не подвергать австрійскіе интересы въ Италіи случайностямъ сраженія.

Карлъ-Альбертъ ограничился двумя попытками: одной противъ Пескьеры, 13-го числа, не имѣвшей никакого результата, но въ которой король заявилъ личную, геройскую храбрость и приказалъ потомъ начать правильную осаду

Пескьеры; другой—19-го числа противъ Мантуи, неимѣвшей тоже успѣха.

Король, освободясь отъ стѣснявшихъ его дипломатическихъ препятствій, рѣшился наконецъ смѣло дѣйствовать. Онъ приказалъ Дурандо идти противъ Нюгента, арміи своей начать общее движеніе впередъ съ двойною цѣлью: усилить осаду Пескьеры, отрѣзать ее отъ австрійской арміи и овладѣть верхнимъ теченіемъ Адижа. Этимъ движеніемъ можно было отрѣзать и Верону, овладѣть Гардскимъ озеромъ и двумя важными дорогами въ Тироль. Онъ поздно понялъ, но все таки сознялъ необходимость пресѣчь сообщеніе австрійской арміи съ Германіей.

XXVII.

Подъ его командой была армія, состоявшая изъ 60 или 70,000 человѣкъ, собранныхъ къ концу апрѣля. Эта армія была раздѣлена слѣдующимъ образомъ: первый корпусъ въ 25,000 человѣкъ, подъ командой генерала Бава; второй корпусъ въ 25,000, подъ командой генерала Соннаца; резервъ въ 12,000, подъ командой герцога Савойскаго, старшаго сына короля; артиллеріей начальствовалъ второй его сынъ. 10-ый линейный неаполитанскій полкъ прибылъ въ лагерь и вступилъ въ ряды арміи.

Тосканскія войска и волонтеры составляли корпусъ въ 5 или 6 тысячъ человѣкъ, подъ командой генерала Арко-Феррари; 17 апрѣля они перешли По и стали лагеремъ между Монтанарой и Куртатоне, для наблюденія за Мантуей. Римскія и моденскія войска подъ командой Дурандо, находившіяся противъ корпуса Нюгента, дополняли вышеуказанную цифру.

Радецкій командовалъ арміей въ 45,000 человѣкъ, въ число которой входилъ гарнизонъ четырехъ крѣпостей и

13,000 отряда Нюгента, отдѣленнаго и задержаннаго на Піаве. Онъ занялъ позицію на высотахъ, лежащихъ впереди Вероны, поддерживая Пескьеру противъ блокады. Д'Аспръ, со вторымъ корпусомъ австрійской арміи, поддерживалъ его правое крыло, составленное изъ бригады Сигизмонда, стоявшей у Пастринго и расположенной по гребню холмовъ, прикрывающихъ сообщеніе съ Тиролемъ; лѣвое крыло, состоявшее изъ бригады Вольгемюта, занимало Паленго и Колу. Первый корпусъ, подъ командой генерала Вратислава, былъ расположенъ эшелонами позади лѣваго крыла втораго корпуса, имѣя свой флангъ расположеннымъ по направленію къ Сандрѣ, Санъ-Джустинѣ, Сонѣ и Сомма-Кампаньѣ, и такимъ образомъ пересѣкалъ своимъ правымъ крыломъ дорогу изъ Пескьеры въ Верону.

XXVIII.

Піемонтская армія начала свое наступательное движеніе утромъ 26 апрѣля. Первый корпусъ перешелъ по мосту у Гоито, второй — по мостамъ Монцамбано и Боргето, дефилируя лѣвый берегъ Минчіо и имѣя правое крыло во главѣ колонны. Первый корпусъ остановился у Ровербеллы, второй въ Виллафранкѣ, оставивъ позади себя четвертую дивизію для усиленія блокады Пескьеры, уже начатой одной изъ бригадъ на правомъ берегу Минчіо. Это движеніе піемонтской арміи угрожало лѣвому непріятельскому крылу.

Первый корпусъ австрійской арміи, составлявшій второй эшелонъ боевой линіи, видя въ опасности свое лѣвое крыло, отступилъ. Онъ оставилъ высоты и образовалъ боевую линію между Буссоленго и Санта-Лучіей изъ бригадъ Таксиса, Рата, Шафгосша и Лихтенштейна. Генералъ д'Аспръ сохранилъ свою позицію.

27-го числа, піемонтцы оставались въ бездѣйствіи. 28-го, колонна втораго корпуса двинулась влѣво и заняла высоты

Санъ-Джустино и Палаццоло; между тѣмъ генералъ Безъ съ четвертой дивизіей пошелъ на Кола и Пасенго для усиленія блокады Пескьеры и наткнулся на лѣвое крыло генерала д'Аспра. Д'Аспръ, видя непріятеля въ Джустинѣ и Палаццоло, стянулъ свои силы къ правому крылу и сосредоточился въ Пастренго.

Въ тотъ же день Бава послѣдовалъ за третьей дивизіей и занялъ высоты Кустозы, Сомма-Кампаньи и Соны. Резервъ держался сзади центра главной линіи въ Гвасталлѣ и Оліози; кавалерія была расположена въ Санъ-Джіоржіо-инъ-Саличе.

Безъ обложилъ вполнѣ Пескьеру; третья дивизія развернулась до Сандры, сохраняя съ Безомъ сообщеніе.

29-го числа, австрійскій генералъ Таксисъ аттаковалъ Піемонтцевъ въ Сандрѣ, но послѣ шести-часоваго жестокаго сраженія, былъ мужественно отбитъ.

XXIX.

Д'Аспръ, сосредоточившись въ Пастренго, тѣснилъ лѣвое крыло піемонтской арміи. Король рѣшился напасть на него. Вслѣдствіе этого онъ далъ приказъ генералу Соннацу, командиру втораго корпуса, подкрѣпленнаго резервомъ и бригадой Реджина перваго корпуса, идти на Пастренго. Третья дивизія, поддерживаемая гвардейскою бригадою, оставила Санъ-Джустино и пошла на непріятеля. Генералъ Авирнацъ съ бригадами Кунео и Реджина вышелъ изъ Сандры, между тѣмъ какъ Безъ съ піемонтской бригадой двинулся изъ Колы. Вся армія двинулась на непріятеля.

Третья дивизія стремительно бросилась на непріятеля и начала гнать его съ одного холма на другой. Лѣвое крыло, задержанное препятствіями мѣстности, подошло къ подножію холмовъ, господствующихъ надъ Пастренго и начало всходить на высоты. Австрійцы ждали ихъ и встрѣтили выстрѣ-

лами въ упоръ. Піемонтцы поколебались на минуту, но три эскадрона карабинеровъ стремительно бросились впередъ; за ними вскорѣ послѣдовала вся линія войскъ, и высоты были заняты.

Радецкій прибылъ самъ на мѣсто сраженія; онъ старался поддержать д'Аспра, двинуть лѣвое крыло арміи на поддержку праваго, но всѣ усилія его были тщетны, потому что одна изъ колоннъ, шедшая по веронской дорогѣ, была остановлена, аттакована картечнымъ огнемъ кавалерійской бригады и отброшена. Другая колонна, шедшая съ тою же цѣлью, столкнулась въ Сонѣ и Соммѣ-Кампаньѣ съ первымъ корпусомъ піемонтской арміи и была принуждена отступить. Д'Аспръ, не получая ожидаемой имъ помощи, рѣшился оставить свою позицію, понеся огромныя потери. Батальонъ стрѣлковъ, спустившійся изъ Тироля, занялъ позицію у Понтоне для прикрытія отступленія австрійскихъ войскъ къ Веронѣ.

Въ этотъ же день непріятель произвелъ вылазку изъ Пескьеры, но былъ немедленно отброшенъ назадъ въ крѣпость.

XXX.

Піемонтская армія одержала славную побѣду надъ австрійской; отбросила послѣднюю къ Веронѣ и овладѣла правымъ берегомъ всего теченія Адижа. Послѣ этого успѣха положеніе піемонтской арміи было прекрасно: она занимала всѣ гребни холмовъ, простирающихся отъ Пастренго къ Кустозѣ; одна дивизія окончательно блокировала Пескьеру; батальонъ 10-го неаполитанскаго полка былъ въ Гоито; Тосканцы, наблюдавшіе за Мантуей, окопались въ Монтанарѣ и Куртатоне.

Радецкій расположилъ свою армію вдоль кривой линіи, образуемой деревнями Кіево, Кроче-Біанка, Сан-Массимино,

Сан-Лучіа и Комба; вогнутую часть этой кривой линіи представляетъ Верона. Генералъ д'Аспръ былъ въ Кроче-Біанкѣ, Вратиславъ въ Сан-Лучіѣ. Радецкій сохранилъ въ рукахъ своихъ весь лѣвый берегъ Адижа, а слѣдственно и прямую дорогу въ Тироль.

Военный историкъ Пизакане, хотя и мало расположенный къ альбертинской партіи, одобряетъ однакожъ дѣйствія короля, не воспользовавшагося перевѣсомъ своимъ надъ д'Аспромъ и не рѣшившагося преслѣдовать послѣдняго, что могло бы подвергнуть Піемонтцевъ случайности перехода австрійской арміи изъ оборонительнаго въ наступательное движеніе, безъ всякой вѣроятности значительнаго успѣха. Историкъ Фарини, расположенный къ Карлу-Альберту, говоритъ о доводахъ военныхъ людей, утверждающихъ, что король не извлекъ изъ своей побѣды тѣхъ выгодъ, которыя могъ и долженъ былъ извлечь. Оставалось еще два часа дня; этого времени было довольно, чтобы броситься къ Адижу за отступавшимъ непріятелемъ, тревожить его, отбросить въ долину, пресѣчь ему всѣ сообщенія и одержать полную побѣду.

Король провелъ ночь въ Сан-Джустина. На другой день онъ былъ въ Буссоленго, занятомъ дивизіей Брогліа, потомъ достигъ до Понтоне и съ удовольствіемъ увидѣлъ правый берегъ Адижа вполнѣ очищенный непріятелемъ, перешедшимъ на лѣвый берегъ.

Сраженіе продолжалось шесть часовъ. Итальянцы вели себя храбро съ полной дисциплиной и понесли небольшія потери. Генералы выказали рѣшимость, король — мужество и присутствіе духа. Австрійцы потеряли 1200 человѣкъ убитыми и ранеными, и отъ 400—500 плѣнными.

XXXI.

Это сраженіе, получившее названіе Пастренго, отозвалось во всей Италіи. Радость была всеобщая. Побѣда возвысила

положеніе Карла-Альберта, ослабила оппозицію, произвела въ его партизанахъ въ Ломбардіи, Монедѣ, Пармѣ и Пьяченцѣ рѣшимость ускорить избраніе его въ государи. Флотъ отправился для поддержки Венеціи. Итальянскіе государи, связанные отнынѣ съ успѣхомъ итальянскаго дѣла, увидѣли себя принужденными своими же народами отдать свои войска на службу его честолюбія. Карлъ-Альбертъ находился въ апогеѣ своего счастія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Начало реакціи во Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ въ самую минуту успѣха. — Тосканское правительство подавляетъ національное движеніе. — Папская область: папа окруженъ вліяніями, враждебными итальянской войнѣ.—Волненіе въ Римѣ. — Гетто. — Нерѣшимость Пія IX. — Совѣты. — Католическая Германія противъ папы. — Угрозы раскола. — Борьба министровъ противъ враждебныхъ вліяній. — Адресъ министровъ Пію IX для побужденія его къ принятію опредѣленной политики. — Пій IX сохраняетъ молчаніе. — Рѣчь папы въ секретной консисторіи, 29 апрѣля.—Онъ отрекается отъ итальянской войны. — Онъ не признаетъ прошедшаго. — Изумленіе въ Римѣ. — Манифестація. — Пій IX колеблется. — Попытки депутатовъ итальянскаго сейма, находившихся въ Римѣ. — Отставка министровъ. — Облегчительныя средства. — Слово Пія IX потеряло свое значеніе. — Кризисъ продолжается. — Замѣчательный адресъ сената (муниципалитета) Пію IX. — Адресъ городской стражи. — Маміани уполномоченъ составить министерство. — Его программа. — Волненіе возбужденное въ Италіи рѣчью 29 апрѣля. — Пій IX пытается взять на себя роль примирителя. — Его письмо къ австрійскому императору. — Потеря вліянія Піемъ IX. — Временное французское правительство удерживается отъ вмѣшательства въ судьбу полуострова волею почти всей Италіи.

I.

Піемонтская и ломбардская армія два раза одержала верхъ надъ австрійской. Первый ударъ оружія, первый громъ пушки не привелъ въ изумленіе войска, еще не испытавшія огня сраженія, а напротивъ воодушевилъ и увлекъ ихъ. Была возможность загладить прежнюю медленность и ошибки. Надежда освобожденія Италіи заблистала новымъ свѣтомъ. Римъ,

Флоренція едва только начинали дѣйствовать; Неаполь былъ еще позади. Когда ихъ батальоны, увеличенные патріотизмомъ, ворвутся густыми рядами въ провинціи, захваченныя силою; когда сардинскій и неаполитанскій флоты явятся въ Адріатическомъ морѣ, чтобы уничтожить нѣсколько австрійскихъ судовъ и угрожать Тріесту, — тогда слова „l'Italia farà da se!“ будутъ истиной, доказанной фактами передъ лицемъ всей Европы, свидѣтельницы величественнаго зрѣлища народа, который разрываетъ свои цѣпи и занимаетъ свое мѣсто среди другихъ великихъ націй. Но, къ несчастію, въ ту минуту, когда передъ глазами Италіи начинало открываться ея будущее, когда она близко видѣла свою цѣль, — въ это время во Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ начинаютъ волноваться страсти, возставать побѣжденныя партіи, вмѣшиваться интриги, провинціальные интересы, мѣстныя соперничества, ревность государей; въ то же время совѣты дипломаціи начинаютъ дѣйствовать на людей боязливыхъ. Отказъ піемонтскаго короля отъ участія въ итальянской лигѣ порождаетъ глухіе толки: это личина, за которой скрывается безграничное самолюбіе. Являются новые предлоги къ обвиненію и вмѣстѣ съ этимъ рождаются новыя затрудненія. Леопольдъ, Пій IX, Фердинандъ лавируютъ, сопротивляются, отступаютъ назадъ. — Бѣдная Италія!

II.

Великій герцогъ Тосканскій не только не исполнилъ объявленнаго имъ укомплектованія арміи до надлежащей численности, но, напротивъ, старался еще замедлить формированіе волонтерскаго легіона. „Въ одинъ прекрасный день, говоритъ Монтанелли, онъ объявилъ распущеніе волонтеровъ. Узнавъ въ Реджіо объ этомъ гибельномъ декретѣ, мужественные молодые люди, ободряемые храбрымъ городскимъ населеніемъ,

объявили, что они не только не воротятся назадъ, но что, если правительство будетъ упорствовать въ своемъ нежеланіи послать ихъ въ Ломбардію, то они пойдутъ туда сами по себѣ и на свои собственныя издержки". Этотъ протестъ заставилъ уничтожить декретъ, не уничтоживъ надежды правительства достичь своей цѣли другими средствами.... Тосканское правительство не посылало никакого пособія ни людьми, ни деньгами; оно ограничилось наборомъ двухъ тысячъ человѣкъ изъ росписи 1849; увеличеніемъ городскихъ повинностей на одну треть, срокомъ на одинъ годъ, небольшимъ уменьшеніемъ жалованья чиновникамъ и открытіемъ добровольнаго займа въ шетьсотъ тысячъ талеровъ.... Все это было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, чего требовало отечество.... Уже были въ виду непріятеля, а сундуки съ аммуниціей еще не прибыли, волонтеры спали безъ плащей, подъ открытымъ небомъ, среди вреднаго воздуха мантуанскихъ болотъ.

III.

Въ Римѣ особенно увеличивались тайные происки. Переходъ власти отъ духовенства къ свѣтскихъ лицамъ совершался не совсѣмъ покойно, не безъ явнаго и скрытаго сопротивленія. Кардиналы, окружавшіе папу, какъ главу церкви, не могли смотрѣть благопріятно на учрежденія, лишавшія ихъ свѣтской власти. Между ними было много сговорчивыхъ людей, которые уступали силѣ обстоятельствъ и желаніямъ отечества, но многіе не переставали противодѣйствовать революціи; одни — воодушевленные вѣрою, своими принципами, другіе — побуждаемые алчностію, сожалѣніемъ о потерянномъ положеніи, жаждою мѣстъ и богатствъ. Къ нимъ присоединились члены секты санфедистовъ, пережившіе свое пораженіе и страшившіеся, чтобы правосудіе не освѣтило мракъ ихъ прошедшаго. Всѣ эти павшіе служители ретроградной силы,

соединенные узами взаимной выгоды, благопріятствовали происками австрійскаго, русскаго и англійскаго посланниковъ, направленнымъ противъ національной независимости.

IV.

Предводители движенія, видѣвшіе себя запутанными въ тайныя интриги и народъ, чувствовавшій, хотя и не видѣвшій происковъ, волновались, чтобы уничтожить эти интриги. Предводители составляли кружки, народъ сходился на площадяхъ. Кружки начали оказывать серьезное вліяніе и становились возраженіемъ общественнаго мнѣнія; сами министры часто черпали въ нихъ свое вдохновеніе, уступали ихъ вліянію.

Подлѣ народа и кружковъ блуждали по улицамъ шайки бродягъ и лѣнивыхъ нищихъ, привыкшихъ жить милостынею монастырей, обманывающихъ общественную благотворительность, легко поддающихся на подкупъ, способныхъ на злодѣйство; эти шайки желали смутъ, отъ которыхъ онѣ ожидали выгодъ. 11-го апрѣля, они бросились вдругъ, безъ всякой причины, на площади съ криками отчаянія, заимствованными у ліонскихъ работниковъ и съ требованіями хлѣба или работы. Подоспѣвшая городская стража арестовала изъ нихъ сорокъ человѣкъ, у которыхъ были найдены деньги. Нѣкоторые сознались, что были подкуплены, какъ и за сколько. Началось судебное слѣдствіе. Многія лица, высоко стоявшія, были окомпроментированы. Совѣтъ министровъ хотѣлъ преслѣдовать ихъ, но министръ полиціи посовѣтовалъ прекратить слѣдствіе, и преступленіе осталось не наказаннымъ.

Иногда предводители движеній ускоряли ходъ событій. Папа думалъ облегчить иго стыда и презрѣнія, тяготившее надъ евреями, жившими въ римскомъ кварталѣ Гетто. Если имъ нельзя было даровать политическихъ правъ на томъ основаніи, что еврей не могъ сдѣлаться министромъ государя-первосвящен-

ника христіанской религіи, то онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ избавить ихъ отъ того уничиженія, въ которомъ они прозябали въ Римѣ. Хотя была святая недѣля, но онъ рѣшился, пренебрегая предразсудками, сломать стѣны и двери Гетто. Это сдѣлалось скоро извѣстнымъ въ городѣ, и Чичероваккіо, народный вождь, прибѣжалъ съ своими приверженцами и ночью началъ разрушать стѣны, такъ что фактъ совершился скорѣе по волѣ Чичероваккіо, чѣмъ вслѣдствіе желанія папы.

V.

Пій IX, среди окружавшихъ его страстей, становился все болѣе и болѣе нерѣшителенъ. Мы уже видѣли, въ отверженіи имъ прокламаціи Дурандо, какъ она подѣйствовала на него. Мы видѣли доказательство вліянія австрійцевъ на его рѣшенія. Къ причинамъ уже существовавшимъ, имѣвшимъ вліяніе на его душу, прибавляли новыя, съ которыми обращались къ нему, какъ къ итальянскому государю и какъ главѣ церкви.

Политическіе доводы, представляемые ему, какъ государю, имѣли логическое основаніе и силу. Почему піемонтскій король отказался послать въ Римъ своихъ уполномоченныхъ для составленія итальянской лиги, какъ это сдѣлали король неаполитанскій и великій герцогъ тосканскій? Зачѣмъ на предложенія, столь естественныя, онъ отвѣчаетъ желаніемъ замѣнить ихъ только военнымъ союзомъ? Развѣ это не очевидное доказательство его желанія постепенно овладѣть всей Италіей? Благопріятствовать подобнымъ планамъ, — значитъ желать паденія вашей собственной власти; значитъ вашими собственными руками лишить церковь свѣтской власти надъ одною изъ прекраснѣйшихъ и славнѣйшихъ частей Италіи. Карлъ-Альбертъ желаетъ своимъ вліяніемъ и авторитетомъ замѣнить вашу власть. Вотъ въ чемъ заклю-

чается его единственная цѣль. Не освобожденіе Италіи воодушевляетъ его, бывшаго до сихъ поръ равнодушнымъ къ угнетенію отечества, — его соблазняютъ новыя короны. Онъ желаетъ владѣть Ломбардіей, Венеціей, Пармой, Пьяченцой, Моденой, Сициліей.... Гдѣ же остановится его самолюбіе?

Но если Карлъ-Альбертъ добивается абсолютной монархіи, то чего же желаютъ приверженцы передоваго движенія? — Не основанія ли единой республики во всей Италіи? Развѣ это не значитъ для папы лишеніе вѣчнаго города, разореніе, смерть?

Съ обѣихъ сторонъ одинаковая опасность.

Ничего, кромѣ безпорядка и раздора, не видно въ этомъ судорожномъ движеніи. Самый Неаполь, бывшій до сихъ поръ вѣрнымъ и благочестивымъ союзникомъ, не заявляетъ ли онъ желанія занять крѣпость Анкону? Развѣ это не указываетъ на пробужденіе въ немъ старыхъ претензій, на осуществленіе которыхъ, при переворотахъ, происходящихъ въ Италіи, можно будетъ надѣяться? Теперь время остановиться вамъ на краю этого роковаго увлеченія. Вы уже слишкомъ много сдѣлали для независимости Италіи, для свободы и прогресса. Подумайте о томъ, чтобы не переступить границъ, требуемыхъ осторожностью и благоразуміемъ.

VI.

Потомъ, обращаясь къ папѣ, какъ къ главѣ Церкви прибавляли: весь вопросъ для васъ заключается не только въ потерѣ свѣтской власти — вопросъ безъ сомнѣнія мало значущій для вашего сердца, лишеннаго того самолюбія, которое пожираетъ другихъ, — но здѣсь дѣло идетъ о значеніи Церкви, достоинство которой вы можете уронить. Церковь ввѣрила вамъ священный залогъ своей власти, — и вы хо-

тите предать эту власть! Развѣ вы уроните изъ своихъ слабыхъ рукъ ключи Св. Петра?

Затѣмъ представляли его смущенному сердцу мрачную картину ненависти, рождавшейся противъ него, какъ реформатора, въ Австріи и Германіи. Какъ только разнесся слухъ, что онъ принимаетъ участіе въ войнѣ, противъ него поднялись проклятія, любовь перешла въ ненависть, вѣра — въ богохульство. Епископы и высшія духовныя лица сообщали, черезъ нунція въ Вѣнѣ и австрійскаго посланника, что существуютъ серьезные толки объ отдѣленіи отъ церкви; ему открыто угражали новымъ расколомъ, этимъ нравственнымъ и матерьяльнымъ терзаніемъ для папства.

VII.

Члены министерства 10-го марта тревожили его неспокойную совѣсть и съ трудомъ боролись противъ мучительныхъ чувствъ, ее тревожившихъ. Имъ предстояла не одна борьба съ болѣзненной нерѣшительностью государя-первосвященика,— имъ предстояло еще преодолѣть затрудненія тяготившаго надъ ними кризиса. Они заботились объ устраненіи финансовыхъ затрудненій, приказавъ, по примѣру Франціи, чтобы банковые билеты были принимаемы въ обращеніи, какъ монета; они спѣшили съ новыми законами и съ приготовительными работами для конституціи; на 18-е мая они назначили выборъ депутатовъ. Но если они достигали успѣха въ борьбѣ съ политическими препятствіями, за то не знали, какъ бороться противъ постояннаго безпокойства, овладѣвшаго разсудкомъ Пія IX. Убѣжденные въ томъ, что дальнѣйшая нерѣшимость кончится катастрофой; что единственное средство сохранить авторитетъ папы было продолжать войну за независимость, потому что отказаться отъ нее значило бы подвергнуть опасности спокойствіе государства и будущность духовной власти,

они рѣшились вызвать Пія IX на какое нибудь открытое рѣшеніе. Поддержанные въ своей мысли Росси, и согласно съ мнѣніемъ президента совѣта, кардинала Антонелли, — который, какъ кардиналъ, хотя и былъ лично связанъ обязанностью повиноваться святому отцу, но поддерживалъ это рѣшеніе съ такимъ же жаромъ, какъ и его товарищи, — министры единогласно подписали слѣдующую декларацію, содержаніе которой мы здѣсь приводимъ въ сжатомъ видѣ:

VIII.

„Съ ломбардскимъ возстаніемъ пробудилось живое чувство народности! Повсюду раздался призывъ къ оружію; вездѣ собирались милиціи; всѣ стремились къ борьбѣ съ иностранцемъ! Правительство вашего святѣйшества старается направлять всеобщее движеніе, избѣгая всякаго безпорядка. До сихъ поръ правительство можетъ объяснять совершившіеся факты слѣдующимъ образомъ: войска и легіоны волонтеровъ отправлялись охранять границы папскихъ владѣній, но этого было мало для удовлетворенія народнаго чувства. Армія, прибывшая къ границамъ, требуетъ перехода черезъ нихъ.

„Можно еще разъ уклониться отъ рѣшительнаго объявленія войны, отвѣтивъ, сообразно намѣреніямъ вашего святѣйшества, что въ виду важныхъ обстоятельствъ дѣлается все, что необходимо для безопасности и блага государства. И въ самомъ дѣлѣ подобная инструкція, данная генераламъ, предоставляетъ имъ право перейти По и вступить въ Ломбардію. Министерство не скрывало этого ни отъ страны, ни отъ вашего святѣйшества.

„Но впослѣдствіи нижеподписавшіеся непосредственно и черезъ призедента совѣта тщетно просили ваше святѣйшество опредѣленно выразить свой взглядъ относительно войны и

того рода политики, которому должно слѣдовать. Высказать свое мнѣніе, объ этомъ предметѣ необходимо для безопасности государства. Отъ этого обстоятельства зависитъ наше будущее. Представляя вамъ нѣкоторыя наши соображенія, мы съ душевнымъ безпокойствомъ ожидаемъ вашего рѣшенія. Глава церкви, или государь своихъ владѣній!—Что относится до перваго, то ваше святѣйшество будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ религіи и совѣсти. Въ предѣлахъ же свѣтской власти, стоящей ниже духовной, мы не можемъ оставлять настоящихъ дѣлъ безъ вниманія. Намъ представляются три способа рѣшить вопросъ:

„Или ваше святѣйшество должны согласиться на то, чтобы ваши подданные приняли участіе въ войнѣ.

„Или положительно объявить, что вы не желаете войны.

„Или же наконецъ объявить, что при всемъ желаніи мира вы не можете устранить войны.

„Относительно перваго вопроса, надобно сказать, что министерство смотритъ на войну, какъ на бѣдствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ на единственное для разстроенной Италіи средство скорѣе добиться прочнаго мира, который можетъ явиться только послѣ истиннаго завоеванія ея національности.

„Относительно же втораго рѣшенія, министерство твердо убѣждено, что свѣтская власть папскаго престола будетъ подвержена сильнымъ непріятностямъ; нельзя безъ ужаса подумать о той реакціи и безпорядкахъ, которые произойдутъ черезъ это въ Римѣ и провинціяхъ.

„Остается третье предположеніе: объявить, что ваше святѣйшество противится войнѣ и въ тоже самое время признаетъ невозможность прекятствовать ей. Это равносильно утвержденію анархіи! Это уничтожитъ нравственный авторитетъ власти, и повлечетъ за собой всѣ бѣдствія, которыя могли бы послѣдовать при второмъ рѣшеніи вопроса; отъ этого произойдетъ охлажденіе государей, уныніе волонтеровъ, которые

возвратятся домой, а если останутся въ лагерѣ, это будетъ постыдно для васъ, какъ для государя; связи любви и преданности будутъ разорваны, быть можетъ, на всегда; явится злобное толкованіе вашихъ дѣйствій иностранцами, которые скажутъ, что это обманъ прикрытый словами, ибо правительство объявляетъ о своемъ противодѣйствіи войнѣ и въ тоже время доставляетъ оружіе, боевые припасы и генераловъ, слѣдовательно секретно одобряетъ войну, которой открыто противится.

„Войска, находящіяся на жалованьи и волонтеры, которые послѣ подобнаго обвиненія останутся на другомъ берегу По, будутъ вполнѣ лишены народныхъ правъ, которыя соблюдаются даже въ самыхъ яростныхъ войнахъ, если они были предварительно объявлены. Этихъ людей будутъ считать бандитами, убійцами, хотя и папскими подданными, состоящими подъ командой генераловъ, вами выбранныхъ, носящими ваше знамя и крестъ.

„Нижеподписавшіеся нижайше представляютъ эти соображенія вашему святѣйшеству и, почтительнѣйше преклоняясь, цалуютъ священныя стопы вашего блаженства.

«Римъ, 25-го Апрѣля 1848 г.

«Преданнѣйшіе и покорнѣйшіе подданные:

«Антонелли, Рекки, Мингети, Альдобрандини, Симонетти, Пазолини, Стурбинетти, Галлетти.»

IX.

Предложить Пію IX подобные вопросы и требовать отъ него ихъ рѣшенія, это значило для министровъ вручить власть въ его руки и быть готовыми взять ее снова, если отвѣтъ его будетъ сообразенъ съ ихъ политикой, или, въ противномъ случаѣ, выйти въ отставку. Папа, казалось, былъ тронутъ при чтеніи поднесенной ему декларації министровъ, но не далъ никакого отвѣта.

За день до засѣданія секретной консисторіи, которая должна была собраться 29-го апрѣля, одинъ изъ друзей министровъ сообщилъ членамъ, что посланники: русскій Бутеневъ и австрійскій конфиденціально выразили ему свое удовольствіе въ томъ, что со стороны папы надо ожидать дѣйствія, благопріятнаго для Австріи. Одинъ изъ министровъ откровенно сообщилъ это обстоятельство въ письмѣ къ святому отцу.

Пій IX упорствовалъ въ молчаніи и, не предупредивъ ни министровъ, ни кардинала Антонелли, ни даже любимаго своего племянника, онъ произнесъ, 29-го апрѣля, въ собраніи секретной консисторіи слѣдующую рѣчь:

X.

„Пій IX считаетъ клеветниками тѣхъ, которые утверждаютъ (я говорю это съ ужасомъ), что я уклоняюсь отъ пути своихъ предшественниковъ и ученія церкви, на тѣхъ, которые утверждаютъ, особенно въ германскихъ областяхъ Австріи что римскій первосвященникъ при помощи эммиссаровъ и другими средствами, возбудилъ въ итальянцахъ желаніе произвести уже совершившіяся перемѣны въ ихъ политической жизни, — что́ даетъ поводъ врагамъ католической религіи поселять въ сердце истинныхъ католиковъ чувства мести и ненависти къ святому престолу.

„Чтобы уничтожить поводъ къ подобнымъ несправедливымъ дѣйствіямъ, онъ считаетъ своею обязанностію изложить передъ собраніемъ весь ходъ событій.

„Изложивъ историческій ходъ событій со времени папства Пія VII, сказавъ о знаменитомъ меморандумѣ 1831 и объ уступкахъ Григорія XVI, онъ напоминаетъ о первомъ дѣйствіи своего царствованія, — объ амнистіи, встрѣченной всеобщимъ одобреніемъ и восторженной радостью, умѣрить которую онъ считалъ себя обязаннымъ.

„Всему міру извѣстны общественныя потрясенія въ Италіи и внѣ Италіи; если кто желаетъ утверждать, что причиною этихъ событій были дѣйствія наши, внушенныя намъ въ началѣ нашего царствованія нашею любовью и благосклонностью къ народамъ нашимъ, то тотъ ошибается и не можетъ обвинять насъ ни въ чемъ подобномъ.... Что же касается до тѣхъ, которые употребили во зло наши благодѣянія, мы прощаемъ имъ и молимъ Бога, отца милосерднаго, да отвратитъ Онъ, по милости своей, кару, ожидающую людей неблагодарныхъ.

„Германія не можетъ возставать противъ насъ, потому что намъ невозможно было сдержать рвеніе нашихъ подданныхъ, соединившихъ свои усилія съ усиліями другихъ народовъ Италіи. Европейскіе государи, имѣвшіе болѣе могущественныя арміи, не могли противиться возстанію ихъ народовъ.

„При такомъ положеніи дѣлъ, мы не давали однако войскамъ нашимъ, посланнымъ на границу, другихъ приказаній, кромѣ — охранять неприкосновенность и безопасность папской области.

„Между тѣмъ многіе заявляютъ желаніе видѣть насъ вмѣстѣ съ другими народами и государями Италіи объявляющими войну Германіи; почему мы считаемъ, что наше званіе возлагаетъ на насъ обязанность открыто и ясно изложить въ вашемъ собраніи, какъ мы далеки отъ этого въ нашихъ намѣреніяхъ, мы, въ своемъ недостоинствѣ, занимающіе на землѣ мѣсто Того, Кто созидаетъ миръ. Мы, исполняя обязанность верховной апостольской власти, съ одинакою любовію обнимаемъ всѣ народы и всѣ племена.

„Мы отвергаемъ здѣсь, передъ лицомъ всѣхъ народовъ, вѣроломныя намѣренія тѣхъ, которые въ журналахъ и книгахъ предлагаютъ поставить римскаго священника во главѣ новой республики, составленной изъ всѣхъ народовъ Италіи.

„Потомъ, Пій IX совѣтуетъ согласіе и покорность. Онъ отвергаетъ всякую мысль о личномъ самолюбіи и протестуетъ

противъ тѣхъ, которые желаютъ увлечь его въ войну, соблазняя его увеличеньемъ его земнаго могущества: для него ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ водворить согласіе между сражающимися и утвердить между ними миръ.

„Наконецъ онъ сожалѣетъ о гибельномъ обыкновеніи издавать злые пасквили, въ которыхъ проповѣдуется война противъ нашей святой религіи и добрыхъ нравовъ, раздувается огонь несогласія и гражданскихъ смутъ, въ которыхъ нападаютъ на имущество церкви и на ея самыя священныя права, въ которыхъ люди наиболѣе почтенные осыпаются несправедливыми обвиненіями, и проч. и проч.

„Въ заключеніе, онъ возноситъ молитвы свои къ Богу, да ниспошлетъ Онъ свое покровительство на народы и да соединитъ ихъ узами мира и согласія.

XI.

Эта торжественная декларація папы была отрицаніемъ отъ итальянскаго дѣла. Это былъ настоящій ударъ дѣлу итальянской независимости. Ропотъ негодованія раздавался отовсюду: таковъ то Пій IX, идолъ народовъ, государь реформаторъ, первосвященникъ начинатель! Вотъ каковъ тотъ, который наполнялъ всѣ сердца вѣрою и надеждою, возобновляя въ нихъ религіозныя вѣрованія, ободрялъ угнетенныхъ, протягивалъ руку слабымъ! Онъ, котораго призывали во всѣхъ прокламаціяхъ, просьбахъ, письмахъ, посланіяхъ, публикаціяхъ; онъ, святое имя котораго, начертанное на всѣхъ знаменахъ, возбуждало всеобщее мужество и выходило съ послѣднимъ вздохомъ изъ устъ гражданъ, умиравшихъ на полѣ битвы! Онъ, святое имя котораго было соединено съ свободой и независимостью отечества! Онъ, обожаемый всѣми какъ возстановитель Италіи,—онъ удаляется отъ дѣла, чтобы перейти къ непріятелю! Онъ отрицалъ свое про-

шедшее, свои слова и свои поступки! Онъ оправдывался въ своихъ добрыхъ чувствованіяхъ! Онъ укорялъ себя въ томъ, что зашелъ далеко въ данныхъ реформахъ и отказывалъ въ своемъ содѣйствіи изгнать иностранцевъ, насильно владѣвшихъ полуостровомъ.

Какъ только содержаніе рѣчи сдѣлалось извѣстнымъ въ Римѣ, всеобщее изумленіе овладѣло умами. Никто не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Потомъ изумленіе перешло въ негодованіе; всюду скрытое раздраженіе, глухой гнѣвъ и припадки сдержаннаго изступленія. Министерство подаетъ въ отставку; городская стража берется за оружіе и овладѣваетъ городомъ; политическіе кружки наполняются поспѣшно сбѣжавшимися гражданами; грозныя и сумрачныя толпы устремляются по слѣдамъ своихъ вождей: Чичероваккіо, Стербини, Піеръ-Анжело-Фіорентино и другихъ, ожидая отъ нихъ одного только слова или движенія. Распространившійся слухъ о новой жестокости кроатовъ въ Фріулѣ еще болѣе возбуждаетъ раздраженіе народа. Молодой живописецъ, незадолго до этого отправившійся изъ Рима въ мундирѣ римской національной гвардіи, былъ взятъ въ плѣнъ австрійцами и найденъ повѣшеннымъ на деревѣ, съ надписью на груди слѣдующаго содержанія: *Такъ поступаютъ съ солдатами Пія IX.* Призракъ этого солдата, волонтера итальянскаго дѣла, этой священной жертвы, казался кровавымъ отвѣтомъ на рѣчь Пія IX. Умами всѣхъ овладѣваетъ сожалѣніе и ужасъ. Худо скрытый гнѣвъ, старая ненависть, — все пробудилось противъ священниковъ, этихъ пособниковъ тираніи, друзей чужеземцевъ, враговъ своего отечества! Надо покончить съ измѣнниками! кричатъ наиболѣе воодушевленные. Низложимъ папу въ санъ епископа, это его единственное назначеніе! Захватимъ власть! Спасемъ Римъ отъ козней кардиналовъ! Спасемъ Италію отъ оружія германцевъ!

XII.

Теперь, какъ въ важнѣйшія эпохи жизни народовъ, не безпорядокъ явился на улицахъ, но революція, шедшая мѣрнымъ, непреодолимымъ движеніемъ. Политическіе кружки управляютъ ей. Городская стража владѣетъ городомъ. Городскія ворота заперты. Кардиналы, внушающіе подозрѣніе, задержаны въ своихъ квартирахъ. Кардиналъ Делла-Дженга, желавшій выйти изъ дому, отведенъ обратно. Проносится слухъ, что Пій IX желаетъ уѣхать,—его стерегутъ. Все народонаселеніе бодрствуетъ; во всѣхъ сердцахъ рѣшимость; готовятся учредить временное правительство. Римскіе князья и герцоги, имѣющіе вліяніе, являются въ качествѣ посредниковъ. Доріа, Риньяно, Корсини хлопочутъ безъ устали. Возвращенный изъ изгнанія Маміани, вскорѣ сдѣлавшійся вождемъ за свои страданія, способности, искренній патріотизмъ и заслуженную репутацію, принимаетъ возложенную на него различными кружками обязанность примителя. 30 апрѣля былъ назначенъ Пію IX срокъ измѣнить свое мнѣніе, perchè mutasse consiglio. Письма, адресованныя въ это время кардиналамъ, захвачены на почтѣ и отнесены въ Капитолій. Римъ имѣетъ видъ осажденнаго города, въ которомъ народъ возсталъ противъ своего государя.

Папа былъ смущенъ, но показывалъ видъ будто не понимаетъ, что причиной этого взрыва народнаго негодованія было его письмо. Онъ говоритъ о неблагодарности и угрожаетъ оставить Римъ, бросивъ его на жертву страстей.

Между тѣмъ умы мало по малу успокоиваются. Люди наиболѣе вліятельные начинаютъ понимать, что надобно ослабить это напряженіе во избѣжаніе большихъ несчастій; употребляютъ различныя мѣры для того, чтобы уяснить государю-первосвященнику положеніе дѣлъ и возвратить его къ прежнему образу дѣйствій. Дальновиднымъ людямъ казалось дѣломъ

огромной важности сохраненіе вліянія папы на дѣла Италіи. Совѣтники папы, самъ Пій IX чувствовали, что не должно давать революціи дойти до ея послѣднихъ крайнихъ предѣловъ.

XIII.

Уполномоченные, присланные для составленія итальянской лиги, не могли остаться праздными зрителями подобнаго кризиса, и видѣли въ немъ поводъ ко вмѣшательству. Они представили Пію IX слѣдующій протестъ въ формѣ прошенія:

„Представители народовъ открыто протестуютъ противъ толкованія рѣчи святаго отца консисторіей кардиналовъ. Народность есть дѣло не человѣческихъ, но божіихъ рукъ. Правосудіе и истина должны быть защищаемы и провозглашаемы представителемъ воплощенной на землѣ правды. Это именно и было сдѣлано святымъ отцемъ, какъ представителемъ религіи, правосудія и истины. Мы, также какъ и народъ итальянскій, котораго мы служимъ представителями, надѣемся видѣть васъ всегда среди насъ и впереди насъ въ дѣлѣ правосудія, религіи и свободы.

„Мы объявляемъ это, какъ депутаты Ломбардіи, Венеціи, Сициліи, увѣреные въ одобреніи нашихъ дѣйствій правительствами и въ сочувствіи къ намъ народовъ. Преклоняясь передъ вами, святой отецъ, мы всенижайше просимъ вашего благословенія; мы просимъ его для Ломбардіи, Венеціи и всей Италіи!“

XIV.

Піемонтскій и тосканскій посланники дѣйствовали также неотступно. Французскій посолъ предлагалъ свои услуги. Министры не выходили изъ квиринала. День 30 апрѣля про-

шелъ въ переговорахъ. Въ продолженіе ночи старались отыскать средства къ мирной сдѣлкѣ; не надѣясь побѣдить всѣхъ трудностей, старались отыскать какую нибудь министерскую уловку, чтобы ослабить напряженное состояніе дѣлъ. Употребляли всѣ усилія, чтобы придать рѣчи толкованіе, которое могло бы въ одно и тоже время удовлетворить народнымъ желаніямъ и волѣ святаго отца; дѣлали его посредникомъ въ дѣлѣ мира, но все-таки требовали независимости Италіи. Была минута, когда для исполненія подобной цѣли думали о поѣздкѣ папы въ Миланъ; такая поѣздка вмѣстѣ съ требованіемъ, обращеннымъ къ австрійцамъ, дать Италіи миръ и свободу, должны были имѣть значительное вліяніе на исходъ войны и уничтожить дурное впечатленіе, произведенное рѣчью папы. Эта мысль осталась безъ послѣдствій. Въ продолженіе этихъ колебаній и разсужденій, народные предводители ускорили ходъ событій. Разнесся слухъ объ измѣнѣ,—потребовали чисто свѣтскаго министерства. Наконецъ, видя невозможность составить новый совѣтъ, рѣшили, чтобы отставленные министры временно сохранили свои портфели, объявивъ 1-го мая въ офиціальной газетѣ, что министерство и президентъ его будутъ единодушно нынѣ, какъ и прежде, заниматься вопросами какъ слѣдуетъ истиннымъ итальянцамъ, изыскивая по чистой совѣсти средства, необходимыя для блага государства и итальянскаго дѣла.

XV.

Это облегчительное средство было недостаточно: озлобленіе увеличивалось все болѣе и болѣе. Вечеромъ Пій IX, не сообщая ничего министрамъ, пытался обратиться къ народу, на который онъ дѣйствовалъ прежде такъ могущественно, чтобы своимъ трогательнымъ воззваніемъ пробудить въ немъ симпатію и любовь.

Мы сожалѣемъ, что не можемъ вполнѣ передать сказанную имъ въ свою защиту трогательную рѣчь, въ которой папа выражаетъ всю свою душевную горечь, жестокую печаль и всѣ безпокойства его растерзанной совѣсти.

Пій IX говоритъ о своихъ усиліяхъ и заботахъ для блага народа, о своихъ молитвахъ къ Богу объ его счастіи. Онъ объясняетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старается уменьшить невыгодное вліяніе, произшедшее отъ перетолкованія его рѣчи.... Великія событія, совершившіяся въ Европѣ, разжигая умы, возродили мысль создать изъ Италіи страну, имѣющую одинъ тѣсно связанный народъ, способный соперничать съ великими націями; возставшая Италія схватилась за оружіе; римскіе солдаты и волонтеры, увлеченные общимъ настроеніемъ, получили благословеніе и снабжены начальниками; имъ даны были приказанія остановиться на границѣ.

„Всѣ знаютъ слова нашей послѣдней рѣчи, въ которой мы сказали, что питаемъ отвращеніе отъ объявленія какой бы то ни было войны, но въ то же время заявляемъ о нашемъ безсиліи положить предѣлъ рвенію тѣхъ изъ нашихъ подданныхъ, которые, въ отношеніи къ прочимъ итальянцамъ, увлечены народнымъ духомъ. Мы не хотимъ оставлять васъ въ невѣдѣніи относительно того, что мы никогда не пренебрегали въ подобныхъ обстоятельствахъ тѣми заботами, которыя возлагаетъ на насъ наша обязанность, какъ отца и государя, и приложили всѣ свои старанья, чтобы обезбечить тѣхъ изъ нашихъ дѣтей и подданныхъ, которые, противъ нашей воли, уже подверглись всѣмъ превратностямъ войны.“

Объясненіе, данное Піемъ IX, можно выразить слѣдующимъ образомъ: онъ не приказываетъ вести войну, но допускаетъ ее, желая при этомъ мира.

„О мой народъ! восклицаетъ Пій IX, что я сдѣлалъ тебѣ? «Populе meus, quid feci tibi?» Не видятъ ли эти не-

счастные (мечтающіе о кровавыхъ жертвахъ), — не говоря уже о тѣхъ крайностяхъ, которыми они чернятъ себя и о безконечныхъ оскорбленіяхъ, которымъ подвергаютъ себя передъ лицомъ всей вселенной, — что они безчестятъ дѣло, которому думаютъ служить, навлекая на Римъ, на все государство и Италію рядъ безконечныхъ бѣдствій? О Господи! Спаси твой Римъ отъ столь великихъ бѣдствій; просвѣти тѣхъ, кто не хочетъ слышать слово твоего намѣстника! Наведи ихъ на путь лучшихъ намѣреній, дабы—въ повиновеніи тому, кто управляетъ ими—они менѣе печально проводили жизнь свою въ исполненіи христіанскихъ обязанностей, безъ которыхъ нельзя быть добрымъ подданнымъ и хорошимъ гражданиномъ.

«1-го мая 1847, второй годъ нашего царствованія.»

XVI.

Но слова Пія IX потеряли свою дѣйствительность съ тѣхъ поръ, какъ стали неблагопріятны итальянскому дѣлу. Онѣ болѣе не приносили сердцамъ ни убѣжденія, ни мира, и сдѣлались лишь пустымъ звукомъ. Недовѣріе, антипатія къ духовной власти снова являлись въ прежней силѣ; пороки духовенства, настоящіе или вымышленные, его прежнія мнѣнія, его варварская инквизиція и безжалостный деспотизмъ, были живыми воспоминаніями, волновавшими раздраженный до крайности народъ. Такимъ образомъ эта прокламація, не утверждавшая войны за независимость, но ослаблявшая ее, казалось подвергала народъ и Италію смутамъ и бѣдствіямъ, тяготѣвшимъ уже надъ папскою областью, и, вмѣсто того, чтобы успокоить страсти, возбуждала ихъ. „И государь-первосвященникъ,—говоритъ замѣчательно даровитый и здравомыслящій историкъ Фарини, — который, изъ любви къ миру, разсуждалъ о томъ, чтобы не принимать участія въ войнѣ, развѣ только въ случаѣ возможности согласить воюющія стороны,

находилъ въ своемъ собственномъ государствѣ войну болѣе гибельную, чѣмъ та, которую онъ желалъ подавить.

Власть не имѣла силы. Министерство чувствовало себя обезоруженнымъ. Сенатъ, полною властью, передалъ управленіе дѣлами въ руки городской стражи. Политическіе кружки давали всему движеніе, приготовляли программы и управляли движеніемъ. Патрули городской стражи ходили по городу, принимали участіе въ народномъ движеніи, направляя послѣднее, но не подавляя его.

XVII.

Это былъ моментъ наиболѣе знаменательный въ новѣйшей исторіи папства; это было время, когда Пій IX, первый изъ итальянскихъ государей, сдѣлалъ шагъ впередъ на пути къ свободѣ и независимости Италіи и первый же отступилъ назадъ. Отсюда разъединеніе папы и народа въ стремленіяхъ и цѣли; отсюда тѣ гибельныя послѣдствія, конца которыхъ не видно, даже въ настоящее время. Рѣшеніе, выраженное ясными словами, полными высокой мудрости и возвышеннаго духа примиренія, было представлено Пію IX сенатомъ и Римскимъ Совѣтомъ, послѣ зрѣлаго обсужденія въ чрезвычайномъ засѣданіи 3 мая.

„Мы не требуемъ отъ васъ—сказано въ этомъ адрессѣ—отъ васъ, посла мира, чтобы вы побуждали римскій народъ къ войнѣ; мы только просимъ васъ не мѣшать намъ заботиться о войнѣ, черезъ посредство тѣхъ, которымъ угодно будетъ вамъ вручить управленіе свѣтскими дѣлами. Мы не требуемъ отъ васъ, чтобы вы заставляли себя молчать о томъ, чѣмъ вдохновляется ваше сердце, ни отказываться отъ ужаса, который долженъ чувствовать пастырь при видѣ войны между вѣрующими; но только удостойте насъ своей заботой о спокойствіи всей Италіи и объ удаленіи всякаго подозрѣнія въ

томъ, будто бы вы торжественно признали несправедливою войну итальянцевъ за спасеніе ихъ общаго отечества.

„Святой отецъ! провозгласите право и справедливость всей Италіи на завоеваніе своей народности и независимости. Подобное слово будетъ достаточно, чтобы успокоить умы и воспрепятствовать иностранцамъ перетолковывать вашъ взглядъ на наше дѣло. Мы всѣ будемъ вамъ признательны если, при кротости вашего сердца, не останавливая военныхъ дѣйствій, вы съумѣете мирными совѣтами покончить вопросъ, при рѣшеніи котораго вы примете въ основаніе удаленіе австрійцевъ, независимость и народность Италіи. Мы будемъ признательны, видя васъ президентомъ итальянскаго сейма въ дѣлѣ ея внутренняго устройства. Мы будемъ постоянно благословлять имя великаго первосвященника, который благословилъ и спасъ общее отечество. Эти желанія, святой отецъ, докажутъ вамъ, что мы только отъ васъ ждемъ нашего счастія. Мы просимъ даровать намъ, гражданамъ, милиціонерамъ и городу ваше апостольское благословленіе.“

Подобный образъ дѣйствій, искренно принятый папой и кардиналами, могъ бы избавить Италію, Римъ и церковь отъ великихъ бѣдствій. Этотъ адресъ, выражавшій мнѣнія наиболѣе умѣренныхъ патриціевъ, былъ подписанъ сенаторомъ Томассо Корсини, Маркомъ Антоніо Боргезе, Филиппомъ Антоніемъ Доріа, Клементомъ Лавалемъ, Делла Фарга, Карломъ Армеллино, Винченцо Колонна, Франческо Стурбинетти, Антоніо Біанкіони и консерваторомъ Оттавіо Скарамуки.

XVIII.

Народъ въ болѣе грубыхъ и суровыхъ рѣчахъ выражалъ тѣ же желанія. Полторы тысячи человѣкъ депутатовъ отъ различныхъ политическихъ кружковъ собрались въ Казино негоціянтовъ, подъ покровительствомъ вооруженной городской

стражи. Подъ предсѣдательствомъ профессора Франческо Оріоли, они приняли адресъ слѣдующаго содержанія:

„Римскій народъ, считающій своимъ долгомъ уваженіе къ богобоязливой совѣсти святаго отца, а съ другой стороны нежелающій полумѣръ и двусмысленныхъ, недостаточныхъ выраженій, прекращаетъ свои настойчивыя требованія, чтобы изъ устъ его святѣйшества вышло категорическое и торжественное объявленіе войны. Римскій народъ желаетъ и требуетъ, чтобы ваше святѣйшество составило вполнѣ либеральное министерство, чтобы продолжать и споспѣшествовать народной войнѣ всѣми возможными средствами.“

Наконецъ городская стража вручила свою политическую программу графу Теренцію Маміани, котораго общественное мнѣніе избрало для составленія новаго министерства: 1-е, содѣйствовать возрожденію разъединенныхъ и угнетенныхъ народностей; 2-е, дружественно соединиться съ свободными народами и сохранить съ абсолютными правительствами только тѣ отношенія, которыхъ требуетъ всеобщій миръ и интересы торговли; 3-е, довѣрять единственно самому себѣ, но не обѣщаніямъ и помощи иностранцевъ; 4-е, провозгласить новый союзъ и новый торжественный договоръ между народами; 5-е, не вступать никогда въ полюбовныя сдѣлки съ Австріей и не подписывать мира раньше, чѣмъ Альпы сдѣлаются границей Италіи, отъ Варо до Бреннеро и отъ Бреннеро до Гварнеро и т. д.... Да не будетъ больше обольщенія и притворства, — но умѣренность и мужество.

XIX.

Пій IX не счелъ возможнымъ и нужнымъ противиться общественному мнѣнію, столь единодушно выраженному, и уступилъ. Маміани занялся составленіемъ министерства. Въ городѣ утвердилось спокойствіе; письма были переданы

кардиналамъ нераспечатанныя; кардиналы освобождены отъ надзора. Папа поручилъ Л. К. Фарини вступить въ соглашеніе съ сардинскимъ королемъ, для передачи послѣднему начальствованія надъ римскими войсками. Фарини долженъ былъ занять мѣсто Корболи, отозваннаго въ Римъ. Ему была предоставлена власть укротить безпорядки, происшедшіе въ провинціяхъ, по дорогѣ, по которой онъ долженъ былъ отправиться въ Ломбардію.

4 мая, составъ министерства былъ принятъ папою вмѣстѣ съ либерально-народной программой. Президентомъ былъ назначенъ кардиналъ Чіакки, въ отсутствіе котораго мѣсто его занималъ кардиналъ Оріоли. Министры были слѣдующіе: графъ Джіованни Маркетти, графъ Теренціо Маміани (внутреннихъ дѣлъ); Пасквале-да-Росси, профессоръ Джіузеппе Лунати, адвокатъ, князь Филиппо Доріа-Панфили, донъ Маріо Массимо дукка-ди-Риньяно и Дель-Галетти, оставленный министромъ полиціи по желанію политическихъ кружковъ.

Программа, напечатанная въ газетѣ 6 числа, выражала слѣдующее: благодарность предшествовавшимъ министрамъ; выраженіе намѣренія не сдерживать, но увеличивать воодушевленіе страны къ святому дѣлу итальянской независимости; залечить глубокія раны нищеты, униженія и невѣжества и возвысить народъ до высшей степени его значенія, знакомя его съ политическими и соціяльными началами, которыхъ требуетъ отъ современной науки нашъ дѣятельный вѣкъ.

Вслѣдъ за словами явилось дѣло: министерство отдало приказъ о немедленномъ формированіи резервнаго корпуса въ шесть тысячъ человѣкъ.

XX.

Въ провинціяхъ рѣчь папы произвела точно такое же раздраженіе. Особенно въ Болоньѣ возобновились жалобы

противъ папской власти, заглушенные популярностію Пія IX. Популярность эта изчезла. Стали говорить объ образованіи временнаго правительства; только вліяніе кардинала Ама, любимаго всѣми, и сенатора Зуккини, да пріѣздъ Фарини, сообщившаго о данномъ ему порученіи къ Карлу-Альберту, также какъ и составленіе новаго министерства могли воспрепятствовать взрыву общественнаго гнѣва.

Фарини не поколебался сообщить Пію IX депешею отъ 5 мая всю правду о происшествіяхъ въ Романьѣ: „....Я не хочу умолчать передъ вашимъ святѣйшествомъ о томъ, что умы находятся въ сомнѣніи, еще болѣе опаснымъ потому, что они находятся подъ вліяніемъ боязни, что правительство вашего святѣйшества не окажетъ должной и сильной помощи итальянскому дѣлу. Порядокъ можетъ быть поддержанъ министерствомъ, внушающимъ довѣріе, помогающимъ войнѣ или только допускающимъ эту помощь. Въ противномъ случаѣ, все возможно; даже весьма вѣроятно, что здѣсь произведутся попытки учредить временное правительство именемъ вашего святѣйшества, съ цѣлью вести войну, противъ веденія которой вы заявили ваше желаніе. Примѣру Болоньи, конечно, послѣдуетъ и вся Романья.“

Письмо папскаго посла, умѣренно смотрѣвшаго на окружавшія его событія, обладавшаго глубокимъ смысломъ, прямымъ сердцемъ, выражавшагося съ достойной и смѣлой откровенностью, указываетъ ясно на положеніе дѣлъ и доказываетъ, что Пій IX не могъ не знать того, что происходило вокругъ его и вдали отъ него; онъ также не могъ не знать печальнаго впечатлѣнія его рѣчи.

XXI.

Вся Италія была этимъ глубоко взволнована. Въ Ломбардіи, въ Венеціи, въ лагерѣ Карла-Альберта, въ ар-

міяхъ, всюду отозвалась глубокая боль, отчаяніе, негодованіе, крики ужаса. Вліяніе, произведенное рѣчью на римскихъ волонтеровъ имѣло бѣдственныя послѣдствія. Потрясеніе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше былъ восторгъ къ святому отцу. Чѣмъ выше было поставлено имя Пія IX, тѣмъ быстрѣе оно пало! Крестоносцы, носившіе его изображеніе въ своемъ сердцѣ и крестъ на груди, чувствовали что ихъ вѣра и надежды потрясены. Это было для нихъ худымъ предвѣстіемъ и первой неудачей. Только тѣ, которые мечтали о единой Италіи подъ скипетромъ одного короля и желавшіе республики, смотрѣли безъ сожалѣнія на ослабленіе значенія Пія IX и на помраченіе его чарующей силы.

Пій IX сдѣлалъ огромную ошибку, лишивъ свою власть того священнаго обаянія, которымъ окружала его любовь народовъ. Для того чтобы исполнить роль посредника, которой онъ добивался, надо было сохранять подобную необъятную силу, а не разрушать ее.

Заглушить въ сердцахъ итальянцевъ чувство признательности и привязанности къ себѣ, значило дѣйствовать противъ цѣли, которой онъ желалъ достигнуть.

И когда немного позже онъ пытался принять на себя роль примирителя, проистекавшую изъ его священнаго званія, изъ кротости его ума, изъ его положенія какъ главы католической религіи, — тогда онъ потерялъ все свое вліяніе на итальянцевъ и австрійцевъ, которые могли обвинять его въ измѣнчивости. Между тѣмъ онъ сдѣлалъ попытку и, 12-го мая, передалъ черезъ кардинала Антонелли объяснительныя и оправдательныя инструкціи Фарини, сообщая ему письмо, адресованное на имя австрійскаго императора и копію съ котораго онъ поручилъ передать Карлу-Альберту вмѣстѣ съ письмомъ къ послѣднему.

XXII.

Посланіе папы къ императору было слѣдующаго содержанія:

„Ваше величество!

„Всегдашнимъ обычаемъ папскаго престола было произносить слово мира посреди войны, обагряющей кровью христіанскую землю. Такъ, въ рѣчи, сказанной 29-го апрѣля, упомянувъ о томъ что наше родительное сердце отвергаетъ объявленіе войны, мы ясно выразили наше горячее желаніе споспѣшествовать миру. Да не будетъ непріятно вашему величеству то, что мы взываемъ къ вашей вѣрѣ и вашему благочестію, увѣщевая васъ съ родительскимъ сочувствіемъ, прекратить войну, не имѣющую силы возвратить къ вамъ власть надъ умами въ Ломбардіи и Венеціи, влекущую за собою только рядъ бѣдствій, сопровождающихъ войну и которыя конечно ваше величество презираетъ и ненавидитъ.

„Да не будетъ противно великодушной германской націи, что мы призываемъ ее отложить въ сторону ненависть и перемѣнить на полезныя, дружественныя сосѣдскія отношенія господство, немогущее быть ни благороднымъ ни счастливымъ, если оно опирается исключительно на оружіе.

„Мы надѣемся также, что народъ, гордый своею собственною національностію, не будетъ безчестить себя кровавыми попытками противъ итальянской націи и скорѣе признаетъ итальянскій народъ своимъ братомъ, потому что оба они суть дѣти дорогія нашему сердцу, и пусть каждый изъ нихъ довольствуется жить въ своихъ естественныхъ границахъ, имѣя почетные договоры и находясь подъ благословеніемъ божіимъ.

„Мы неотступно умоляемъ Того, отъ котораго исходятъ всѣ блага, да внушитъ Онъ вашему величеству свои святые

совѣты; между тѣмъ какъ мы шлемъ изъ глубины нашего сердца вамъ, ея величеству императрицѣ и императорской фамиліи наше апостольское благословеніе.

«Римъ, въ Санта-Маріи-Маджіоре, третій день мая, 1848. Второй годъ нашего царствованія.»

Посланіе было исполнено достоинства. Но могло ли оно имѣть вліяніе на австрійскаго императора, и ослабить въ Италіи ощущенія, произведенныя рѣчью 29-го апрѣля? „Карлъ-Альбертъ, говоритъ Фарини, отвѣтилъ на переданное ему мною письмо, но не выразилъ довѣрія къ политикѣ, которой рѣшился слѣдовать папа. Общественное мнѣніе тоже не одобрило идею папскаго посредничества.“

XXIII.

Ни одна картина не обладаетъ болѣе яркими красками, болѣе выдающимися и разнообразными событіями; болѣе блестящими битвами въ городахъ, исполненными величайшаго геройства и успѣховъ; болѣе торжественнымъ народнымъ энтузіазмомъ, болѣе шаткимъ положеніемъ царей, болѣе широкою дипломатическою дѣятельностью, болѣе таинственными интригами, болѣе горькими сожалѣніями, болѣе неожиданными возвышеніями и паденіями, болѣе прочными надеждами и большимъ заблужденіемъ, какъ время Итальянской революціи: съ 24 февраля 1848 г. — дня провозглашенія въ Парижѣ Французской Республики—до 5 мая 1848 г., когда республиканское, временное правительство передало свою власть конституціонному собранію.

Итальянская революція принимаетъ самое необузданное направленіе: освобожденная, возродившаяся Венеція провозглашаетъ республику; Миланъ разбиваетъ оковы, освобождается и зоветъ на помощь Піемонтъ; Ломбардія и Венеція поднимаются, народъ требуетъ изгнанія австрійцевъ; государи, противъ воли, увлечены общимъ движеньемъ. Карлъ-Альбертъ

вооружается противъ французской республики, мечтая о верхне-итальянскомъ королевствѣ; онъ бросается въ Ломбардію во главѣ своей арміи, и оправдываетъ свою честность передъ Англіей и прочими европейскими государями необходимостью воспрепятствовать провозглашенію республики въ возставшихъ провинціяхъ и въ собственномъ его государствѣ.

Затѣмъ онъ поставляетъ принципъ, что Италія должна достигать всего своими собственными силами, отвергаетъ вмѣшательство Франціи и отказывается отъ помощи предложенной временнымъ правительствомъ. Италія, справедливо гордая своими побѣдами, слѣдуетъ этому принципу съ увлеченіемъ. Трибунъ Маццини и король Карлъ-Альбертъ сходятся въ мысляхъ, хотя побужденія ихъ противуположны. Карлъ-Альбертъ, желая сдѣлаться полнымъ распорядителемъ судебъ сѣверной Италіи, не соглашается на предложеніе образовать итальянскій союзъ; отъ союзныхъ государей онъ принимаетъ только содѣйствіе войскомъ; пренебрегаетъ усиліями волонтеровъ; подвигается медленно; не прикрываетъ Фріуля отъ австрійцевъ, чтобы принудить Венецію прибѣгнуть къ его помощи; не овладѣваетъ Тиролемъ изъ страха передъ Германскимъ Союзомъ, и оставляетъ свободный проходъ подкрѣпленіямъ, которыхъ ждетъ Радецкій.

XXIV.

Радецкій сосредочиваетъ свою армію, отступившую или разбитую на всѣхъ пунктахъ, въ четыреугольникѣ, составленномъ городами Пескьерой, Вероной, Мантуей, Лельяно, между Минчіо и Адижей, цѣпью Альпъ и По; онъ укрѣпляется въ этой позиціи, и требуетъ помощи изъ Германіи. Австрія затрогиваетъ народное германское чувство, и вызываетъ его противъ итальянцевъ. Два великіе народа, германскій и итальянскій, раздѣленные каждый на многочисленныя госу-

дарства и оба стремящіеся къ одной и той же цѣли: единству, свободѣ, уступаютъ племеннымъ страстямъ и бросаются другъ на друга. На сторонѣ Италіи—право, на сторонѣ Германіи—сила; первая стремится завоевать независимость, вторая—сохранить господство.

Германскіе вспомогательные отряды стекаются въ Тироль, гдѣ волонтеры понесли пораженіе; генералъ Нюгентъ проникаетъ съ своимъ отрядомъ въ Фріуль, Венеціянская республика баррикадируетъ города, поднимаетъ и формируетъ гражданъ; но не имѣя ни регулярныхъ войскъ, ни полководца, вслѣдствіе гибельнаго обстоятельства, лишенная флота, блокируемая въ своихъ портахъ, она зоветъ на помощь всѣ народы, всѣхъ государей Италіи, и наконецъ принуждена просить того, кто мечтаетъ объ ея уничтоженіи. Поспѣетъ-ли Неаполитанскій король съ своей арміей и флотомъ, чтобы въ свою очередь дѣйствовать на судьбы Италіи?

Карлъ-Альбертъ, отказавши настоятельнымъ требованіямъ дипломаціи относительно перемирія, противопоставляетъ Нюгенту въ Фріулѣ папскія войска, подъ командой Дурандо; пріискиваетъ средства къ занятію тирольскихъ дорогъ; одерживаетъ первую побѣду при Пастренго; окружаетъ Пескьеру, и отбрасываетъ Австрійцевъ на лѣвый берегъ Адижи. Первый успѣхъ итальянской арміи, придаетъ новую бодрость піемонтскому королю. Ему остается теперь собрать свои силы, сдѣлать еще одинъ геройскій подвигъ — и австрійская армія удалится за Альпы, Италія освободится, а Карлъ-Альбертъ осуществитъ свои мечты о новой коронѣ.

XXV.

Но передъ такою будущностью выступаютъ четыре препятствія: мечты итальянцевъ, соперничество государей, раздѣленіе партій, усилія дипломаціи.

Итальянцы надѣются безъ иностранной помощи довершить начатыя побѣды и освободить отечество; Карлъ-Альбертъ желаетъ тріумфа исключительно себѣ!

Піемонтъ слѣдуетъ общимъ стремленіямъ; Тоскана надѣется на часть герцогствъ; Римъ страшится сардинскаго честолюбія и труситъ передъ Неаполемъ за Болонью и Анкону; Неаполь видитъ Сицилію, отрываемую отъ него усиліями Савойскаго дома; государи слѣдятъ другъ за другомъ, ставятъ одинъ другому ловушки и готовы уничтожить другъ друга.

Партіи отложили рѣшеніе своихъ судебъ до окончательной побѣды, a causa vinta; но Карлъ-Альбертъ не довѣряетъ республиканцамъ; республиканцы не довѣряютъ королю. Карлъ-Альбертъ ускоряетъ развязку; республиканцы отстаиваютъ святость трактатовъ. Всюду безпокойства, подозрѣнія, предубѣжденія, раздоры. Реакціонеры, съ своей стороны, уже не дѣйствуютъ болѣе исподтишка; поддерживаемые дипломаціей, они ослабляютъ добрыя намѣренія великаго герцога тосканскаго; вмѣстѣ съ неаполитанскимъ королемъ ожидаютъ перемѣны счастія; осаждаютъ папу своими неотступными требованіями и принуждаютъ его богобоязливую совѣсть, отказаться отъ ея прошлыхъ дѣйствій.

Англія, до февральскихъ дней благопріятствовавшая либеральному движенію полуострова противъ Австріи, соединяется теперь съ этой державой для противодѣйствія революціонному вліянію Франціи. Иностранныя дипломаціи заняты мыслью помѣшать французскому вмѣшательству въ дѣла Италіи. Подъ вліяніемъ подобной вредной политики, Леопольдъ ограничиваетъ число вспомогательныхъ войскъ пятью тысячами; Фердинандъ думаетъ объ измѣнѣ; Пій IX, побуждаемый и угрожаемый расколами, рѣшается прекратить начатое и отступаетъ отъ прежнихъ дѣйствій. Для возбужденія правительственной дѣятельности нужны были требованія всей націи. Отсюда смуты, волненія умовъ. Вѣра въ государя-пер-

восвященника колеблется; святое дѣло, гдѣ онъ могъ бы быть душей, получаетъ отъ него-же самые грубые нападки. Дипломація, создавая препятствія къ независимости Италіи, дѣйствуетъ сама противъ себя и вызываетъ вмѣшательство Франціи, противъ котораго прежде такъ энергически ратовала.

XXVI.

Мечты, соперничества, раздѣленія, дипломація, эти вѣчныя препятствія торжеству демократіи, уступятъ ли они неслыханнымъ усиліямъ итальянскаго патріотизма? Кто возьметъ верхъ въ этой чудной, несчастной и огромной части Европы— Австрія или Италія? Угнетеніе или освобожденіе? Освободятся ли наконецъ страдавшіе такъ много, или же сдѣлаются добычею двуглаваго орла? Одно племя навсегда ли останется рабомъ другаго? Мысль, просвѣщеніе, воля всегда ли будутъ угнетаться силой? Арміи стоятъ другъ противъ друга. Италія никогда еще не находилась такъ близко къ побѣдѣ. Пробьетъ ли ея часъ?

XXVII.

Въ эту торжественную минуту, временное правительство французской республики передало свою власть членамъ національнаго собранія, которые были правильно избраны всѣмъ народомъ. Правительство изо дня въ день, съ душевнымъ безпокойствомъ и сердечнымъ сочувствіемъ слѣдило за битвами и побѣдами во всѣхъ городахъ Италіи, всегда готовое помочь угнетеннымъ народностямъ; оно организовало армію и собрало у подножія Альпъ, многочисленные батальоны, готовые перейти вершины по первому призыву; оно настаивало, чтобы піемонтское правительство приняло его безкорыстныя предложенія и дозволило-бы французскимъ солдатамъ свободный пропускъ. Для воспрепят-

ствованія этимъ дѣйствіямъ послѣдовалъ рѣшительный отказъ и объявленіе: „что французское вмѣшательство произведетъ на Италію точно такое же дѣйствіе, какъ и на Испанію—въ 1808.“ Временное французское правительство завѣщало однако своимъ преемникамъ организованную армію, и обязанность отозваться на первый крикъ этого братскаго народа, отнынѣ связаннаго съ судьбою Франціи тѣми узами, которыя могутъ быть въ одну минуту разрушены деспотизмомъ, но которыя свобода можетъ закрѣпить въ одинъ день на вѣчныя времена!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Дурандо и Нюгентъ въ Фріулѣ. — Позиція обоихъ корпусовъ. — Нюгентъ овладѣваетъ Беллуной и Фельтре. — Дѣло при Корнудѣ. — Отступленіе итальянцевъ. — Вліяніе рѣчи 29 апрѣля на римскую армію; деморализація. — Генералъ Феррари въ Тревизѣ. — Паническій страхъ, волонтеры разсѣеваются; храбрая защита Тревизы.—Выгодное положеніе лагеря Дурандо въ Піаццолѣ. — Манёвры Нюгента, чтобы выбить Дурандо изъ позиціи. — Дурандо оставляетъ Піаццолу, чтобы итти на помощь Тревизѣ.—Нюгентъ проходитъ черезъ Піаццолу съ своимъ корпусомъ и соединяется съ Радецкимъ. — Аттака Виченцы Нюгентомъ. — Манинъ, Томмазео, генералъ Антонини являются изъ Венеціи. — Сраженіе. — Австрійцы оттиснуты. — Арміи Радецкаго и Карла-Альберта сходятся. — Сраженіе при Санта-Лучіи. — Важная ошибка, что дороги въ Тироль и Фріуль не были заняты и что Венеціи не было оказано помощи. — Упреки, обращенные къ королю. — Двѣ партіи въ Венеціи.—Оборонительные мѣры Венеціи.—Добровольныя приношенія.—Прибытіе сардинскаго и неаполитанскаго флотовъ.—Манинъ ускоряетъ прибытіе неаполитанскихъ войскъ. — Королевство Обѣихъ Сицилій: Неаполь; два желанія: король, народъ. — Потеря времени для отправленія арміи; дурное намѣреніе короля.—Собраніе парламента, 15 мая.—Возбужденный вопросъ о присягѣ.—Протестъ.—Волненіе въ Неаполѣ.—Начинаются постройки баррикадъ.—Переговоры.—Король уступаетъ.—Безуспѣшное вмѣшательство депутатовъ въ дѣло устройства баррикадъ. — Граждане и войска сходятся.— Начинается борьба. — Сраженіе. — Собраніе депутатовъ. — Попытка.—Король лично командуетъ войсками. — Попытка представителей Франціи согласить враждебныя стороны. — Послѣднія усилія Швейцарцевъ передъ наступленіемъ ночи. — Торжество войскъ.—Лаццарони. — Мошенничество, грабительство, пожары.—Признанія, полученныя въ судебной палатѣ отъ Швейцарскихъ полковниковъ. — Смѣлое дѣйствіе собравшихся депутатовъ. — Ихъ протестъ.—Объяснительная прокламація короля. — Перемѣна министерства. — Всеобщее негодованіе противъ Швейцарцевъ. — Проклятія, сыпавшіяся на неаполитанскаго короля. — Швейцарскій союзъ. — Гибельныя

послѣдствія дня 15 мая для Италіи. — Положеніе неаполитанской арміи и генерала Пепе. — Отозванная армія повинуется королю. — Флотъ, будучи отозванъ, повинуется по неволѣ.

I.

Мы оставили корпусъ генерала Нюгента, когда онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ римскими войсками, бывшими подъ командой Дурандо и Феррари. Австрійцы, ободренные взятіемъ Удине и легкимъ переходомъ чрезъ Тагліяменто, воодушевились местью. Итальянцы прибыли позднѣе, но горѣли чувствомъ патріотизма. Между тѣмъ какъ Нюгентъ занималъ, 3 мая, лѣвый берегъ Піаве — главная его квартира была въ Канегліано—а Вельденъ расположился на верхнихъ долинахъ, Дурандо поставилъ Ла-Мармору съ 3000 венеціянскихъ волонтеровъ въ Спеціано, впереди Тревизы, для защиты низовья рѣки, и перешелъ съ 7000 въ Монтебеллуно, чтобы имѣть возможность подняться или спуститься по Піаве, для поддержанія слабыхъ пунктовъ.

Нюгентъ опирался на свое правое крыло и, 5, взялъ Беллуну, имѣя на своей сторонѣ превосходство силъ. 7-го, Фельтре сдалась безъ сопротивленія Кулоцу, командовавшему австрійскимъ авангардомъ. Наканунѣ, 6-го, колонна Феррари, состоявшая изъ 10,000 человѣкъ и 10 орудій, была собрана въ Тревизѣ. Дурандо приказалъ ей перейти въ Монтебеллуно, которое онъ оставилъ 7-го, чтобы приблизиться къ Фельтре. Узнавъ объ участи этого города, онъ не счелъ выгоднымъ аттаковать въ немъ непріятеля, и, видя его владѣющимъ верьховьями Піавы, отошелъ къ Приполано, для защиты Брентской переправы.

Дурандо въ это время, соединясь съ колонною Феррари, имѣлъ армію въ 20,000 человѣкъ, изъ которыхъ было 7,000 регулярныхъ войскъ, а 13,000 городской стражи и волонтеровъ. Онъ оставилъ подъ своимъ личнымъ начальствомъ

4,500 человѣкъ линейныхъ войскъ, уступивъ 2,500 Феррари, который протестовалъ противъ полнаго раздѣленія регулярныхъ войскъ и волонтеровъ, и смотрѣлъ на это, какъ на ослабленіе силъ. Такимъ образомъ отрядъ Феррари состоялъ изъ 12,500 человѣкъ.

II.

Дурандо, желая воспрепятствовать соединенію Нюгента съ Радецкимъ, расположилъ свой корпусъ эшелонами по Брентѣ и низовьямъ Піаве. Онъ оставилъ въ Примолано полковника Каза-Нова съ 1500 человѣкъ, а самъ отправился съ 3,000 въ Бассано, давъ порученіе Феррари оборонять переправу чрезъ Подероба и низовья Піаве. Ферарри возложилъ на генерала Джіудетти съ 2500 человѣкъ обязанность охранять мостъ Пріуля.

8-го, Нюгентъ овладѣлъ Беллуной и Фельтре и, находясь на линіи съ Конегліано, двинулъ свои авангарды къ мосту Пріуля и къ Корнудѣ, гдѣ въ тотъ же вечеръ аванпосты обоихъ отрядовъ обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами.

Феррари извѣстилъ Дурандо о всей важности настоящаго движенія непріятеля и, предоставивъ ему судъ надъ своими дѣйствіями, двинулся съ 3000 человѣкъ къ Корнудѣ, которой угрожала опасность.

Дѣйствительно, утромъ 9, въ пять часовъ, австрійская бригада яростно аттаковываетъ римскія войска. Волонтеры, бывшіе въ первый разъ въ дѣлѣ, отбиваются съ удивительнымъ мужествомъ: они выдерживаютъ, не ослабѣвая впродолженіи десяти часовъ, стремительный натискъ непріятеля. Дурандо, уже извѣщенный, былъ ежеминутно поджидаемъ, и итальянцы, разсчитывая на его содѣйствіе, надѣялись побѣдить. Но помощь не является; къ непріятелю присоединилась другая бригада, и итальянцы, въ 3 часа по полудни, съ при-

скорбіемъ увидѣли, что принуждены начать отступленіе къ Монтебеллуно.

III.

Дурандо, дѣйствительно еще утромъ, въ четыре часа, получилъ извѣщеніе Феррари. Послѣ нерѣшимости, продолжавшейся до девяти часовъ, онъ двинулся къ Корнудѣ; но, подходя, получилъ извѣстіе отъ полковника Каза-Нова, что ему тоже угрожаетъ нападеніе и, воротившись, занялъ свою прежнюю позицію въ Бассано.

Послѣдствія были гибельны! Отсутствіе Дурандо въ Корнудѣ возбудило жалобы, тѣмъ болѣе сильныя, что тамъ, гдѣ ждали побѣды, потерпѣли пораженіе; за жалобами послѣдовалъ ропотъ. „Его увлекло мужество!“ кричали наиболѣе пылкіе: „генералъ сдѣлалъ ошибку; онъ одинъ виновать въ этой горестной неудачѣ. Онъ, или неспособенъ, или умышленно насъ бросилъ!“ Взрывъ гнѣва слѣдуетъ за обвиненіями: одни не довѣряютъ, другіе трусятъ. Смущеніе овладѣваетъ всѣми умами, воображеніе разыгрывается, гнѣвъ переходитъ въ ярость, является полный раздоръ. Тщетно пытается Феррари удержать свои войска въ Монтебеллуно; его увлекаетъ въ Тревизу толпа, забывшая всякую дисциплину. Генералъ Джюдоти тоже вынужденъ оставить мостъ Пріуля.

Въ эту минуту пришла вѣсть о рѣчи папы 29 апрѣля, и еще болѣе омрачила картину. Городская стража и волонтеры, видя себя оставленными, брошенными, предались отчаянію, непремѣнно предполагая измѣну. Все обрушилось на одного изъ самыхъ жестокихъ моденскихъ директоровъ полиціи, который въ самую минуту паническаго страха и задыхавшейся ярости, былъ привезенъ въ Тревизу съ двумя неизвѣстными: ихъ заподозрили въ шпіонствѣ и схватили въ окрестностяхъ. Вся ненависть, все мщеніе сосредоточивается на нихъ;

попавъ въ этотъ ужасный круговоротъ, они ужъ не могли спастись; кровь потекла, и ужасъ возмутительной сцены дополнилъ общую картину бѣдствія.

IV.

Нюгентъ, владѣвшій басейномъ Піаве, приблизился къ Тревизѣ и, 11, потребовалъ сдачи города. Феррари, стремясь поправить прошлыя ошибки и блистательно отомстить, выпелъ на встрѣчу непріятелю съ волонтерами, линейными войсками и артиллеріей. Уже авангардъ успѣлъ прогнать нѣсколько австрійскихъ отрядовъ и взять въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ, какъ вдругъ непріятельская батарея открываетъ огонь и начинаетъ громить, подвигавшіяся впередъ, римскія войска. Тщетно Феррари и офицеры пытаются увлечь за собою солдатъ, чтобы овладѣть орудіями. На войско напалъ паническій страхъ, раздались крики: измѣна! бѣгство началось такъ поспѣшно и образовало такую пыль, что австрійцы испугались и отступили, принявъ это за натискъ новыхъ, значительныхъ силъ. Несчастный Феррари, не имѣя болѣе власти надъ деморализованной толпой, оставилъ, 12, четыре тысячи своихъ отборныхъ войскъ въ Тревизѣ и ушелъ въ Местръ и Венецію съ остатками римскихъ легіоновъ и волонтеровъ.

Тревиза рѣшилась на мужественную оборону и благородно отвергла предложеніе Нюгента о сдачѣ. Герцогъ Ланте Монтефелтро былъ назначенъ комендантомъ. Въ Тревизу прибылъ легіонъ, сформированный въ Парижѣ и пополненный въ Миланѣ, подъ надзоромъ генерала Антонини, назначеннаго, со дня его прибытія въ Венецію, главнымъ комендантомъ города и ея крѣпостей. Счастливыя вылазки, гдѣ развернулось мужество итальянцевъ, прибывшихъ изъ Милана и Франціи, а также римлянъ, пожелавшихъ остаться, вновь воодушевили

умы; Джіудотти, оскорбленный упреками за его отступленіе отъ моста Пріуля, дрался какъ солдатъ и умеръ какъ герой.

V.

Нюгентъ оставался передъ Тревизой до 17 мая, громя эстраду, опустошая окрестности, распространяя ужасъ, то собирая, то разбивая свои войска, и все съ цѣлію привлечь Дурандо къ Тревизѣ, который чрезвычайно искусно, послѣ неудачи при Карнудѣ, сталъ лагеремъ въ Піаццолѣ на Брентѣ, подъ прикрытіемъ рѣки; онъ пресѣкалъ такимъ образомъ австрійцамъ переправы при Фантонивѣ и Падовѣ, единственныя пути, которыми они могли соединиться съ Радецкимъ. Дурандо оставался неподвиженъ въ своей крѣпкой позиціи, соединяя войска, которыми могъ располагать; но 16, безъ сомнѣнія боясь обвиненій, которыми не переставали осыпать его съ самаго дѣла при Корнудѣ, и, вызываемый опасностію, которой подвергалась, какъ говорили, Тревиза, онъ рѣшился оставить позицію, чтобы по Могліяновской дорогѣ спѣшить на помощь этому городу.

Нюгентъ, получавшій отъ Радецкаго приказъ за приказомъ соединить подкрѣпленія съ главной арміей и видя успѣхъ своей хитрости, оставилъ Тревизу въ ночь съ 17 на 18, поворотилъ по другой дорогѣ, перешелъ въ Бренту, въ Читаделла и даже въ Піаццолу и, 20, угрожалъ Виченцѣ. Онъ уже почти достигъ цѣли, но заболѣлъ и былъ замѣненъ генераломъ Латуръ-е-Таксисомъ. Дурандо, узнавъ объ контръмаршѣ, двинулся изъ Могліано въ Местръ, чтобы занять желѣзную дорогу и спѣшить къ Виченцѣ; но препятствій къ соединенію арміи Радецкаго и корпуса Нюгента болѣе не было. 18,000 человѣкъ, собранные на походѣ изъ разныхъ мѣстностей, были достаточнымъ вспоможеніемъ и увеличили илы ав-

стрійцевъ. Пальмо-Нова, Озоно, Піеве ди Кадоре оставались осажденными резервнымъ корпусомъ Вельядена, возроставшимъ каждый день отъ постоянно прибывавшихъ отрядовъ изъ Германіи и нѣмецкаго Тироля.

VI.

Дурандо и Феррари потерпѣли полную неудачу; римскіе волонтеры, потерявшіе всякую надежду, расходятся въ разныя стороны, куда кто хотѣлъ. Одни, рѣшившіеся возстановить честь знамени, отправляются въ Местръ, Падую, Тревизу, Виченцу, собираются около Дурандо, сохранившаго свои регулярныя войска, или бросаются въ Венецію вмѣстѣ съ Феррари; другіе снова переходятъ По и возвращаются къ семействамъ, чтобы скрыть стыдъ пораженія, которое приписываютъ однако не своей слабости, а измѣнѣ генераловъ и удаленію Пія IX. Неудача борьбы имѣла впрочемъ и свое извиненіе. Частныя письма, приходившія изъ Рима, заставляли думать что отверженіемъ первосвященника римляне лишаются всякаго человѣческаго права, и что попавши въ плѣнъ, они будутъ судимы и разстрѣлены какъ разбойники. Эта гибельная мысль укоренилась по вид імому на столько, что Дурандо, для ея опроверженія, былъ вынужденъ сообщить приказомъ, отданнымъ въ Піаццолѣ, прокломацію новаго военнаго министра Сотто Доріа отъ 6 мая, а также оффиціальную депешу Фарини, папскаго посла при Карлѣ-Альбертѣ, объявляющую, что римскія войска отдаются подъ прямое начальство короля, „дабы права и обязанности, обусловливаемыя войной, распространялись и на нихъ.“

Дурандо подвергся двумъ важнымъ упрекамъ; второй проистекалъ изъ перваго. Конечно, задержанный Піемъ IX, призванный Карломъ-Альбертомъ въ Остигліо, онъ не былъ виноватъ, что поздно явился въ Фріуль; но, вовремя извѣ-

щенный генераломъ Феррари, утромъ, 9, онъ не поддержалъ въ Корундѣ волонтеровъ, еще не привыкшихъ къ огню. Это повело къ пораженію, вмѣсто весьма вѣроятнаго успѣха, который воодушевилъ бы армію и внушилъ бы довѣріе молодымъ солдатамъ. Опечаленный, какъ ему казалось, несправедливыми обвиненіями, онъ рѣшился для избѣжанія новыхъ обвиненій оставить позицію въ Піаццолѣ, тогда какъ долженъ былъ охранять ее. Наконецъ его бранили за то, что онъ расположилъ армію эшелонами, вмѣсто того чтобы собрать ее въ одно мѣсто, а за тѣмъ не успѣвалъ вовремя сосредоточивать войка. Феррари не умѣлъ и не могъ командовать своими волонтерами; но не умѣть и не знать — есть преступленіе во время войны! Что же касается римскихъ волонтеровъ, бѣжавшихъ передъ непріятелемъ — для нихъ невозможно никакое оправданіе.

VII.

Виченца лежитъ на большой миланской дорогѣ въ двадцати пяти миляхъ отъ Вероны и служитъ центромъ для трехъ главныхъ путей, ведущихъ долиною Бренты къ верхнему теченію Адижа, — чрезъ Тревизу въ Фріуль, — черезъ Падую въ Венецію и Ровиго. Виченца не укрѣплена; но положеніе ея было столь важно для тогдашней войны, что какъ австрійцы для овладѣнія ею, такъ и итальянцы для ея защиты должны были употребить страшныя усилія. Наскоро сдѣланныя баррикады были ея единственными укрѣпленіями; но тамъ засѣло тридцатитысячное населеніе, исполненное мужественной храбрости и непоколебимой рѣшимости. 20-го мая, Дурандо, послѣ маневра Нюгента, успѣлъ прислать туда изъ Падуи только авангарды своихъ войскъ, подъ командой Галліено. Въ тотъ же день къ двумъ часамъ, отъ пяти до шести тысячъ австрійцевъ заявили свое приближеніе пожарами. Жесто-

кое нападеніе, разомъ начатое въ трехъ пунктахъ — у Санта-Лучіи, Порта-Падова и Порта Санъ-Бартоло—встрѣтило еще упорнѣйшую защиту. Четыре часа непрерывной перестрѣлки не могли ослабить мужества жителей; граждане, городская римская стража, волонтеры соперничали въ рвеніи и удальствѣ. Стремительный натискъ непріятеля сокрушился о героическую стойкость; австрійцы отступили и стали лагеремъ возлѣ города, въ Ормо, по веронской дорогѣ, ограничиваясь провозомъ скота, съѣстныхъ припасовъ, снарядовъ и багажа.

21-го, президентъ Манинъ, Томмазео и генералъ Антонини, съ тысячью отборныхъ молодцовъ, прибыли въ Виченцу по желѣзной дорогѣ, почти въ одно время съ войсками Дурандо, спѣшившими изъ Падуи. Антонини, горя нетерпѣніемъ выбить непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи, сдѣлалъ смѣлую вылазку послѣ полудня; послѣдовала схватка и вмѣстѣ значительныя потери. Генералъ своею кровью запечатлѣлъ это сраженіе; рана въ правую руку требовала немедленной ампутаціи. Временной виченцскій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Фогаццаро, благородно исполнилъ свою обязанность; Манинъ и Томмазео придали сражавшимся ту надежду, которую постоянно внушаетъ присутствіе начальниковъ во время опасности.

VIII.

Австрійцы, казалось, удалились 22-го. Радецкій подвигался на встрѣчу корпусу, и когда увѣрился что припасы, такъ сильно ожидаемыя имъ, прибыли, то выразилъ сожалѣніе о неудачѣ штурма на Виченцу и отдалъ приказъ генералу Латуръ-е-Таксису возобновить аттаку съ 18.000 войска и 40 орудіями.

У Дурандо было всего 10,000 человѣкъ; но, при помощи своего старшаго адъютанта д'Азегліо, онъ успѣлъ, 22-го числа, искусными распоряженіями и съ знаніемъ дѣла быстро организировать свои силы; онъ стремился загладить ошибки, которыя впрочемъ не ставилъ себѣ въ вину, а приписывалъ случайностямъ войны. Легіоны римскихъ гражданъ, регулярныя войска, Швейцарцы, Венеціянцы, Итальянцы, прибывшіе изъ Парижа, жители Виченцы были исполнены благороднаго соревнованія. Женщины, старики, даже дѣти казалось были оживлены пылкимъ увлеченіемъ.

Иллюминованный вечеромъ городъ, казался скорѣе праздную̀щимъ, чѣмъ готовившимся къ кровавой битвѣ.

Вдругъ, ночью 22-го, около одинадцати часовъ, австрійцы стремительно аттаковываютъ Санъ-Агостино, Санъ-Феличе и Порта Санъ-Бартоломіо, тогда какъ главный корпусъ арміи располагается на веронскомъ трактѣ; австрійцы овладѣваютъ первой баррикадой, обращенной къ Веронѣ, и занимаютъ казармы Санъ-Феличе, не смотря на отчаянное сопротивленіе; но далѣе проникнуть не могутъ. Разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, они бросаются съ бѣшеною храбростью на штурмъ, но, отбитые повсюду, устилаютъ землю убитыми и ранеными. Ядра, ракеты, бомбы, извергаемыя орудіями, сыплются на городъ, и зарево пожара освѣщаетъ ужасную картину. Жители, не теряя мужества, тушатъ огонь и выдерживаютъ стрѣльбу. Всю ночь до девяти часовъ утра сраженіе поддерживается съ равною энергіей съ обоихъ сторонъ. Итальянцы обнаруживаютъ чудеса храбрости, и австрійцы, потерявъ надежду овладѣть столь храбро защищаемымъ городомъ, потерпѣвъ значительный уронъ, прекращаютъ аттаку и отходятъ вечеромъ къ Монтебелло. Итальянцы, покрытые непріятельскою кровью, увѣнчанные успѣхомъ, отуманенные радостью, славятъ побѣду, возвеличившую ихъ отечество.

IX.

Радецкій, послѣ сраженія при Пастренго, былъ все болѣе и болѣе стѣсняемъ; Австрійцы укрѣпились передъ Вероной, въ деревняхъ Чіево, Крочебіанка, Санъ-Массимо, Санта-Лучіа и Томба. Піемонтцы заняли высоты холмовъ отъ Пастренго до Кустоцы; 10-й линейный неаполитанскій полкъ находился въ Гоито; а тоскапцы наблюдали за Мантуей въ Монтанарѣ и Куртатанѣ.

Карлъ-Альбертъ, послѣ совѣщанія съ генералами, рѣшился принудить непріятеля къ сраженію. Піемонтцы, 6-го мая, раздѣленные на три дѣйствующихъ бригады и на одну резервную, сходятъ съ высотъ въ равнину и приближаются къ Санту-Лучіи, Санъ-Массимо и Крочебіанка. Передъ ними стоятъ тысячи препятствій, всевозможныхъ родовъ укрѣпленія; но они съ рѣдкою неустрашимостью аттаковываютъ укрѣпленныя позиціи, мужественно защищаемыя австрійцами, и, послѣ жаркой схватки, овладѣваютъ Санта-Лучіей. Но движеніе бригадъ было неправильно, и „крылья корпуса, которыя должны были содѣйствовать занятію передовыхъ укрѣпленій, аттаковывая ихъ съ боку, не успѣли прибыть во время; поэтому число убитыхъ и раненныхъ піемонтцевъ было сравнительно велико.“

Австрійцы отступили подъ защиту веронскихъ стѣнъ. Радецкій, не желая вступить въ бой до прибытія корпуса Нюгента, держался въ оборонительномъ положеніи. Санъ-Массимо и Крочебіанка не были взяты итальянцами, а потому Карлъ-Альбертъ и генералы, окружавшіе его въ Санта-Лучіи, были въ большомъ затрудненіи; они не могли держаться въ этой позиціи, пріобрѣтеніе которой стоило имъ столькихъ жертвъ. „Che facciamo (что мы будемъ дѣлать)?“ спросилъ король у своихъ генераловъ; отвѣтъ былъ невозможенъ. Надобно было, что бы піемонтская армія въ свою очередь подумала объ отступленіи.

Карлъ-Альбертъ не хотѣлъ отступить, не подобравъ всѣхъ раненыхъ, и только исполнивши этотъ священный долгъ, армія медленно и мужественно возвратилась на свою старую позицію. Непріятель, снова занявшій Санта-Лучію, старался мѣшать передвиженіямъ піемонтскихъ войскъ; вдругъ, герцогъ Савойскій, во главѣ бригады Кунео, неустрашимо бросается на австрійцевъ, прогоняетъ ихъ снова изъ Санта-Лучіи и отбрасываетъ къ Вероиѣ, еще дальше, чѣмъ во время первой аттаки. Этотъ блестящій подвигъ позволилъ итальянской арміи отступить безъ всякой помѣхи.

Австрійцы выказали во время этого кровопролитнаго дня столько же храбрости, сколько и піемонтцы; потери съ обѣихъ сторонъ были значительны. Карлъ-Альбертъ—храбрый солдатъ и плохой полководецъ—присутствовалъ на самыхъ гибельныхъ пунктахъ и безпрестанно подвергалъ себя опасности. Сраженіе не имѣло никакого рѣшительнаго результата. По мнѣнію однихъ, король и его генералы подлежатъ обвиненію за то, что планъ не былъ предварительно сдѣланъ и обсужденъ, и даромъ пролита кровь; по мнѣнію другихъ, король сдѣлалъ хорошо, что испыталъ свои свѣжія войска, ободрилъ ихъ, пріучилъ къ побѣдѣ надъ врагами и доказалъ преимущество піемонцевъ надъ австрійцами, которые не посмѣли бороться въ открытомъ полѣ.

Чтобы тамъ ни было — успѣхъ или неудача, по крайней мѣрѣ Радецкій отказался отъ сраженія и оставилъ Пескьеру, окруженную и стѣсняемую все болѣе и болѣе, не имѣя возможности сдѣлать попытку къ ея освобожденію.

X.

Корпусъ Нюгента, прибывшій вмѣстѣ съ боевыми припасами, батальоны, спустившіеся изъ Тироля и собранные заботами герцога Іоанна,—все это измѣнило ходъ дѣлъ. Армія

Радецкаго, до сихъ поръ уступавшая въ численности, возросла до одинаковой цифры съ арміей Карла-Альберта. Силы были равны; сардинскій король могъ видѣть тогда слѣдствія своей вредной политики и ложной тактики. Стало ясно всѣмъ, что для воспрепятствованія опустошенію Венеціи и прибытію непріятельскихъ подкрѣпленій, достаточно было раньше отдать приказъ Дурандо и послать вовремя нѣсколько тысячъ хорошихъ войскъ въ Фріуль, для поддержанія мужества волонтеровъ. „Много разъ," говоритъ Фарини, одинъ изъ наиболѣе умѣренныхъ и добросовѣстныхъ историковъ этой эпохи, „Дурандо требовалъ помощи у Карла-Альберта, объявляя ему положительно, что безъ этого онъ только можетъ замедлить соединеніе Нюгента съ Радецкимъ, не будучи въ состояніи, ни побѣдить его, ни защитить Виченцу и окрестные города. Піемонтскіе генералы думали, что, ослабляя армію для поддержки Дурандо и Венеціи, они подвергнутъ ее большой опасности; и не смотря на живыя просьбы и благородно выраженное желаніе герцога Савойскаго отправиться туда самому, римляне одни остались охранять Венецію." Фарини прибавляетъ еще: „Послѣ соединенія Нюгента съ Радецкимъ, опасность покинутыхъ была такъ живо выставлена Дурандо, что король, по моему настоянію, помышлялъ уже отозвать ихъ къ Минчіо и По, на правый флангъ піемонтской арміи; но венеціянскіе города стали громко жаловаться на такое ужасное намѣреніе. Многіе присоединяли свои вопли къ воплямъ нѣкоторыхъ ломбардцевъ и къ разнаго рода клеветамъ, распространяя слухъ, что король Карлъ-Альбертъ, Дурандо и Азегліо хотятъ оставить Венецію на жертву непріятельскаго опустошенія, чтобы наказать ее за провозглашеніе республики и за то, что она опоздала соединиться съ Піемонтомъ...."

XI.

Если Дурандо, маркизъ д'Азегліо, уполномоченный посолъ Пія IX, т. е. друзья Карла-Альберта, такъ живо изображали чувства покинутыхъ,—что же должны были думать и дѣлать тѣ, которые не были ему преданы, которые боролись чтобы спасти Фріуль, Венецію, и которые видѣли какъ завоевывалась эта страна и порабощались одинъ за другимъ города и люди? Они настойчиво спрашивали, почему Карлъ-Альбертъ не отдѣлилъ отъ арміи значительнаго отряда, въ то время какъ Радецкій не могъ удалить отъ своихъ крѣпостей ни одного солдата, не подвергаясь опасности? Почему искуснымъ маневромъ не стѣснили Нюгента во время его движенія, при переправахъ чрезъ рѣки, вблизи защищенныхъ городовъ, посреди возставшаго народонаселенія? Почему, наконецъ, не разбили отряда, который, присоединясь къ Радецкому, увеличилъ его силы и сравнялъ ихъ съ итальянскими? Тогда, не имѣя возможности приписать невниманію безпомощное положеніе, отъ котораго зависѣлъ исходъ войны, не желая отнести его также къ стратегической ошибкѣ, по ихъ мнѣнію слишкомъ грубой, чтобы быть безнамѣренной, они объясняли его политическими причинами: желаніемъ короля заставить предложить себѣ корону отъ республики, одно имя которой представлялось ему какъ опасность и препятствіе. Эти подозрѣнія, казалось, подтверждались самими приверженцами короля, объявлявшими вездѣ, что единственное средство спасенія для Венеціи состоитъ въ признаніи Карла-Альберта королемъ. Общій голосъ приписывалъ маркизу д'Азегліо варварскія слова, которыя не возможны въ устахъ человѣка, храбро рисковавшаго жизнью подъ Виченцой: „Какъ вы хотите, чтобы король шелъ на помощь республикѣ.“

XII.

Обвиненія шли далѣе: говорили, что Карлъ-Альбертъ старается получить Венеціянскій престолъ, чтобы во время переговоровъ съ Австріею промѣнять его на Ломбардію и на герцогства Модену, Парму, Пьяченцу; слухъ этотъ, присоединявшій къ горькому положенію покинутыхъ еще видъ безчестной измѣны, принялъ такую силу, что временное ломбардское правительство, заботившееся о соединеніи обоихъ народовъ, сочло нужнымъ офиціяльно обратиться къ королю, чтобы дать ему случай опровергнуть столь недостойную мысль „и разъубѣдить венеціянскій народъ, который необходимо долженъ принять участіе въ дѣлѣ освобожденія Италіи.“

Карлъ-Альбертъ вполнѣ воспользовался обстоятельствомъ и объявилъ: „что война не кончится до тѣхъ поръ, пока непріятель не очиститъ итальянской земли, и что онъ, король, не положитъ оружья, пока Австрія не отодвинется за Альпы.“ Онъ хотѣлъ въ это время сосредоточить всѣ свои силы подъ Вероной. „Верона—взята, Венеціянская земля будетъ свободна!“

23 мая, Карлъ-Альбертъ сдѣлалъ воззваніе къ довѣрію венеціянцевъ: „На сколько неизмѣнно наше намѣреніе достигнуть цѣли предпріятія, на столько должно быть полно довѣріе ваше, чтобы помогать намъ въ нашихъ видахъ и усиліяхъ; потому что наше общее желаніе состоитъ въ полномъ освобожденіи общаго отечества отъ ига непріятеля“.

XIII.

Вмѣстѣ съ опасностью, число лицъ, имѣвшихъ убѣжденіе что Карлъ-Альбертъ — „шпага Италіи“ — могъ одинъ ее спасти, возростало безпрестанно. Послѣ взятія Удине и перехода чрезъ Тальяменто, пять депутатовъ отъ провинцій — Падуи,

Виченцы, Тревизы, Ровиго и Беллуны, 29 апрѣля, выразили ломбардскому правительству желаніе соединить Венецію съ Ломбардіею и требовали одного общаго собранія, чтобы рѣшить судьбу и вопросъ о будущемъ правительствѣ Ломбардо-Венеціи. Депутаты, чтобы дать понять всю важность своего поступка, послали копію съ прошенія военному и морскому министрамъ въ лагерь Карла-Альберта, для поднесенія королю. Мантуа, Верона, Удине, находясь во власти непріятеля, не могли заявить тѣхъ же желаній. Сардинскій министръ Франчини одобрилъ это и поспѣшилъ сообщить объ этомъ королю.

Временное ломбардское правительство, 5 мая, сообщило это предложеніе правительству венеціянской республики. Манинъ отвѣчалъ, 12 мая, искреннимъ и полнымъ согласіемъ на соединеніе судебъ Ломбардіи и Венеціи, которое по его мнѣнію могло быть установлено общимъ собраніемъ, составленнымъ изъ выборныхъ отъ всего народа. Консультатъ соединенныхъ венеціянскихъ провинцій изъявилъ свое сочувствіе желанію, выраженному депутатами Падуи, Виченцы, Ровиго, Беллуны и Тревизы.

Эти поступки должны были остаться одними симптомами, потому что король, его министры и временное ломбардское правительство, для достиженія цѣли, имѣли въ виду болѣе дѣйствительное средство, чѣмъ собраніе и его совѣщанія. Венеція все болѣе и болѣе чувствовала сближеніе провинцій съ Піемонтомъ, однако посылала имъ посильную помощь людьми и деньгами. Въ минуты опасности она помогала, и Тревизѣ, и Виченцѣ. Но мы повторяемъ, что опасность запугала робкіе умы, и негодованіе къ королю, оставившему эти провинціи, было сильнѣе чѣмъ сочувствіе къ республикѣ, не переставшей помогать имъ въ ихъ бѣдствіяхъ. Манинъ и Томмазео съ грустью, но твердо продолжали бороться съ увлеченіями страха. Они желали, чтобы бу-

дущее, каково бы оно ни было, разрѣшилось съ достоинствомъ и величіемъ, а не подъ вліяніемъ робкихъ внушеній. Они чувствовали въ душѣ острую боль, при видѣ Венеціи, республики, разрывавшейся на части, и удвоивали усилія и смѣлость. При помощи людей съ возвышенными чувствами, они ободряли Венецію пылкими прокламаціями и исполняли съ рѣдкою энергіей тяжелую обязанность, возложенную на нихъ богомъ и народомъ.

XIV.

Вмѣсто комитета обороны, 3 мая, былъ учрежденъ военный совѣтъ, президентъ котораго, генералъ Арманди исполнялъ обязанности военнаго министра. Учредили наблюдательный комитетъ; приняли быстрыя мѣры, въ отвѣтъ на объявленіе блокады австрійскимъ флотомъ; приняли систему добровольной вербовки, не считая возможнымъ обязательную конскрипцію. Генералъ Антонини, поплатившійся кровью за честь командовать городомъ и фортами, своимъ примѣромъ возбуждалъ въ солдатахъ чувство самоотверженія. Прибывшіе изъ Парижа эмигранты, побѣдители Миланскихъ улицъ, были всегда готовы къ сраженію. Ла Масса во главѣ нѣсколькихъ Сицилійцевъ, прибывшихъ 14 мая, а также нѣсколько неаполитанскихъ волонтеровъ, принесли съ другаго конца Италіи знамена, какъ залогъ единства любезнаго отечества. Феррари сбиралъ въ Венеціи остатки римскихъ колоннъ, которыя, избавившись отъ слабыхъ и трусовъ, стремились блистательно смыть прошлую неудачу; они чувствовали себя перерожденными вступивъ въ священный городъ. Правительство республики, истощивъ всѣ источники для защиты провинцій и Венеціи, издало декретъ о принудительномъ займѣ въ 10,000,000 лиръ, по пяти со ста, съ гарантіею 29,456 акцій желѣзной дороги изъ Милана въ

Венецію, сдѣлавшейся національною собственностью. Венеціянская провинція должна была одна внести половину этой суммы.

Добровольныя пожертвованія были значительны. Въ церквахъ, на площадяхъ, священники, трибуны, вдохновленныя Богомъ и любовью къ отечеству, Гавадди, Уго Басси, Торніелли привлекали народнаселеніе, растроганное ихъ словами; они воспламеняли сердца, возвышали мысль, заставляли трепетать, стенать, плакать, взывая къ мученикамъ, раненымъ, умирающимъ, проклинали притѣснителей, порицали эгоистовъ, негодяевъ, возбуждали стремленіе къ высшему самопожертвованію, прославляли героевъ, предвѣщали побѣды, указывали на благоденствіе освободившейся Италіи, развертывали трехцвѣтное знамя, освященное вѣрою, прославленное успѣхомъ, купленное кровью, вознесенное на альпійскія высоты; они возвѣщали именемъ І. Х., распятаго за искупленіе человѣчества, будущее воскресеніе Италіи. Толпа слушала ихъ съ жадностію и восторгомъ. Золото, серебро, мѣдь, драгоцѣнности, брильянты, перстни, серьги сыпались на эстрады, украшенныя національными эмблемами, и когда набиралась значительная куча, народъ привѣтствовалъ ее съ неистовыми рукоплесканіями и жаднымъ энтузіазмомъ. Въ то время, какъ бѣднѣйшій жертвовалъ послѣднимъ оболомъ, нѣкоторые великодушные граждане подавали примѣръ болѣе значительными пожертвованіями. Братья Джіованелли пожертвовали 60,000 ливровъ, домъ Тревизъ — 100,000.

Правительство заботилось и берегло плѣнныхъ, наблюдало за безопасностью дочери Нюгента и за престарѣлымъ маршаломъ Біанки, которые были заложниками въ Тревизѣ. Благородная месть за жестокости, произведенныя солдатами Нюгента надъ женщинами и дѣтьми!

XV.

Венеція обратила свои взоры къ морю. Не смотря на блокаду, она полагала тамъ свою надежду. Она ожидала флага французской республики, какъ символа независимости, заявленія сочувствія, исполненія прежняго обѣщанія. Она ждала неаполитанскаго и сардинскаго флотовъ, какъ помощи итальянской, помощи немедленной; она ее желала, она ее требовала. Мы уже говорили, что флагъ французской республики, достойно развивавшійся на „Асмодеѣ“,—подъ командою Рикоди — 10-го мая явившійся первымъ на призывъ, былъ встрѣченъ изъявленіями душевной радости и криками: „Да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ Италія!“ Асмодей былъ представителемъ значительнаго французскаго флота, находившагося по сосѣдству, въ Неаполитанскихъ и Сицилійскихъ водахъ.

Неаполитанская эскадра прибыла 16-го, въ составѣ пяти паровыхъ фрегатовъ, двухъ парусныхъ и однаго брига подъ командой адмирала Коза. Это былъ итальянскій праздникъ, всеобщее веселіе! одно присутствіе этой эскадры уже разсѣяло австрійскую флотилію. Колокольный звонъ, музыка городской стражи, гондолы, разукрашенныя и полныя народа, набережныя и берега, запруженные любопытной и нетерпѣливой толпой, знамена въ окнахъ, радостные крики, виваты, восклицанія Неаполю и Италіи, аплодисменты флотскимъ офицерамъ, прибывшимъ въ качествѣ депутатовъ, проявленіе всеобщаго восторга,—все свидѣтельствовало о внутреннемъ волненіи народа, который видѣлъ въ этомъ возвращеніе господства италіи надъ Адріатическимъ моремъ и вѣрное предзнаменованіе своей независимости.

Нѣсколько дней спустя, 22-го, показался на венеціянскомъ горизонтѣ сардинскій флотъ, состоявшій изъ восьми па-

русныхъ судовъ, подъ командой контръ-адмирала Альбини. Утромъ, 23-го, исполняя инструкцію, данную піемонтскимъ правительствомъ и сообщенную туринскому парламенту, оба флота, соединясь съ тремя венеціянскими судами, бывшими подъ командой контръ-адмирала Буа, пытались окружить австрійскую флотилію и овладѣть ею. Но австрійскіе корабли, при помощи пароходовъ Ллойда, успѣли укрыться въ Тріестѣ. Роли перемѣнились: теперь итальянской эскадрѣ пришла очередь блокировать австрійскія страны и угрожать ея силамъ.

XVI.

Прибытіе флотовъ, побѣда при Виченцѣ возбудили надежды Венеціи; къ этому присоединилось еще одно неожиданное событіе: пришла вѣсть, что, вслѣдствіе послѣдняго революціоннаго движенія въ Вѣнѣ, императоръ, императрица и вся царская фамилія, ночью 16-го, тайно выбрались изъ города, чтобы бѣжать въ Инспрукъ, и что въ столицѣ царствуетъ сильное волненіе.

Итакъ судьба Венеціи была еще не рѣшена. Піемонтская армія, равносильная австрійской, расположилась передъ Мантуей и Вероной и окружила Пескьеру. Карлъ-Альбертъ могъ побѣдить Радецкаго. Если непріятель и владѣлъ Удиной, Беллуной, Фельтре; то относительно Пальма-Нова, Озопо, Піеве-де-Кадоре, можно было съ увѣренностью сказать, что они устояли бы противъ новой аттаки. Тревиза, Падуа, Ровиго и Виченца были защищены смѣлымъ народонаселеніемъ и арміей Дурандо — изъ 10,000 римлянъ и швейцарцевъ, закаленныхъ битвами и ободренныхъ славой. Наконецъ, ждали прибытія неаполитанской арміи въ 14,000 человѣкъ, подъ командой генерала Пепе, которому Манинъ писалъ 11-го мая, чтобы извѣстить его о внезапныхъ неудачахъ и основательныхъ надеждахъ.

„....Опасность и важность теперешнихъ бстоятельствъ заставляетъ насъ обращаться съ горячими просьбами къ неаполитанскимъ генераламъ, идущимъ подъ вашимъ начальствомъ; пусть летятъ они къ намъ на помощь съ ихъ морскими и сухопутными силами, если хотятъ пріобрѣсти безсмертную славу, что спасли насъ и въ тоже время дѣло итальянской незасимости!....“

20-го и 23-го — новыя письма и новыя, еще болѣе настойчивыя просьбы.

XVII.

Для Манина, Томмазео и венеціянскихъ республиканцевъ важность помощи, ожидаемой изъ Неаполя, заключалась собственно не въ одной ея грубой силѣ; тутъ были болѣе тонкія политическія соображенія. Выиграть дѣло благодаря сардинскому флоту и сардинской арміи, это значило быть обязаннымъ за свое спасеніе Карлу-Альберту, а за освобожденіе Италіи — Піемонту; но это означало тоже, что республика поглощается верхне-итальянскимъ королевствомъ, и что Ломбарцамъ придется отказаться отъ старыхъ священныхъ преданій и отъ блеска льва святаго Марка; а между тѣмъ они единодушно призывали помощь Сардиніи, рискуя подвергнуться и всѣмъ ея послѣдствіямъ. Успѣхъ, благодаря неаполитанскому флоту, неаполитанской и римской арміямъ велъ тоже къ спасенію и освобожденію; но тутъ представлялась свобода выбирать родъ правленія, лучшее средство къ достиженію итальянскаго единства, чрезъ соединеніе всѣхъ народовъ Италіи,—это было необходимымъ условіемъ интересовъ общаго отечества.

Неаполитанская армія тоже давала возможность, взять перевѣсъ надъ арміей Радецкаго. Всѣ стремленія, всѣ нетерпѣливыя ожиданія были направлены въ эту сторону. Считали дни, часы, минуты; мысленно слѣдовали за медленнымъ движе-

ніемъ батальоновъ въ Анкону, въ Болонью; ихъ торопили съ жаромъ, свойственнымъ народу, когда онъ защищаетъ свое отечество. Съ радостію узнали, что Пепе, обмѣнявшись въ Болоньѣ письмами съ піемонтскимъ королемъ и пославши ему храбраго капитана Уллоа для соглашенія общаго плана дѣйствій, отдалъ, 22, приказъ первой и второй бригадамъ—первой дивизіи, итти въ Феррару съ превосходной шестипушечной баттареей. Неаполитанская армія была готова дѣйствительно перейти По, какъ вдругъ несчастный и неожиданный случай измѣнилъ положеніе дѣлъ, уничтожилъ всѣ планы, поразилъ Италію въ самое сердце и разрушилъ надежды несчастной Венеціи.

XVIII.

Въ Неаполѣ, какъ и въ Римѣ, было два произвола: — царскій и народный; два интереса: абсолютной власти и освобожденія; двѣ тенденціи: одна австрійская, другая итальянская. Фердинандъ, — общественнымъ требованіемъ принужденный согласиться, 29 января, на конституцію, на преобразованія 3 апрѣля, на учрежденіе министерства Троя и на посылку помощи Венеціи, — не переставалъ тайно трудиться надъ возвращеніемъ потерянняго, склонялся передъ явною необходимостью и подвигался впередъ, отыскивая средство къ отступленію. Постановленіе папы отъ 29 апрѣля произвело неописанную радость при неаполитанскомъ дворѣ. Неаполитанскіе депутаты, отправленные къ итальянской лигѣ, послѣ этого постановленія оставили Римъ. Утверждаютъ, что Пій IX въ послѣдніе трудные дни апрѣля хотѣлъ одно время бѣжать къ королю Фердинанду, и что поборники деспотизма поспѣшили одобрить этотъ проэктъ, который обезпечивалъ содѣйствіе главы церквы при реставраціи въ обѣихъ странахъ.

Отправленіе флота и арміи встрѣтило препятствія. „Я настаивалъ—говоритъ Пепе въ своихъ мемуарахъ—на быстрой

организаціи арміи, которая отвѣчала бы необходимымъ условіямъ спасенія Италіи. Король съ своей стороны рѣшился на все, чтобы ослабить ея численность, плохо снабдить и сдѣлать неспособною къ могущественному содѣйствію въ итальянскомъ дѣлѣ: было бы скучно и долго описывать подлые и низкіе происки, къ которымъ прибѣгали король, придворные, старшіе изъ офицеровъ и генералы, для воспрепятствованія организаціи арміи."

Важный фактъ, объясняющій затруднительное положеніе Пепе и даже министерства, исполненнаго тѣхъ же стремленій,— фактъ, проливающій свѣтъ на весь слѣдующій разсказъ, заключается въ томъ, что неаполитанскій король во все это время оставался прямымъ начальникомъ арміи и флота. Главный штабъ находился во дворцѣ, отдавалъ приказы нескрѣпленные министромъ и противился, когда Салисетти, впродолженіе своего нѣсколькодневнаго присутствія въ совѣтѣ, сталъ замѣчать и указывать на такое антиконституціонное устройство. Фердинандъ долгое время, по необходимости а также по склонности, посвящалъ свои труды и сокровища на обученіе и обезпеченіе арміи. Генералы, офицеры, солдаты получили все отъ него: положеніе, будущность, состояніе. Онъ могъ разсчитывать на ихъ содѣйствіе; общій интересъ ихъ связывалъ гораздо болѣе, чѣмъ признательность.

XIX.

Пепе долженъ былъ потерять цѣлый мѣсяцъ въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ, чтобы добиться отправленія войскъ. Только 4 мая онъ оставилъ Неаполь. Онъ хотѣлъ моремъ переправить армію въ Венецію, но король воспротивился этому. Войска двигались медленно по папской области. Казалось, офицеры получили секретныя предписанія не торопиться. Король едва скрывалъ свое отвращеніе, хотя и ста-

рался маскироваться; однажды въ совѣтѣ онъ позволилъ себѣ сказать, что война Италіи противъ Австріи — неспреведлива, тогда какъ отправилъ къ Карлу-Альберту посла, Піетро Леонарди, честнаго и либеральнаго человѣка, для заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза, съ Сардиніей „чтобы чрезъ соединеніе могущественнѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ итальянскихъ армій, побѣда была бы болѣе быстра и болѣе вѣрна“. Одновременно съ этимъ, онъ упрекалъ полковника, 10-го линейнаго неаполитанскаго полка, за переходъ черезъ По, дозволилъ министерству Тройя послать флотъ въ Венецію, и препроводилъ къ адмиралу де-Коза инструкцію, которую тотъ долженъ былъ распечатать въ морѣ, и въ которой совѣтовали ему не нападать на австрійскій флотъ.

Наконецъ инструкція, данная генералу Пепе, была слѣдующаго содержанія:

«Неаполь, 3 мая.

„Я долженъ просить ваше превосходительство, относительно передвиженія арміи, достойно ввѣренной вашему превосходительству, ограничиться сосредоточеніемъ ея на правомъ берегу По, и тамъ ожидать предписаній правительства, на счетъ роли, которую она должна принять въ войнѣ за освобожденіе Италіи отъ иностранцевъ. — Распоряженія сдѣланы, чтобы немедленно была заключена между итальянскими государями конвенція, которая опредѣлитъ мѣру участія нашей арміи въ борьбѣ“.

«Военный и Морской Министръ
Рафаэль дель Джіудиче».

И такъ какъ піемонтскій король отказывался отъ всякаго участія въ итальянской литрѣ, то Пепе слѣдовало, или держаться на правомъ берегу По, или же принять на себя отвѣтственность за превышеніе власти и отправиться съ вой-

скомъ въ Венецію; генералъ и рѣшился на послѣднее изъ чувства патріотизма; но король приставилъ къ нему генерала Стателла и другихъ старшихъ офицеровъ, которыхъ преданность были ему извѣстны.

Двусмысленное выраженіе королевской воли было тѣмъ болѣе гибельно, что объ этомъ знали въ арміи, въ Неаполѣ, во всемъ королевствѣ. Отсюда—недовѣріе, ропотъ, обвиненія; въ кружкахъ—горячіе разговоры; въ тайныхъ обществахъ—проэкты; при дворѣ — интриги, тайная подготовка, приказы, отдаваемые военноначальникамъ, командирамъ фортовъ, полковникамъ швейцарскихъ легіоновъ. Министерство, преданное либеральному направленію, но поставленное между требованіями города и упорствомъ дворца, ослабившая народную къ себѣ довѣренность, тѣмъ что засѣдало въ королевскомъ совѣтѣ, безъ вліянія на короля, которому оно было навязано событіями, осаждаемое отставленными министрами, порицаемое людьми, жаждавшими власти, наконецъ окруженное необъятнымъ числомъ недовольныхъ искателей,— министерство было безъ силы, безъ могущества, а между тѣмъ оно держалось, будучи необходимымъ посредникомъ между королемъ и народомъ.

XX.

Таково было состояніе умовъ и положеніе дѣлъ въ неаполитанскомъ королевствѣ, когда выборные депутаты прибыли изъ провинцій для составленія палатъ, открытіе которыхъ было назначено 15 мая.

13-го, сообразно со статутомъ конституціи и манифестомъ 3 апрѣля, избирательные листы коллегій были провѣрены, имена пятидесяти перовъ — объявлены въ декретѣ. Въ тотъ же день была обнародована программа торжественной церемоніи въ церкви святаго Лаврентія, которая должна была предше-

ствовать открытію парламентскихъ работъ. 12-й параграфъ гласилъ: „По окончаніи обѣдни король встанетъ и, держа правую руку на евангеліи, передъ лицемъ палатъ собранныхъ въ законномъ числѣ, возобновитъ клятву, разъ уже данную, на соблюденіе конституціоннаго положенія, — per la osservanze della statuto constituzionale. — Когда его величество встанетъ, перы, депутаты и другіе присутствующіе также встанутъ. Священнослужитель и министръ юстиціи примутъ присягу его величества и занесутъ въ протоколъ, который и будетъ храниться въ архивѣ государственной секретарской палаты.“ Параграфъ 13. — „Немедленно затѣмъ присягнутъ перы и депутаты. Для этого, когда вышеупомянутый министръ прочтетъ образецъ присяги, секретари принесутъ и поднесутъ каждому изъ депутатовъ святое евангеліе, причемъ всякій, положа на него правую руку, произнесетъ: клянусь!“

XXI.

Эта программа не была подписана ни однимъ изъ министровъ, и появленіе ея было встрѣчено замѣчаніями, критикой, ропотомъ нѣкоторыхъ изъ депутатовъ. Почему былъ пропущенъ въ клятвѣ манифестъ 3-го апрѣля, а особенно слѣдующая статья? „Параграфъ 5. Какъ только откроется парламентъ, обѣ палаты, по согласію съ королемъ, будутъ имѣть право пересмотрѣть—di svolgere—статутъ, особенно все относящееся до палаты перовъ.“ Подобное опущеніе не было ли преднамѣренно? Абсолютная форма присяги не была ли нарушеніемъ данныхъ правъ? Не значило ли это отнять у парламента учредительную власть? Депутаты, однажды связанные клятвой, не будутъ потомъ въ состояніи, ни измѣнять, ни установлять!

Другіе шли еще далѣе. Къ чему поведетъ присяга конституціи, какого бы рода она ни была, если имѣютъ право

измѣнить ее и даже уничтожить? какое противовѣчіе! Не было ли это покушеніемъ на верховную власть народа? Нѣкоторые упрекали министровъ за отсутствіе подписей подъ программой и обвиняли ихъ въ несвоевременномъ возбужденіи столь труднаго и щекотливаго вопроса. Недовѣріе и неудовольствіе отъ этого возрастали.

Принятіе присяги осуждали еще съ совершенно противоположной точки зрѣнія. Останавливаться на ней хотя одну минуту, по ихъ мнѣнію, было ребячество; зачѣмъ строить препятствія безъ серьезнаго предлога? Присягать конституціонному статуту не значило еще отрицать манифестъ 3 апрѣля. Развѣ не было притомъ упомянуто о назначеніи перовъ въ декретѣ, подписанномъ королемъ? Право было пріобрѣтено: умолчать о немъ, еще не значило уничтожить его. А если это была западня, зачѣмъ же попадать въ нее. Тѣмъ, которые думали, что ихъ совѣсть будетъ связана присягой, стоило только удержаться отъ нея въ день церемоніи; другіе бы присягнули одни; за тѣмъ объяснились бы. Но заводить раздоры въ самомъ началѣ, значило злополучно отпраздновать первый день парламентскихъ засѣданій!

Всѣ эти доводы были пущены обѣими сторонами на различныхъ собраніяхъ и возбудили шумныя пренія. 14-го, депутаты, собравшись во дворцѣ Monte-Oliveto на приготовительное засѣданіе, выбрали въ президенты почтеннаго архидіакона Лука де-Санъ-Камге-Каньяцци, глубоко ученаго экономиста, а въ вице президенты — доктора Винченцо Ланца, знаменитаго профессора и замѣчательнаго медика.

Распри возобновились еще съ большею силой. Программа, присяга, церковь, мѣсто церемоніи,—все подвергалось жестокой критикѣ; особенно присяга, какъ главный вопросъ, была долго обсуждаема и наконецъ отвергнута. Договаривались съ министрами объ измѣненіи ея содержанія; министры условливались съ королемъ; многократныя депутаціи от-

правлялись изъ палаты въ министерство, изъ министерства во дворецъ. Депутаты настаивали, король упорствовалъ, не соглашался измѣнить присягу; упорство возбудило подозрѣніе, а это послѣднее породило еще болѣе настойчивыя требованія. Король медлилъ, отвѣчалъ уклончивыми двусмысленными фразами, но депутаты отвергали ихъ съ ожесточеніемъ.

XXII.

Вѣсть объ этомъ печальномъ разногласіи распространилось по городу съ быстротою электричества. Городъ, уже съ давнихъ поръ недовольный и недовѣрчивый, теперь встревожился и поднялся. Глухой, затаенный гнѣвъ, переполнившій сердца, готовъ былъ разразиться. Теперь волнуются уже не изъ за одной присяги,—дурныя намѣренія короля, не подлежатъ болѣе сомнѣнію; надобно, наконецъ, отъ него добиться болѣе вѣрныхъ гарантій; если онъ не уступитъ добровольно, слѣдуетъ принудить; законодательный корпусъ долженъ объявить себя учредительнымъ собраніемъ, швейцарцы должны быть распущены, а форты и всѣ посты — ввѣрены національной гвардіи. При наступленіи ночи начали строить баррикады на Толедской улицѣ, что придало ходу дѣлъ мрачный колоритъ сраженія. Дебаты, на улицахъ Неаполя, переходятъ въ дѣйствія: разбираютъ мостовыя, берутся за оружіе. По мнѣнію однихъ, эти баррикады возведены агентами монарха, который готовитъ себѣ опору и мечтаетъ о реакціи. Онъ хочетъ вывести на площадь, умышленно поднятый вопросъ о присягѣ; надо стараться не упасть въ эту грубую ловушку. По мнѣнію другихъ, выраженному съ высоты балкона городской ратуши, толчекъ данъ нѣсколькими народными вождями; на нихъ указываютъ, довѣряютъ имъ; надо слѣдовать за ними. Битва должна рѣшить участь. Національная гвардія

сбѣгается со всѣхъ сторонъ, образуетъ группы. Баррикады умножаются.

Депутаты съ прискорбіемъ узнали объ этихъ приготовленіяхъ къ борьбѣ. Нѣкоторые спрашивали себя, не зашли ли они слишкомъ далеко, несвоевременно поднимая такой горячій вопросъ; подумали ли они, что это поведетъ къ столь пагубнымъ крайностямъ. Взволнованные министры прибѣгаютъ и умоляютъ палату не итти далѣе, подумать объ Италіи! Большинство упорствуетъ. Министры требуютъ уступокъ отъ короля, представляя ему прошенія объ ихъ отставкѣ. Король отказываетъ; онъ полагается на войска и на швейцарцевъ, считаетъ себя достаточно сильнымъ, чтобъ подавить волненіе, восторжествовать надъ обстоятельствами, — и отвергаетъ всякое предложеніе. Цѣлая ночь проходитъ въ переговорахъ. Настаетъ день, а вмѣстѣ съ нимъ волненіе удвоивается. Съ обѣихъ сторонъ готовятся къ битвѣ. Толедская улица запружена національной гвардіей, въ окнахъ и за баррикадами—граждане. Національная гвардія собрана и размѣщена по кварталамъ; неаполитанскія войска и швейцарцы расположились передъ дворцомъ и на Sargo del Castello. Депутаты съ душевнымъ безпокойствомъ ожидаютъ королевскаго рѣшенія.

XXIII.

Наконецъ, утромъ 15-го мая, въ первомъ часу, король сильно взволнованный начинаетъ сомнѣваться на счетъ исхода борьбы, колеблется, уступаетъ настоятельнымъ требованіямъ и подписываетъ декретъ, въ которомъ соглашается на открытіе палатъ въ 2 часа по полудни въ зданіи университета, на уничтоженіе 12-го и 13-го параграфовъ программы, на новую форму присяги, которая будетъ произнесена послѣ означенія предѣловъ власти и въ которой будетъ упомянуто

о пересмотрѣ и измѣненіи конституціи сообразно 5 параграфу программы 3-го апрѣля.

Декретъ, тотчасъ сообщенный палатѣ депутатовъ, ослабляетъ натянутое положеніе. Надежда возрождается; можно вздохнуть спокойно. Слѣдствія уничтожаются вмѣстѣ съ причиной; предлога для борьбы болѣе нѣтъ и Ланца, предсѣдатель, тотчасъ публикуетъ прокламацію, требуя отъ народа разрушенія баррикадъ, дабы открытіе парламента могло совершиться мирно. Депутаты спѣшатъ въ Толедскую улицу. Генералъ Гаврiилъ Пепе—начальникъ національной гвардіи—направляется туда же. Уступки короля объявлены. Все должно притти въ порядокъ. Надо уничтожить баррикады. Борьбы болѣе нѣтъ! Безполезнаго кровопролитья не будетъ! Одни принимаютъ эти слова съ радостію и удаляются; другіе, выслушавъ молча, остаются неподвижны съ оружіемъ въ рукахъ; баррикады остаются нетронутыми. Генералъ и депутаты истощаются въ увѣщаніяхъ, въ просьбахъ; всѣ усилія напрасны, парламентскихъ приказовъ не слушаютъ. Число національной гвардіи и вооруженныхъ гражданъ уменьшается; но небольшая часть восторженныхъ и фанатичныхъ остается на занятой позиціи: за баррикадами и въ окнахъ. Войска и швейцарцы тоже выстроились; они не получаютъ отъ короля, своего главнаго и непосредственнаго начальника, приказанія удалиться и остаются въ угрожающемъ положеніи съ заряженными ружьями въ рукахъ. Въ такомъ видѣ остается все до половины двѣнадцатаго; довольно одной искры и огонь вспыхнетъ! Тогда—какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ—раздаются два выстрѣла; двое ранены! Войска отвѣчаютъ. На Толедской улицѣ должна была рѣшиться судьба, не только Неаполя и королевства обѣихъ Сицилій, но и судьба будущности Италіи.

Кто сдѣлалъ эти два выстрѣла? Богъ вѣсть! Патріоты ли, нетерпѣливо ждавшіе начала рѣшительной борьбы, или же аген-

ты, посланные государемъ, который черезъ своихъ шпіоновъ зналъ о малочисленности сражающихся и разсчитывалъ на десять тысячъ солдатъ, въ числѣ которыхъ было четыре полка швейцарцевъ, чтобы потопить революцію въ крови? Избытокъ ли мужества и смѣлости тѣхъ, которые отказались разрушить и покинуть баррикады; поведеніе ли короля было тому причиной, во всякомъ случаѣ послѣдствія должны были быть гибельны для дѣла независимости Италіи.

XXIV.

Вскорѣ сраженіе началось на различныхъ пунктахъ съ равной непреклонной энергіей. Граждане изъ оконъ и съ баррикадъ посылаютъ смерть идущимъ на приступъ. Шумъ сраженія привлекаетъ на мѣсто борьбы и часть тѣхъ, которые удалились. Четыре швейцарскихъ полка получаютъ приказъ вести аттаку на четыре пункта: на баррикаду Санъ Фернандо, гдѣ огонь наиболѣе смертоносенъ, на Санта-Бригида, Санъ-Джіакомо и Вика Кончезіоне. Свинцовый градъ вскорѣ поражаетъ шесть офицеровъ и тридцать пять гренадеръ. Швейцарцы дерутся за короля, который имъ платилъ, дерутся по обязанности, безъ убѣжденія, безъ страсти, но храбро и хладнокровно. Точно вылитые изъ мѣди, они не отступаютъ ни передъ чѣмъ. Аттака произведена, но храбро отбита. Убитые и раненные пали съ обѣихъ сторонъ, не отступая, пораженные въ грудь. Національные гвардейцы, молодые люди еще неопытные въ битвѣ, обнаруживаютъ чудеса храбрости. Смѣлые, безстрашные, никогда прежде не бывшіе подъ огнемъ, — они черезъ часъ уже борятся какъ герои! Павшіе жертвой немедленно замѣщаются живыми. Тщетно швейцарцы желаютъ проникнуть за баррикады; ихъ останавливаютъ свинецъ, желѣзо и разобранныя мостовыя.

Король съ самаго начала поднялъ надъ дворцомъ красный флагъ. На укрѣпленныхъ замкахъ и фортахъ поднимаются такія же флаги, — сигналъ условленный заранѣе. Бомбы сыплются на городъ Комендантъ форта Сентъ-Эльме, генералъ Микель Анжіело Роберти, не повинуется отданному приказу и стрѣляетъ холостыми зарядами. Онъ знаетъ, что послѣ сраженія его лишатъ должности, но не колеблется въ выборѣ, между заботой о своемъ благосостояніи и спасеніемъ города. Время тянется медленно и сраженіе поддерживается съ тѣмъ же упорствомъ. Но вотъ швейцарцы требуютъ артиллерію на помощь. Орудія начинаютъ гремѣть; ядра пронизываютъ баррикады, однако не разрушаютъ ихъ; за ядрами слѣдуетъ картечь. Баррикады и дома превращаются въ рѣшето. Ничто не въ состояніи поколебать неустрашимыхъ защитниковъ. Четыре часа дерутся безъ успѣха ни съ той, ни съ другой стороны. На чьей сторонѣ останется побѣда неизвѣстно.

XXV.

Депутаты, надѣявшіеся еще утромъ на примиреніе, и нѣкоторые изъ нихъ уже одѣтые въ черное для церемоніи, отправляются въ Monte Oliveto и открываютъ засѣданіе подъ предсѣдательствомъ почтеннаго престарѣлаго Каньяцци, „который бросаетъ на юный парламентъ священную тѣнь своихъ восьмидесяти годовъ“ *). Первыя совѣщанія происходятъ подъ вліяніемъ безпокойства и смущенія. Нерѣшительная палата боится взять въ свои руки власть, созвать баталіоны національной гвардіи, расположенные по кварталамъ и придать оборонѣ законность своими прокламаціями. Она посылаетъ депутатовъ освѣдомиться о текущихъ событіяхъ и назначаетъ двухъ коммиссаровъ: одного для отправленія къ королю, друго-

*) Монтанелли.

го—къ адмиралу Бодену и посланнику Левро. Немного спустя одинъ изъ городской стражи, Г. Капонъ, не говоря ни слова, кладетъ на столъ палаты ядро, поднятое на одной изъ улицъ Неаполя. Эта нѣмая рѣчь заставляетъ всѣхъ вздрогнуть. Собраніе рѣшается образовать комитетъ общественнаго благосостоянія, составленный изъ пяти членовъ, для избавленія Неаполя отъ рѣзни. Одни предлагаютъ удалиться на Capo di Monte, другіе — задарить лаццарони, которыхъ агенты Фердинанда подкупаютъ и стараются озлобить противъ буржуазіи. Безполезныя и безплодныя предложенія! Сраженіе начато! Надо принять въ немъ участіе, надо побѣдить или пасть.

XXVI.

Король, лично предводительствовавшій войсками, сильно безпокоился ходомъ сраженія, болѣе упорнаго чѣмъ онъ ждалъ. Блѣдность его лица указывала на душевныя терзанія; однако, несмотря на шаткость положенія, онъ судорожно отвергалъ требованія министровъ и депутацій, которыя клонились къ перемирію. Переполненный ѣдкою скорбію отъ вынужденныхъ уступокъ и униженій, онъ мечталъ одержать побѣду, и, не смотря на тоскливыя предчувствія, не хотѣлъ отъ нея отказатьтя. Къ жаждѣ мщенія присоединялось желаніе возвратить потерянную власть. Онъ разсчитывалъ на храбрость наемныхъ швейцарцевъ, на лаццарони, которыхъ велѣлъ увлекать грабежомъ и разбоемъ, и на орудія фортовъ, бомбардировавшихъ городъ. На настойчивыя требованія министровъ онъ отвѣчалъ: „Дѣло начато, надобно его кончить!“ Дипломатическій корпусъ — не исключая и лорда Непира, англійскаго посланника, который до 29-го января поддерживалъ либеральную партію — отправился во дворецъ къ королю и не произнесъ ни одного слова въ пользу прекращенія борьбы, обагрявшей кровью весь городъ. Только посланникъ фран-

цузской республики и капитанъ корабля, посланный адмираломъ, явились отъ имени Франціи сказать нѣсколько словъ, внушенныхъ чувствомъ человѣколюбія.

XXVII.

День кончался. Сраженіе уже продолжалось восемь часовъ. Солдаты смотрѣли съ тоской на наступающіе сумерки. Если имъ не удастся одержать полную побѣду до наступленія темноты, они не могутъ болѣе на нее надѣяться. Уличныя плиты были залиты ихъ кровью и покрыты ихъ трупами. Увлекаясь битвой, они дѣлаютъ послѣднее гигантское усиліе, врываются въ ворота, проникаютъ въ дома, стрѣляютъ изъ оконъ; двѣ первыя баррикады взяты; они съ бѣшенствомъ бросаются на послѣднія. Граждане истомлены, ослаблены потерею людей и недостаткомъ боевыхъ припасовъ; голой грудью стремятся они остановить натискъ, падаютъ и умираютъ! Но своею смертью они возстановляютъ во всеобщемъ мнѣніи неаполитанское имя, неаполитанскую храбрость. Пусть всѣ живущіе въ этихъ роскошныхъ и богатыхъ странахъ, какого бы они ни были мнѣнія о борьбѣ, почтутъ ихъ какъ своихъ мучениковъ; они доказали, что и въ Неаполѣ умѣютъ драться, умѣютъ жертвовать собою и умирать.

XXVIII.

Швейцарцы овладѣли центромъ Толедской улицы. Королевская гвардія срыла баррикады Монте-Оливето и Спирото-Санто и получила возможность занять Ларго дель Меркателло; вся Толедская улица была въ ихъ власти. Послѣ побѣды начались грабежъ и пожаръ; солдаты бросились на городъ, какъ на непріятельскій, взятый приступомъ. Лаццарони, спустившіеся какъ хищныя птицы послѣ битвы на буржуазію и

дворянство, сбѣгаются толпами, чтобы предаться грабежу и кричатъ: „да здравствуетъ король!“ Картина совершившагося звѣрства такова, что мы отказываемся рисовать ее и предоставляемъ это итальянскимъ историкамъ. „Солдаты, говоритъ генералъ Пепе въ своихъ мемуарахъ, съ бѣшенствомъ невѣроятной жестокости злоупотребили побѣдой. Варварство перешло въ звѣрство. Въ половинѣ XIX-го столѣтія, цвѣтущій и цивилизованный итальянскій городъ былъ свидѣтелемъ ужасовъ, достойныхъ времени Нерона по своимъ чудовищнымъ гнустностямъ; и Европа, имѣвшая здѣсь свои эскадры смотрѣла на кровавое зрѣлище безстрастно и холодно. Убійства, грабежи, разстрѣливанія, зарѣзанные дѣти, старики, женщины! Къ стыду человѣчества ничто изъ всего этого не было пощажено. Несчастный Неаполь былъ преданъ на жертву всевозможнымъ мукамъ. Чернь увѣнчала дѣло, предавшись, вмѣстѣ съ солдатами, хищничеству и насилованію женщинъ.... Всѣ солдаты національной гвардіи, взятые съ оружіемъ въ рукахъ были разстрѣляны!.... Въ ночь 15-го мая, прекраснѣйшій городъ Италіи представлялъ зрѣлище, которое страшно описывать: палацы въ огнѣ, Толедская и сосѣднія улицы завалены изуродованными и окровавленными трупами; послѣдніе стоны умирающихъ, заглушаемые непристойными криками толпы! вездѣ дымящіеся слѣды опустошительнаго дѣйствія артиллеріи; повсюду печаль и звѣрство! въ каждомъ семействѣ безпокойство, горе; во всѣхъ сердцахъ страхъ и ужасъ!....“

Тюрьмы наполнились жителями которыхъ брали случайно и цѣлыми толпами.

XXIX.

Этотъ погребальный разсказъ могъ бы показаться преувеличеніемъ побѣжденной партіи, если бы вполнѣ не былъ

подтвержденъ и побѣдителями. Печальное признаніе въ этихъ страшныхъ поступкахъ встрѣчается въ документахъ приверженцевъ короля. Корреспондентъ газеты «Univers» писалъ: „...Многіе изъ нашихъ соотечественниковъ потерпѣли значительныя потери, потому что въ бѣшенствѣ сраженія и въ опьяненіи первыхъ минутъ, послѣдовавшихъ за побѣдою, нельзя было сдержать солдатъ, отчего произошло нѣчто въ родѣ грабежа города, взятаго приступомъ. Побѣжденные конечно преувеличиваютъ, но и самая истина чрезвычайно печальна.“

Генеральный агентъ Швейцарскаго союза, Мёрикоффръ, говоритъ въ депешѣ, адресованной своему правительству: „....былъ грабежъ и многіе изъ нашихъ согражданъ, поселившихся здѣсь, потерпѣли убытки.“

Наконецъ, въ оправдательномъ письмѣ отъ 7 іюня, подписанномъ четырьмя швейцарскими полковниками съ цѣлію укротить общественные вопли, было между прочимъ слѣдующее: „....Безъ сомнѣнія различные безпорядки могли легко произойти; люди вполнѣ невинные могли подвергнуться худому обращенію и даже смерти; много произведено опустошеній безъ всякой необходимости, много вещей покрадено. Нижеподписавшіеся, ихъ офицеры, даже солдаты, состоящіи подъ ихъ начальствомъ, чистосердечно сожалѣютъ о подобныхъ крайностяхъ, совершенныхъ нѣкоторыми изъ швейцарцевъ.“ Послѣ выраженія надежды, что большинство мыслящихъ и справедливыхъ людей не захочетъ приписать всему корпусу отвѣтственность за эти поступки, они прибавляютъ. „Что касается до грабежа, бывшаго во время и послѣ сраженія, то, нисколько его не отрицая, мы не можемъ судить ни о его характерѣ, ни о его размѣрѣ, но смѣемъ увѣрить, что было бы несправедливо наибольшее участіе въ немъ приписать солдатамъ; извѣстно, что многочисленныя толпы грабителей воспользовались случаемъ, входили въ незапертые дома, выламывали двери мага-

зиновъ, и опустошали ихъ. Кто долженъ былъ прекратить безпорядки? Конечно не войско, назначеніе котораго было подавить возстанія, но другія власти, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, не находились на своихъ мѣстахъ".

Въ своихъ интересныхъ мемуарахъ Монтанелли сравниваетъ побѣду короля въ Неаполѣ съ побѣдой народа въ Миланѣ. „Въ Миланѣ ненавистный Больза пощаженъ, дочь Торрезани приведена въ отцовскую тюрьму, раненные австрійцы отнесены въ госпиталь съ надписью: „уваженіе раненнымъ!„ Въ Неаполѣ раненные и дѣти выкидывались изъ оконъ; женщины изнасилованы на трупахъ; совершено столько жестокостей, что описывать ихъ трудно и тяжело."

XXX.

По мѣрѣ увеличенія опасности, положеніе депутатовъ дѣлалось болѣе достойнымъ, болѣе торжественнымъ. Угроза смерти висѣла надъ ихъ головами. Оставаясь на своемъ постѣ во время разграбленія города, они ждали и совѣщались, какъ вдругъ швейцарскій капитанъ, съ покрытой головой, съ окровавленной и обнаженной саблей, ворвался въ залу и именемъ короля потребовалъ, чтобы депутаты удалились. Почтенный, престарѣлый президентъ Кагнацци отвѣчалъ съ твердостью, что пусть лучше выйдетъ онъ самъ, и что собраніе обсудитъ, что оно должно дѣлать. Смущенный офицеръ поклонился и вышелъ. Прежде чѣмъ разойтись, представители народа составили энергической протестъ.

„Въ то время когда палата депутатовъ, собранная для предварительнаго совѣщанія въ Монте-Оливето, была занята возложенными на нее обязанностями и исполненіемъ священнаго полномочія, королевскія войска неслыханнымъ и постыднымъ насиліемъ оскорбили неприкосновенность личности ея членовъ, которые представляютъ собою народную, верховную

власть. Палата протестуетъ теперь передъ лицомъ всего народа, передъ лицомъ Италіи, возрожденіе которой будетъ смущено этой злополучной обидой, передъ лицемъ всей цивилизованной Европы, пробужденной теперь чувствомъ свободы, противъ столь слѣпаго и неисправимаго деспотизма, и объявляетъ, что не прекращаетъ своихъ засѣданій только потому, что принуждена къ ихъ продолженію грубой силой; но, будучи далека отъ неисполненія своихъ обязанностей, она теперь прекратитъ на время свои труды, чтобы собраться снова, когда это будетъ возможно, дабы приступить къ обсужденіямъ, которыхъ требуютъ права народа, важность обстоятельствъ, начало человѣчности и народнаго достоинства, попраннаго ногами".

Собралось девяносто восемь депутатовъ; но нѣкоторые изъ нихъ были въ отсутствіи для исполненія различныхъ порученій, такъ что шестьдесятъ восемь подписали этотъ протестъ права противъ силы. Піетро Леонарди, Джироламо Уллоа, Джузеппе Массари, занимавшіе должности вдали отъ королевства, печатно прислали свое согласіе. Послѣ подписанія этого въ высшей степени важнаго акта почтенный президентъ призвалъ офицера, спросилъ у него письменное предписаніе и, вручивъ ему протестъ, объявилъ засѣданіе отсроченнымъ. За тѣмъ представители удалились подъ прикрытіемъ жандармовъ, посреди шумной толпы пьяныхъ лаццарони, кричавшихъ неистово: „смерть конституціи! Да здравствуетъ король! Viva la santa fe!"

XXXI.

Италія могла бы упрекнуть неаполитанскихъ депутатовъ за то, что они подняли вопросъ о реформѣ, не убѣдившись въ достаточности народныхъ силъ для его поддержки, и дали королю поводъ къ совершенію государственнаго переворота; но она

выразила свое глубокое удивленіе представителямъ народа. которые вовсе не думая бѣжать отъ опасности, казалось ждали ее, разсуждая во время рѣзни и составляя протестъ противъ деспотизма при заревѣ пожара, посреди безумствовавшей толпы. Подобные примѣры въ лѣтописяхъ народа возвышаютъ его, дѣлаютъ его достойнымъ свободы и парламентской формы правленія. Неаполитанскіе депутаты представляли собою просвѣщенное дворянство, смышленую буржуазію, университетъ, торговлю, промышленность, національную гвардію и молодость, попранныя абсолютной монархіей, невѣжественными лацаронн и наемными солдатами.

Часть депутатовъ возвратилась въ провинціи, изыскивая средства взволновать народъ. Другая часть укрывалась на французской эскадрѣ, вмѣстѣ съ значительною частью жителей города и иностранцевъ, которые бѣжали, будучи возмущены ужасающими сценами грабежа и убійствъ.

XXXII.

Король старался оправдать законность своихъ дѣйствій передъ страной, Италіей и иностранными державами. По его словамъ, присяга была для депутатовъ предлогомъ образовать учредительное собраніе, обезсилить королевскую властъ и потребовать ея уничтоженія; когда онъ уступилъ требованіямъ относительно измѣненія формы присяги, стали строить баррикады; за баррикадами были республиканцы, желавшіе паденія трона; онъ призвалъ швейцарцевъ и хотѣлъ призвать королевскую гвардію, какъ вдругъ бунтовщики начали стрѣлять по войскамъ. Онъ говоритъ въ своей прокламаціи отъ 16 мая: „....Посреди улицы были воздвигнуты баррикады съ преступною цѣлью возбудить столкновенія, нарушить порядокъ и пролить кровь гражданъ. Чрезвычайно печально, что часть національной гвардіи, учрежденной для обезпеченія безопа-

сности и спокойствія гражданъ, не только предложила свое содѣйствіе столь вредному возмущенію, но и сама аттаковала королевскія войска, которыя, видя смерть своихъ товарищей, павшихъ отъ неожиданныхъ выстрѣловъ братоубійцъ, поспѣшили воспользоваться священнымъ правомъ защиты и, движимыя чувствомъ справедливаго негодованія, отъ котораго не имѣли возможности удержаться, бросились дружно впередъ, чтобы отразить силу силой.“

Король уволилъ министерство Тройя и составилъ другое, въ которомъ главнымъ дѣятелемъ былъ М. Боццелли, а президентомъ князь Каріати; потомъ онъ велѣлъ распустить національную гвардію и палаты депутатовъ; послѣднее дѣйствіе онъ основывалъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: „Узнавши изъ достовѣрныхъ источниковъ, что 15 мая, день печальнаго воспоминанія, тѣ, которые были избраны для составленія части парламента, присвоили себѣ исключительное право представительнаго собранія націи и избрали президента; что они обсуждали и образовали комитетъ общественнаго благосостоянія, въ непосредственную зависимость котораго хотѣли поставить національную гвардію, и т. д.“

XXXIII.

Чтобы обезоружить провинціи, которыя угрожали возстаніемъ, онъ поспѣшилъ обнародовать слѣдующую прокламацію:

„Неаполитанцы!

„Глубоко огорченные ужаснымъ событіемъ 15 мая, мы искренно желаемъ, насколько возможно, ослабить его послѣдствія. Наше неизмѣнное и твердое намѣреніе заключается въ поддержкѣ конституціи 10 февраля, безъ измѣненій и насилій; она одна соотвѣтствуетъ насущнымъ и истиннымъ потребностямъ этой части Италіи и будетъ священнымъ ковче-

гомъ, на который опрется будущность любезнаго народа нашего и нашей короны.

„Законодательныя палаты будутъ въ непродолжительномъ времени созваны вновь, и ожидаемыя нами отъ нихъ твердость, мудрость и благоразуміе сильно помогутъ намъ во всѣхъ общественныхъ вопросахъ, нуждающихся въ мудрыхъ и полезныхъ реформахъ. И такъ возвратитесь къ вашимъ обычнымъ занятіямъ. Довѣрьтесь всей душей нашему благородству, нашей священной и добровольной присягѣ и живите въ полной увѣренности, что самое сильное наше желаніе состоитъ въ скорѣйшемъ уничтоженіи того исключительнаго и переходнаго положенія, въ которомъ мы находимся и, на сколько это будетъ возможно, въ изглаженіи воспоминанія о тѣхъ гибельныхъ бѣдствіяхъ, которыя насъ поразили.“

„Фердинандъ.“

Вслѣдъ за этой прокламаціей король издалъ декретъ, ограничивавшій избирательный законъ установленіемъ ценза, для избирателей въ 12 дукатовъ ежегоднаго дохода, для избираемыхъ — 120 дукатовъ; потомъ онъ отдалъ два приказа о собраніи избирательныхъ коллегій къ 15 іюня и объ открытіи палатъ въ Неаполѣ къ 1 іюля.

Можно-ли было думать, что добровольныя обѣщанія, данныя послѣ побѣды, свободно подтвержденная присяга, торжественное собраніе палатъ — что все это останется мертвой буквой и не будетъ приведено въ исполненіе? Такимъ образомъ общественное мнѣніе легко поддалось обману! Вопросъ о присягѣ, хитро запутанный, не былъ понятъ. Движеніе, возбужденное кровавымъ насиліемъ войскъ, было ослаблено, и попытки къ возстанію во многихъ мѣстахъ могли быть живо подавлены.

XXXIV.

Мы старались быть безпристрастными въ разсказѣ объ этой печальной драмѣ и изложили показанія и протесты обѣихъ партій. Но всякій, способный чувствовать и имѣющій сердце, каковы бы ни были его политическія убѣжденія, не поколеблется заклеймить позорнымъ названіемъ варварство притѣснителей. Къ несчастію, въ гражданскихъ войнахъ, разрушеніе, раны, кровь, смерть поражаютъ людей гораздо болѣе, чѣмъ въ войнѣ международной. Ненависть и мщеніе болѣе сильны, жертвы гораздо многочисленнѣе! Во время сраженія и послѣ его по крайнѣй мѣрѣ уважаются законы войны и законы человѣчества: раненныхъ поднимаютъ, но не умерщвляютъ! плѣнные, хотя и арестуются, но предаются суду, а не вѣроломно разстрѣливаются! Да будутъ прокляты всѣми дикій грабежъ, кража, изнасилованіе, пожары! Да будутъ прокляты они именемъ Бога въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ! Пусть честные люди всѣхъ партій заклеймятъ единодушно этотъ позоръ, бѣдствія, ужасъ и злодѣйства, чьимъ бы они ни прикрывались именемъ: государей или народовъ! Возвысимся въ нашихъ печаляхъ, въ нашихъ гражданскихъ скорбяхъ на сколько это возможно. Если во время битвы мы будемъ принуждены поддаться печальной необходимости, не станемъ унижать себя послѣ сраженія передъ кровью, которую мы пролили. Это будетъ тяготѣть навсегда надъ неаполитанскимъ королемъ Фердинандомъ, будетъ тѣсно связано съ его именемъ, будетъ преслѣдовать его въ исторіи. День 15-го мая нельзя назвать борьбой; впрочемъ у каждаго — свое мнѣніе, но во время ночи это было просто разграбленіе города: солдаты убивали и грабили; лаццарòни какъ дикіе звѣри бросались на магазины и опустошали ихъ! пожары, одобренные и поощряемые королемъ; убійства дѣтей, женщинъ, старцевъ!

Это былъ разгулъ разрушенія, устремившійся во время ночи на роскошный городъ; что я говорю, во время ночи! еще и впродолженіи всего 16 мая. Самъ Фердинандъ, наслаждаясь своимъ мщеніемъ, своимъ тріумфомъ и нисколько не препятствуя этой гнустной оргіи, являлся въ улицахъ вмѣстѣ съ королевой, пожимая своей царственной рукой окровавленныя руки швейцарцевъ и засаленныя, подлыя лапы лацарони.

XXXV.

Вице-адмиралъ Боденъ, начальникъ французской эскадры, и г. Левро, французскій уполномоченный, были различнаго мнѣнія; относительно предѣловъ ихъ вмѣшательства это такъ и должно было быть. Несмотря на разногласіе, послѣ долгихъ споровъ они наконецъ рѣшились въ первый день, во время сраженія, обратиться къ королю съ требованіемъ перемирія въ твердыхъ и исполненыхъ достоинства выраженіяхъ; послѣ сраженія, рѣшились предложить убѣжище осужденнымъ на смерть; 19, оказать покровительство своимъ соотечественникамъ, угрожая употребить силу, если въ назначенный часъ не будутъ даны имъ полное удовлетвореніе и вѣрная гарантія.

XXXVI.

Италія узнала объ этой злодѣйской драмѣ съ изъявленіемъ полнаго отчаянія и пылкихъ порывовъ гнѣва. Общественное мнѣніе, вопль негодованія, крики ярости поднялись противъ Фердинанда; изъявленіе сочувствія къ жертвамъ и изгнанникамъ! Повсюду проклятья, повсюду анафема! Въ главныхъ городахъ, гдѣ были неаполитанскія консульства, королевскіе гербы были сорваны, разбиты, брошены въ грязь. Въ Генуѣ гербъ былъ сожженъ на площади, гдѣ

обыкновенно совершались экзекуціи; народъ кричалъ: смерть Фердинанду! смерть гнусному королю!

XXXVII.

Швейцарцы вполнѣ раздѣляли всеобщее негодованіе. Подробности побѣды, одержанной ихъ соотечественниками, были такъ ужасны, что возбудили справедливое негодованіе ихъ согражданъ, тщетно боровшихся противъ отвѣтственности за пролитую кровь, которая, какъ имъ казалось, брызнула и на нихъ. Жамесъ Фази, глава радикальной женевской партіи, котораго патріотизмъ, свѣдѣнія и высокій умъ оцѣняются самими противниками, представилъ на засѣданіи союза, 26 мая, выраженіе чувствъ всей Швейцаріи относительно этого печальнаго событія: „Союзъ, сказалъ ораторъ, не можетъ оставаться безстрастнымъ при столь возмутительныхъ извѣстіяхъ, пришедшихъ изъ Неаполя. Судя по этимъ извѣстіямъ, на долю швейцарскихъ войскъ, находящихся на службѣ неаполитанскаго правительства, выпала роль, исполненіе которой броситъ тѣнь на славу союза, добытую имъ въ послѣднее время. Необходимо, чтобы союзъ выразилъ свое порицаніе, и порицаніе торжественное, противъ той роли, которую играютъ наши сограждане, поступившіе въ наемныя войска. Было бы безчестіемъ для Швейцаріи, если бы она своимъ молчаніемъ одобрила тѣ ужасныя сцены, въ которыхъ швейцарскіе солдаты обрисовали себя такъ постыдно....“

Наемъ швейцарскихъ войскъ былъ заключенъ въ 1827, для однихъ на двадцать пять лѣтъ, для другихъ на тридцать. Союзъ имѣлъ четыре полка въ службѣ короля Обѣихъ Сицилій: одинъ изъ Люцерна, другой изъ Валезскаго кантона, третій изъ Солотурна и Фрибурга и четвертый изъ Берна. Главнымъ Бернскимъ союзомъ было единодушно назначено слѣдствіе, чтобы разобрать поступки полка, который

принадлежалъ кантону, и пострадалъ болѣе всѣхъ, а также чтобы созвать въ случаѣ нужды милицію. Союзная Директорія, послѣ засѣданія 5 іюня, послала въ Неаполь двухъ чрезвычайныхъ пословъ съ порученіемъ составить инструкцію для находящихся тамъ четырехъ полковъ. Генералъ Тіаръ, полномочный французскій посолъ при швейцарскомъ союзѣ, счелъ своимъ долгомъ дать совѣтъ директоріи отозвать эти четыре полка; президентъ Франкъ отвѣчалъ, что, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Тіара относительно принципа, онъ отвергаетъ личное вмѣшательство иностранной державы въ дѣла Швейцаріи. Предложеніе, сдѣланное въ исполнительномъ бернскомъ совѣтѣ о просьбѣ къ главному совѣту, отозвать бернскій полкъ и уплатить ему сумму, слѣдуемую по контракту, было отвергнуто, потому что это стоило бы ежегодно 500,000 франковъ кантону, далеко нерасположенному брать на себя обязательства неаполитанскаго короля.

Слѣдствіе не могло и не должно было состояться, это было только наружное удовлетвореніе общественнаго требованія. Денежный вопросъ преобладалъ надъ прочими. Неужели Швейцарія — говорили нѣкоторые изъ гражданъ, способные чувствовать — должна продолжать продавать иностранцамъ кровь дѣтей своихъ? Ужели она, страна свободная, республиканская, должна служить за деньги государямъ противъ ихъ народовъ? должна ли она слѣдовать системѣ, преобразившей гордыхъ дѣтей Гельвеціи въ кондотьеровъ деспотизма, должна ли дѣйствовать для выгоды монарховъ, наиболѣе враждебныхъ самой Швейцаріи, для осуществленія ихъ принциповъ, ихъ политическихъ интересовъ? Они энергически порицали старые обычаи, обломки варварства прошедшихъ вѣковъ и отвергали ихъ, какъ позоръ, тяготѣющій надъ народомъ. Чтобы успокоить ихъ возмущенную совѣсть, ослабить ропотъ и проклятія народовъ, правительство указывало на волонтеровъ, помогающихъ Ломбардіи и на наемныя фаланги Пія IX,

умиравшія въ борьбѣ подъ стѣнами Виченцы за спасеніе Италіи. Имъ удалось такимъ образомъ ослабить фактъ; но они не могли отказаться отъ этихъ преданій и уничтожить позорный контрактъ, причину разграбленія Неаполя.

XXXVIII.

Официальная политика Швейцаріи относительно Франціи и Піемонта была крайнѣ осторожна и заключалась въ желаніи изолироваться. На депешу отъ 6-го апрѣля, въ которой сардинское правительство просило о заключеніи съ нимъ оборонительнаго и наступательнаго союза, Швейцарія отвѣчала изъявленіемъ сочувствія, болѣе или менѣе правдоподобными доводами и наконецъ отказомъ. Послѣдняя причина этого отказа была особенно странна: это было предвидѣніе, что при настоящемъ ослабленіи австрійской монархіи, король сардинскій выйдетъ изъ борьбы побѣдителемъ.

Сеймъ оставался также глухъ къ предложенію союза съ Франціей. Февральская революція спасла радикальную партію и Швейцарію отъ приготовлявшагося иностраннаго вмѣшательства, но радикальная партія и Швейцарія почли долгомъ отказать этой революціи въ содѣйствіи, при столь невѣрной войнѣ народовъ съ государями. Чувство эгоизма, можетъ быть и благоразумное, но узкое, взяло верхъ, не смотря на опозицію нѣкоторыхъ членовъ союза.

XXXIX.

Швейцарская шпага въ Неаполѣ поразила Италію въ самое сердце. Въ ту минуту, когда рѣшалась судьба полуострова на равнинахъ Ломбардіи; когда опустошаемая и готовая пасть венеціянская область склонялась и устремляла свои взгляды на неаполитанскую армію; вогда Карлъ-Альбертъ,

разсчитывая на сильное подкрѣпленіе, которое хотѣлъ противупоставить корпусу Нюгента, передавалъ Пепе предложеніе присоединиться къ правому крылу сардинской арміи; когда миланское правительство посылало къ тому же генералу своего секретаря Корренти чтобы благодарить и помогать ему; когда президентъ Манинъ описывалъ Неаполитанскому королю празднество въ Венеціи по случаю прибытія флота и выражалъ ему общественную благодарность; когда, наконецъ, Пепе отдавалъ приказъ первой дивизіи итти отъ Болоньи къ Феррарѣ,—въ это то время, 22 мая, приходитъ къ Пепе гибельный приказъ военнаго министра, князя д'Исчителла, отъ 18-го, отступить и возвратиться съ войскомъ въ Неаполь.

Первымъ рѣшеніемъ неаполитанскаго короля и министра Боццели, послѣ 15 мая, было: оставить вопросъ о независимости Италіи, оставить дѣло, которое онъ въ прокламаціи 7 апрѣля называлъ священнымъ; бѣгство изъ странъ, которыя называлъ полемъ народной чести. Этотъ поступокъ, этотъ несчастный день останутся на всегда въ лѣтописяхъ Италіи какъ народное проклятіе памяти короля.

XL.

Глубоко-опечаленный Пепе, не считая сначала возможнымъ противиться рѣшительнымъ и точнымъ приказамъ короля, сдалъ начальство генералу Стателла; но, поддержанный демонстраціями національной гвардіи и населенія Болоньи, снова принялъ его. Стателла, принужденный подчиниться, бросилъ армію и во врема проѣзда черезъ Тоскану былъ убитъ разъяреннымъ народомъ, который сжегъ его дорожную карету. Пепе поддерживалъ свое начальствованіе впродолженіи нѣсколькихъ дней, но вскорѣ былъ оставленъ большею частью арміи, которая, подъ вліяніемъ офицеровъ, изъявила желаніе

повиноваться королю и возвратилась въ Неаполь. Бригадиръ Лягаль, принужденный, противъ воли, слѣдовать отступательному движенію, не перенесъ мысли, что его могутъ счесть способнымъ къ бѣгству передъ лицемъ непріятеля; онъ застрѣлился изъ пистолета. Многіе офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты, избѣгнувъ надзора товарищей и не желая принять участія въ постыдномъ отступленіи, бѣжали въ Болонью къ войску, оставшемуся съ своимъ генераломъ.

30, Пепе сохранилъ еще подъ своимъ начальствомъ дивизію пѣхоты, дивизію кавалеріи, одну баттарею и роту саперъ. Но, 10 іюня, при переходѣ черезъ По, онъ съ грустью увидѣлъ, что пѣхота и кавалерія, не желая перейти черезъ рѣку, оставили его. Изъ 14,000 человѣкъ, бывшихъ подъ начальствомъ генерала, осталось едва 300: два батальона неаполитанскихъ волонтеровъ, къ которымъ присоединился батальонъ миланскихъ волонтеровъ подъ командой Цезаря Корренти и двухъ его молодыхъ братьевъ, батальонъ болонскихъ волонтеровъ, полевая баттарея, рота саперъ, перешедшая въ его глазахъ черезъ По, и второй батальонъ фланкеровъ подъ командой маіора Ритукчи. Это число впослѣдствіи еще уменьшилось. Нѣсколько сотенъ отборныхъ солдатъ и волонтеровъ, лучшіе остатки, увлеченные любовью къ отечеству, остались одни поддерживать въ войнѣ за независимость славу неаполитанскаго оружія и спасти честь народнаго имени самопожертвованіемъ и героизмомъ.

XLI.

24 мая флотъ получилъ также приказаніе возвратиться. При первомъ волненіи, распространившемся въ Венеціи, посланникъ неаполитанскаго короля Піетро Леонарди передалъ правительству венеціянской республики письмо къ контръ-адмиралу Коза — командиру эскадры; въ этомъ письмѣ предпису-

валось адмиралу оставаться въ Венеціи на основаніи бывшихъ при немъ королевскихъ инструкцій: „дабы Италія была навсегда очищена отъ иностранцевъ.“ Но новыя приказанія, адресованныя королемъ непосредственно на имя контръ-адмирала, становились достовѣрными. Коза былъ глубоко огорченъ, однако повиновался и 11 іюня удалился съ эскадрой. И такъ, отъ всѣхъ парусовъ, развѣвавшихся на солнцѣ, отъ бѣлыхъ флаговъ, отъ увлеченія двухъ народовъ, отъ восторженнаго энтузіазма, отъ твердыхъ надеждъ, отъ трогательныхъ поздравленій и выраженій благодарности не осталось ничего, кромѣ горькаго сожалѣнія и жестокаго обмана. Нѣсколько дней было достаточно, чтобы разсѣять блестящій, обманчивый метеоръ, основанныйна словахъ и обѣщаніяхъ Фердинанда неаполитанскаго.

Король подчинилъ Венецію піемонтскому вліянію, а Италію отдалъ на жертву австрійскаго вторженія.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Пій IX и неаполитанскій король оставляютъ итальянское дѣло и возбуждаютъ ропотъ противъ себя. — Приверженцы Карла-Альберта ускоряютъ подачу голосовъ въ пользу сліянія герцогствъ, Ломбардіи и Венеціи съ Сардиніей. — Открытая подача голосовъ, — Протестъ республиканцевъ противъ вотированія, до побѣды. — Волненіе въ Миланѣ. — Неосуществившаяся попытка противъ временнаго ломбардскаго правительства; счетъ присоединившихся голосовъ. — Почти единодушное вотированіе. — Въ Ломбардіи. — Въ герцогствахъ. — Въ венеціянскихъ провинціяхъ на материкѣ. — Депутаты предъявляютъ требованіе венеціянскому правительству. — Созваніе собранія 18 іюня. — Различныя мнѣнія въ Венеціи. — Враждебность Карла-Альберта къ волонтерамъ. — Осада Пескьеры. — Радецкій начинаетъ наступленіе. — Сраженіе при Куртатонѣ и Монтомарѣ; геройская стойкость тосканцевъ. — Эпизодъ Монтанелли. — Тосканцы, подавленные превосходствомъ силъ. — Піемонтская армія предупреждена. — Радецкій опаздываетъ. Сраженіе при Гоито. — Взятіе Пескьеры — Пораженіе и отступленіе Австрійцевъ. — Карлъ-Альбертъ въ Пескьерѣ. — Движеніе Радецкаго на Виченцу. — Совѣщаніе короля и генераловъ. — Піемонтская армія овладѣваетъ Риволи и Короною. — Осада Виченцы Радецкимъ. — Геройская борьба. — Капитуляція Дурандо и его отряда. — Радецкій торопится къ Веронѣ. — Австрійцы овладѣваютъ Падуей и Тревизой. — Безплодная попытка Карла-Альберта противъ Вероны. — Венеція окружена съ материка. — Блокада Тріеста сардинскимъ флотомъ. — Протестъ иностранныхъ консуловъ. Венеція боится быть преданной Камю-Формійскимъ договоромъ. — Альбертинцы и республиканцы лицемъ къ лицу въ Венеціи. — Манинъ и Томмазео совѣтуются съ піемонтскимъ королемъ и другими итальянскими государями призвать ли помощь Франціи. — Обращеніе къ Франціи отвергнуто въ Римѣ, Флоренціи и Сициліи. — Франція съ оружіемъ въ рукахъ ждетъ дня, когда ее призовутъ.

I.

Вслѣдъ за удаленіемъ неаполитанскихъ войскъ, и Пій IX отступился отъ итальянскаго дѣла; у приверженцевъ, консти-

туціонной монархіи это вызвало жалобы и стоны; у республиканцевъ — проклятіе государямъ; въ порывѣ гнѣва они возлагали отвѣтственность на всѣхъ королей, изъявляли недовѣріе къ поступкамъ великаго герцога Тосканскаго и распространяли свое инквизиторское подозрѣніе даже на піемонтскаго короля, боровшагося, по ихъ мнѣнію, единственно для спасенія своей короны и удовлетворенія самолюбія, и способнаго при первомъ удобномъ случаѣ пожертвовать частью Италіи для присоединенія къ своему королевству нѣсколькихъ провинцій.

Приверженцы Карла-Альберта, чтобы положить конецъ этой полемикѣ, основанной на вѣроятностяхъ, но по ихъ мнѣнію несправедливой, ускорили развязку окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о формѣ правленія. Прошенія о присоединеніи къ Сардиніи явились въ огромномъ количествѣ. Герцогство Пьяченца первая рѣшилась на это и 37,000 человѣкъ, противъ 300, рѣшили присоединеніе. Это единодушіе было встрѣчено въ Туринѣ съ энтузіазмомъ. Герцогства Парма, Реджіо и Модена готовились послѣдовать этому примѣру.

Временное миланское правительство обратилось 12 мая къ народу, разсчитывая, какъ это и было дѣйствительно въ началѣ, „что всѣ, будучи убѣждены въ вѣрности побѣды, которая вскорѣ должна увѣнчать кратковременную войну, нашли удобнымъ и естественнымъ отложить до торжества итальянскаго дѣла, обсужденіе будущихъ судебъ страны.“ Но война, напротивъ того, была сложна, кровопролитна и казалась безконечною; поголовное вооруженіе всѣхъ гражданъ, наборъ, организація ломбардской арміи, непредвидѣнныя затрудненія, вліяніе дипломаціи, опустошеніе венеціянскихъ провинцій, наконецъ очевидная опасность гражданскихъ распрей, — все это требовало быстраго разрѣшенія вопроса. Вслѣдствіе этого было объявлено открытіе листовъ по приходскимъ церквамъ Ломбардіи для поголовной подачи голосовъ, которая должна была быть не-

премѣнно кончена къ 29-му мая. Всякій гражданинъ, не моложе двадцати одного года, имѣлъ право вотировать.

Республиканцы, противъ такого, по ихъ мнѣнію, незаконнаго дѣйствія написали, 21-го, протестъ, который кончался слѣдующими словами „....Вашимъ декретомъ вы даете предлогъ къ иностранному вмѣшательству, о чемъ всѣ мы очень сожалѣемъ.... Оставляя нейтралитетъ, вы бросаете перчатку пожертвованнымъ мнѣніямъ.... Господь да спасетъ Италію и избавитъ отъ опасности, которую вы на нее накликаете со стороны иностранцевъ..., Что касается насъ, то мы любимъ наше общее отечество болѣе, чѣмъ самихъ себя; мы не поднимемъ перчатки. Мы не будемъ противиться именемъ нашихъ правъ, потому что всякое сопротивленіе поведетъ къ гражданской войнѣ; гражданская же война, и безъ того преступная, будетъ теперь, когда непріятель опустошаетъ наши провинціи еще болѣе преступна; мы надѣемся, что граждане поймутъ нашу жертву.“ За тѣмъ слѣдовала 41 подпись, между которыми находились имена Джуніо Баццони, Пампей Феррайо отъ имени общества народной власти; Іосифа Маццини за національное итальянское общество; Іосифа Сиртори, Генриха Галларди, Геркуле Порро, за общество республиканцевъ; потомъ имена редакторовъ журналовъ «Voix du Peuple», «l'Emancipation», «la Republicain», «la Revue europeenne».

Въ эту торжественную эпоху, когда шла борьба о судьбѣ страны, члены временнаго правительства ссылались на необходимость, общественную пользу, цѣль, единство; республиканцы — на данное слово, право, принципы. Удерживаясь въ объявленныхъ ими предѣлахъ и уклоняясь отъ сопротивленія, „которое будетъ началомъ гражданской войны, вдвое болѣе преступной въ виду непріятеля“, республиканцы не только имѣли на своей сторонѣ справедливость и законность дѣйствій, но и жертвами и умѣренностью подчинили себѣ надолго общественное мнѣніе, точно также какъ съумѣли по-

побѣдить его храбростью въ эпоху освобожденія Милана. Къ несчастію, члены демократической партіи не могли остановиться въ предѣлахъ начертанной ими программы и своимъ нетерпѣніемъ и враждебностью окомпрометировали положеніе, столь свѣтлое и съ такимъ славнымъ назначеніемъ.

III.

Листы, открытые по всѣмъ приходамъ Ломбардіи, покрывались подписями въ пользу немедленнаго присоединенія къ Піемонту, такъ что въ скоромъ времени на сторонѣ его было огромное большинство. Вдругъ, 27-го, появляются на стѣнахъ объявленія, въ которыхъ народъ приглашается 29-го въ полдень собраться на площади Saint Fidele для требованія торжественнаго обѣщанія, „что не будетъ приступлено къ рѣшенію его судьбы, безъ сообщенія ему заранѣе временныхъ условій, отъ которыхъ впослѣдствіи будутъ зависѣть и окончательныя“. Правительство тотчасъ же отвѣчало требованіемъ согласія и спокойствія и увѣреніемъ, что будутъ даны полныя гарантіи для обезпеченія свободы, пріобрѣтенной столькими усиліями.

28-го утромъ, толпа молодыхъ людей и національныхъ гвардейцевъ является передъ дворцомъ временнаго правительства, требуя изданія декрета, который бы обезпечивалъ неприкосновенность національной гвардіи, свободу печати, право составлять ассоціаціи и всеобщую подачу голосовъ. Правительство спѣшитъ объявить, что всѣ эти льготы будутъ даны, но въ то же время протестуетъ отъ лица народа противъ столь шумныхъ демонстрацій, которыя могутъ радовать и принести пользу одному непріятелю. На другой день, 29-го, назначенный для произведенія манифестаціи, толпа снова собирается на площади, еще въ большей массѣ, чѣмъ наканунѣ; она болѣе оживлена; она заявляетъ жалобы на прокламацію, предшествовавшую декрету и обидную для народа.

Предводители движенія возбуждаютъ толпу, обвиняютъ членовъ временнаго правительства, требуютъ ихъ криками, становятся въ передніе ряды. Шумъ увеличивается; крики усиливаются; болѣе смѣлые врываются во дворецъ. Президентъ Казати является на балконъ; чрезвычайная блѣдность его лица показываетъ не слабость, но сильное волненіе. Урбино, наиболѣе смѣлый зачинщикъ, становится возлѣ него и, пользуясь первой минутой всеобщаго молчанія, объявляетъ народу, что „временное правительство въ полномъ своемъ составѣ подаетъ въ отставку.“ Разнообразныя требованія и возгласы поднимаются изъ толпы, которая сдѣлалась еще гуще отъ вновь сбѣжавшихся со всѣхъ сторонъ гражданъ. Тогда Казати объявляетъ народу, что „правительство не оставляетъ его и не оставитъ никогда; что декретъ есть неизмѣнное основаніе свободы народа.“ Крики одобренія и ропотъ слышатся въ одно и то же время. Раздаются громкіе аплодисменты. Казати прибавляетъ еще нѣсколько словъ, на которыя народъ отвѣчаетъ громкимъ vivat! Масса заявила свои требованія. Національная гвардія прошла церемоніальнымъ маршемъ передъ балкономъ дворца. Движеніе подавлено. Урбино, предводитель сходки, арестованъ; остальные зачинщики разсѣиваются, и временное правительство выходитъ изъ этого испытанія торжествующимъ и болѣе могущественнымъ, чѣмъ когда нибудь.

IV.

Эта попытка показалась несвоевременною и неразумною большинству республиканцевъ. Маццини велѣлъ объявить, что онъ не одобряетъ ея. Карлъ Каттанео говоритъ, что „Урбино былъ отверженъ всей оппозиціонной партіей, съ которой онъ не имѣлъ никакой связи.“ По словамъ этого писателя: „Урбино оказалъ дѣйствительную услугу правительству, доставивъ ему случай возвратить потерянную имъ симпатію народа.“ Пронесся

слухъ, что избирательные листы новаго временнаго правительства, составленнаго изъ республиканцевъ, были раздаваемы въ кофейняхъ. Созваніе, сдѣланное за два дня впередъ, указывало на заговоръ. Были произведены аресты; побѣда не увлекла правительство къ жестокостямъ и противодѣйствію. Общественное мнѣніе возстало противъ такихъ поступковъ; но, какъ и всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ, демократія была ослаблена собственнымъ своимъ разъединеніемъ. Обвиняли Австрію, приписывая ей участіе въ смутахъ 29 мая, и пресса, преданная Карлу-Альберту, объявила, что въ тотъ же день Радецкій вышелъ изъ линіи для нападенія на итальянскую армію.

V.

При пересмотрѣ регистровъ оказалось 561,002 голоса въ пользу немедленнаго присоединенія Ломбардіи къ Піемонту и 681 — въ пользу отсрочки. Временное правительство объявило результатъ народнаго рѣшенія такъ: „...ломбардскій народъ почти единогласно утвердилъ слѣдующее предложеніе: ....Мы, нижеподписавшіеся, какъ ломбардцы — въ интересахъ этой провинціи, какъ итальянцы — въ интересахъ всей націи, повинуясь высшей необходимости освободить всю Италію отъ ига иностранцевъ и имѣя главною цѣлью продолжать всѣми силами войну за независимость, вотировали немедленное присоединеніе къ Сардиніи ломбардскихъ провинцій, опредѣляя въ то же время, сообразно съ основаніемъ всеобщей подачи голосовъ, чтобы были выбраны въ вышеупомянутыхъ странахъ и во всѣхъ тѣхъ, гдѣ будетъ выражено согласіе на присоединеніе, члены общаго учредительнаго собранія, которому будетъ поручено разсмотрѣть и установить основанія и форму новой конституціонной монархіи, подъ правленіемъ Савойскаго дома.“

Посланные отъ Ломбардіи немедленно отправились въ

*

Туринъ, чтобы условиться съ министерствомъ и сардинскими палатами о мѣрахъ, которыя необходимо было предпринять.

VI.

Жители Пармскаго и Гвастальскаго герцогствъ выразили тоже единодушное желаніе присоединиться къ Сардиніи. Министерство, въ засѣданіи палатъ 1-го іюля, предложило распространить на эти герцогства декретъ 27 мая, изданный по случаю присоединенія Пьяченцы, которая заявила свое рѣшеніе нѣсколько раньше. Депутаты Пармы присутствовали при этомъ засѣданіи, находясь въ дипломатической трибунѣ; они были встрѣчены восторженными аплодисментами и отвѣчали на такой пріемъ изъявленіемъ полнаго удовольствія, „которое они испытывали, видя себя подъ покровительствомъ могущественнаго народа, составляющаго верхне-итальянское королевство“.

VII.

Временное правительство Модены и Реджіо обнародовало, что „сообразно основаніямъ, указаннымъ вотированіемъ, и слѣдуя прокламаціямъ 3 мая общины Реджіо и 10-го—Модены, они объявляютъ присоединеніе герцогствъ къ сардинскому государству, а также и ко всѣмъ итальянскимъ провинціямъ, которыя впослѣдствіи могутъ слиться съ Піемонтомъ, для составленія конституціоннаго верхне-итальянскаго королевства, подъ правленіемъ Савойскаго дома“.

Этотъ новый актъ присоединенія, представленный сардинскимъ депутатамъ 5 іюня, былъ встрѣченъ съ такимъ же энтузіазмомъ.

VIII.

Толчекъ былъ данъ; имъ были увлечены венеціянскія провинціи, не находившіяся во власти непріятеля: Падуя, Ви-

ченца, Тревиза, Ровиго. Подписные листы были открыты и тамъ во всѣхъ приходахъ, безъ предварительнаго на то согласія правительства венеціянской республики. Почти всѣ голоса были за присоединеніе.

31 мая, до обнародованія результатовъ вотированія и отправленія пословъ въ Миланъ съ цѣлью обсудить средства къ осуществленію присоединенія, депутаты комитетовъ: Леони, Теккіо, Нераццоло и Червезато обратились въ послѣдній разъ къ правительству венеціянской республики.

Выразивъ благодарность за объявленіе нераздѣльности судебъ Венеціи и Ломбардіи, они признавали, что участь обѣихъ странъ должна быть рѣшена учредительнымъ собраніемъ не прежде, какъ по выигрышѣ общаго дѣла; но они объясняли свои поступки требованіями необходимости, болѣе важной для венеціянскихъ провинцій, чѣмъ для всей Италіи. „И такъ общественное мнѣніе требовало балотировки. Прежде, чѣмъ объявлять ея несомнѣнный результатъ, что повело бы къ отдѣленію материковыхъ владѣній Венеціи, т. е. къ общественному бѣдствію и выгодѣ для непріятеля; прежде нежели оставить Венецію, этотъ драгоцѣнный перлъ, царицу Адріатики, отдѣленною отъ могущественнаго государства, которое будетъ состоять изъ сардинской территоріи, герцогствъ и венеціянскихъ провинцій, государства довольно сильнаго, чтобы охранять полуостровъ своими собственными средствами отъ непріятельскаго вторженія, довольно значительнаго, чтобы имѣть вліяніе на политическое равновѣсіе Европы, — они обращались къ правительству Венеціи, которая останется за чертой, если будетъ настаивать на сохраненіе республиканской формы, не поддерживаемой ни желаніемъ народа, ни дипломаціей, наконецъ противоположной общему дѣлу и намѣреніямъ государей, которые способствуютъ къ очищенію отечества отъ иностранцевъ“.

Депутаты просили Венецію послать въ Миланъ, для участія въ комиссіи присоединенія, одного уполномоченнаго, отсутствіе котораго было бы очень чувствительно; они просили дать отвѣтъ до 3 іюня, такъ какъ болѣе долгое промедленіе могло повести къ большимъ затрудненіямъ, и выразили сверхъ того свою увѣренность, что Венеція съумѣетъ принести свои личныя мнѣнія на жертву торжества итальянскаго дѣла.

IX.

Правительство республики, въ отвѣтъ на предложеніе депутатовъ, созвало къ 18 іюня учредительное собраніе и дало порученіе г. Кардучи, посланнику при временномъ Миланскомъ правительствѣ, присутствовать съ неограниченнымъ полномочіемъ въ вышеозначенныхъ коммиссіяхъ.

Причины, вызвавшія появленіе декрета, служили доказательствомъ труднаго, но исполненнаго достоинства самопожертвованія. Не безъ глубокихъ терзаній почувствовала Венеція, что она мало по малу поглощается сардинской монархіей и что къ такой развязкѣ она приведена цѣлымъ рядомъ катастрофъ. Республика, столь гордая своимъ славнымъ прошедшимъ, принужденная жертвовать своимъ именемъ, вѣрою, закономъ, будущностью монарху, который можетъ быть предастъ ее, металась въ мучительныхъ, послѣднихъ судорогахъ. Каждый свободно изливалъ свою душу, искренно высказывалъ чувства, желанія, знанія, убѣжденія; вездѣ по городу происходили споры, въ кружкахъ слышались протесты, воззванія, адрессы, прошенія, мольбы, восклицанія, объявленія, написанныя на стѣнахъ; это было постоянное столкновеніе самыхъ разнообразныхъ мнѣній. Одни видѣли спасеніе въ оружіи короля и въ единствѣ; другіе желали спасенія республики республикой, и, если ей должно пасть, то они хотѣли, чтобъ она пала съ оружіемъ въ рукахъ, а не отравляла бы себя вотированіемъ; одни взвѣ-

шивали чистосердечно pro и contra и совѣтовались съ своимъ смущеннымъ сознаніемъ, не смѣя произнести окончательнаго рѣшенія; другіе, обожая республику какъ бога, предлагали принести ее на жертву всей Италіи. Наконецъ, 3 іюня, народъ, смущенный извѣстіемъ объ открытіи провинціальныхъ комитетовъ, прибѣжалъ въ смятеніи къ дому президента Манина и криками требовалъ его появленія. Манинъ вышелъ, не одобрилъ манифестацію и, подавляя свое собственное безпокойство, напомнилъ народу, что лучшее средство служить республиканскому дѣлу есть поддержаніе порядка и спокойствія; его слово, уважаемое всѣми, усмирило умы и толпа молча разошлась.

X.

Карлъ-Альбертъ коснулся, наконецъ, своей королевской рукой такъ пламенно имъ желаемой короны верхней Италіи. Но, дѣлаясь обладателемъ трона, не отнявъ право на него у Австріи, овладѣвая территоріей, не изгнавъ изъ нея непріятеля, дѣлаясь распорядителемъ судебъ новыхъ народовъ, еще не освободивъ ихъ, — не бралъ ли онъ на себя тяжкую отвѣтственность и торжественное обязательство не отдѣляться болѣе отъ нихъ, защищать ихъ до послѣдняго издыханія и не вступать ни въ какія полюбовныя сдѣлки? Слишкомъ быстрое осуществленіе его желаній не было-ли вредно окончательному успѣху? Былъ-ли бы онъ болѣе могущественъ, если бы не былъ принужденъ такъ торопиться? Онъ придалъ, правда, единство своимъ дѣйствіямъ, но возбудилъ зависть и предубѣжденіе государей, заставилъ ихъ послѣдовательно отступить отъ итальянскаго дѣла, наконецъ подавилъ иниціативу и движеніе народовъ.

Странное противорѣчіе: онъ желалъ устремить Италію на Австрію и самъ сдерживалъ ея порывы, хотѣлъ увеличить свои войска и изгонялъ изъ нихъ наиболѣе отважныхъ; старался

возбудить патріотизмъ и ослаблялъ его горячность. Онъ пользовался еще трепещущими революціями, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишалъ себя той революціонной силы, страшный огонь которой все охватываетъ, распространяется и удесятеряетъ могущество народа въ борьбѣ противъ иностранцевъ; революціонной силы, открывшей ему мѣсто, которымъ онъ завладѣлъ, силы, которая брала крѣпости безъ выстрѣла, разсѣяла полки безъ сраженія, руками безоружныхъ гражданъ обезоружила солдатъ, не имѣя генераловъ, побѣдила наиболѣе искусныхъ — и армію въ 45,000 довела до 70,000. Искусно управляя этой силой, онъ могъ докончить дѣло, возбудить къ возстанію новыя массы, создать новые батальоны, воодушевить солдатъ и отбросить австрійцевъ за Альпы; но чтобы пользоваться этой силой и управлять ею, надо было не бояться ея; а Карлъ-Альбертъ и его министры ея страшились!

Министры чрезъ посредство сардинскаго консула объявили въ Марсели, „что роты волонтеровъ, приходящія изъ за границы безъ распоряженія правительства, затрудняя регулярную армію и представляя опасность для деревень, какой бы націи онѣ ни принадлежали, будутъ прогнаны.“

Странное ослѣпленіе! Славное участіе колонны, пришедшей изъ Парижа подъ командой генерала Антонини, въ защитѣ Тревизы и Виченцы было сильнымъ протестомъ противъ подобной несправедливости.

Полковникъ Джіакомо Дурандо, занявшій мѣсто генерала Аллеманди, командовавшаго ротами ломбардо-піемонтскихъ волонтеровъ, собралъ остатки, пережившіе неповиновеніе, недовольство и разсѣяніе, послѣ попытокъ въ Тиролѣ. Ему удалось собрать до 6,000 наиболѣе рѣшительныхъ волонтеровъ. Слишкомъ слабые, чтобы сдѣлать попытку на Трентъ и овладѣть верховьями Адижа, они получили приказъ держаться въ оборонительномъ положеніи и охранять пограничную черту Тироля, занявъ высоты, господствующія надъ долинами ломбардской

возвышенности. Они имѣли нѣсколько блистательныхъ схватокъ съ австрійскими отрядами, недостаточно сильными съ своей стороны, чтобы овладѣть проходами. Между тѣмъ, 22 мая, трехъ-тысячный корпусъ австрійцевъ пытался овладѣть мостомъ del Caffaro, чтобы производить набѣги на область пограничную съ провинціей Бресчіи. Этотъ напоръ не удался, благодаря храбрости итальянскихъ волонтеровъ, которые принудили непріятеля отступить. Подобными блестящими дѣйствіями они заявили, что принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые одержали побѣду въ Миланѣ и которые доказали, на что они способны, имѣя предводителя и нужную поддержку.

Австрійцы, во время самаго разгара вѣнской революціи, не страшились прибѣгать къ помощи энтузіазма и увлеченій молодежи. Эрцгерцогъ Іоаннъ самъ сформировалъ нѣмецкихъ волонтеровъ въ Тиролѣ и первый вѣнскій батальонъ волонтеровъ отправился 10 мая изъ столицы имперіи для соединенія съ арміей, посреди восклицаній всей Германіи.

XI.

Послѣ сраженія при Санта-Лучіи, 6 мая, Карлъ-Альбертъ оставался въ бездѣйствіи, ожидая осадныя баттареи для нападенія на Пескьеру. Это мѣсто, находящееся на южной сторонѣ Гардскаго озера, гдѣ вытекаетъ Минчіо, было хорошо укрѣплено и защищалось двумя тысячами кроатовъ подъ командой стараго генерала Ратта. Боевые снаряды были въ изобиліи, но въ провіантѣ чувствовался недостатокъ. Принцъ генуэзскій, второй сынъ короля, былъ главнымъ предводителемъ осады; генералъ Кіодо завѣдывалъ траншейными работами; генералъ Росси — артиллеріей. Дивизія Федеричи составляла осадный корпусъ; батареи были возведены 15 и окопаны въ ночь съ 17 на 18. Огонь открытый 18-го, не

смотря на дождь, былъ прекращенъ и возобновленъ опять. 26-го, Карлъ-Альбертъ, боясь отчаянной попытки для спасенія Пескьеры со стороны Радецкаго, который только что получилъ подрѣпленіе Нюгента, предложилъ гарнизону сдаться на условіяхъ почетной капитуляціи. Осажденные, упорно защищавшіеся до сихъ поръ, лишенные съѣстныхъ припасовъ и довольствовавшіеся четвертью раціоновъ, отказались, разсчитывая на скорую помощь австрійской арміи. Піемонтцы, не имѣя возможности штурмовать, нашлись вынужденными продолжать правильную осаду.

XII.

Піемонтская армія оставалась на своихъ позиціяхъ въ Санта-Джустина, Сона, Сомма-Кампанія, Виллафранка; тосканцы и нѣсколько неаполитанцевъ — въ Куртатоне и Монтанара, близъ Мантуи; 10-й линейный неаполитанскій полкъ въ Гоито. 27-го, Радецкій, которому медленность дѣйствій Карла-Альберта позволила довести численность своей арміи до уровня королевской, перемѣнилъ систему. Изъ неподвижности онъ перешелъ къ дѣйствію, изъ оборонительнаго положенія — въ наступательное. Его планъ былъ зрѣло обдуманъ и обсужденъ. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: оставивъ Верону подъ достаточной защитой, онъ двинетъ армію къ Мантуѣ, разобьетъ тосканцевъ на другомъ берегу Минчіо въ Куртатонѣ и Монтанарѣ, поворотитъ піемонтскую армію назадъ, стѣснитъ ее между Минчіо и Адижемъ, отрѣжетъ ей соединеніе съ Ломбардіей и Піемонтомъ и принудитъ или положить оружіе, или защищаться въ невыгодной мѣстности, между тѣмъ какъ отдѣльный корпусъ, спустясь отъ Риволи черезъ Ласизу, двинется для снабженія Пескьеры съѣстными припасами.

27-го, послѣ полудня Радецкій приступилъ къ приведенію своего плана въ дѣйствіе. Онъ оставилъ 15,000 че-

ловѣкъ въ Веронѣ и передъ ней для противодѣйствія піемонтцамъ и раздѣлилъ остальныя войска на три корпуса: одинъ въ 15 батальоновъ, 8 эскадроновъ и 36 орудій, подъ командой генерала Вратислава; другой въ 17 батальоновъ, 8 эскадроновъ и 36 орудій, подъ командой генерала д'Аспра; третій, резервный, въ 11 батальоновъ, 27 эскадроновъ и 79 орудій, подъ командой генерала Вошера. Всѣ его силы состояли изъ 30,000 человѣкъ и 150 орудій. Три бригады отправились тремя различными путями и 28-го вечеромъ прибыли въ Мантую.

XIII.

29-го утромъ, въ 10 часовъ, три дивизіи выходятъ изъ Мантуи, отдѣляютъ бригаду Сомбшена для охраненія дороги изъ Говерноло въ Боргетто, назначаютъ въ резервъ бригаду Вольгемюша и выходятъ сомкнутыми рядами изъ горъ на Куртатону, Монтанару и Санъ-Сильвестро.

Колонна неаполитанцевъ и тосканцевъ, всего за нѣсколько дней поступившая подъ команду генерала Ложьé, состояла изъ 6,000 человѣкъ и должна была выдержать эту грозную аттаку. Генералъ Бава, еще 28-го подозрѣвавшій движеніе непріятеля, обнадежилъ Ложьé насчетъ помощи, но 29-го измѣняетъ намѣреніе и присылаетъ ему приказъ: отступать, сражаясь. Піемонтская армія, казалось, была захвачена въ расплохъ. Тосканцы должны были быть раздавлены въ пять разъ большими силами. Но они не колеблются, съ рѣшительностію встрѣчаютъ непріятеля и выдерживаютъ ужасный ударъ съ отчаянной храбростью. Впродолженіи трехъ часовъ они отбиваются и обнаруживаютъ чудеса храбрости. Ложьé словомъ и примѣромъ поддерживаетъ храбрость своихъ войскъ. Крики: да здравствуетъ Италія! придаютъ силу наиболѣе слабому и мужество самому робкому. Стрѣлки дерутся открыто и гово-

рятъ „что хотятъ показать свою грудь врагу.“ Батальонъ учениковъ, неустрашимый предъ огнемъ, является туда, гдѣ больше опасности; они падаютъ, не слабѣя духомъ, и умираютъ героями! Ученый профессоръ геологіи, Леопольдъ Пилла, восклицаетъ, умирая, что онъ „еще не довольно сдѣлалъ для отечества!“

Піемонтскій маіоръ Бероди съ двумя только ротами флорентинскихъ волонтеровъ удерживаетъ цѣлую бригаду, снабженную сильной артиллеріей. Маіоръ падаетъ пораженный прямо въ грудь, но его солдаты оспариваютъ землю шагъ за шагомъ. Неаполитанцы дѣлаютъ чудеса! Но число австрійцевъ возрастаетъ безпрестанно и угрожаетъ сбить итальянцевъ съ позиціи. Въ Монтанарѣ мало по малу массы ихъ охватываютъ и истребляютъ все. Въ Куртатонѣ граната взрываетъ пороховой ящикъ, много артиллеристовъ убито и огонь прекращенъ. Они поправляютъ бѣду и подновляютъ свои двухъ-пушечныя баттареи. Вскорѣ всякое усиліе дѣлается безполезнымъ. Генералъ Ложье не смѣетъ приказать отступить, что по неопытности войскъ можетъ повести къ полному пораженію. Наконецъ онъ рѣшается на это, и въ самомъ дѣлѣ въ рядахъ является безпорядокъ. Въ Куртатонѣ при переходѣ черезъ мостъ стѣсняется толпа; но рота Малинкини, укрѣпясь во рву, скрываетъ это замѣшательство отъ непріятеля и непозволяетъ ему воспользоваться имъ.

XIV.

Въ это время произошелъ трогательный эпизодъ. Сорокъ волонтеровъ, увлеченные Монтанелли, бросаются впередъ, бѣгутъ чрезъ трупы къ сосѣдней мельницѣ и противопоставляютъ австрійцамъ отчаянную оборону. Ядра и пули падаютъ дождемъ на храбрый батальонъ и быстро уменьшаютъ его. Герои падаютъ одинъ за другимъ и патроны, славное на-

слѣдство отъ умершаго, дѣлятся тотчасъ же между оставшимися въ живыхъ. Геройская группа, уменьшающаяся съ каждой минутой, собирается вокругъ итальянскаго знамени. Піетро Парра, молодой человѣкъ полный надеждъ, падаетъ возлѣ Монтанелли; Монтанелли бросается къ тому, котораго любилъ какъ брата, слушаетъ послѣднее біеніе сердца и обнимаетъ уже трупъ. Внѣ себя, онъ схватываетъ ружье своего храбраго товарища, чтобы отмстить за него, но въ то же время чувствуетъ, что пуля пробила его лѣвое плечо; онъ дѣлаетъ тщетныя усилія, чтобы противиться и еще сражаться, но падаетъ безъ чувствъ, крича друзьямъ, которые, не желая разлучаться съ нимъ, даютъ захватить себя австрійцамъ: „Вы будете свидѣтелями, что я палъ, глядя на непріятеля.“

Тосканцы и неаполитанцы были побѣждены и приведены въ разстройство. Только 1200 человѣкъ отступили въ порядкѣ къ Маркаріи на Огліо; шесть сотъ отошли къ Гоито; остальные были взяты въ плѣнъ, ранены, убиты или разсѣяны. Но кровь была пролита не даромъ; самоотверженіе столькихъ жертвъ осталось не безъ плода. Сраженіе при Куртатонѣ и Монтанарѣ, не смотря на потери, было менѣе гибельно для побѣжденныхъ итальянцевъ, чѣмъ для побѣдителей австрійцевъ. Стойкое сопротивленіе тосканцевъ на много часовъ замедлило смѣлое движеніе Радецкаго; 800 его солдатъ остались на полѣ битвы, и, 29-го, австрійцы занялись довершеніемъ побѣды, стягиваніемъ батальоновъ и составленіемъ новыхъ диспозицій, которыя сдѣлались необходимыми вслѣдствіе борьбы.

Теперь Радецкій не могъ уже захватить врасплохъ піемонтскую армію, которая, сдѣлавшись осторожной, имѣла время принять необходимыя мѣры и стянуться.

Въ самомъ дѣлѣ, піемонтская армія, части которой имѣли весьма неудовлетворительныя свѣдѣнія одна объ другой, только вечеромъ 28, получила нѣкоторыя извѣстія о дви-

женіи австрійцевъ и только 29, при восходѣ сольнца, часть войскъ могла отправиться къ Вольтѣ; 30, довольно уже поздно они въ состояніи были расположиться въ линію у Гоито.

XV.

Въ самый день битвы при Куртатонѣ и Монтанарѣ, 5 или 6 тысячъ австрійцевъ вышли изъ Риволи съ транспортомъ съѣстныхъ припасовъ, которыми должны были снабдить Пескьеру. Они повели жаркую аттаку на позиціи между Кальмазино и Гардскимъ озеромъ. Генералъ Безъ съ двумя батальонами піемонтской бригады, ротою стрѣлковъ и нѣсколькими волонтерами изъ Павіи мужественно отбросилъ ихъ къ Каваліоне, и такимъ образомъ эта попытка австрійцевъ не имѣла никакого успѣха.

XVI.

Радецкій, обративъ въ бѣгство тосканцевъ, вечеромъ сталъ лагеремъ съ своимъ авангардомъ на разстояніи часа предъ Куртатоне, по дорогѣ къ Гоито; первый корпусъ арміи сталъ въ Куртатоне и Санъ-Сильвестро, второй — построенный въ линію, расположился лѣвѣе, резервный корпусъ сзади перваго. 30, австрійская армія двинулась впередъ, приближаясь къ Минчіо; Радецкій съ 25,000 войска двинулся для овладѣнія Гоито. Генералъ д'Аспръ съ 10,000 войска направился на Черезару, чтобы напасть на піемонтцевъ съ фланга, пресѣчь имъ дорогу и отбросить къ Минчіо.

Только въ часъ пополудни піемонтская армія могла быть приведена въ боевой порядокъ. Оставивъ около Пескьеры только такой отрядъ, какой былъ необходимъ для продолженія осады и блокады крѣпости, она сосредоточилась въ

числѣ 22,000 человѣкъ. Лѣвое крыло ея опиралось на Гоито и было защищаемо сильной артиллеріей и 10 неаполитанскимъ полкомъ. Бригада Казале была вправо отъ Гоито, немного позади, и занимала высоты Соменцари; бригада Кунео, еще болѣе отодвинутая назадъ, была расположена параллельно, по дорогѣ, идущей отъ Гоито къ Бресчіи. Во второй линіи находилась бригада Аоста. Гвардейскій полкъ въ боевомъ порядкѣ былъ расположенъ въ резервѣ, сзади праваго крыла. Другой гвардейскій полкъ былъ поставленъ для поддержки оконечности линіи, которою непріятель могъ имѣть желаніе овладѣть. Кавалерійскій полкъ наблюдалъ за дорогою въ Соларо и Черезара. Артиллерія была впереди боевой линіи; резервныя артиллерія и кавалерія, на второмъ планѣ, были расположены такъ, чтобы поддержать наиболѣе угрожаемые пункты. Итальянская армія составляла ломанную линію, которой уголъ находился въ Гоито. Таковы были распоряженія генерала Бава, которому было поручено главное командованіе.

XVII.

Не замѣчая даже, чтобы непріятель дѣлалъ рекогносцировки къ Гацольдо и Сакка, Бава началъ сомнѣваться въ вѣроятности столь поздней аттаки. Онъ уже отдалъ приказъ одной части войскъ расположиться на бивуакахъ, а другой— отступить къ Вольтѣ; король отправился назадъ въ Валеджіо, гдѣ находилась главная квартира, какъ вдругъ въ половинѣ четвертаго пополудни показалась австрійская армія и открыла огонь по всей линіи. Авангардъ, подъ командой Бенедека, повелъ аттаку на Гоито. Бригада Вольгемюта начала приближаться, поддерживая лѣвое крыло Бенедека. Бригада Страссольдо, влѣво отъ Вольгемюта, начала окружать піемонтскую армію, съ цѣлью отбросить ее къ Минчіо,

что и казалось Радецкому, разсчитывавшему и надѣявшемуся на это, неизбѣжнымъ, въ случаѣ, еслибы д'Аспръ съ своими 10,000 войска явился чрезъ Черезара на мѣсто сраженія. Австрійцы дрались съ ожесточеніемъ; пять разъ они устремлялись на Гоито и каждый разъ были отброшены. Генералъ Бава приказалъ возвести на другомъ берегу батарею изъ четырехъ орудій, которыя, обстрѣливая флангъ нападающихъ, производили въ рядахъ смерть и опустошеніе. Но въ то время, какъ на этомъ пунктѣ итальянцы торжествовали надъ австрійцами, — Вольгемютъ успѣлъ сбить батальонъ бригады Кунео, а прочіе аттаковалъ съ фланга и принудилъ ихъ отступить. Гвардейскій полкъ, разстроенный Страссольдо, который аттаковалъ его съ фронта, тоже началъ отступать. Гибель казалась неминуемой.

Въ эту минуту Бава получилъ извѣстіе, что непріятель наводитъ мостъ на Минчіо, выше Гоито, чтобы напасть на армію съ тыла. Повидимому, генералъ вынужденъ былъ отдать приказъ объ отступленіи; но онъ и не думалъ объ этомъ. Пренебрегая извѣстіемъ столь возможнымъ, но мало вѣроятнымъ, онъ думалъ единственно о поддержкѣ праваго крыла, котораго двѣ линіи были уже сбиты, а третья приготовлялась къ нападенію австрійскаго войска. Піемонтская артиллерія, не смотря на невыгоды мѣстности, открыла, съ высотъ Сомменцари, бѣглый огонь. Поддерживаемая артиллеріей, бригада д'Аспра, находившаяся въ послѣдней линіи, а теперь составлявшая первую, рѣшительно двинулась впередъ. Герцогъ Савойскій стянулъ батальоны бригады Кунео и, поддерживая движеніе бригады Аоста, ударилъ на непріятеля въ штыки; кавалерія Ниццы угрожала лѣвому крылу Вольгемюта. Гвардейскій полкъ бросился на австрійцевъ и, въ свою очередъ, принудилъ ихъ отступить. Вдругъ распространился слухъ, что король получилъ извѣстіе о сдачѣ Пескьеры. Всѣ воодушевились; раздались крики: „да здравствуетъ

Италія!“ Барабаны забили аттаку. Было семь часовъ. Радецкій, отчаяваясь въ прибытіи корпуса д'Аспра, приказалъ начать общее отступленіе, оставивъ на полѣ битвы 3,000 раненныхъ, убитыхъ и плѣнныхъ. Піемонтцы потеряли около 1,000 человѣкъ; король и герцогъ савойскій были легко ранены. Итальянская армія, гордая своей побѣдой, упоенная энтузіазмомъ, встрѣтила радостными криками Карла-Альберта, короля Италіи.

XVIII.

Радецкій вытянулъ свои войска въ линію, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ мѣста сраженія, нисколько не будучи тревожимъ піемонтскими войсками. Д'Аспръ, отъ котораго зависѣлъ исходъ сраженія, не встрѣтилъ на своемъ пути никакихъ препятствій, но длина обхода требовала болѣе времени, чѣмъ онъ предполагалъ; онъ прибылъ ночью въ Черезара и сталъ тамъ лагеремъ.

Сильный дождь, продолжавшійся всю ночь 30 и весь слѣдующій день, сдѣлалъ дороги непроходимыми для обѣихъ армій; два дня онѣ оставались въ бездѣйствіи другъ передъ другомъ.

Радецкій не вполнѣ умѣлъ осуществить свой планъ, обѣщавшій вначалѣ полный успѣхъ. Движеніе его войскъ было слишкомъ медленно. Послѣ пораженія тосканцевъ, онъ потерялъ вечеръ 29 и утро 30. Если бы онъ повелъ аттаку быстрѣе, онъ пришелъ бы въ Гоито ранѣе піемонтской арміи, прибывшей туда не вдругъ, а по частямъ и построившейся въ боевую линію только около полудня. Отбытіе д'Аспра въ Черезару должно было быть совершено такъ, чтобы онъ могъ привести во время 10,000 отрядъ на мѣсто сраженія. Но если Радецкій подвергался порицанію, то и Карлъ-Альбертъ съ своими генералами также были достойны

его, за то, что узнали поздно о замыслахъ непріятеля; что пожертвовали тосканцами, не поддержавъ ихъ и не отдавъ имъ во время приказа объ отступленіи; что не съумѣли воспользоваться, 30-го, настроеніемъ арміи для пораженія непріятеля, чего можно было достигнуть, неутомимо преслѣдуя австрійцевъ во время ихъ отступленія; наконецъ за то, что по взятіи Пескьеры не собрали тотчасъ же всего войска, чтобы броситься на австрійскую армію, которая, будучи внѣ четыреугольника, была бы окончательно разсѣяна, въ случаѣ пораженія.

Карлъ-Альбертъ, вмѣсто того, чтобы ускорить побѣду, отправился, 1 іюня, въ Пескьеру, чтобы присутствовать на праздненствахъ.

Взятіе Пескьеры и сраженіе при Гоито произвели въ Италіи еще большую радость, чѣмъ первые успѣхи піемонтской арміи. На этотъ разъ піемонтцы съ слабѣйшими силами побѣдили австрійцевъ, не смотря на подкрѣпленія и многочисленность послѣднихъ. Поэтическое воображеніе итальянцевъ уже видѣло изгнаніе непріятеля изъ отечества и возстановленіе независимости. Горизонтъ казался болѣе блестящимъ, будущее болѣе свѣтлымъ. Къ несчастію, все это не было еще дѣйствительностью!

XIX.

Карлъ-Альбертъ ничего не предпринималъ въ продолженіи 2 и 3 іюня, и не аттаковалъ Радецкаго. 3, онъ собралъ между Вольтой и Гоито 40,000 человѣкъ и 90 орудій, съ намѣреніемъ отбросить австрійцевъ къ Мантуѣ.

Но Радецкій, узнавъ о сдачѣ Пескьеры, о событіяхъ въ Вѣнѣ и о сосредоточеніи піемонтскихъ войскъ, внезапно оставилъ въ ночь съ 3 на 4 занимаемую имъ позицію между Гоито и Куртатоне и отступилъ къ Мантуѣ, опустошивъ мѣстность, по которой проходилъ. 5, онъ направился къ

Леньяно, оставивъ часть войскъ, чтобы прикрыть свое движеніе и, 6, прибылъ вмѣстѣ съ эрцгерцогами и главнымъ штабомъ всей арміи въ Монтаньяна, по дорогѣ къ Падуѣ. Онъ отдалъ приказъ генералу Вельдену выйти изъ Тироля со вновь собраннымъ корпусомъ въ 15,000 человѣкъ и двинуться на Виченцу.

Дурандо, послѣ геройской защиты, 20 и 24 мая, остался въ Виченцѣ съ 10,000 отрядомъ. Въ то время, когда онъ праздновалъ побѣду при Гоито, какъ счастливое предзнаменованіе, къ нему пришло извѣстіе о прибытіи Радецкаго въ Монтаньяна. Это обстоятельство было принято народомъ, какъ свидѣтельство новаго пораженія австрійской арміи близъ Мантуи; но 8 утромъ, передъ стѣнами города явился авангардъ Радецкаго; Дурандо понялъ угрожающую ему опасность, но не рѣшился оставить городъ, столь мужественно оборонявшійся, чтобы отступить къ Падуѣ или Тревизѣ. Онъ послѣдовательно извѣстилъ Карла-Альберта о прибытіи непріятеля въ Монтаньяна и въ окресности Виченцы; онъ надѣялся сопротивляться нѣсколько дней, разсчитывая на то, что піемонтская армія навѣрно освободитъ Виченцу. Такъ думалъ Дурандо.

9-го іюня, Вельденъ приблизился къ городу съ одной стороны, Вольгемютъ съ другой, д'Аспръ по дорогѣ отъ Падуи, Вратиславъ по дорогѣ отъ Вероны; Радецкій замыкалъ кругъ. Виченца была окружена со всѣхъ сторонъ. 40,000 человѣкъ и 118 орудій приготовились возобновить аттаку этого геройскаго города, котораго обагренныя кровью баррикады были единственными укрѣпленіями и который былъ защищаемъ 10,000 отрядомъ римскихъ и швейцарскихъ войскъ и волонтеровъ изъ всѣхъ городовъ, своими храбрыми гражданами и только 38 орудіями. Повидимому, Виченца должна была пасть.

Но, чтобы овладѣть Виченцой, Радецкій, послѣ неудачи своего перваго плана, быстро измѣнилъ свои распоряженія и желая нанести новый ударъ, болѣе смѣлый и болѣе надеж-

ный, чѣмъ первый, удалился отъ линіи Адижа и центра своихъ дѣйствій. Онъ разсчитывалъ, что если ему удастся, то онъ поправитъ неудачу, понесенную его войсками подъ стѣнами этого города, вознаградитъ себя за пораженіе при Гоито, довершитъ завоеваніе Венеціи и, уничтоживъ тосканцевъ, уничтожитъ и корпусъ римской арміи. Если же надежды эти не осуществятся, если піемонтская армія слѣдуетъ за нимъ и стѣснитъ его подъ Виченцой, то онъ счастью сраженія предоставитъ рѣшеніе судьбы Италіи.

XX.

Что дѣлалъ Карлъ-Альбертъ и его генералы, чтобы разстроить замыслы непріятеля? 4-го іюня, они легко могли перейти на лѣвый берегъ Минчіо, броситься по дорогѣ къ Леньяно и настигнуть австрійскую армію. Они ограничили свои дѣйствія рекогносцировкой до Куртатоне и Монтанара. Тамъ піемонтцы увидѣли грустные слѣды опустошенія и раззоренія страны, которую занимали австрійцы: „дома были разрушены и разграблены, церкви осквернены, священная утварь и благочестивыя приношенія христіанъ похищены. Все это наводило ужасъ“.

Карлъ-Альбертъ, увѣренный въ томъ, что австрійская армія думала единственно о возвращеніи къ Веронѣ, занялъ прежнюю позицію, которую піемонтская армія занимала до сраженія при Гоито. 7-го, онъ узналъ, что Радецкій удалился отъ Адижа, и хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы овладѣть высотами Риволи.

Военный министръ Франціни писалъ ему, „что если онъ перейдетъ въ Пескьеру для нападенія на Риволи, то онъ думаетъ, что Дурандо въ Виченцѣ подвергнется опасности; что онъ проситъ его собрать генераловъ на совѣщаніе, чтобы подумать о средствахъ къ поддержкѣ Виченцы; что средство

это можетъ заключаться въ соглашеніи съ заговорщиками въ Веронѣ, что можетъ произвести диверсію на Адижъ и принудить Радецкаго къ возвращенію.“

Совѣтъ генераловъ, подъ предсѣдательствомъ короля, рѣшилъ тотчасъ же овладѣть Риволи, чтобы потомъ перейти со вторымъ корпусомъ арміи на лѣвый берегъ Адижа, между тѣмъ какъ первый корпусъ двинется на Верону. Два дня прошло въ нерѣшимости и разсужденіяхъ. Король получалъ отъ Дурандо настойчивыя извѣщенія объ угрожавшей опасности. Надо было на что нибудь рѣшиться. 10-го, двѣ дивизіи двинулись на Риволи, одна черезъ Гарда, другая черезъ Пастренго. 4,000 австрійцевъ защищали Риволи; но они снялись съ лагерей быстро, не будучи даже преслѣдуемы, и удалились въ Тироль. 11-го, герцогъ Генуэзскій овладѣлъ важной позиціей de la Corona, не встрѣтивъ серьезнаго сопротивленія. Вообще, король, потерявъ десять дней въ маршахъ, контръ-маршахъ, колебаніяхъ, совѣтахъ, растянулъ свою линію слишкомъ далеко, вмѣсто того, чтобы стянуть ее, аттаковалъ Верону, лишенную оборонительной арміи, не преслѣдовалъ австрійцевъ, находившихся подъ стѣнами Виченцы, и самый этотъ городъ, и оставилъ Дурандо вмѣстѣ съ войскомъ на произволъ судьбы.

XXI.

Городъ Виченца окруженъ холмами, выходящими изъ Тироля и извѣстными подъ названіемъ Monte-Berici. Наиболѣе близкіе къ городу называются Белла-Виста, Рамбальдо и Берикоколо. Дурандо ввѣрилъ защиту этой важной позиціи полковнику Массимо д'Азеліо и для поддержки его отрядилъ полковника Энрико Чіальдини съ двумя батальонами швейцарцевъ, отрядомъ волонтеровъ изъ Виченцы и 1,300 человѣкъ легіона Галіено.

На горѣ Берикоколо была устроена баттарея въ 6 орудій; батальонъ городской стражи изъ Фаэнцы, подъ начальствомъ полковника Пази и батальонъ римскихъ студентовъ, подъ командой полковника Чеккарини, стали на Rotonda di Palladio и по дорогѣ къ Барбароно; легіонъ полковника del grande Romano, составленный изъ батальона римскихъ волонтеровъ и волонтеровъ изъ Анконы, занялъ ворота Подова; въ воротахъ Санта-Лучіа расположился батальонъ волонтеровъ изъ Бассо-Рено, подъ начальствомъ полковника Росси; у воротъ Санъ-Бартоло и Санта-Кроче сталъ шестой линейный батальонъ крестоносцевъ, подъ командой лейтенантъ-полковника Меллара; въ воротахъ Кастелло — линейные егеря. Резервъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ швейцарцевъ, карабинеровъ, кавалеріи и швейцарской полевой артиллеріи. Открытыя дороги были пересѣчены баррикадами; ворота укрѣплены. Это были всѣ силы, собранныя чувствомъ долга и обстоятельствами во всемъ городѣ, граждане котораго призваны были снова доказать свою преданность дѣлу Италіи.

На разсвѣтѣ, сквозь неразсѣявшійся мракъ, съ наиболѣе высокой башни можно было видѣть, но не различая ясно, какъ густыя, черныя массы собирались и облегали городъ по всѣмъ дорогамъ, около всѣхъ воротъ. Непріятель приближался со всѣхъ сторонъ. Перестрѣлка началась въ четыре часа на холмахъ, аттакуемыхъ стрѣлками. Колонна, предводительствуемая Кулоцомъ, смѣло бросилась на высоты, защищаемыя съ такимъ же мужествомъ.

Вратиславъ устремился на Ротонде, но испытавъ неудачу, принужденъ былъ прибѣгнуть къ артиллеріи и отойти къ воротамъ, гдѣ шла ожесточенная борьба. Въ это же самое время д'Аспръ колонной и въ массѣ нападаетъ на баррикаду воротъ Падова. Но усилія его сокрушаются храбростью итальянцевъ. На всѣхъ пунктахъ идетъ открытая, ожесточенная, кровопролитная борьба, все обнято какимъ то стра-

шнымъ, всепожирающимъ огнемъ. Генералъ, офицеры, волонтеры, солдаты, граждане, не колеблясь, выдерживаютъ ужасную аттаку, угрожающую ихъ уничтожить. Борьба продолжается 6 часовъ. Успѣхъ астрійцевъ незначителенъ. Но самый ужасный бой идетъ на холмахъ. Итальянцы и швейцарцы, сбитые съ Белла-Виста и съ Рамбальдо, сосредоточиваютъ силы свои на Берикоколо. Искусно направленная швейцарская артиллерія и ружейный огонь волонтеровъ опустошаютъ ряды нападающихъ. Трупы падаютъ кучами, кровь льется ручьями. Обѣ стороны чувствуютъ, что послѣдній холмъ — ключъ позиціи и взятіе его — развязка драмы. Австрійцы дѣлаютъ новое усиліе. Двѣнадцать тысячъ человѣкъ свѣжаго войска мѣрнымъ шагомъ идутъ на приступъ. Итальянцы и швейцарцы отчаянно сопротивляются. Но всѣ чудеса храбрости и самое высокое самоотверженіе не могутъ остановить этого сокрушительнаго потока, который охватываетъ и наводняетъ высоты. Солдаты и офицеры падаютъ одинъ за другимъ. Маіоръ Джентилони де Филоттрано, молодой человѣкъ, подававшій большія надежды, падаетъ мертвый. Храбрый полковникъ Чіальдини тяжело раненъ. Командовавшій артиллеріей раненъ картечью въ ногу. Полковникъ д'Азеліо прикрываетъ отступленіе при помощи наиболѣе смѣлыхъ и, сдѣлавъ послѣднее усиліе у церкви del Monte, падаетъ, раненый, на этомъ славномъ полѣ битвы, которое онъ видитъ себя вынужденнымъ оставить.

XXII.

Дурандо отдавалъ повсюду приказанія; всякое одобреніе было излишнимъ; никто не имѣлъ нужды слышать голосъ начальника, чтобы воодушевиться; достаточно было одного его присутствія. Узнавъ объ отступленіи д'Азеліо, онъ спѣшитъ къ резерву и самъ, во главѣ колонны, старается обойти хол-

мы съ противоположной стороны; но ряды австрійцевъ были такъ густы, что итальянцы вынуждены были уступить и отойти къ городу. Непріятель овладѣлъ холмами, возвелъ на нихъ баттареи, и вскорѣ гранаты, бомбы, ядра дождемъ посыпались на городъ. Оборона, сосредоточившаяся сзади воротъ и баррикадъ, еще болѣе оживляется; рвеніе къ сраженію не ослабѣло; опасность, не производя смущенія, увеличиваетъ смѣлость въ сердцахъ; ночь присоединяетъ ужасъ мрака къ ужасамъ сраженія. Впродолженіи тридцати шести часовъ итальянцы, съ оружіемъ въ рукахъ, истомленные жаждой, голодомъ, которыхъ утолить они не имѣли времени, усталостью, пролитою кровью, чувствуютъ, что мужество ихъ не ослабѣло. Но можно ли было всѣми этими жертвами спасти городъ? Послѣ потери вершинъ онъ представлялъ лишь груду развалинъ и обломковъ. Швейцарская артиллерія разстроена. Должно ли подвергнуть Виченцу всѣмъ ужасамъ города, взятаго приступомъ?

Дурандо съ грустью въ сердцѣ, но съ присутствіемъ духа смотрѣлъ на свое гибельное положеніе. Онъ не имѣлъ ни обѣщаній Карла-Альберта, ни надеждъ на его помощь. Онъ могъ сдаться на капитуляцію съ честью для жителей и для своей арміи, и онъ думалъ объ этомъ. Къ шести часамъ вечера, онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи комитету обороны и далъ ему четверть часа на размышленіе. Но комитетъ, отъ имени города, отвергнулъ это предложеніе. Генералъ считалъ этотъ отвѣтъ заблужденіемъ патріотизма и, взявъ на себя отвѣтственность, поднимаетъ бѣлый флагъ. При этомъ видѣ, общее отчаяніе превратилось въ ужасъ; всѣ сердца были возмущены, всѣми овладѣлъ сильнѣйшій гнѣвъ; волонтеры и жители желали лучше умереть, нежели сдаться. Знамя, пробитое пулями, падаетъ; огонь возобновляется съ прежнею силою. Но Дурандо видѣлъ всю очевидность опасности, всю невозможность обороны. Онъ могъ еще спасти городъ и армію отъ окончательной гибели,

и, взявъ на себя отвѣтственность за капитуляцію, отправилъ парламентеровъ въ непріятельскій лагерь.

XXIII.

Австрійскіе генералы удивлялись мужеству, съ которымъ Виченца, городъ неукрѣпленный, защищалась впродолженіи шестьнадцати часовъ противъ столь превосходныхъ силъ. Они боялись диверсіи піемонтской арміи на Верону, и торопились согласиться на капитуляцію, на самыхъ выгодныхъ для города условіяхъ.

Договоръ подписанъ 11-го іюня, въ 6 часовъ утра, отъ имени генерала Дурандо, полковникомъ Альберикомъ и, отъ имени Радецкаго, генералъ-лейтенантомъ Гессомъ. Условія были слѣдующія: „Папскія войска выйдутъ изъ города со всѣми военными почестями и перейдутъ назадъ чрезъ По; они соглашаются не дѣйствовать противъ Австріи впродолженіи трехъ мѣсяцевъ. Генералъ Дурандо поручаетъ жителей города и провинціи маршалу, который обѣщаетъ обращаться съ ними сообразно съ гуманными принципами своего правительства.“

Въ назначенный часъ папскія войска и батальоны волонтеровъ, съ развернутыми знаменами и барабаннымъ боемъ, вышли изъ города, посреди австрійскихъ отрядовъ. Члены комитета обороны и значительное число жителей Виченцы, вмѣшавшись въ ряды итальянской арміи, съ отчаяніемъ оставили городъ, которому жертвовали собой, предпочитая бѣжать изъ своей родины, подпаденію подъ владычество иностранцевъ. Австрійская армія, мужественно сражавшаяся, отдала знаки уваженія уступившему ей мужеству.

Вечеромъ бригада Кулоца и первый корпусъ арміи поспѣшили вернуться къ Веронѣ; второй корпусъ остался въ Виченцѣ. Колонна резервнаго корпуса, состоявшая изъ 10

ротъ, не смотря на геройскія усилія горцевъ, пересѣкшихъ пути сообщенія, аттаковала-и взяла Кадоре, главный центръ возстанія. 9-го іюня, другія колонны, отправленныя для подавленія сопротивленія жителей долины Брента, овладѣли дорогою между Бассано и Тренто; но одинъ австрійскій батальонъ, спустившійся изъ Тироля чрезъ долину д'Арза, былъ внезапно аттакованъ и принужденъ къ быстрому отступленію. Чтобы поправить эту неудачу, бригада втораго корпуса вышла, 12-го, изъ Виченцы и открыла сообщеніе съ Ровередо. Д'Аспръ, убѣдясь въ спокойствіи верхней части венеціянской области, двинулся на Падую и Тревизу.

XXIV.

Падуя, большой и богатый городъ, съ 50,000 жителей, окружена древними стѣнами и болотистою мѣстностью. Жители ея и остатки римскихъ волонтеровъ, вновь собранные послѣ пораженія, въ числѣ почти 6,000 человѣкъ, подъ командой генерала Феррари, могли защищать городъ впродолженіи 24 часовъ противъ приступа, но не были въ состояніи держаться нѣсколько дней противъ правильной осады. Между тѣмъ Временный Комитетъ департамента твердо рѣшился, 12-го числа, обороняться и сдѣлать воззваніе къ гражданамъ. Феррари, вызванный въ Римъ для отчета въ причинахъ неудачъ при Корнудѣ и на Тревизскихъ равнинахъ, еще не возвратился. Пепе прибылъ въ Ровиго съ 3000 человѣкъ, оставшихся вѣрными послѣ перехода чрезъ По. Нѣсколько офицеровъ, посланныхъ изъ Падуи, просили его принять команду надъ гарнизономъ, рѣшившимся обороняться до послѣдней крайности; но такъ какъ необходимо было сохранить силы для спасенія Венеціи, и при томъ было очевидно, что оставить эти войска въ Падуѣ значило не болѣе, какъ предоставить имъ ни къ чему неведущую славу невозможной

обороны, — то генералъ Пепе и правительство республики пригласили всѣхъ гражданъ, бывшихъ въ состояніи сражаться — удалиться въ Венецію, какъ въ послѣднее убѣжище венеціянской независимости.

Въ ночь съ 12 на 13 іюня венеціянскіе и римскіе волонтеры, послушные этому предложенію, оставили какъ Падую, такъ и Бадію, городъ, лежащій между Леньяно и Падуей, и отправились въ Венецію. Въ тотъ же самый день, 13-го, Пепе съ своимъ отрядомъ сѣлъ на суда въ Кіоджіа и прибылъ въ Венецію, гдѣ и поспѣшилъ принять главное командованіе. Эти итальянскія когорты дополнили священную фалангу храбрыхъ итальянцевъ, заслужившихъ впослѣдствіи удивленіе Европы.

14-го, австрійцы вошли въ открытыя ворота Падуи и тамъ остановились. Часть ихъ арміи явилась предъ Тревизой. Замбеккари защищалъ этотъ городъ съ 3500 человѣкъ. Удачное сопротивленіе, однажды оказанное Нюгенту, дало имъ надежду вторично восторжествовать надъ австрійцами,—мысль высокая, но не обдуманная, и не допустившая ихъ согласиться на предложеніе венеціянскаго правительства — отступить въ Венецію. На предложеніе сдаться они отвѣчали отказомъ. Въ продолженіи 12 часовъ они храбро выдерживали огонь; потомъ, побужденные жителями, нерѣшительные, смущенные, стѣсненные значительно превосходившими ихъ силами, не имѣя возможности совершить отступленія, они увидѣли себя принужденными сдаться на капитуляцію и, 14-го, сдались, на столь же почетныхъ условіяхъ, какъ и Дурандо въ Виченцѣ. Потеря Тревизы была тѣмъ болѣе чувствительна для Венеціи, что съ нею она лишилась единственнаго въ этой странѣ пороховаго завода.

XXV.

Въ то время, когда австрійцы овладѣли Виченцой, Падуей, Тревизой, принудили сдаться 10,000 отрядъ Дурандо

и 3500 Замбеккари и довершили покореніе провинцій, лежащихъ на материкѣ, Карлъ-Альбертъ овладѣлъ, 10-го іюня, сообразно плану, составленному имъ съ генералами, высотами Риволи и расположилъ свою армію для нападенія на Верону. Это предпріятіе, которому благопріятствовало возстаніе мѣстныхъ жителей, должно было служить диверсіей и принудить Радецкаго снять осаду Виченцы. Только 13-го король сосредоточилъ армію около Виллафранка и двинулся съ ней въ часъ по полудни; авангардъ піемонтской арміи достигалъ Томбы. Но тутъ, не видя условленныхъ знаковъ, которые должны были быть поданы жителями, и узнавъ о сдачѣ Виченцы и о вступленіи Радецкаго съ 8,000 отрядомъ, онъ отдалъ приказъ объ отступленіи, и армія заняла свою прежнюю позицію. Когда Радецкій увидѣлъ отступленіе Карла-Альберта, онъ успокоился на счетъ своего основательнаго опасенія, чтобы соединенная піемонтская армія не разбила послѣдовательно, одинъ за другимъ, разъединенные австрійскіе корпуса, во время ихъ смѣлыхъ движеній, и невольно торжествовалъ, видя свою дѣятельность и бездѣйствіе короля.

XXVI.

Нѣсколько дней спустя, 24-го, Пальма-Нова, выдержавъ успѣшно осаду и будучи увлечена болѣе примѣромъ, чѣмъ необходимостью, сдалась на капитуляцію. Піемонтская рота сохранила свое оружіе, но подчинилась условію не дѣйствовать впродоженіи одного года противъ Австріи. Венеціянцы, обезоруженные, были обратно отосланы въ ихъ города; жизнь, свобода и собственность гражданъ были гарантированы. Подписавшіе капитуляцію имѣли слабость допустить въ условіяхъ капитуляціи слѣдующую статью: „Городъ признаетъ себя побѣжденнымъ (d'essersi compromessa) и сдается добровольно, хотя и имѣетъ еще запасъ провіанта и средства для обо-

роны.“ Эта гибельная уступка, была сдѣлана изъ жадности получить „деньги на уплату публичнаго долга, сдѣланнаго во время блокады, когда многія невинныя семейства потеряли все свое имущество.“ Для этихъ павшихъ духомъ людей интересъ былъ выше чести.

XXVII.

Изъ всей венеціянской области только Венеція и Озопо, расположенный на скалѣ, не впали еще во власть непріятеля. Австрійцы были въ Местрѣ и начинали стѣснять Венецію. Въ минуту полученія горестнаго извѣстія о паденіи Виченцы, Тревизы, Падуи, и послѣ отплытія, 11-го іюня, неаполитанскаго флота, всѣ увидѣли на горизонтѣ развѣвающіяся австрійскія знамена. Вскорѣ вся прибрежная мѣстность была занята императорскими солдатами. Кризисъ, давно ожидаемый, приближался: Венеція приготовлялась къ своему послѣднему часу; предоставленная самой себѣ, она могла сама распоряжаться своей судьбой. Манинъ и Томмазео спрашивали другъ друга, не лучше ли въ настоящую минуту сражаться, чѣмъ разсуждать, и закрыли совѣщанія народнаго собранія, созваннаго къ 18. Сверхъестественная энергія овладѣла всѣми; начальники ревностно принялись за управленіе; лишенная дисциплины толпа ввела ее въ ряды свои. Пепе дѣйствуетъ на умы и сердца всѣхъ своей благородной старостью и своимъ испытаннымъ мужествомъ. Генералъ Антонини, едва оправившійся послѣ потери руки, принимаетъ командованіе надъ городомъ и крѣпостями, и представляетъ собой живой образецъ преданности отечеству. Феррари привозитъ Пепе позволеніе изъ Рима командовать надъ остатками римскихъ когортъ. Каждый начальникъ возбуждаетъ самоотверженіе и довѣріе; каждый солдатъ чувствуетъ волненіе народнаго итальянскаго чувства. Отрядъ судовщиковъ, въ числѣ 4000

человѣкъ, неутомимо исполняетъ двойную службу на сушѣ и на морѣ. 2000 работниковъ дѣятельно работаютъ въ арсеналѣ надъ постройкою судовъ. Городъ присоединяетъ къ 4,500,000 ливровъ народнаго займа еще 1,500,000. Венеція окрѣпла въ борьбѣ съ враждебною судьбой.

XXVIII.

Сардинскій флотъ былъ весьма важной помощью. Онъ не только препятствовалъ блокадѣ Венеціи съ моря, но еще держалъ самъ въ блокадѣ Тріестъ и стоявшую въ его портѣ австрійскую флотилію. Если бы австрійцы аттаковали со всѣхъ сторонъ итальянцевъ, то итальянцы, конечно, могли напасть и на австрійцевъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Это было совершенно согласно съ правомъ войны. Такъ думали и итальянцы; но при первомъ дѣйствіи сардинскаго и венеціянскаго флотовъ противъ Тріеста, консулы всѣхъ націй протестовали. Одинъ только французскій консулъ потребовалъ отсрочки на 48 часовъ для обезпеченія національныхъ интересовъ, признавая „очевидность права сардинскаго правительства дѣйствовать какъ заблагоразсудится противъ форта, превращеннаго Австріей въ укрѣпленное мѣсто.“ Консулы государствъ Германскаго Союза объявили, „что такъ какъ Тріестъ составляетъ часть германскаго союза, то всякое дѣйствіе противъ него будетъ признано дѣйствіемъ противъ всего Союза.“ При изъявленіи столь положительнаго возраженія, итальянскіе контръ-адмиралы увидѣли необходимость прекратить дальнѣйшія непріязненныя дѣйствія и ограничились, 11-го, объявленіемъ блокады до 15-го іюня для австрійскихъ судовъ, а съ 15-го и для всѣхъ вообще, сообразно съ обычаями войны. Германскій Союзъ, на своемъ 63 засѣданіи, протестовалъ даже противъ самой блокады, „какъ противъ дѣйствія, имѣющаго видъ нарушенія мирныхъ отношеній къ

Германскому Союзу и могущаго повести къ серьезнымъ и печальнымъ затрудненіямъ.“ Революціонная Германія въ этомъ случаѣ соединилась съ Австріей, радовалась опустошенію Италіи, не позволяя ей никакой диверсіи противъ Австріи.

XXIX.

Могла ли теперь Венеція освободить венеціянскую область единственно своими собственными силами, имуществомъ своихъ гражданъ, кровью своихъ дѣтей и мужествомъ итальянскихъ волонтеровъ, сбѣжавшихся на защиту ея со всѣхъ сторонъ? могла ли она по крайней мѣрѣ защищаться? Доведенные до столь печальной крайности, одни сомнѣвались въ этомъ, другіе упорствовали; одни успокоивали всѣхъ съ какимъ то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, происходящимъ отъ очевидности опасности; другіе начинали обращать взоры къ Франціи. Болѣе, чѣмъ когда либо, республиканцы видѣли въ сдачѣ и неудачахъ городовъ измѣну и отложеніе, а не невозможность и неспособность обороняться. Въ гнѣвѣ, оправдываемомъ общественными бѣдствіями, они обвиняли болѣе короля, чѣмъ случай. Они были убѣждены, что Карлъ-Альбертъ оставилъ римскую армію, и что Дурандо предалъ ее. Имъ все болѣе и болѣе казалось яснымъ, что король готовитъ Кампо-Формійскій договоръ. Въ свою очередь, ломбардскій уполномоченный опровергалъ опасенія столь постыднаго трактата: „Судьбы Ломбардіи и Венеціи были отнынѣ скованы одна съ другою. Рабство венеціянскихъ провинцій было бы стыдомъ и рабствомъ для провинцій ломбардскихъ....“

Новый французскій консулъ, Вассеръ, прибылъ въ Венецію 8 іюня, чтобы занять мѣсто Лимперани, который уже много разъ заявлялъ отъ имени своего правительства сочувствіе этому доблестному городу. Выборъ г. Вассера, сдѣланный министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ новымъ доказа-

тельствомъ сочувствія французской республики къ Венеціи. Его честный характеръ, демократическіе принципы, твердость, мужество, все обѣщало въ немъ человѣка преданнаго и полезнаго для Венеціянской республики. Новый паровой бригъ, le Brasier, подъ командой Пассума, присоединенный къ Асмодею, развернулъ французскій флагъ въ Венеціянскомъ портѣ, куда не могъ проникнуть Асмодей. Французскіе агенты и офицеры были достойными представителями Франціи. 5 іюня, тысяча гражданъ, убѣжденныхъ въ невозможности для Италіи держаться единственно своими средствами и въ томъ, что содѣйствіе французской республики было бы спасеніемъ Венеціи и Италіи, торжествомъ свободы, подкрѣпленіемъ льва святаго Марка, и послужило бы къ возвращенію власти надъ Адріатикой въ руки Венеціи, подали венеціянскому правительству просьбу, въ которой убѣждали его призвать на помощь Францію. 13, національная гвардія, въ лицѣ Лоренцо Органіа, выразила свое одобреніе этому желанію; толчокъ былъ данъ, правительству предстояло выразить свое мнѣніе; должно ли оно было противиться или уступить?

Съ другой стороны приверженцы Карла-Альберта все болѣе и болѣе разгорячались и упорствовали въ томъ мнѣніи, что обратиться къ государю итальянскому было бы, средство болѣе раціональное и болѣе національное. Бѣдствія свои они объясняли недостаткомъ единства. Разъединеніе погубило Венецію, единство спасетъ ее! Карлъ-Альбертъ одержалъ побѣду при Гоито и Риволи! піемонтцы всегда доказывали въ открытомъ полѣ превосходство своего оружія надъ австрійскимъ. Пораженіе Радецкаго подъ Вероной вознаградитъ Венецію за всѣ неудачи! — Безпрерывное повтореніе этихъ доказательствъ въ печати, въ просьбахъ, въ городскихъ толкахъ, въ кружкахъ, придавало имъ силу общественнаго мнѣнія.

XXX.

Манинъ и Томмазео отдавали предпочтеніе обращенію къ Франціи. Какъ люди, стоявшіе во главѣ республики, служившіе живымъ препятствіемъ монархіи, они видѣли ослабленіе своего вліянія. Признавая ихъ заслуги, всѣ, казалось, были расположены забыть ихъ самихъ. Между самыми ихъ товарищами скрывались противныя имъ убѣжденія; жалобы и ропотъ начинали достигать до нихъ. Съ величіемъ души они претерпѣвали всѣ непріятности политической жизни. Поставленные между самыми противоположными мнѣніями, они предоставили самой странѣ заботу о рѣшеніи ея участи. Они объявили, на 3 іюня, собраніе національнаго совѣщанія, котораго засѣданія были на нѣкоторое время прерваны, потому что, не признавая за собою исключительнаго права рѣшить вопросъ, затрогивающій интересы Италіи, вопросъ о призваніи Франціи на помощь, они предоставили рѣшеніе его всей Италіи.

13 іюня, они обратились къ піемонтскому королю. Изъявивъ ему признательность за помощь, оказанную его флотомъ и его славными войсками, они просили его сообщить имъ, какія приняты имъ мѣры и что должны они отвѣтить странѣ, съ безпокойствомъ спрашивавшей ихъ о томъ, въ силахъ ли Піемонтъ подать быструю и дѣйствительную помощь для облегченія общественныхъ бѣдствій и можетъ ли онъ теперь выдержать упорную войну. Потомъ, намекая на Кампо-Формійскій договоръ, они продолжали: венеціанскій народъ, сохраняя воспоминанія о своихъ громадныхъ несчастьяхъ и видя безпрепятственное вторженіе австрійцевъ отъ береговъ Адижа до Венеціи, не можетъ прійти въ себя отъ ужаса, внушаемаго печальнымъ слухомъ, усиливаемымъ злобою. Тутъ дѣло идетъ о дѣйствіи столь

ужасномъ и столь невозможномъ, что мы совершаемъ преступленіе, даже передавая предположеніе о немъ.“ Чтобы возбудить довѣріе, утѣшить побѣжденныхъ и поддержать мужество сражающихся, они требовали отъ него отвѣта, который успокоилъ бы всѣхъ. Это письмо, посланное военному министру, осталось безъ всякаго отвѣта.

14, они обратились къ правительствамъ Тосканы, Рима и Сициліи съ той же просьбой, съ какой наканунѣ обращались къ Піемонту, объ оказаніи имъ помощи по мѣрѣ силъ и возможности. Въ этихъ просьбахъ, выражаясь ясно, они говорили: „Многіе изъ венеціанскихъ гражданъ принуждаютъ наше правительство призвать, на почетныхъ условіяхъ, иностранную помощь; но мы, видя опасность какъ въ изъявленіи согласія на эти желанія, такъ и въ отказѣ, и не желая въ одномъ углу Италіи рѣшать вопросъ, касающійся всей страны, просимъ каждое изъ государствъ полуострова дать ясный и скорый отвѣтъ; ясный — ибо время двусмысленностей миновало; быстрый — потому что этого требуетъ необходимость. Мы повторяемъ, что тутъ дѣло идетъ о судьбѣ не одной венеціянской области, но всей страны и, можетъ быть, на много лѣтъ!“

XXXI.

Тосканское правительство первое прислало отвѣтъ, 18 іюня: „....Партія, къ которой вы причисляете многихъ изъ венеціянскихъ гражданъ и которой вы отказали взять на себя отвѣтственность, не спросивъ у другихъ итальянскихъ государствъ о возможности для Италіи освободиться своими собственными средствами, партія эта можетъ открыть для Италіи новую эру бѣдствій, угнетенія и униженія. Я не колеблюсь отвѣчать на этотъ торжественный вопросъ, предложенный въ столь торжественную минуту: да! Италія можетъ всегда ограничиться единственно своими средствами и довершить

безъ иностранной помощи славное дѣло своего возрожденія. Наши средства всегда обильны и многочислены.... Мнѣ кажется очевиднымъ, что проектъ прибѣгнуть къ иностранной помощи долженъ быть оставленъ, по крайней мѣрѣ теперь, и что только въ случаѣ большихъ превратностей войны, громадныхъ и не вознаградимыхъ потерь въ итальянской арміи, подобная помощь будетъ необходима. Будьте увѣрены, что иностранцы никогда не откажутъ вамъ, когда бы вы ни обратились къ нимъ съ этой просьбой. Они явятся даже съ своей помощью скорѣе, чѣмъ она будетъ потребована вами.... Я васъ убѣдительно прошу отказаться отъ столь гибельнаго и унизительнаго средства.... Кто можетъ поручиться, что Италія, призвавъ французовъ, вмѣсто того чтобы имѣть одного врага и притѣснителя, не будетъ имѣть двухъ? Вы говорите о выгодныхъ и почетныхъ условіяхъ: когда иностранцы займутъ ваши провинціи и будутъ господствовать въ нихъ, кто принудитъ ихъ выполнить условія, если имъ будетъ угодно нарушить ихъ? Много бѣдствій и золъ принесетъ вамъ иностранное вмѣшательство, и поэтому надобно употребить всѣ средства, чтобы по возможности отложить минуту требованія его!...“

Подобное письмо не имѣетъ необходимости въ комментаріяхъ: она заключаетъ само въ себѣ и объясненія, и доказательства. Отвѣтъ, присланный 21 іюня изъ Рима былъ болѣе симпатиченъ въ отношеніи къ Венеціи, менѣе оскорбителенъ для Франціи, но также ясенъ: „Въ требованіи помощи иностранцевъ наше правительство видитъ не просьбу, а скорѣе средство побудить правительства къ скорѣйшей подачѣ вамъ помощи. Оно видитъ въ немъ выраженіе отчаянной рѣшимости, на которую никогда не согласятся итальянцы, если они захотятъ и будутъ согласны въ желаніи сдѣлать все своими собственными средствами.“

Президентъ сицилійскаго правительства, Руджіеро Сет-

тино, выражая глубокое сожалѣніе въ невозможности содѣйствовать защитѣ Венеціи и довершенію итальянскаго дѣла, отвѣчалъ: „сицилійцы вполнѣ убѣждены, что въ войнѣ за свободу и независимость Италіи, ни Италія, ни Сицилія не должны полагаться на помощь иностранцевъ; онѣ должны довѣрять только самимъ себѣ и достигать всего своими собственными средствами.“

Еще до полученія этихъ отвѣтовъ Манинъ писалъ, 16 іюня, Алеарди и Гару, посламъ венеціянской республики во Франціи: „....Наше правительство, побуждаемое многими изъ гражданъ къ призванію помощи Франціи, не беретъ на себя рѣшенія столь важнаго вопроса, чтобы не навлечь на себя порицаній другихъ итальянскихъ государствъ; притомъ подобное требованіе можетъ вызвать Англію къ блокадѣ насъ на морѣ, и наконецъ потому, что это было бы объявленіемъ войны Піемонту, черезъ который французскія войска должны будутъ пройти, какъ враги.“

XXXII.

Опережая ходъ историческихъ событій, чтобы дополнить этотъ важный и интересный разсказъ, мы посмотримъ, что сказалъ президентъ Манинъ въ собраніи 4-го іюля, отдавая отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ: „....Вся венеціянская область вновь занята австрійскими войсками; одна только Венеція осталась свободною, но и той угрожаетъ непріятель; у многихъ гражданъ явилась мысль, что Италія единственно своими собственными силами не можетъ выйти побѣдительницей изъ этой войны. Правительству было представлено много просьбъ, въ которыхъ доказывалась необходимость прибѣгнуть къ помощи Франціи, и въ которыхъ настойчиво требовали призванія ея. Наше правительство, твердо убѣжденное въ томъ, что настоящая война есть война чисто итальянская и

ведется за интересы Италіи, не желало брать на себя тяжелой отвѣтственности въ столь важномъ поступкѣ, не обратясь прежде къ итальянскимъ правительствамъ съ просьбою, выразить съ своей стороны мнѣніе, достаточны ли силы Италіи для изгнанія австрійцевъ, и наконецъ, если бы они согласились въ необходимости иностранной помощи, то чтобы вмѣстѣ съ Венеціей, отъ имени Италіи, обратились къ Франціи съ просьбою о заключеніи съ ней союза. Отъ его величества сардинскаго короля еще нѣтъ отвѣта. Тосканское и римское правительства обѣщали по мѣрѣ своихъ силъ подать намъ помощь и протестовали противъ вмѣшательства Франціи. Къ неаполитанскому правительству, по причинѣ его настоящаго положенія, нельзя было обратиться съ этой просьбой."

Томмазео, котораго бѣдствія отечества не сдѣлали несправедливымъ относительно правительства французской республики, представилъ позже тѣ же факты въ воззваніи къ Франціи: „....Благодарность прежде просьбы. Французскій флагъ развѣвается на Адріатическомъ морѣ для поддержанія Венеціи и чести Франціи!.... Обѣщанія, данныя Италіи правительствомъ республики или, лучше сказать, людьми, имѣющими въ ней въ настоящее время вліяніе, не имѣютъ характера предательской попытки; онѣ всегда были согласны съ необходимостью и съ явными требованіями со стороны Италіи. Въ то время, когда итальянцы, или люди, говорившіе отъ ихъ имени, считали возможнымъ достигнуть всего единственно своими средствами, Франція не заявила ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ ихъ интересы!... Я вспоминаю всѣ обѣщанія Франціи, даваемыя съ самаго февраля, только для изъявленія ей благодарности за то, что въ исполненіи ихъ она никогда не нарушала должныхъ границъ."

XXXIII.

Не одни только итальнскія правительства были противъ французскаго вмѣшательства. Въ палатахъ, вновь созванныхъ, подъ вліяніемъ революціоннаго движенія, во многихъ государствахъ, депутаты, наиболѣе сочувствовавшіе французской республикѣ, выражали относительно его тѣ же сомнѣнія. Въ Римѣ, въ засѣданіи 21-го іюня, одинъ депутатъ обратился къ министерству съ слѣдующимъ вопросомъ: „....Правда ли, что венеціянская республика, слѣдуя гибельному влеченію, сдѣлала воззваніе къ Франціи съ просьбою о вмѣшательствѣ, чтобы избѣжать вѣрной гибели? Венеція должна была защищаться сама безъ посторонней помощи!....“ Въ отвѣтѣ, данномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Маміани, заключается слѣдующая знаменательная фраза: „....Въ Италіи нѣтъ ни одного города, ни одного фута земли, гдѣ могла бы родиться мысль сдѣлать столь важную ошибку, какъ призваніе иностранцевъ. Венеціянская республика должна предпочесть этому тысячу разъ погибнуть въ своихъ лагунахъ!....“

22-го, депутатъ Потенціани, возвращаясь къ разсужденіямъ, бывшимъ наканунѣ, утверждалъ, „что произносить столь обидныя слова противъ французской націи, предложившей Италіи помощь, въ случаѣ, если ея собственныя силы будутъ недостаточны въ борьбѣ съ Австріей — противно приличію и чувству благодарности; но къ ней мы можемъ прибѣгнуть только тогда, когда намъ будетъ предстоять выборъ — призвать ее на помощь или подпасть снова подъ постыдное иго Австріи.“

Депутатъ Фарини отвѣчалъ: „Мы обязаны сказать Франціи нѣсколько словъ благодарности, но благодарности только за ея великодушныя предложенія; подъ этими словами я думаю то, что мы далеки отъ желанія, чтобы французское

оружіе явилось въ Италіи для нашего спасенія; довольно и уже слишкомъ долго Италія была открытымъ полемъ для честолюбія иностранныхъ правительствъ“ (аплодисменты).

Въ Туринѣ, въ засѣданіи 30 мая, во время обсужденія адресса, Паллюель выразилъ сожалѣніе, что въ немъ ничего не сказано относительно французской республики, заявившей столько сочувствія дѣлу освобожденія Италіи, и требовалъ отъ своего правительства оффиціальнаго изъявленія ей благодарности. Валеріо присоединился къ этому мнѣнію: „Я требую этого не во имя того, что республика предложила свое вмѣшательство Италіи, но потому что она заявила, что предложитъ свою помощь только въ той мѣрѣ, въ какой будетъ требовать того Италія.“

Паллюель тотчасъ началъ оправдываться въ томъ, что не имѣлъ мысли требовать французскаго вмѣшательства. „Потому что это не послужило бы къ истинному освобожденію, а причинило бы иностранное владычество, только подъ другой формой, и я думаю, что въ палатѣ никто болѣе меня не будетъ противиться этому вмѣшательству.“

XXXIV.

Что касается Карла-Альберта, то онъ въ своемъ противодѣйствіи зашелъ до того, что даже отвергалъ помощь французскаго генерала Бюго, столь извѣстнаго своей преданностью бурбонамъ. Военный министръ Франціни, начальникъ штаба піемонтской арміи, признавалъ, съ полнымъ смиреніемъ, свойственнымъ его благородному характеру, свою собственную неопытность, также какъ и неопытность сардинскихъ генераловъ, и выразился слѣдующимъ образомъ въ засѣданіи палаты депутатовъ 4 іюня: „Его величество въ послѣднее свиданіе наше сказалъ мнѣ, что Италія должна довольствоваться единственно своими собственными силами и что она

не приметъ предложеній французскаго маршала, которыя я передавалъ ему какъ средство удвоить силу и мужество арміи."

Журналы, какъ органы общественнаго мнѣнія, не менѣе возстали противъ вмѣшательства Франціи. Въ своей, до безконечности разнообразной полемикѣ, они приходили всегда къ слѣдующимъ заключеніямъ: довѣріе къ силамъ Италіи,— недовѣріе къ иностранцамъ; патріотическая гордость, доходящая до ослѣпленія, — отказъ, выражаемый иногда въ оскорбительной формѣ! Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ тысячами получались протесты и письма, выражавшіе общее нежеланіе вмѣшательства.

Этотъ вопросъ столь важенъ и подробности, касающіяся его, столь мало извѣстны, что мы были обязаны привести ихъ здѣсь, не боясь повторять почти одни и тѣже выраженія и описывать однѣ и тѣ же чувствованія.

Въ нашемъ разсказѣ должна быть истина ясная и неоспоримая. Добросовѣстное изученіе документовъ, относящихся къ этой эпохѣ, доказываетъ вполнѣ, что вся Италія, гордая своей силой и своимъ мужествомъ, отвергла великодушно предложенное вмѣшательство французской республики, за исключеніемъ не многихъ республиканцевъ, которые, не довѣряя Карлу-Альберту, пристальнѣе всматривались въ будущее. Этотъ образъ мыслей не заслуживаетъ порицанія. Національная гордость есть чувство столь возвышенное, что оно достойно уваженія даже и въ своихъ заблужденіяхъ. Народъ, желающій освободиться самъ, своими силами, и имѣющій довольно энергіи, чтобы рѣшиться на это, заслуживаетъ удивленія даже тогда, когда не сознаетъ священныхъ законовъ солидарности, существующей между людьми и народами.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Исполнительная коммисія. — Ламартинъ требуетъ прибавленія 300,000 человѣкъ національной, мобилизованной гвардіи къ дѣйствующей арміи, состоящей изъ 532,000 человѣкъ. — Секретное совѣщаніе въ исполнительной коммисіи. — Принятіе политики вмѣшательства по первому призыву. — Рѣчь Ламартина въ законодательномъ собраніи. — Предложеніе Италіи содѣйствія французскаго оружія. — Собраніе принимаетъ эту политику; братскій договоръ съ Германіей; освобожденіе Италіи. — Временное миланское правительство отвѣчаетъ на рѣчь Ламартина отозваніемъ своего посла. — Лордъ Пальмерстонъ, во избѣжаніе французскаго вмѣшательства, торопитъ Австрію и Піемонтъ. — Планъ примиренія, представленный отъ имени Австріи Гуммелавером. — Австрійская армія удаляется въ Тироль, на Альпы, въ случаѣ вступленія французской арміи въ Италію. — Оставленіе Ломбардіи Австріей. — Эрцгерцогъ въ Венеціи съ администраціей, отдѣльной отъ Австрійской. — Пальмерстонъ принимаетъ на себя роль посредника, но единственно съ условіемъ уступки венеціянцамъ части Венеціянской Области. — Попытки соглашенія, сдѣланныя папскимъ нунціемъ, непринятыя. — Прямыя предложенія временному ломбардскому правительству, сдѣланныя Австріей. — Отказъ временнаго ломбардскаго правительства, не желающаго отдѣлить судьбу свою отъ судьбы Венеціянской Области. — Піемонтскій парламентъ объявляетъ присоединеніе Ломбардіи и венеціянскихъ провинцій къ Піемонту. — Карлъ-Альбертъ отвергаетъ предложенія о Кампо-Формійскомъ трактатѣ. — Окончательное установленіе парламентскаго начала въ Туринѣ и Римѣ. — Раздѣленіе мнѣній Пія IX и его министровъ относительно тронной рѣчи. — Ложное положеніе римскаго министерства. — Сицилійскій парламентъ; избраніе на престолъ герцога генуэзскаго. — Собраніе парламента въ Неаполѣ. — Недостаточное число. — Послѣдній протестъ депутатовъ въ пользу итальянскаго дѣла. — Послѣднее обѣщаніе короля. — Неаполитанская конституція дѣлается мертвой буквой. — Открытіе палатъ въ Тосканѣ. — Собраніе представителей въ Венеціи. — Отчетъ Манина. — Томмазео. — Кастелли. — Палеокола. — Манинъ жертвуетъ сво-

нмъ личнымъ мнѣніемъ въ пользу присоединенія. — Вотированіе предложенія о присоединеніи Венеціи къ Піемонту. — Новое правительство въ Венеціи. — Стычка венеціянцевъ съ австрійцами.

I.

Правительство французской республики нисколько не оскорблялось отказами и тѣмъ отвращеніемъ къ ея вмѣшательству, которое было такъ злобно и открыто выражено. Оно умѣло уважать народъ, хотя бывшій иногда несправедливымъ, но добивавшійся независимости, храбро боровшійся, проливавшій свою кровь, истощавшій свое богатство для того, чтобы освободиться отъ угнетенія, и поэтому не обижалось мрачною раздражительностью итальянскаго патріотизма; оно возвышалось надъ тщетными соображеніями, внушенными оскорбленнымъ самолюбіемъ, и продолжало упорно предлагать свою помощь, приготовляться и ждать; оно терпѣливо, съ оружіемъ въ рукахъ, ожидало того дня, когда Франція будетъ призвана.

Оно позаботилось, чтобы альпійская армія была увеличена до 65,000 человѣкъ, изъ которыхъ 15,000 солдатъ, прибывшихъ изъ Африки и доказавшихъ свою неутомимость и опытность въ сраженіяхъ, были расположены въ департаментахъ Устьевъ Роны и Варскомъ, готовые войти въ Италію черезъ Ниццское графство. Регулярная армія, организованная военнымъ министромъ Франсуа Араго и коммиссіей обороны, составленной изъ наиболѣе знаменитыхъ генераловъ, была доведена до 500,000. Министръ финансовъ, несмотря на кризисъ и недостатокъ въ деньгахъ, изыскивалъ источники, открывалъ необходимый кредитъ и удовлетворялъ всѣмъ потребностямъ; онъ не боялся потерять любовь народа, взявъ на себя отвѣтственность за наложеніе на страну чрезвычайнаго налога, для того, чтобы французская республика была въ состояніи поддержать честь своего знамени, подать помощь Италіи и оправдать волико-

душную политику, начертанную въ правительственной программѣ. Сильный флотъ охранялъ берега Италіи, не вдалекѣ отъ Венеціи.

II.

Исполнительная коммиссія, составленная изъ Франсуа Арago, Гарнье-Пажеса, Мари, Ламартина и Ледрю-Роллена, которой, 11 мая, была ввѣрена исполнительная власть, сохранила великодушное настроеніе и патріотическій образъ мыслей временнаго правительства, котораго членами были эти же самыя лица. Образовавъ совѣтъ министровъ, состоящій изъ Паньерра, государственнаго секретаря, Кремье, Бастида, Козе, Рекюра, Карно, Трела, Флокона, Дюклерка, Бетмонта и Карра, помощника государственнаго секретаря ,исправляющаго обязанность военнаго министра, исполнительная коммиссія, ожидая вызваннаго изъ Африки генерала Ковеньяка, разсуждала о совершившихся революціяхъ, о положеніи Европы, объ Италіи, о судьбахъ народовъ. Болѣе чѣмъ когда нибудь исполненная рѣшимости слѣдовать началамъ, указаннымъ всему міру въ февральскомъ манифестѣ, и не объявлять никому войны, но поддерживать законное развитіе національности тѣхъ народовъ, для которыхъ пробилъ часъ возрожденія, она разсматривала свою политику относительно каждаго народа, она обсуждала то, что должна была исполнить и средства, которыми республика могла располагать для осуществленія своихъ цѣлей. Берега укрѣплялись; арсеналы были въ полной готовности; на оружейныхъ заводахъ работали безпрестанно; аммуницію грудами свозили въ магазины; формировались полки; 532,000 армія, на содержаніе которой были ассигнованы правительствомъ суммы, казалась не достаточною для осуществленія широкихъ правительственныхъ замысловъ. По мнѣнію правительства должно было думать не объ одной только Италіи:

всѣ европейскіе народы стремились къ свободѣ и новой жизни. Польша, Венгрія, Богемія, сама Австрія, Пруссія, Ганноверъ, Баварія и т. д.—всѣ горѣли нетерпѣніемъ сбросить тяготѣвшее надъ ними иго; но короли и государи, пользуясь племенной враждой, держа въ своихъ рукахъ правленіе и войска, возстановляли народъ на народъ, войска противъ народа, и въ революціи находили элементы для будущей реакціи. Ихъ поддерживали страсти, слабости, интересы, обычаи и главнымъ образомъ ревность демократовъ, крайности соціализма и ужасъ, который они внушали. Исполнительная коммиссія предвидѣла то время, когда всѣ народы по очереди обратятся къ французской республикѣ съ просьбою о помощи, и это время, по мнѣнію ея, было не далеко.

Ламартинъ предложилъ комплектовать 300 батальоновъ національной гвардіи, въ 1,000 человѣкъ каждый; это увеличивало числительность арміи до 832 тысячъ человѣкъ. Кромѣ арміи, 6 милліоновъ народныхъ стражей, дисциплинированныхъ и организованныхъ, должны были сдѣлать французскую націю непобѣдимой и способствовать къ исполненію всѣхъ ея желаній. Этотъ проектъ былъ единодушно принятъ *).

III.

Франція была готова. Очевидно, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе нуждалась въ немедленной помощи Италія. Ламартинъ обратился къ своимъ товарищамъ съ требованіемъ тайнаго совѣщанія для составленія плана, который долженъ быть предложенъ на обсужденіе министровъ, а потомъ на разсмотрѣніе народнаго собранія. Въ двухъ засѣданіяхъ каждый

*) Декретъ о мобилизаціи, представленный народному собранію былъ вотированъ 22 іюня 1848.

изъ пяти членовъ исполнительной коммисіи изложилъ свои мысли и свои виды.

Ламартинъ прямо приступилъ къ разсмотрѣнію вопроса. Онъ много разъ предлагалъ, отъ имени республики, свою помощь Италіи, но она отвергла его предложенія и энергически протестовала противъ всякаго вмѣшательства. Сардинская и австрійская армія, равныя численностью, стояли другъ противъ друга; одна изъ нихъ была сильна любовью къ отечеству, на сторонѣ другой была дисциплина. Которая одержитъ побѣду? Ламартинъ говорилъ съ горестью, что Радецкій искуснѣе въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ Карлъ-Альбертъ. Радецкій восторжествуетъ надъ Карломъ-Альбертомъ! что же слѣдуетъ дѣлать? Предупредить эту неизбѣжную катастрофу! спасти Италію противъ ея воли! отдать смѣлый приказъ альпійской арміи перейти границу,—или ждать того дня, когда Италія будетъ поражена и когда Франція будетъ призвана народомъ и всѣми государями? Спасти Италію противъ ея желанія, значило бы оправдать обвиненія, столь часто повторяемыя, противъ завоевательнаго духа Франціи, ничѣмъ не насытимаго! Выжидать дня пораженія,—не будетъ ли тогда слишкомъ поздно? Ламартинъ не могъ преодолѣть сильнаго желанія, въ которомъ онъ откровенно сознавался, разрѣшить тотчасъ же этотъ вопросъ, отдавъ приказъ арміи немедленно перейти черезъ Альпы. Онъ видѣлъ въ этомъ и спасеніе Италіи и безопасность Франціи, волнуемой страстями демагогіи.

IV.

По мнѣнію Ледрю-Роллена, республика должна была содѣйствовать Италіи, а не Карлу-Альберту. Если назначеніе республики—содѣйствовать свободѣ и независимости народовъ, то она не должна поддерживать самолюбіе одного государя. Ломбардія и Венеція, независимо отъ Сардиніи, питали одна

къ другой глубокую симпатію, и никогда не были расположены къ тому, чтобы войти въ составъ верхне-итальянскаго королевства! Надо было спѣшить на первый призывъ венеціянской республики. Но исполнительная коммиссія сильно бы окомпрометировала себя передъ французскимъ народомъ и собраніемъ, если бы вмѣшалась въ итальянское дѣло, съ цѣлью доставить Карлу-Альберту Ломбардію и герцогства. Республики должны защищать народы, а не помогать возвышенію монарховъ. Ледрю-Ролленъ склонился въ пользу мысли Ламартина, чтобы армія перешла Альпы, даже до призванія ея Италіей, но со всевозможной осторожностью относительно всего, что касается сардинскаго короля.

V.

Араго и Мари отвергали мысль вступленія французскихъ войскъ въ Италію, прежде чѣмъ они будутъ призваны. На какомъ основаніи можно вмѣшиваться въ дѣла народовъ, противъ ихъ воли? Какое право имѣетъ Франція даже спасать народы, не изъявившіе на это своего желанія? Отдать арміи приказъ перейти Альпы, не смотря на протесты Италіи, значило бы пренебречь всѣми принципами и возбудить къ себѣ недовѣріе общественнаго мнѣнія всей Европы. Какой приказъ надо отдать солдатамъ? Если ихъ встрѣтятъ хотя слабымъ сопротивленіемъ, *должны ли они стрѣлять по итальянцамъ*, имѣя цѣлью помочь имъ? Неужели нашъ первый шагъ будетъ омоченъ итальянскою кровью? Если же піемонтцы, отозванные на Адижъ необходимостью войны, довѣряющіе нашимъ обѣщаніямъ, оставятъ границу не защищенною и не будутъ препятствовать намъ, какъ же наша армія станетъ рядомъ съ арміей, недовольной нами? Гдѣ же будетъ необходимое для успѣха согласіе? Каково будетъ наше положеніе? Протестуя противъ угнетенія, мы сами принесемъ его! Знамя республики,

вмѣсто того, чтобы быть символомъ свободы, покроетъ себя пятномъ гнуснаго злоупотребленія силы! Итальянцы будутъ находиться между австрійцами и французами; видя съ обѣихъ сторонъ иностранцевъ, они не будутъ знать, гдѣ враги и гдѣ союзники! А что будутъ думать европейскіе народы о столь произвольномъ поступкѣ, возбуждающемъ порицаніе даже итальянцевъ? Въ день перехода французской арміи чрезъ Альпы, безъ требованія этого со стороны итальянцевъ, вліяніе французской республики будетъ потеряно и честь ея запятнана! Мы обезславимъ себя предъ всѣми народами и заслужимъ проклятія Италіи! Вообще, если бы даже патріотизмъ довелъ итальянцевъ до самообольщенія на счетъ своихъ силъ, мы обязаны уважать его даже въ самомъ его ослѣпленіи. Вмѣшиваться, не будучи призванными, значитъ нарушать законъ и право.

VI.

Гарнье-Пажесъ былъ пораженъ важностью этихъ аргументовъ. Онъ уступилъ имъ, утверждая однако же необходимость перехода арміи черезъ Альпы, въ интересахъ республики, Италіи и народовъ всей Европы. Республика имѣла столько жизненности и силы, что избытокъ ея она должна была употребить внѣ своихъ предѣловъ, пока онъ не произвелъ разрушительнаго дѣйствія внутри ея.

Нужно было выбрать или славную войну на равнинахъ Ломбардіи, или кровавую, недостойную борьбу внутри республики. Кровь, пролитая за освобожденіе Италіи, укрѣпитъ республику; кровь же, пролитая въ распряхъ гражданской войны, ослабитъ ее. Нельзя предполагать, чтобы мы встрѣтили серьезное сопротивленіе со стороны Италіи, когда явимся для ея спасенія. Одинъ переходъ французской арміи черезъ Альпы принудилъ бы австрійскіе войска къ отступленію,

и тогда освобожденная Италія заявитъ намъ не ненависть, а признательность. Европейскіе народы увидѣли бы, что обѣщанія Франціи—защищать народы и ихъ свободу, не пустыя слова; они увидѣли бы осуществленіе этихъ обѣщаній. Что касается опасенія, выраженнаго Ледрю-Ролленомъ, показаться благопріятствующими честолюбію Карла-Альберта и образованію верхне-итальянскаго королевства, то Гарньe-Пажесъ не раздѣлялъ его. Франція не должна и не можетъ входить въ эти подробности, въ борьбу внутренней жизни сосѣднихъ народовъ; имъ самимъ принадлежитъ рѣшеніе ихъ дальнѣйшей судьбы, выборъ наиболѣе имъ соотвѣтствующаго правительства; отъ нихъ зависитъ соединяться и разъединяться, какъ покажется имъ выгоднѣе. Лишь бы только подача голосовъ при рѣшеніи этихъ вопросовъ была свободна и не насильственна! Что касается его самаго, то онъ имѣлъ довольно вѣры въ силу принциповъ и прогресса человѣческаго разума, чтобъ быть убѣжденнымъ, что раньше или позже, народы выберутъ ту форму правленія, которая облегчитъ ихъ развитіе, именно форму республиканскую.

VII.

Ламартинъ думалъ, что Франція не вправѣ противиться волѣ итальянскихъ народовъ—соединяться или раздѣляться; между тѣмъ, какъ государственный человѣкъ, онъ долженъ былъ предвидѣть слѣдствія учрежденія могущественнаго королевства, которое позже вступитъ въ союзъ съ Австріей противъ Франціи, и, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ альпійскіе проходы, эти ворота во Францію, предоставитъ ихъ непріятельскимъ арміямъ, которыя волнами нахлынутъ на нее. Поэтому невозможно было согласиться на соединеніе нѣсколькихъ государствъ Италіи, не требуя того, что было предоставлено Франціи въ силу первыхъ трактатовъ 1814 г.,

т. е. линію границъ не наступательную, но оборонительную для обоихъ народовъ, которая, при посредствѣ благородно установленныхъ предѣловъ, упрочила бы за каждымъ изъ нихъ полнѣйшую безопасность. Это было желаніе вполнѣ законное, котораго не могли оспаривать народы, получавшіе столь долго ими желаемую независимость!

Ламартинъ, возвращаясь къ вопросу о вмѣшательствѣ, призналъ, что надобно отложить сильное желаніе дѣйствовать немедленно, но что нужно воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы провозгласить съ трибуны волю правительства, которая вѣроятно возбудитъ сочувствіе національнаго собранія.

VIII.

Министры единогласно одобрили политику исполнительной коммиссіи, и Ламартинъ воспользовался вопросомъ, сдѣланнымъ почтеннымъ г. д'Арагономъ, — сердце котораго сочувствовало всѣмъ несчастіямъ, — чтобы провозгласить съ трибуны, 23 мая, объявленіе началъ и желаній, которыми было воодушевлено временное правительство съ первыхъ дней республики и которыя раздѣляли въ эту торжественную минуту всѣ члены правительства *).

Ламартинъ, отвергнувъ съ негодованіемъ слухи, распространенные съ намѣреніемъ многими, не включая въ ихъ число почтеннаго д'Арагона, вскричалъ:

„Слухи, распространенные на счетъ того, будто относительно Италіи существуетъ съ нашей стороны хотя малѣйшее

*) 15 мая, Манинъ въ инструкціяхъ, данныхъ имъ Алеарди и Томмазео Горъ, посламъ венеціянской республики въ Франціи, выразился слѣдующимъ образомъ:

«Весьма важно, чтобы Франція оффиціально признала временное правительство венеціянской республики, какъ это уже сдѣлано Швейцаріей и

сопротивленіе къ ея свободѣ, хотя малѣйшее соглашеніе между министрами иностранныхъ дѣлъ Франціи и Австріи, — несправедливы. Это одна изъ тѣхъ клеветъ, которыми стараются очернить политику временнаго правительства.

„Но когда можно будетъ разорвать завѣсу, вы увидите, что эта клевета падетъ вмѣстѣ съ множествомъ другихъ и совершенныя нами дѣйствія примутъ свой настоящій характеръ. (Очень хорошо! очень хорошо!)

„Налагали ли мы печать молчанія на уста наши? скрывали ли мы предъ лицемъ Европы наши чувства относительно Италіи? развѣ мы не высказывали нашихъ понятій о свободѣ, нашихъ желаній и нашей воли, чтобы Италія была независима? Нѣтъ, вы уже знаете, что мы сказали: уваженіе къ народностямъ, наши принципы, права и въ тоже самое время и воля народовъ, будутъ мѣшать намъ самимъ добывать имъ свободу. Для славы этихъ народовъ, для ихъ благополучія, и прочности ихъ учрежденій, нужно, чтобы они сами завоевали себѣ ее своею собственною кровью.“

„Вотъ истина. Но если итальянскіе народы слишкомъ слабы для того, чтобы отстоять свои законныя права, права своего возрожденія, законность которыхъ, позволю себѣ сказать, подтверждается рядомъ вѣковъ и исторіей; если нападеніе на ихъ независимость и права будетъ сильно,—Франція вступится за нихъ; армія ея въ полной готовности стоитъ у подошвы Аль-

---

Америкой, и, какъ кажется, даже правительствомъ короля Карла-Альберта, который, адресуясь къ временному правительству Венеціи, пишетъ—правительству венеціянской республики. Правда, что письмо Ламартина къ Томмазео, присылка фрегата и отвѣтъ Гг. Цанардини и Нани, уполномоченныхъ для закупки оружія для Венеціи, заставляютъ предполагать со стороны Франціи это признаніе, хотя оно до сихъ поръ еще не выражено.»

«Еще важнѣе этого признанія будетъ, если Франція дастъ обѣщаніе народамъ и предупредитъ государей, что она никогда не потерпитъ по ту сторону Альповъ новаго трактата въ родѣ Кампо-Формійскаго, и новаго раздѣленія Польши».

23 мая, Ламартинъ произнесъ эту декларацію.

повъ, и мы объявляемъ всѣмъ друзьямъ и врагамъ Италіи, что по первому знаку съ ея стороны армія эта перейдетъ Альпы и протянетъ ей руку для завоеванія свободы. Какъ въ прежнія времена, о которыхъ мы вспоминаемъ съ грустью, но которыя загладили мужествомъ и славою, Франція стремилась къ тому, чтобы украсить вами свою славу, такъ теперь она протягиваетъ вамъ руку, чтобы даровать вамъ свободу. (Аплодисменты).

„Говорятъ, что въ угожденіе Европѣ мы не смѣемъ открыто заявить наши чувствованія; что мы двусмысленными словами прикрываемъ сомнительные поступки; что Италія не призываетъ насъ на помощь, а мы переговариваемся съ Австріей о противодѣйствіи итальянскому единству. Посмотримъ, на сколько это справедливо.

„Съ самаго начала войны, мы сообщили итальянскимъ правительствамъ наше твердое рѣшеніе — вмѣшаться въ ихъ дѣло по первому призыву, и, въ доказательство этой рѣшимости, тотчасъ же собрали у подножія Альповъ армію въ 30,000 человѣкъ; потомъ довели ее въ самое короткое время до 60,000 человѣкъ; армія эта и теперь находится тамъ же. Мы ждали призыва со стороны Италіи; мы его ждали, и да будетъ вамъ извѣстно, что, не смотря на наше глубокое уваженіе къ народному собранію, еслибы крикъ этотъ перешелъ черезъ Альпы, мы не ожидали бы вашего согласія, а сочли бы долгомъ предупредить вашу волю, ваше предложеніе, и бросились бы на помощь итальянскимъ народамъ.“ (Очень хорошо! очень хорошо!)

„Но вотъ нѣсколько строкъ изъ корресподенцій съ разными правительствами и представителями различныхъ возставшихъ народовъ Италіи, которыя доказываютъ, что мы не только не были призываемы, и что крикъ бѣдствія и призыва о помощи не только не доходилъ до Альповъ, но что, напротивъ того, со всѣхъ сторонъ, отъ лучшихъ итальянскихъ патріотовъ слышится одно и то же.... и если бы я не боялся

быть не скромнымъ и провозгласить ихъ имена съ этой трибуны, вы бы преклонились сами передъ авторитетомъ этихъ республиканскихъ именъ.... отъ всѣхъ ихъ мы получили совѣтъ, или, лучше сказать, просьбу не вводить въ Италію французскихъ солдатъ прежде времени, прежде призыва для принятія участія въ дѣлѣ ея возрожденія, честь котораго они по праву не желаютъ раздѣлить ни съ кѣмъ, но раздѣлить опасности котораго мы бы почли для себя славой." (Браво! Браво!)

IX.

Ламартинъ цитировалъ нѣкоторыя мѣста изъ дипломатическихъ нотъ, уже отчасти приведенныхъ нами, какъ неопровержимыя доказательства этой высокой политики. „Вотъ одна изъ нихъ, сказалъ онъ, отъ посланника Ломбардіи." (Слушайте, слушайте!)

„Я прошу васъ объявить завтра...." Это письмо написано вчера вечеромъ, когда уже было извѣстно, что сегодня я буду говорить объ итальянскихъ дѣлахъ.... „Я прошу васъ объявить публично завтра то, что вполнѣ справедливо, что я и представитель Венеціи протестуемъ, по чувству національности, противъ французскаго вмѣшательства; мы убѣждены, что свергнувъ австрійское иго, мы, пользуясь расположеніемъ Франціи, при первомъ призывѣ получили бы ея помощь, даже противъ желанія короля Сардинскаго. Намъ тяжело поступать такъ, какъ мы поступаемъ, даже противъ нашего собственнаго убѣжденія; при томъ же на насъ, республиканцевъ, взводятся обвиненія, что мы тщетно призываемъ помощь иностранцевъ, какъ это повторяютъ подкупленныя піемонтскія газеты и всѣ альбертинцы.

„Вы видите, что четыре или пять итальянскихъ государствъ одинаково отказываются отъ нашего содѣйствія. Я надѣюсь, и мы должны надѣяться, что Италія не будетъ нуждаться

въ немъ; но пусть друзья Италіи будутъ убѣждены, что при первомъ крикѣ отчаянія, который дойдетъ до насъ, если обстоятельства сдѣлаютъ это необходимымъ и законнымъ, Франція во время вмѣшается въ дѣло освобожденія Италіи. Ни въ какомъ случаѣ Италія не подпадетъ снова подъ иго, столь славно ею свергнутое. (Очень хорошо! Очень хорошо!) Ни въ какомъ случаѣ Франція не забудетъ той братской дружбы къ 26 миллионамъ людей, которая была нашимъ закономъ въ прошедшемъ, и которая есть нашею обязанностью въ будущемъ.

„Болѣе ничего я не буду говорить сегодня, и на это у меня есть свои причины; событія объяснятъ вамъ ихъ; но одно еще слово я могу сказать съ увѣренностью, что истина его не будетъ опровержена событіями и что за него я не подвергнусь упрекамъ со стороны національнаго собранія или страны, — это то, что вмѣшается ли Франція въ дѣла Италіи, или, къ счастью, вмѣшательство это не будетъ нужно, — во всякомъ случаѣ Италія будетъ свободна, и безопасность французскихъ границъ будетъ обезпечена.“ (Аплодисменты.)

Молчаніе Ламартина объяснялось утвержденіемъ въ секретномъ засѣданіи исполнительной коммиссіи рѣшенія относительно перехода черезъ Альпы при первомъ призывѣ Италіи.

X.

Никогда еще изъ устъ государственнаго, геніяльнаго человѣка не выходило болѣе возвышенной и благородной рѣчи, сказанной отъ лица правительства одного изъ передовыхъ народовъ Европы. Эта рѣчь, эта отчетливость изложенія произвела на собраніе глубокое впечатлѣніе. Всѣ пришли къ убѣжденію, что Франція не могла ни говорить, ни поступать лучше. Иностранная политика была разсмотрѣна въ этомъ замѣчательномъ засѣданіи со всѣхъ сторонъ. Здѣсь были серьезно обсуждены вопросы о новомъ положеніи возродившейся

Германіи, свергнувшей гнетущій ее деспотизъ, разорвавшей свои вѣковыя цѣпи и стремящейся къ прогрессу и просвѣщенію. Всѣ эти важные вопросы были отосланы въ комитетъ иностранныхъ дѣлъ собранія, чтобы по нимъ въ нѣсколькихъ словахъ начертать политику Франціи, одобренную представителями народа отъ имени французской республики.

На другой день Друэнъ-де-Люисъ, президентъ комитета, представилъ отъ своего имени результатъ разсужденій.

„Національное собраніе предлагаетъ исполнительной коммиссіи продолжать дѣйствовать согласно съ его желаніемъ, которое можетъ быть выражено слѣдующими словами: дружескій миръ съ Германіей,.... и освобожденіе Италіи.

Представители единогласно одобрили эту декларацію.

Національное собраніе, едва только созванное, устремляло свою первую мысль на внѣшнюю политику Европы безъ угрозъ и страха. Оно отвѣчало дружескимъ крикомъ на сомнѣнія Германіи,.... и на отвращеніе Италіи! Сравнивая рѣчи людей, имѣвшихъ вліяніе во Франціи и Италіи въ это время и журналы этихъ народовъ, можно судить, съ чьей стороны симпатія была болѣе горячая и болѣе дѣйствительная.

Законодательное собраніе поднялось до высоты націи, которой было представителемъ; этимъ оно хотѣло выразить ему свои чувства. Этотъ народъ возвышается и падаетъ, возстаетъ и сгибается, волнуется и отдыхаетъ, гордится и унижается; но каковы бы ни были его радости и печали, его побѣды и пораженія, въ счастіи и несчастіи, онъ всегда хранитъ въ сердцѣ своемъ любовь къ сражущему народу, въ жилахъ — кровь, которую онъ готовъ пролить для его освобожденія, въ рукахъ — оружіе для его спасенія.

XI.

Временное ломбардское правительство отвѣчало на рѣчь Ламартина и голосъ законодательнаго собранія отозваніемъ

своего посла во Франціи, Франполли, уже отрѣшеннаго отъ должности по подозрѣнію въ составленіи письма, прочтеннаго съ трибуны, въ которомъ онъ говорилъ: „Франція вмѣшалась бы даже противъ желанія короля сардинскаго, еслибы этого потребовала Ломбардія и Венеція.“

Политика законодательнаго собранія и исполнительной коммиссіи описана ясно. Франція, съ оружіемъ въ рукахъ, ожидала призыва народовъ. Италія и Европа знали это.

XII.

Австрія и Англія не сомнѣвались въ этой политикѣ Франціи, составлявшей предметъ ихъ постоянныхъ безпокойствъ. Нѣтъ ничего знаменательнѣе и любопытнѣе ихъ корреспонденціи. Для пополненія разсказа я приведу изъ нее наиболѣе интересные отрывки.

Маркизъ Норменби писалъ, 4 мая, виконту Пальмерстону о своихъ наблюденіяхъ надъ дѣйствіями Ламартина, касающимися французскаго вмѣшательства, „худо понимаемаго самими итальянцами.... Какого бы характера ни было требованіе, Ламартинъ долженъ опасаться, чтобы французы не были считаемы въ Италіи людьми, вступившими туда съ дурными намѣреніями.... Ламартинъ отвѣчалъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что я ему сообщилъ о характерѣ возрѣній Италіи на это дѣло; но что онъ обязанъ также имѣть въ виду Францію и все то, на что она надѣется и чего желаетъ. Онъ прибавилъ, что можетъ увѣрить меня въ томъ, что правительство будетъ дѣйствовать искренно и единодушно, и не допуститъ ни одного дѣйствія, которое бы препятствовало Италіи достигнуть полной независимости.“

Лордъ Пальмерстонъ, одобривъ мнѣніе маркиза Норменби, писалъ, 8 мая, виконту Понсомби, прося его „сообщить австрійскому правительству, что если на сѣверѣ Италіи

дѣла не уладятся, то французское правительство, по всей вѣроятности, попытается вмѣшаться. Ваше превосходительство, спросите серьезно австрійское правительство, не будетъ ли благоразумнѣе и болѣе согласно съ существенными интересами Австріи вступить въ сдѣлку съ ломбардцами на условіяхъ отдѣленія отъ нея этой провинціи, чѣмъ въ ожиданіи сомнительнаго успѣха и военныхъ операцій, исходъ которыхъ еще неизвѣстенъ, рисковать допустить вступленіе французской арміи въ сѣверную Италію."

Лордъ Пальмерстонъ побуждалъ также и Піемонтъ къ вступленію въ переговоры съ Австріей. Въ тотъ же день, 8 мая, онъ писалъ въ Туринъ, къ сэру Аберкромби: „Считаю долгомъ обратить вниманіе ваше на образованіе сильной французской арміи на альпійской границѣ, подъ начальствомъ генерала Удино и на открытіе кредита въ 86 мильоновъ франковъ для поддержки этой силы. Вы потрудитесь обратить вниманіе сардинскаго правительства на это обстоятельство, какъ на свидѣтельство вѣроятнаго вступленія французской арміи въ сѣверную Италію, въ случаѣ если война продолжится...."

Лордъ Пальмерстонъ совѣтовалъ въ то же время Аберкромби пригласить временное ломбардское правительство къ вступленію въ переговоры съ графомъ Гартигомъ о присоединеніи къ Австріи, на умѣренныхъ условіяхъ, или о полнѣйшемъ отдѣленіи.

XIII.

Вѣнскій кабинетъ, съ своей стороны, отправлялъ въ Лондонъ одну депешу за другой. Баронъ Лебзельтернъ благодарилъ, 14 мая, лорда Пальмерстона за несомнѣнное доказательство того участія, съ которымъ онъ принялъ извѣстіе объ отъѣздѣ графа Гартига, посланнаго въ Италію для не-

реговоровъ съ возставшими провинціями.“ Австрійскій министръ выразилъ сожалѣніе, что дѣйствія британскаго правительства при туринскомъ дворѣ не могли привести къ прекращенію непріязненныхъ дѣйствій и желаніе „водворить миръ въ странѣ, въ которой продолжительное нарушеніе его можетъ произвесть всеобщее возстаніе.“

21-го, тотъ же министръ, послѣ событій 15 мая въ Вѣнѣ, настаиваетъ еще болѣе.... „Только Великобританія можетъ протянуть намъ руку помощи.... Будущее имѣетъ угрожающій видъ. Германія взволнована! во Франціи — борьба партій, столкновеніе которыхъ можетъ сдѣлать самый миръ Европы вопросомъ очень сомнительнымъ.... Можетъ ли въ подобную минуту Англія смотрѣть безъ участья на своего вѣрнаго, стараго союзника, какъ онъ изнемогаетъ подъ двойнымъ бременемъ внѣшней борьбы, которой онъ не вызывалъ, и внутренней неурядицы, всегда неразлучной съ тѣмъ политическимъ преобразованіемъ, которое испытываетъ въ настоящее время наша имперія.“

Интересъ все болѣе и болѣе возрастаетъ!

12 мая, Австрія представила Англіи планъ мирнаго соглашенія съ Италіей. Баронъ Гуммелаверъ былъ посланъ въ Лондонъ для представленія англійскому кабинету основаній мира, которыя дополнилъ, 24-го, слѣдующими замѣчаніями: „....Въ ту минуту, когда за исключеніемъ Венеціи и Пальма-Нова наши войска владѣютъ всею территоріей Венеціянской Области; когда Радецкій вскорѣ долженъ получить подкрѣпленія, которыя дадутъ ему возможность напасть на піемонтскую армію; когда весь нѣмецкій Тироль въ полномъ возстаніи, а итальянскій — усмиренъ; когда святой отецъ произнесъ, 29-го апрѣля, рѣчь, объясняющую, съ какимъ вѣроломствомъ употребляли его имя и его авторитетъ для возбужденія фанатизма въ народѣ, — если, не смотря на всѣ эти обстоятельства, благопріятствующія намъ, мы прибѣгаемъ къ дружбѣ Англіи.

то это значитъ, что мы очень высоко цѣнимъ скорѣйшее окончаніе всѣхъ этихъ затрудненій.

„Британскій кабинетъ долженъ лучше насъ знать положеніе дѣлъ во Франціи. Мы считаемъ вторженіе Франціи событіемъ неизбѣжнымъ и близкимъ. Вторженіе въ наше государство піемонтской арміи и войскъ и шаекъ остальной Италіи сдѣлано для того, чтобы привлечь французовъ. Если завтра французы перейдутъ Альпы и явятся въ Ломбардіи, мы не пойдемъ имъ навстрѣчу, а останемся у Вероны и на Адижѣ. И если французы пойдутъ на насъ, мы отступимъ къ нашимъ Альпамъ и къ Изонцо. Но мы не примемъ сраженія, мы не будемъ препятствовать вступленію и движенію французовъ въ Италіи. Тотъ, кто призвалъ ихъ, испытаетъ еще разъ французское господство. Никто не нападетъ на насъ по ту сторону нашихъ Альповъ, и мы останемся зрителями борьбы, театромъ который сдѣлается Италія“ *).

Далѣе Гуммелаверъ, думая уже о союзѣ, съ согласія Англіи, Австріи съ Піемонтомъ противъ Франціи, прибавляетъ: „Единственно въ томъ случаѣ, когда теперешнее положеніе будетъ измѣнено при посредствѣ Англіи, Піемонту и Австріи возможно будетъ соединить свои средства защиты въ одну общую систему противъ вторженія французовъ; но это возможно единственно при содѣйствіи Англіи, потому что только авторитетъ Виликобританіи можетъ дать настоящее значеніе предложеніямъ, сдѣланнымъ Піемонту и Ломбардіи.“

XIV.

Письма Гуммелавера составляютъ самый вѣрный перечень событій: Австрія дѣлалась съ каждымъ днемъ сильнѣе; армія ея

*) Могло ли бы быть написано подобное письмо, если бы между Ламартиномъ и австрійскимъ посланникомъ существовало хотя малѣйшее соглашеніе относительно уступки Венеціи Австріи? Не есть ли это полнѣйшее опроверженіе всѣхъ ошибочныхъ предположеній и подозрѣній по этому предмету.

перешла изъ оборонительнаго положенія въ наступательное; она овладѣла всей венеціянской областью, за исключеніемъ Венеціи. Отчего же, при такихъ обстоятельствахъ, Австрія проситъ Англію о посредничествѣ. Потому, что Франція была наготовѣ и армія ея приготовлялась войти въ Италію. Если эта армія дойдетъ до береговъ Адижа, то австрійская — безъ боя оставитъ Италію и удалится за Альпы и Изонцо. Австрія готова на огромныя жертвы, лишь бы помѣшать французскому вмѣшательству. Она готова даже соединиться съ врагомъ своимъ, Сардиніей, обогащенной ея раззореніемъ, если только Піемонтъ готовъ противодѣйствовать французскому вмѣшательству.

И такъ, мы видимъ изъ этихъ дипломатическихъ документовъ, что Италіи стоило только сказать одно слово, подать одинъ знакъ Франціи, и она была бы освобождена! Этого знака, этого слова Франція ждетъ и желаетъ! Австрія боится французскаго вмѣшательства! Германію оно безпокоитъ! Англія его не одобряетъ! Италія отвергаетъ! Италія можетъ быть будетъ независима послѣ столькихъ лѣтъ мученія, униженія, стыда, рабства, угнетенія! Отнынѣ она, не чувствуя на груди своей колѣна кроатскаго солдата, можетъ свободно дышать роднымъ воздухомъ! отнынѣ она можетъ, не чувствуя оружія убійцы у своего горла, пѣть народный гимнъ свободѣ! Италія можетъ достигнуть всего этого при посредствѣ Франціи, своей родной сестры по крови, происхожденію, языку, принципамъ и будущности! она можетъ достигнуть этого — и не хочетъ.

XV.

Гуммелаверъ въ своемъ первомъ меморандумѣ ограничивается предложеніемъ „образовать изъ Ломбардіи и Венеціи независимое государство, съ своей собственной администраціей и арміей, но подъ покровительствомъ императора.

Лордъ Пальмерстонъ отвергъ возможность подобной сдѣлки.

Тогда Гуммелаверъ представилъ второй меморандумъ, указывавшій на это соединеніе, какъ „на единственно возможный исходъ изъ столь запутанныхъ обстоятельствъ, которыя, безъ вмѣшательства Великобританіи, должны непремѣнно повлечь бѣдствіе за бѣдствіемъ и кончиться вступленіемъ французовъ въ Италію.“

«Лондонъ, 24 мая.

„Ломбардія не будетъ болѣе принадлежать Австріи и ей предоставится право остаться независимой или присоединиться къ тому или другому итальянскому государству, по ея собственному выбору. Она приметъ на себя соотвѣтственную часть государственнаго австрійскаго долга, который и будетъ окончательно переведенъ на нее.

„Венеціянская Область останется подъ властью императора. Она получитъ отдѣльную, вполнѣ національную администрацію, въ которой примутъ участіе предстатители страны, безъ вмѣшательства императорскаго правительства; она будетъ имѣть министра представителя при центральномъ управленіи монархіей, котораго будетъ содержать и который будетъ заботиться объ отношеніяхъ ея къ центральному правительству имперіи.

„Венеціянская администрація будетъ имѣть пресѣдателемъ вице-короля, эрцъ-герцога, имѣющаго пребываніе въ Венеціи, въ качествѣ императорскаго намѣстника. Венеціянская Область будетъ содержать свою администрацію на свой собственный счетъ и участвовать въ центральныхъ расходахъ монархіи на содержаніе императорскаго двора, на расходы по дипломатическому корпусу, и т. д. пропорціонально своимъ источникамъ доходовъ и принимая въ разсчетъ то, что соединенное ломбардо-венеціянское королевство было бы обязано производить ежегодную уплату въ 4,000,000 флариновъ.

„Венеціянская Область, въ свою очередь, также возьметъ на себя часть государственнаго долга, взнося ежегодно сообразную сумму, пропорціональную ея средствамъ, и принимая въ основаніе, что соединенное ломбардо-венеціянское королевство приняло бы въ уплатѣ этой участіе, сообразно ежегодному доходу, въ 10,000,000 флориновъ, часть этого взноса будетъ отнесена къ Венеціи съ тѣмъ, чтобы каково бы ни было будущее, за доходъ этотъ будетъ отвѣчать единственно Венеціянская Область.

„Суммы, захваченныя изъ общественныхъ кассъ во время возмущенія Милана и Венеціи, будутъ возвращены императорскому правительству.

„Венеціянское войско относительно личнаго состава будетъ чисто національное. Но какъ его будетъ недостаточно для составленія отдѣльной арміи, то, естественно, оно должно быть въ зависимости отъ императорской арміи и состоять подъ прямымъ управленіемъ военнаго министра имперіи. Въ мирное время оно будетъ расположено въ Венеціянской Области, отдѣляя опредѣленный контингентъ для содержанія гарнизона въ Венеціи. Въ военное время войска Венеціянской Области будутъ подчиняться приказаніямъ императора, для обороны имперіи.

„Издержки на содержаніе венеціянскихъ войскъ будутъ отнесены на счетъ Венеціянской Области. Торговыя сношенія Венеціянской Области съ другими частями имперіи и съ Ломбардіей будутъ начертаны сообразно взаимнымъ выгодамъ и на наиболѣе свободныхъ началахъ.

„Что касается Monte, дѣйствительнаго ломбардо-венеціянскаго долга, то онъ будетъ раздѣленъ пропорціонально между Ломбардіей и Венеціянской Областью.

„То, что было вчера сказано относительно Пармы и Модены, будетъ примѣнено и къ Ломбардіи, которая должна доставить приличное вознагражденіе обоимъ герцогамъ и

обезпечить за ними неприкосновенность ихъ фамильной собственности.

„Гуммелаверъ.“

Этотъ важный документъ, изложенный здѣсь in extenso, былъ точкой отправленія всѣхъ переговоровъ, предлагаемыхъ въ то время Австріей.

XVI.

Аберкромби писалъ лорду Пальмерстону, что „единственнымъ средствомъ устранить вмѣшательство Франціи онъ считаетъ отреченіе Австріи отъ Ломбардіи и Венеціянской Области.“ Англійскій министръ сообщилъ письмо Аберкромби Гуммелаверу, который, 21-го мая, представилъ слѣдующія возраженія:

„Если бы императоръ и согласился на это предложеніе, то вотъ какія препятствія представляются къ его осуществленію: прошу васъ обратить вниманіе на географическое положеніе различныхъ провинцій. Часть Тироля, находящаяся на склонѣ Альпъ и называющаяся итальянскимъ Тиролемъ, будетъ со всѣхъ сторонъ окружена ломбардо-венеціянской территоріей. Временныя правительства Милана и Венеціи объявляютъ въ своихъ оффиціальныхъ программахъ и газетахъ, чтъ итальянскій Тироль, также какъ Истрія и Далмація, нѣкогда принадлежавшія венеціянской республикѣ, составляютъ также часть той Италіи, изъ которой нужно изгнать австрійцевъ. Онѣ уже обращались ко всѣмъ этимъ народамъ съ призывомъ къ возстанію; онѣ возбудили движенія, подавленныя нами, въ Истріи и Далмаціи; онѣ напали со всѣхъ сторонъ на итальянскій Тироль съ оружіемъ въ рукахъ. Очевидно, что мы совершенно подвергнемъ себя ихъ произволу, если предоставимъ имъ Венеціянскую Область.

„Императоръ не можетъ отказаться отъ Венеціянской Области, не отказываясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ итальянскаго Тироля. По этому возможно ли, милордъ, чтобы подобное предложеніе представляло достаточно шансовъ, чтобы имѣть успѣхъ въ императорскомъ правительствѣ? Императоръ въ Тиролѣ; вы видите, какой возбудился тамъ при этомъ энтузіазмъ. Подобный же энтузіазмъ овладѣетъ и арміей, которая ждетъ, чтобы ее вели впередъ. Прибыть въ Инспрукъ значитъ все равно, что стать во главѣ арміи. Посмотрите въ сегодняшнихъ газетахъ извѣстія изъ Вѣны. Онѣ благопріятны императору и говорятъ о возстановленіи народа и силъ имперіи. Если идея, изложенная лордомъ Аберкромби, могла казаться возможною дня два назадъ, то теперь она уже не можетъ казаться такою.

„Эта мысль естественна для итальянцевъ, которые желали бы видѣть насъ погибшими. Но мы еще не погибли! Я думаю, что мы скоро увидимъ признаки дѣйствительной жизни, признаки, которыхъ желательно избѣгнуть для выгоды всего міра.

„А если императоръ, — что я считаю невѣроятнымъ, — и согласится на уступку Ломбардіи и Венеціянской Области, увѣрены ли вы, милордъ, что Франція будетъ смотрѣть спокойно на присоединеніе ихъ къ Піемонту. Предлагаемый способъ дѣйствій, по моему мнѣнію, поведетъ скорѣе къ вмѣшательству Франціи, чѣмъ къ устраненію его.“

XVII.

Лордъ Пальмерстонъ, 31 іюня, отвѣчалъ на меморандумъ и возраженія Гуммелавера предложеніемъ еще большаго соглашенія, подкрѣпляя его указаніемъ на выгоды самой Австріи и любопытными фактами изъ того, что происходило на вѣнскомъ конгрессѣ.

„Прежде чѣмъ британское правительство можетъ принять участіе въ итальянскихъ дѣлахъ, ему необходимо условиться съ австрійскимъ правительствомъ относительно основанія, на которомъ можетъ быть утверждено подобное устройство дѣлъ. Обращая вниманіе на этотъ пунктъ, мы встрѣчаемъ два соображенія, которыя должны быть хорошо взвѣшены и обсуждены: первое — знать, какое устройство при современномъ порядкѣ дѣлъ, будетъ наиболѣе сообразно съ выгодами Австріи, и второе — что при теперешней обстановкѣ можетъ считаться наиболѣе достижимымъ на практикѣ. Кажется, что для большей выгоды Австріи недостаточно, чтобы она возвратила себѣ вновь всѣ итальянскія провинціи; но еслибы это даже и было удобоисполнимо, какими бы то ни было средствами, принужденіемъ или убѣжденіемъ, все таки появились бы сомнѣнія весьма основательныя въ томъ, будетъ ли подобное устройство дѣлъ споспѣшествовать могуществу австрійской имперіи? Духъ національности до того развился и укрѣпился между итальянцами, что удерживать эти провинціи подъ своею властью требовало бы отъ Австріи столько военныхъ силъ и столько издержекъ, что какъ бы велики ни были выгоды, извлекаемыя изъ этихъ провинцій, онѣ все таки были бы весьма недостаточнымъ удовлетвореніемъ за эти пожертвованія. Извѣстно, что подобное мнѣніе было представлено самимъ австрійскимъ правительствомъ на вѣнскомъ конгрессѣ, и что послѣдній императоръ долженъ былъ включить Ломбардію въ число императорскихъ доменовъ рѣшительно противъ своего личнаго желанія.

„Но изъ письма вашего видно, что хотя австрійское правительство и готово предоставить Ломбардіи свободу располагать собою, какъ она пожелаетъ, ежели только она приметъ на себя соотвѣтственную часть государственнаго долга имперіи, въ составъ которой она входила, но что оно желаетъ, чтобы Венеціянская Область оставалась и на будущее

время въ такихъ же отношеніяхъ къ имперіи, въ какихъ она была прежде.

„Еслибы такое устройство было возможно на самомъ дѣлѣ, оно во всѣхъ отношеніяхъ было бы выгодно не только для Австріи, но и для самой Венеціянской Области. Но правительство ея величества боится, что какъ ни раціонально предложеніе это само по себѣ и какъ бы выгодно ни было оно для венеціянцевъ, если бы было предложено имъ нѣсколькими мѣсяцами раньше, но что теперь дѣла зашли такъ далеко, что нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы оно было принято венеціянцами, или чтобы была какая нибудь возможность принудить ихъ къ этому, за исключеніемъ развѣ одной только силы оружія.

„Вслѣдствіе этого правительство ея величества не желаетъ вступать въ переговоры, которые, по мнѣнію его, не даютъ никакой надежды на успѣхъ, и не желаетъ также дѣлать предложеній, которыя навѣрно будутъ не приняты.

„Австрійское правительство должно разсмотрѣть всѣ шансы.... и если, послѣ полнаго анализа всѣхъ настоящихъ обстоятельствъ, оно будетъ чувствовать себя расположеннымъ согласиться на такое устройство дѣлъ, которое будетъ сообразно съ началами, выраженными въ вашемъ послѣднемъ меморандумѣ, отъ 24 мая, относительно Ломбардіи, и достигнетъ того, что въ составъ имперіи войдетъ, по общему соглашенію, часть Венеціянской Области, то правительство ея величества не замедлитъ начать переговоры на подобныхъ основаніяхъ.“

XVIII.

Баронъ Гуммелаверъ благодарилъ лорда Пальмерстона за его дружеское вмѣшательство и просилъ его, въ случаѣ принятія указанныхъ имъ основаній, содѣйствовать достиженію перемирія; но въ Инспрукѣ, англійскій посланникъ встрѣтилъ

сопротивленіе относительно вопроса объ отреченіи отъ всей Венеціянской Области или только отъ части ея. Виконтъ Понсомби писалъ изъ этого города, 9 іюня, лорду Пальмерстону:

„Довольно поздно послѣ полудня я имѣлъ честь разговаривать съ его императорскимъ высочествомъ, эрцгерцогомъ Іоанномъ.... Послѣ обсужденія настоящаго положенія дѣлъ имперіи, вопросъ относительно Ломбардіи былъ рѣшенъ его высочествомъ необходимостью заключенія мира.... Его высочество сказалъ, что ломбардцы должны сами располагать своею судьбою, что они могутъ признать королемъ Карла-Альберта или кого имъ угодно, однимъ словомъ, сами могутъ избрать себѣ правительство. Такъ ваше высочество во всякомъ случаѣ согласитесь на миръ? — На что онъ отвѣчалъ: да, относительно Ломбардіи; но мы обязаны хранить Верону и линію Адижа, что необходимо для безопасности Тріеста, ключа нашихъ иллирійскихъ провинцій.“

XIX.

Лордъ Пальмерстонъ уступилъ всеобщему движенію и вліянію общественнаго мнѣнія; его дѣйствія сдѣлались менѣе враждебными итальянскому дѣлу. На вопросъ, предложенный ему въ палатѣ общинъ, онъ отвѣчалъ: „Благодарю почтеннаго члена за доставленіе мнѣ случая отвѣчать нѣсколькими точными и категорическими словами на тѣ ложные и безсмысленные слухи и порицанія, которыя, безъ всякаго повода, разспространились на счетъ дѣйствій англійскаго правительства въ Италіи, и на счетъ инструкцій, посланныхъ правительствомъ королевы къ ея представителямъ въ Неаполѣ. (Слушайте!). Слухи эти не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. (Аплодисменты). Англійское правительство, подписавшее вѣнскій трактатъ, который рѣшилъ вопросъ, касающійся итальянскихъ государствъ, въ силу этого трактата, не могло вмѣ-

шаться какимъ бы то ни было образомъ въ событія, совершавшіяся въ этихъ государствахъ (Слушайте!). Хотя англійское правительство, какъ всѣмъ извѣстно, давно уже поддерживаетъ дружескія отношенія съ австрійскимъ императоромъ, тѣмъ не менѣе однакожъ оно не можетъ не сочувствовать усиліямъ Италіи (которыя, я надѣюсь увѣнчаются успѣхомъ) — добиться свободнаго конституціоннаго правительства. (Аплодисменты). Но естественныя и сообразныя съ положеніемъ дѣлъ отношенія правительства ея величества къ событіямъ въ итальянскихъ государствахъ требуютъ устраненія всякаго вмѣшательства.“ (Аплодисменты).

Лордъ Пальмерстонъ въ депешѣ, отъ 30 іюня, къ виконту Понсомби, къ которой была приложена копія съ ноты, отправленной 3 іюня Гуммелаверу, настаивалъ на принятіе австрійскимъ правительствомъ основаній, на которыхъ возможно соглашеніе. Англійскій министръ сообщилъ, 28, сообразную инструкцію лорду Аберкромби, хотя мало разсчитывалъ на успѣхъ ея: „....Единственное затрудненіе для окончательнаго рѣшенія этого дѣла состоитъ въ рѣшеніи судьбы Венеціянской Области, которую Австрія хочетъ сохранить для себя, а Италія — освободить. Если Венеціянская Область можетъ быть оставлена за Австріей съ согласія народа, и съ надеждой, что это будетъ выгодно и для самой Австріи, то правительство ея величества, всегда желающее видѣть австрійскую имперію сильною и могущественною, встрѣтитъ это съ удовольствіемъ; но нужно опасаться, что война зашла уже такъ далеко и непріязненныя другъ другу національныя чувства вкоренились такъ глубоко, что подобное соглашеніе невозможно.“

Лордъ Пальмерстонъ принялъ для англійскаго правительства роль посредника только въ такой мѣрѣ, въ какой требовали этого заинтересованныя стороны,.... а заинтересованныя стороны раздѣляла цѣлая пропасть.

*

XX.

Если Англіи не удалось примирить австрійцевъ съ итальянцами, то и Пій IX не былъ счастливѣе. Папскій нунцій, монсиньоръ Морикини, представилъ императору въ Инспрукѣ желанія св. отца. Австрія для водворенія мира предлагала Ломбардію; Англія требовала Ломбардію и, главнымъ образомъ, части Венеціянской Области; Пій IX требовалъ еще болѣе: онъ хотѣлъ, чтобы австрійское правительство совсѣмъ отказалось отъ итальянскихъ провинцій. Конечно, успѣхъ переговоровъ возвратилъ бы папѣ его вліяніе и популярность. Какъ государь-первосвященникъ, онъ добился бы для церкви согласія и спокойствія; какъ государь свѣтскій, онъ доставилъ бы Италіи полное удовлетвореніе. Маркизъ де-Пареto просилъ англійское правительство поддержать предложенія нунція. Но предложенія эти худо были приняты въ Инспрукѣ. Баронъ Вессенбергъ отправилъ, 16 іюня, императорскому посланнику въ Лондонѣ депешу, для сообщенія ея лорду Пальмерстону: „....Это порученіе, кажется, есть не болѣе, какъ демонстрація, вынужденная у святаго отца преобладающей въ Римѣ партіей. Марикини уполномоченъ употребить всѣ средства, чтобы убѣдить его величество къ скорѣйшему заключенію мира, и въ то же время представить невозможность его, если императоръ не согласится на уступку всѣхъ итальянскихъ провинцій за денежное вознагражденіе. Подобный поступокъ имѣетъ видъ насмѣшки!“

Между тѣмъ этотъ поступокъ Пія IX былъ какъ нельзя болѣе искренній. Но поставивъ себя въ то ложное положеніе, въ какомъ онъ находился, онъ дошелъ до того, что никто не смотрѣлъ съ настоящей точки зрѣнія на его слова и дѣйствія.

Между тѣмъ какъ австрійское правительство съ негодованіемъ смотрѣло на подобное предложеніе, лордъ Абер-

кромби писалъ лорду Пальмерстону, 18 іюня, что „ему извѣстно изъ разговора съ Ричи, помощникомъ государственнаго секретаря Піемонта, что принципы папскаго посредничества основываются на желаніи очистить итальянскія провинціи отъ австрійцевъ, и что сардинское правительство не расположено принимать никакихъ другихъ предложеній, основаніемъ которыхъ не служило бы то же самое.“

XXI.

Гуммелаверъ, возвратясь изъ Лондона въ Инспрукъ, не принесъ австрійскому правительству ни малѣйшей надежды добиться поддержки англійскаго правительства относительно основаній мира, указанныхъ въ меморандумѣ. Тогда императоръ думалъ обратиться прямо, 13 іюня, къ Ломбардіи, съ цѣлью предложить ей отдѣлить свои интересы отъ интересовъ Венеціи, прельщая ее торжественнымъ признаніемъ ея независимости.

Баронъ Вессенбергъ
Графу Казати.

«Инспрукъ, 13 іюня, 1848.

„Его императорское и королевское величество, побуждаемый чувствами человѣколюбія и желаніемъ мира, хочетъ въ скорѣйшемъ времени видѣть окончаніе войны, опустошающей итальянскія провинціи.

„На этомъ основаніи я уполномоченъ открыть съ временнымъ миланскимъ правительствомъ переговоры, основаніемъ которыхъ должно быть отдѣленіе и независимость Ломбардіи. Правительство его императорскаго и королевскаго величества введетъ въ переговоры условія самыя необходимыя, которыя будутъ состоять въ отчисленіи на счетъ Ломбардіи соотвѣтственной части государственнаго долга Австріи, въ охраненіи

интересовъ австрійской торговли и въ огражденіи частной собственности императорской фамиліи и потерь, понесенныхъ воинскими и гражданскими чинами во время послѣднихъ событій.

„Вы видите, графъ, что я изчерпываю съ самаго начала вопросъ съ возможною откровенностью.

„При этомъ сообщаю вамъ, что его императорское величество готовъ отдать приказъ о заключеніи перемирія, чему безъ сомнѣнія временное правительство будетъ содѣйствовать.

„Остается только назначить уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ для приведенія переговоровъ къ желаемой цѣли.

„Примите и проч.

„Вессенбергъ.“

XXII.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту минуту Ломбардія могла получить отъ Австріи признаніе своей независимости, еслибы только согласилась отдѣлить свои интересы отъ интересовъ Венеціи. Но Ломбардія съумѣла благородно воспротивиться сдѣланной ей приманкѣ. Она не желала свободы, запечатлѣнной измѣной. Она предпочитала погибнуть съ своей сестрой, Венеціянской Областью, чѣмъ торжествовать безъ нея. Послѣ пораженій, претерпѣнныхъ венеціянскими провинціями, она еще ближе соединилась съ ними. Временное миланское правительство, каковы бы ни были его побужденія, исполнило свою обязанность, не колеблясь, благородно и достойнымъ образомъ. Если оно и надѣлало ошибокъ, то съумѣло доказать этимъ благороднымъ образомъ дѣйствій, что оно было воодушевляемо любовью къ отечеству, и отвѣчало на недовѣріе и подозрѣніе въ отношеніи къ нему яснымъ и положительнымъ отказомъ на предложенія Австріи; и оно сдѣлало это въ одну минуту, не спрашивая совѣтовъ ни у Фран-

ціи, ни у Англіи. Вотъ этотъ замѣчательный отвѣтъ, котораго самостоятельность доказываетъ самый день его отправленія.

Графъ Казати

Барону Вессенбергу.

«Миланъ, 18 іюня 1848 г.

„Г. совѣтникъ посольства, Шнитцеръ передалъ мнѣ письмо вашего превосходительства отъ 13 текущаго мѣсяца, въ которомъ вы мнѣ сообщаете о присылкѣ другаго, оффиціальнаго письма, имѣющаго цѣлью повести дѣло къ начатію мирныхъ переговоровъ. Дѣйствительно, вчера вечеромъ во время разговора съ нимъ и въ присутствіи многихъ моихъ товарищей, членовъ временнаго правительства, онъ передалъ мнѣ письмо вашего превосходительства отъ того же числа, содержащее въ себѣ предложенія мира, которыя можно свести въ слѣдующіе четыре пункта:

„1. Полная независимость Ломбардіи и отдѣленіе ея отъ австрійской имперіи.

„2. Принятіе Ломбардіей на себя соотвѣтствующей части австрійскаго государственнаго долга.

„3. Торговыя конвенціи въ пользу австрійской промышленности.

„4. Вознагражденіе за убытки, понесенные частными имуществами императорской фамиліи и удовлетвореніе нѣкоторыхъ лицъ, пострадавшихъ во время послѣднихъ событій.

„Въ то же время должно быть заключено перемиріе для веденія переговоровъ на вышеупомянутыхъ условіяхъ.

„Разсматривая эти предложенія, невольно приходишь къ мысли, что ваше превосходительство считаете вопросъ этотъ исключительно ломбардскимъ, между тѣмъ какъ мы всегда смотримъ на него, какъ на вопросъ обще-итальянскій; слѣдовательно, еслибы въ первомъ пунктѣ дѣло шло о независимости не Ломбардіи, а всѣхъ итальянскихъ провинцій, находя-

щихся во власти Австріи, то только тогда слѣдующіе пункты могли бы служить предметомъ переговоровъ и мы убѣждены, что дѣло вскорѣ уладилось бы.

„Временное правительство, отъ имени котораго я пишу, пламенно желаетъ окончанія этой опустошительной войны, могущей долго еще тянуться съ весьма значительными потерями для обѣихъ сторонъ; но дѣло, произведшее ее, столь священно въ глазахъ временнаго правительства, что оставить его, имѣя въ виду нашу личную выгоду, невозможно.

„Всѣ провинціи желаютъ соединенія, и наша независимость не будетъ гарантирована, если она будетъ существовать только на половину. Ваше превосходительство можете быть увѣрены, что Австрія тогда будетъ имѣть въ Италіи дружественную сосѣднюю націю и что интересы обоихъ народовъ выиграютъ отъ этого гораздо болѣе чѣмъ тогда, когда итальянскія провинціи, всѣ или только нѣкоторыя изъ нихъ, будутъ насильно привязаны къ австрійской монархіи.

„При дальновидности вашего превосходительства вы согласитесь, что для Австріи предвидится весьма много выгодъ отъ образованія изъ верхней Италіи отдѣльнаго государства, которое будетъ служить гарантіей обще-европейскаго мира. Вашему превосходительству уже извѣстна воля Ломбардіи составить съ Піемонтомъ одно нераздѣльное государство. Это обстоятельство измѣняетъ форму политическихъ и международныхъ сношеній, и мы не можемъ отнынѣ входить въ какіе бы то ни было переговоры иначе, какъ съ согласія правительства короля Карла-Альберта. Впрочемъ, временное правительство не можетъ интересоваться заключеніемъ перемирія при теперешнемъ порядкѣ дѣлъ и не думаетъ, чтобы Карлъ-Альбертъ изъявилъ на него свое согласіе....

„Временное правительство, выражая чувства и т. д....

„Казати.“

XXIII.

Сардинскіе министры и палаты рѣшились не жертвовать Венеціянской Областью, чтобы не оставить ни малѣйшей части итальянской территоріи на жертву самолюбія и притѣсненія Австріи. 13 іюня, піемонтское правительство и ломбардскіе депутаты подписали временную конвенцію о присоединеніи Ломбардіи къ сардинскому королевству, основанія которой состояли въ признаніи свободы обѣихъ сторонъ и въ созваніи общаго законодательнаго собранія, не позже какъ къ 1 ноября.

15 іюня, обсужденію депутатовъ былъ представленъ проектъ, имѣвшій цѣлью присоединеніе къ Піемонту не только одной Ломбардіи, но и провинцій Падуи, Виченцы, Тревизы и Ровиго. 28, слѣдующій законъ относительно присоединенія ломбардо-венеціянской провинціи къ сардинскому государству былъ вотированъ и обнародованъ*).

„Немедленное соединеніе Ломбардіи и провинцій Падуи, Виченцы, Тревизы и Ровиго вотировано и принято. Ломбардія и провинціи составляютъ одно цѣлое съ сардинскимъ государствомъ и другими, уже соединившимися областями. Посредствомъ всеобщей подачи голосовъ будетъ созвано одно общее законодательное собраніе, имѣющее цѣлью обсудить и установить основы и форму новой монархіи, подъ управленіемъ савойской династіи, съ правомъ наслѣдства по салическому закону, и сообразно съ желаніями, заявленными венеціянскимъ и ломбардскимъ народами и закономъ 12-го мая, 1848 г., изданнымъ временнымъ ломбардскимъ правительствомъ.

---

*) Законъ этотъ былъ снова вотированъ и обнародованъ, 10 іюля, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ параграфовъ, но сообразно приведенной здѣсь редакціи. — Affaires d'Italie, 1848, часть III. стр. 46 и 15.

Такимъ образомъ событія все болѣе и болѣе разъяснялись и сталкивались со всѣхъ сторонъ.

XXIV.

Въ это же время въ сердцахъ многихъ родились интересы и низкія страсти, врожденныя человѣчеству и которые являются изъ самыхъ фактовъ, поднимаясь противъ великихъ дѣяній и благородныхъ стремленій народовъ. Уступитъ ли Туринъ Милану честь и преимущества столичнаго города? Не потеряетъ ли піемонтское дворянство своего вліянія, своихъ мѣстъ на службѣ при дворѣ, въ администраціи и въ арміи, смѣшавшись съ ломбардо-венеціяскимъ дворянствомъ? Не потерпятъ ли убытка туринскіе торговцы, ведшіе обширную торговлю въ городѣ, гдѣ жилъ государь? Не будетъ ли изолированнымъ положеніе Савойи посреди итальянскаго народа, и въ ту минуту, когда она будетъ страной, удаленной отъ центра новой народности, не привлечется ли она болѣе на сторону Франціи вслѣдствіе сходства съ послѣдней въ нравахъ, духѣ, привычкахъ, языкѣ? Но всеобщее рвеніе къ освобожденію Италіи, ненависть къ Австріи, гордость при мысли о независимости, сочувствіе къ угнетеннымъ, успѣхи арміи, слава оружія, — все это преобладало надъ эгоистическими чувствами и подавляло личныя стремленія; и народъ съ чувствомъ искренняго энтузіазма и въ опьяненіи отъ восторга вотировалъ и праздновалъ свое соединеніе съ Ломбардіей, съ Венеціянскою Областью, не желая оставить ни малѣйшей части ея нѣмцамъ (Tudesques), которыхъ онъ считалъ варварами.

XXV.

Карлъ-Альбертъ въ концѣ мая и въ началѣ іюня также искренно желалъ сохранить Венеціянскую Область и тре-

бовалъ отъ Австріи освобожденія всей Италіи отъ иностраннаго ига. Искренность его не подлежала сомнѣнію! Довѣряя своимъ успѣхамъ, гордый отъ сознанія себя основателемъ верхне-итальянскаго королевства, онъ энергически отвергалъ всѣ предложенія, сообщенныя ему черезъ посредство англійскихъ посланниковъ, и со славою подвергалъ свою жизнь опасности для достиженія цѣли. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ окружавшихъ его лицъ, болѣе разсчетливыя, чѣмъ преданныя дѣлу Италіи, указывали ему на скорыя и блестящія выгоды, которыя онъ могъ получить отъ заключенія новаго Кампо-Формійскаго договора; нѣтъ сомнѣнія, что благоразумные, робкіе и эгоистическіе совѣты наводили его на мысль объ отреченіи и измѣнѣ; нѣтъ сомнѣнія, что затруднительность положенія лицемъ къ лицу съ непріятельской арміей, ростущей численностью въ его глазахъ, должна была нѣсколько недѣль спустя возбудить въ его душѣ слабость и мысли, гибельныя для Венеціянской Области. Но тогда онъ уже рѣшился, на сколько это было возможно при его перѣшительномъ характерѣ, не уступать ничего изъ итальянскаго отечества. Онъ такъ говорилъ, думалъ и хотѣлъ, и дипломатическіе документы служатъ неоспоримымъ доказательствомъ этого.

Наконецъ, въ дополненіе картины всѣхъ этихъ переговоровъ и стремленій каждаго народа и каждаго государя относительно независимости Италіи въ эту эпоху, мы не можемъ уклониться отъ разсмотрѣнія двухъ совершенно противоположныхъ возраженій, изъ которыхъ одно относилось къ временному правительству и исполнительной коммиссіи французской республики, другое къ Ламартину.

Въ 1849 году, одинъ ораторъ, старый министръ, на одномъ засѣданіи законодательнаго собранія обвинялъ оба главные органа республиканскаго правительства въ томъ, что они сдѣлали ошибку, не слушая предложеній побѣжденной Австріи, готовой на освобожденіе Ломбардіи и присоединеніе ея къ Піе-

монту и предлагавшей дать независимость Венеціянской Области, назначить эрцгерцога главой ея, позволить ей имѣть свои либеральныя учрежденія, отдѣльную венеціянскую армію, венеціянскіе финансы.... словомъ, предлагавшей сдѣлать изъ Венеціянской Области другую Тоскану....“ Ораторъ призвалъ на помощь данныя исторіи. Исторія представляетъ выдержки изъ многочисленныхъ документовъ, доказывающія ясно, что единственный пунктъ, на которомъ англійскій, австрійскій и сардинскій кабинеты сходились въ мнѣніяхъ, — это на счетъ устраненія французскаго вмѣшательства, и что временное правительство и исполнительная коммиссія не могли согласиться на предложенія Австріи, отвергнутыя Карломъ-Альбертомъ и лордомъ Пальмерстономъ.

Что касается возраженія, сдѣланнаго Ламартину, что онъ мимо временнаго правительства переговаривался съ Австріей, то мы представили уже его энергическій протестъ противъ подобнаго обвиненія, сдѣланный съ трибуны 23 мая. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы Ламартинъ былъ въ согласіи съ Австріей, ему не нужно бы было требовать отъ Франціи арміи въ 530,000 человѣкъ и мобилизаціи 300,000 національной гвардіи, чтобы этими силами добиться отъ Австріи того, что она предлагала въ трактатѣ, о заключеніи котораго съ Піемонтомъ она просила неотступно Англію. Эта ошибка произошла отъ того, что Ламартинъ, послѣ удаленія его отъ власти и послѣ пораженія Піемонта, объявилъ, что принять такія предложенія, какъ учрежденіе независимаго государства изъ Венеціянской Области, подобно Тосканѣ, съ эрцгерцогомъ и либеральной, итальянской партіей, можно, если на это будутъ согласны обѣ стороны, а между тѣмъ его упрекали въ отверженіи ихъ. Но это индивидуальное, послѣ родившееся мнѣніе, никогда не было представляемо въ совѣтѣ, ибо тамъ оно не могло подвергнуться обсужденію въ то время, когда всѣ думали о паденіи австрійскаго дома. Ламартинъ имѣлъ свое мнѣніе, также какъ Ледрю-Ролленъ свое. Одинъ могъ же-

лать мирной сдѣлки, другой — полнаго освобожденія Италіи и учрежденія въ ней республиканской формы правленія, безъ всякихъ уступокъ; но справедливо то, что эти вопросы никогда не были обсуждаемы въ совѣтѣ, гдѣ всѣ были на сторонѣ полнаго освобожденія Италіи.

XXVI

Между тѣмъ какъ итальянскій народъ проливалъ кровь свою на полѣ сраженія, парламентское начало освятилось въ Туринѣ, Римѣ и Флоренціи.

8 мая, день, который останется навсегда славнымъ въ лѣтописяхъ сардинскаго государства, былъ днемъ открытія палатъ, собранныхъ въ Туринѣ. Принцъ Кариньянскій, королевскій намѣстникъ, произнесъ по этому случаю рѣчь, встрѣченную аплодисментами, хотя она не имѣла и не могла имѣть большаго значенія по причинѣ отсутствія короля. На другой день были начаты повѣрка выборовъ и организація канцелярій. Джіоберти былъ выбранъ президентомъ. Общественное вниманіе было занято успѣхами и неудачами итальянскихъ войскъ. Пренія привлекали всеобщее вниманіе только въ тѣ дни, когда вотировалось присоединеніе новыхъ провинцій. Народное чувство радостно привѣтствовало предзнаменованіе единства отечества.

Первыя дѣйствія парламентскаго начала представляли непривычность, которую обнаружили депутаты въ новомъ для нихъ учрежденіи. Но примѣръ англійскихъ и французскихъ палатъ послужилъ имъ руководствомъ и весьма скоро и очень легко образовались ораторы и вкоренились конституціонныя привычки. По мѣрѣ того, какъ растетъ свобода, растутъ и ея апостолы. Революціи родятъ геніевъ. Первое важное вотированіе только что открывшагося парламента относилось къ пожертвованіямъ, народу и къ средствамъ. Народъ, черезъ посредство

своихъ представителей, щедро платилъ дань нуждамъ Италіи. Онъ имѣлъ свои права и исполнялъ свои обязанности. Это былъ не прежній налогъ, имѣвшій цѣлью заковать и стянуть цѣпи, связывавшія народъ, — это былъ священный долгъ, платимый для сверженія оковъ. Еще болѣе, это была законная часть, предлагаемая страною, чтобы разрушить болѣе тяжелое иго, — иго иностраннаго солдата.

XXVII.

Римскій парламентъ, составленный изъ верховнаго совѣта и палаты депутатовъ, былъ открытъ 5 іюня. Выборы происходили совершенно спокойно. Лучшіе люди всѣхъ сословій были созваны, чтобы служить представителями народа. Рѣчь, долженствовавшая быть произнесенною при открытіи парламента, отъ имени первосвященника государя, кардиналомъ Альтіери, была обсуждена въ совѣтѣ министровъ и встрѣтила со стороны Пія IX затрудненія, которыя должны были возбудить новый кризисъ въ Римѣ. Маміани, членъ совѣта, имѣвшій вліяніе и пользовавшійся уваженіемъ и общественнымъ довѣріемъ, истощалъ свою популярность, желая согласить два противоположныя, вслѣдствіе письма 28 апрѣля, начала,—государь и народъ, дворъ и городъ, духовенство и міряне. Съ одной стороны его обвиняли въ притѣсненіи, съ другой въ уступчивости. Онъ пересдактировалъ оффиціяльную рѣчь съ тактомъ и большимъ талантомъ, стараясь въ одно время выразить и религіозное чувство и либеральное, приписывая папѣ его священное достоинство, а государю, главѣ государства, конституціонныя начала. Но рѣчь эта, исправленная и весьма умѣренная, не могла быть вполнѣ одобрена Піемъ IX. Проектъ рѣчи, составленной по его желанію, не былъ принятъ министрами. Въ то же время законъ на счетъ прессы, составленный мимо совѣта, былъ ими отвергнутъ за то, что поддерживалъ духов-

ную цензуру и не установлялъ суда присяжныхъ. Законъ вышелъ безъ подписи и согласія министровъ.

Во время этихъ переговоровъ и разсужденій наступило 5 іюня; жители, веселые и любопытные видѣть новое зрѣлище, отправились въ Корсо, чтобы посмотрѣть, какъ депутаты и члены верховнаго совѣта шли кортежемъ въ назначенную имъ залу. Кортежъ былъ уже въ via del Corso, когда министры явились къ Пію IX, для изъявленія ему своего несогласія на прочтеніе приготовленной имъ самимъ рѣчи и съ предложеніемъ, чтобы присланный имъ кардиналъ сказалъ нѣсколько словъ, не имѣющихъ политическаго значенія. Министры произнесли бы на первомъ засѣданіи послѣ открытія парламента оффиціяльную рѣчь. Папа принялъ очень худо-и министровъ, и ихъ предложенія.... При своемъ подозрительномъ умѣ, онъ воспользовался обстоятельствами, чтобы упрекнуть ихъ въ измѣнѣ и дать отставку всему министерству.

Нужно было оффиціальное вмѣшательство извѣстныхъ своею преданностью лицъ, чтобы воспрепятствовать министрамъ тотчасъ же подать просьбу объ отставкѣ, и Пію IX принять ее. Публика ожидала. Скандалъ прошелъ въ видѣ бури. Угрожала опасность. Но ссора эта была улажена и кардиналъ Альтіери прочелъ короткую и безъ всякаго значенія рѣчь.

XXVIII

Историкъ Фарини, у котораго мы заимствовали эти вѣрныя подробности тогдашняго состоянія дѣлъ, былъ выбранъ посредникомъ для переговоровъ между Піемъ IX, довѣрявшимъ ему, и министрами, уважавшими его, на счетъ принятія программы, составленіе которой было поручено Маміани, и которую папа долженъ былъ одобрить. Этотъ разъ папа благосклонно исправилъ рѣчь; она была принята и вполнѣ одобрена министрами.

Благоразумныя, возвышенныя, либеральныя мысли наполняли эту программу, прочтенную, 9 іюня, во второмъ засѣданіи обѣимъ палатамъ; нѣсколько отрывковъ достаточно, чтобы имѣть понятіе объ ея основаніяхъ: „Неприкосновенность и святость особы государя; римскія провинціи должны избрать представительную систему, если бы она даже нигдѣ не существовала; свобода процвѣтаетъ вмѣстѣ съ настоящимъ правильнымъ развитіемъ, ибо она дѣйствуетъ на сердце людей силою убѣжденія, болѣе чѣмъ силою угнетенія. Первая обязанность министерства заключается въ томъ, чтобы отвѣчать на общественное мнѣніе, неотступно требующее полнаго самопожертвованія въ пользу итальянскаго дѣла.

Войска и волонтеры были отданы подъ начальство Карла-Альберта и поручены его попечительной заботливости. Бываютъ такія минуты въ исторіи народовъ, торжественныя минуты, когда всѣ сердца соединены однимъ чувствомъ, когда слышится одинъ общій, священный крикъ: „такъ угодно Богу!“

Въ этой замѣчательной рѣчи самая трудная мысль была высказана съ большимъ искусствомъ: „папа, свидѣтель этого знаменательнаго событія, и въ то же время ненавидящій войну и кровопролитіе, съ любовью истинно апостольскою и съ патріотизмомъ итальянца, возымѣлъ мысль стать посредникомъ между воюющими сторонами и убѣдить враговъ общаго отечества, на сколько жестоко и безполезно намѣреніе оспаривать у итальянцевъ ихъ естественныя границы и склонность ихъ соединиться въ одну общую семью.

Итальянцы получаютъ извнѣ (намекъ на Францію) скорѣе выраженія сочувствія, чѣмъ надежду на помощь, потому что всѣ они, подобно каждому истинному итальянцу, въ отдѣльности питаютъ надежду, что предоставленные самимъ себѣ, они въ состояніи устроить свою судьбу. Самое большее несчастіе, могущее постигнуть въ настоящую минуту на-

цію, заключается въ слишкомъ усердномъ и дѣятельномъ сочувствіи къ ней какой нибудь великой державы.

„Они не должны были гнѣваться на германскую націю, а напротивъ, должны уважать и любить этотъ благородный и умный народъ; они готовы бы были соединиться съ австрійцами узами дружбы, но не прежде, какъ съ той минуты, когда послѣдній ихъ солдатъ оставитъ итальянскую землю.

„Когда учрежденіямъ, созданнымъ вѣками и трудомъ, угрожала неминуемая опасность,—надобно было подумать о томъ, чтобы создать ихъ вновь, дѣйствуя мудро и искусно. Парламенту надобно было предостеречь народъ отъ его собственной нетерпѣливости.“

Эти слова, исполненныя благородства и достоинства, были привѣтствуемы горячими и продолжительными рукоплесканіями. Принцъ Конино спросилъ: составлена ли эта программа по идеѣ отрѣшаемаго министра, или же она есть выраженіе мыслей самаго государя. Маміани отвѣчалъ, что программа выражаетъ единодушное желаніе всего министерства, одобренное его величествомъ. Эта торжественная декларація возбудила восторженный энтузіазмъ; раздались громкіе возгласы: „Да здравствуетъ Пій IX!“. Депутаты, также какъ и министры, еще надѣялись поддержать союзъ, единодушіе и довѣренность между государемъ, парламентомъ и народомъ; но это была надежда, долженствовавшая разсѣяться отъ малѣйшаго дуновенія.

XXIX.

Какъ только въ Римѣ узнали, что римская армія, вслѣдствіе капитуляціи Дурандо въ Виченцѣ, была поставлена въ бездѣйственное состояніе,—народомъ овладѣло отчаяніе. Никто не хотѣлъ вѣрить въ несчастье; генерала обвиняли въ неспособности, въ измѣнѣ; Пія IX упрекали въ зашательствѣ, имѣвшемъ вліяніе на ослабленіе арміи; увлеченіе до-

шло до того, что не хотѣли уважать даже подписаннаго договора; швейцарцамъ, храбро сражавшимся, декретировали право гражданства; вотировали армію въ 24 тысячи человѣкъ, которую не возможно было собрать, и субсидіи изъ опорожненныхъ кассъ. Сердца всѣхъ были опечалены, въ умахъ была всеобщая недовѣрчивость и годовщина избранія папы была отпразднована весьма скучно. Шествіе народа въ квириналъ было немноголюдное и послѣднее.

Министерство отстаивало себя среди этого смутнаго положенія дѣлъ; безпрестанно оспариваемое и не признаваемое въ своихъ мѣрахъ Піемъ IX, критикуемое нѣкоторыми изъ депутатовъ, хвалимое и порицаемое политическими кружками, терзаемое народомъ, — оно безполезно старалось упрочить свое колеблющееся положеніе. Однажды оно узнаетъ изъ перехваченнаго шифрованнаго письма кардинала Солія, что нунціямъ не приказано вовсе слушаться министерскихъ совѣтовъ; въ другой разъ папа объявляетъ, что онъ не можетъ болѣе терпѣть раздѣленія между свѣтскими и духовными дѣлами министерства иностранныхъ дѣлъ. Наконецъ Пій IX безпрестанно выражалъ своимъ приближеннымъ отвращеніе свое къ министрамъ.

Гораздо болѣе серьезное обстоятельство встрѣтилось 10 іюля, во время представленія депутатами адресса. Въ этомъ адрессѣ, въ которомъ весьма удачно выражались чувства, заключающіяся въ программѣ, было сказано: „....Достойно священнаго званія вашего и прилично вашему священному уму сказать слово мира спорящимъ сторонамъ (основаніемъ и принципомъ котораго была бы итальянская нація); но, отвергая всякій намекъ на условія кампо-формійскаго договора, мы думаемъ, что итальянскій народъ не можетъ и не долженъ оставлять своего оружія до тѣхъ поръ, пока наша общая родина не возвратитъ себѣ естественныхъ границъ.“ Отвѣтъ папы заключалъ въ себѣ такія слова: „если горячее желаніе

славы итальянской націи усиливается, то необходимо, чтобы міръ снова узналъ, что съ нашей стороны война не можетъ быть средствомъ пріобрѣтенія этого величія. Вся земля благословляла наше имя за первыя слова мира, изреченныя нашими устами. Само собою разумѣется, что не такъ были бы встрѣчены слова войны. Насъ не мало удивили соображенія совѣта по этому предмету, совершенно противорѣчащія нашимъ публичнымъ декларацiямъ, и притомъ въ такую минуту, когда мы предпринимаемъ переговоры о мирѣ....“

XXX.

Папа прочиталъ свой отвѣтъ, не сообщивъ его министрамъ, что было противно программѣ Маміани и идеямъ, выраженнымъ парламентомъ; въ то же время этимъ подтверждалось письмо его отъ 29 апрѣля.

Положеніе Маміани и его товарищей было невыносимо. Они уже подали было въ отставку, которая съ тѣхъ поръ находилась въ рукахъ святаго отца. Напрасно Пій IX пробовалъ составить новое министерство, — онъ не могъ ничего достигнуть. Онъ поручилъ это дѣло знаменитому историку и профессору Росси, возвратившемуся изъ Франціи, но и тотъ ничего не успѣлъ послѣ безполезныхъ усилій. Такимъ образомъ Римъ управлялся министерствомъ, подавшимъ въ отставку. Отъ этого происходили безпрестанныя волненія, однѣ въ пользу папы, другія въ пользу Маміани; городъ былъ раздѣленъ на два лагеря: съ одной стороны кардиналы, духовенство и ихъ многочисленная партія, съ другой — парламентъ, національная гвардія, политическіе кружки, народъ; провинціи были въ волненіи, анархія господствовала повсюду. Такимъ образомъ Пій IX, желавшій спокойствія, сѣялъ вездѣ мятежъ; проповѣдывалъ миръ — и возбуждалъ междоусобную войну; желалъ союза гражданъ — и порождалъ распри, вовсе

не вѣдая объ этомъ и не желая этого. Парламентъ среди этихъ препятствій медленно и печально продолжалъ дѣло, ввѣренное ему народомъ.

XXXI.

Сицилійскій парламентъ лишилъ правъ Фердинанда и его династію и хотѣлъ помогать калабрійскому возстанію, которое послѣдовало за печальными событіями 15-го мая. Съ этою цѣлью былъ отправленъ вооруженный легіонъ; но предпріятіе это не удалось и парламенту не оставалось болѣе возможности дѣйствовать наступательно. Не имѣя оружейныхъ заводовъ, отвыкшая отъ военной службы, лишенная всякихъ средствъ, страна не имѣла достаточно силъ, чтобы начать войну. Сицилійцы безъуспѣшно осаждали мессинскую цитадель, оставшуюся во власти королевскихъ войскъ. Ихъ горячій патріотизмъ былъ безсиленъ предъ организованнымъ сопротивленіемъ. Надобно было создать армію, но успѣли устроить одну только національную гвардію. Необходима была продолжительная энергія, сверхъестественное мужество, чтобы отстоять страну; всѣ желали этого, но недоставало только одного дѣла. Парламентъ, раздѣленный на правую и лѣвую стороны и на центръ, разсуждалъ и ничего не дѣлалъ; создавалъ конституцію, искалъ короля, тогда какъ ему нужно было думать объ одномъ: сдѣлать Сицилію неприступнымъ островомъ. Правительство, занятое спорами въ палатахъ, не подавало собою примѣра. Фердинандъ высматривалъ свою добычу, приготовлялъ и скоплялъ свои силы.

Конституція была провозглашена 10-го іюля; ею утверждалась королевская власть, окруженная республиканскими учрежденіями. Весь интересъ этого новаго положенія сосредоточивался въ выборѣ новаго короля. Этой чести домогался герцогъ тосканскій для своего семейства. Піемонтскій принцъ

былъ предпочтенъ другимъ конкурентамъ. Въ день обнародованія конституціи, 11-го іюля, изданъ былъ декретъ, призывавшій на сицилійскій престолъ герцога генуэзскаго, втораго сына сардинскаго короля, подъ именемъ Альберта-Амедея. Коммиссія, составленная изъ перовъ и депутатовъ, была назначена, чтобы отправиться предложить престолъ этому молодому принцу, храбро сражавшемуся въ Ломбардіи. Сицилія радовалась при мысли — имѣть собственнаго своего короля, и сопровождала свою радость публичными увеселеніями и выраженіями энтузіазма. Меньшинство республиканцевъ предпочло бы лучше отсрочку такого рѣшенія, потому что оно, въ глазахъ людей, ставившихъ династическій интересъ выше народнаго, оправдывало Фердинанда, отозвавшаго изъ Ломбардо-Венеціи, свою армію и флотъ, которыми онъ какъ бы помогалъ получить корону королю сопернику и отнималъ отъ себя часть своего королевства.

XXXII.

Открытіе парламента въ Неаполѣ, созваннаго 1-го іюня, совершилось при самой мрачной обстановкѣ. Выборы, считавшіеся послѣ 15-го мая чисто мечтательными, не могли быть окончены въ нѣкоторыхъ избирательныхъ коллегіяхъ. На улицахъ Неаполя еще оставались слѣды разграбленія и пролитой крови, на домахъ и дворцахъ виднѣлись знаки пуль и ядеръ. Лавки оставались запертыми, какъ будто въ день всенародной печали. Перы и депутаты, почти всѣ избранные во второй разъ, были безмолвны; министры находились въ затруднительномъ положеніи; лица всѣхъ были мрачны. Однакожъ министры хотѣли показать признакъ уваженія къ конституціи предъ малочисленнымъ собраніемъ: королевскій делегатъ, герцогъ Серра-Каприола, прочиталъ рѣчь отъ имени своего государя; въ ней замѣчательны слѣдующія слова: „....Свободныя учрежденія, непреложно мною утвержденныя и освященныя моею клятвою, могутъ однако же остаться без-

плодными безъ законовъ, основанныхъ на однѣхъ съ конституціею началахъ, съ цѣлью развить ее различными системами ея примѣненія. Я обращаю ваше особенное вниманіе на эти важные предметы....“ Ни 3, ни 4 засѣданій не было и не могло быть, потому что на лицо было всего только семьдесятъ три депутата, тогда какъ необходимое большинство должно было состоять изъ восьмидесяти трехъ. Въ послѣдующіе дни палата перовъ оставалась праздною за недостаткомъ законнаго числа депутатовъ. Наконецъ 8-го числа депутатамъ удалось избрать въ президенты г. Капителли, получившаго сорокъ семь голосовъ; Карло Тройя, его соперникъ, получилъ двадцать пять. Въ этой искаженной палатѣ слышится еще во всей своей силѣ воззваніе къ Италіи. Въ отвѣтъ на тронную рѣчь вице-президентъ Саварезе прочелъ проектъ адресса, въ которомъ Коммиссія выражаетъ сожалѣніе „объ отозваніи милиціи, отправившейся, при восторженныхъ крикахъ народа, въ итальянскій походъ. Мы въ самомъ дѣлѣ убѣждены, что наше политическое возрожденіе не можетъ быть полнымъ безъ независимости всей итальянской націи. Палата пламенно желаетъ, чтобы скорѣе пробилъ часъ освобожденія Италіи....“

Слова эти должны были раздражить короля. Споры министровъ съ депутатами становились слишкомъ колкими. Такимъ образомъ палаты дѣйствовали вяло, то склоняясь на сторону однихъ, пытавшихся достигнуть примиренія, спокойствія отечества и свободы, то уступая усиліямъ другихъ, которые хотѣли поддержать силу самовластья. Наконецъ король и министерство, не будучи въ состояніи терпѣть неотступныхъ требованій и даже самой умѣренной и сдержанной цензуры, объявили 5 сентября отсрочку парламентскихъ засѣданій. Лаццарони торжествовали это закрытіе парламента криками: Да здравствуетъ король! Смерть конституціи! Конституція въ самомъ дѣлѣ стала мертвою буквою.

XXXIII.

Парламентскій порядокъ въ герцогствѣ тосканскомъ былъ утвержденъ при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Выборы продолжались отъ 12 до 15 іюня; открытіе палатъ происходило 26 числа. Собравшіеся въ обширной залѣ пятисотъ въ палаццо Веккьо, перы и депутаты съ удовольствіемъ выслушали слова великаго герцога, выразившаго свое живое сочувствіе успѣхамъ итальянскаго оружія и свои горячія желанія участвовать въ итальянской лигѣ. Онъ возвѣстилъ въ то же время присоединеніе населеній Массы и Каррары, Гарфаньяны и Лунеджіаны, „которыя хотѣли соединиться съ Тосканой вслѣдствіе сходства въ характерѣ, обычаяхъ и потребностяхъ.“ Онъ говорилъ о сицилійскихъ депутатахъ, принятыхъ какъ братья великой семьи; выразилъ желаніе, чтобы „Сицилія устроилась такъ, какъ прилично ея собственному благу и общимъ интересамъ....“ Этимъ великій герцогъ хотя косвенно, но публично поддерживалъ кандидатуру своего втораго сына, ради котораго онъ охотно готовъ былъ лишить всего своего родственника, короля неаполитанскаго; эту самолюбивую надежду особенно лелѣяло материнское сердце великой герцогини, хотя надежда эта и не исполнилась.

Ридольфи, министръ внутреннихъ дѣлъ, былъ сдѣланъ президентомъ совѣта. Въ самомъ началѣ онъ долженъ былъ бороться со сторонниками верхне-итальянскаго королевства и демократами Гверраци, стараясь избѣгать всевозможныхъ столкновеній. Впродолженіи нѣсколькихъ недѣль не безъ усилій онъ удерживался въ этомъ положеніи. Великій герцогъ поддерживалъ своего министра патріотическими рѣчами. „Я всегда буду съ вами, говоритъ онъ въ отвѣтъ на адресъ депутатовъ, потому что хочу раздѣлять судьбу народа, раздѣлять съ нимъ

будущность, которую готовитъ намъ провидѣніе.“ Эти демонстраціи отдаляли грозу, но не разсѣевали ея.

XXXIV.

Національное собраніе въ Венеціи должно было собраться 3 іюля. Венеція, блокированная, осажденная, отрѣзанная отъ провинцій 15,000 австрійцевъ, съ нетерпѣніемъ ожидала того торжественнаго дня, въ который исполнится ея судьба. При громѣ непріятельскихъ орудій, послѣ пораженій слѣдовавшихъ одно за другимъ, среди приготовленій къ отчаянной защитѣ, депутаты были созваны для подачи голосовъ. Вечеромъ, 29 іюня, нѣсколько отрядовъ національной гвардіи, собравшись на Марсовомъ полѣ, провозглашаютъ королемъ Карла-Альберта; съ тѣми же криками они бросаются на площадь св. Марка. Въ массѣ народа замѣчаются люди изъ высшаго класса, возбуждающіе народъ. На другой день, 30, повторяются тѣ же демонстраціи. Толпа направляется къ дому національнаго собранія; слышатся неистовые крики: Да здравствуетъ Карлъ-Альбертъ! Вскорѣ среди этихъ криковъ раздается другой крикъ: Долой республику! Прочь Манина! Какой то падуанецъ хочетъ сказать слово въ пользу роспублики, но городская стража едва спасаетъ его отъ ярости народа. Печальный примѣръ человѣческаго непостоянства! Тѣхъ, которые освободили Венецію, изгнали австрійцевъ, тѣхъ, которыхъ вчера привѣтствовали,—тѣхъ на другой день забываютъ. Люди, спасшіе народъ 22 марта, имена которыхъ выставлялись на щитахъ, унижаются теперь тѣмъ же народомъ, привѣтствовавшимъ ихъ своими криками, желаніями, своимъ изступленнымъ восторгомъ и лестью. Этотъ переходъ къ такой крайности вызванъ былъ у однихъ страхомъ, у другихъ—неблагодарностью, сумасбродствомъ, слабостью, непостоянствомъ массы, минутнымъ увлеченіемъ. Странное, но вмѣстѣ съ тѣмъ поучительное для всякаго времени зрѣлище!

Манинъ, безстрашный, строгій, рѣшительный, смѣло выдерживаетъ бурю: онъ призываетъ гражданскую стражу къ порядку и народъ къ здравому смыслу. Собраніе должно скоро произнести свое рѣшеніе законнымъ путемъ. Пусть Венеція съумѣетъ потерпѣть — Манинъ не уступитъ ни передъ какимъ насиліемъ.

XXXV.

Наступаетъ 3-е іюля. Проносится слухъ, что Карлъ-Альбертъ обѣщалъ прислать 2000 піемонтцевъ и субсидіи. Дѣйствительно, получено было письмо отъ сардинскаго министра Дез'Амбруа (Des Ambrois) изъ Ровербеллы, отъ 30 іюня. Умы возбуждены. Предъ отправленіемъ въ герцогскій дворецъ, депутаты отправляются въ церковь св. Марка помолиться объ успѣхѣ. Введенные въ залу совѣта, депутаты считаютъ другъ друга: только сто двадцать восемь человѣкъ отвѣчало на призваніе; отсутствіе прочихъ рождаетъ печальную догадку, что непріятель завладѣлъ тѣми провинціями, которыхъ представители отсутствуютъ.

Послѣ предварительныхъ работъ по введенію депутатовъ въ должность и избранію Рубби въ президенты собранія, Манинъ, президентъ временнаго республиканскаго правленія, излагаетъ событія, совершившіяся со дня освобожденія. Голосъ его приводитъ всѣхъ въ волненіе и убѣждаетъ присутствующихъ; дѣло говоритъ само за себя; Манина встрѣчаютъ горячими рукоплесканіями.

На другой день, 4-го, явилось всего 134 депутата. Манинъ продолжаетъ чтеніе своего отчета; собраніе внимательно слушаетъ, ловитъ каждое его слово. Картина изображаемыхъ имъ событій возбуждаетъ животрепещущій интересъ. Депутатами овладѣваетъ трепетъ, когда Манинъ сообщаетъ имъ желаніе нѣкоторыхъ граждан сдѣлать воззваніе къ Франціи

и относительно котораго нѣкоторые изъ итальянскихъ государствъ, на сдѣланный имъ вопросъ, отвѣчали отрицательно. Къ тому же Піемонтъ еще находился въ нерѣшительномъ состояніи.

За Маниномъ слѣдуетъ Кастелли; онъ читаетъ отчетъ Камераты о состояніи финансовъ. Этотъ отчетъ обнаруживаетъ съ самою немилосердною логикою пустоту казны, громадныя пожертвованія страны, уменьшеніе доходовъ, вслѣдствіе уничтоженія налоговъ съ жизненныхъ припасовъ и запрещенія лотереи, увеличеніе издержекъ, вслѣдствіе вспомоществованія провинціямъ, выдачи субсидій союзникамъ и Дурандо, жалованья и содержанія 18,000 человѣкъ, составляющихъ дѣйствующую армію, постройки флота, и наконецъ невозможность создать необходимыя для страны средства. Непріятель занимаетъ провинціи; Венеція окружена и средства страны истощились; бѣдствія неминуемы. Заключеніе этой мрачной картины хотя и невысказано, но оно ясно само по себѣ. Надобно рѣшиться на что нибудь: или погибнуть или принять деньги и солдатъ отъ Карла-Альберта. Кастелли сходитъ съ трибуны, сильно взволновавши Собраніе, видимо готовое рѣшиться на послѣднюю мѣру.

XXXVI.

Послѣ Кастелли на трибуну всходитъ Томмазео; слово его рѣзко, рѣчь сжата. Онъ смѣло берется за вопросъ и развиваетъ такую дилемму: если Карлъ-Альбертъ можетъ спасти Венецію—зачѣмъ онъ этого не дѣлаетъ? Если же онъ этого не можетъ—зачѣмъ намъ его помощь? Тѣ, которые предполагаютъ, что онъ можетъ спасти Венецію и въ то же время ничего не дѣлаетъ для нее, тѣ оскорбляютъ его, издѣваются надъ нимъ, считаютъ его торговцемъ человѣческихъ душъ, барышникомъ народовъ; они покрываютъ его имя пятномъ, котораго не смыть всей его благородной кровью, пролитой на полѣ битвы. Ува-

жайте того, кого хотите избирать королемъ и не унижайте его до роли авантюриста и спекулятора, ищущаго не награды, но платы! Но если ни Карлъ-Альбертъ, ни кто другой не могутъ помочь намъ, то новое правительство для спасенія своего должно сдѣлать новыя и чрезвычайныя усилія. Надобно возбудить дѣятельность ослабѣвшихъ умовъ, уничтожить бездѣйствіе и слабость, возвысить свою душу великими подвигами, приготовиться на всѣ жертвы!—Эта энергическая рѣчь встрѣчаетъ одобреніе Собранія, готоваго упасть духомъ. Министръ Палеокапа возражаетъ Томмазео и подтверждаетъ необходимость соединенія; въ заключеніе, онъ направляетъ на поэта эпиграмму, на которую Томмазео отвѣчаетъ печальною улыбкою.

XXXVII.

Манинъ дѣлаетъ усиліе надъ собой. Взоры всѣхъ слѣдятъ за нимъ и стараются угадать его мысль. Всякій чувствуетъ, что изъ этихъ устъ должно выйти послѣднее рѣшеніе. Послѣ одобрительныхъ рукоплесканій слѣдуетъ глубокое молчаніе. „Рѣчи двухъ замѣчательныхъ ораторовъ, предшествовавшихъ мнѣ, доказываютъ, что мы говорили не какъ министры, но какъ простые депутаты. Въ качествѣ простаго депутата я также выскажу слова согласія и любви. Сегодня я того же мнѣнія, какого былъ 22 марта, когда, по выходѣ изъ арсенала на площадь св. Марка, я провозгласилъ республику. Я остаюсь при немъ и теперь, какъ всѣ мы были тогда такого мнѣнія (волненіе). Что не всѣ теперь остались при тѣхъ же убѣжденіяхъ — это фактъ.... Также фактъ и то, что непріятель сторожитъ насъ, что онъ ждетъ и жаждетъ раздора въ нашей странѣ, непреодолимой, если между нами будетъ согласіе, и могущей подпасть подъ власть непріятеля, если въ ней загорится гражданская война. Отложивъ въ сторону

всякій споръ о нашихъ и чужихъ мнѣніяхъ, я прошу сегодня поддержки; я прошу сегодня великой жертвы; эту просьбу я обращаю къ моей партіи, великодушной республиканской партіи (всеобщія рукоплесканія).

„Разрушимъ теперь же надежды враговъ нашихъ, ожидающихъ междоусобной войны. Забудемъ сегодня, что такое партіи! Докажемъ, что сегодня мы забываемъ кто изъ насъ роялисты, кто республиканцы, но помнимъ, что всѣ мы сегодня итальянцы!

„Я скажу республиканцамъ: Для насъ есть будущее! Все, что сдѣлано и все что дѣлается, все это временно. Итальянскій сеймъ рѣшитъ дѣло въ Римѣ!“ (всеобщіе и продолжительные крики).

Манинъ возвращается на свое мѣсто. Кастелли и множество депутатовъ бросаются цѣловать его отъ всего сердца. Адвокатъ Кастелли всходитъ на трибуну и, поднявъ руки къ небу, вскрикиваетъ съ энтузіазмомъ: „Отечество спасено! Да здравствуетъ Манинъ! (всеобщія рукоплесканія). Никакое раздѣленіе между нами невозможно послѣ великодушнаго подвига великаго гражданина!“ (взрывъ браво).

Волненіе овладѣваетъ всѣми, сердца раскрываются отъ избытка чувствъ. Каждый чувствуетъ себя облегченнымъ только что принесенною жертвою. Манинъ уставшій, изнуренный волненіемъ испытываемымъ имъ, удаляется почти безъ чувствъ, поддерживаемый депутатами, окружающими его и оглушающими воздухъ своими криками. Изъ 133 депутатовъ, 130 высказываются въ пользу немедленнаго рѣшенія; 127 голосовъ подано въ пользу присоединенія къ Піемонту. Республики не стало.

XXXVIII.

5-го Іюля депутаты приступили къ назначенію новаго министерства. Имя Манина вошло при первой балотировкѣ;

онъ благородно отказался: „Я принесъ жертву, сказалъ онъ, но я не отказался отъ своихъ принциповъ — я остался республиканцемъ.“ Собраніе хотѣло вотировать ему благодарность отечества, но Манинъ отказался, прося, какъ единственную награду, поддержать согласіе, явившееся наканунѣ.

Кастелли былъ назначенъ президентомъ, а гг. Палеокапа, Камерата, Паолуччи, Мартиненго и Каведалисъ—членами правленія. Генералу Пепе оставлено было командованіе венеціянскими войсками. Депутаты отправились въ Туринъ и въ лагерь къ королю Карлу-Альберту съ извѣстіемъ о рѣшеніи Собранія. Обѣщанная помощь изъ 2000 піемонтцевъ прибыла въ Венецію 15-го іюля. Сардинскій флотъ, подъ командой адмирала Альбини, держался въ Адріатикѣ.

Граждане, составлявшіе гарнизонъ Венеціи, дѣлая подъ начальствомъ своихъ офицеровъ частыя вылазки, пріучались къ дисциплинѣ и обычаямъ регулярнаго войска. 17-го іюля сдѣлана была экспедиція противъ форта Каванелла на Адижѣ, занятаго австрійцами; при этомъ итальянцы показали свою неустрашимость, и полковникъ Уллоа свою храбрость. 9-го числа отрядъ войскъ уничтожилъ огромныя постройки, воздвигаемыя непріятелемъ вблизи форта Мальгѣра. 20-го числа была произведена удачная вылазка изъ этого же форта. Такимъ образомъ эти частые подвиги храбрости приготовляли защитниковъ Венеціи къ славной борьбѣ съ императорскими войсками, къ борьбѣ, долженствовавшей прославить ихъ въ исторіи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Положеніе обѣихъ армій. — Нерѣшительность Карла-Альберта. — Онъ соглашается на переговоры съ Австріею, принимая за основаніе Кампо-Формійскій договоръ и оставляетъ Венеціянскую Область. — Австрія отказывается отъ переговоровъ. — Карлъ-Альбертъ приступаетъ къ осадѣ Мантуи и растягиваетъ свою армію. — Радецкій не препятствуетъ этому движенію. — Снабженіе феррарской цитадели провіантомъ. — Генералъ Бава отнимаетъ у австрійцевъ Говерполо. — Наступательное движеніе Радецкаго. — Турнъ овладѣваетъ Короной и Риволи. — Радецкій аттакуетъ Сону и Сомму-Кампанью. — Отступленіе дивизіи Соннаца. — Переходъ Радецкаго черезъ Минчіо. — Планъ Карла-Альберта. — Онъ застигаетъ въ расплохъ австрійскую армію, овладѣваетъ высотами Кустозы и Сомма-Кампаньи. — Успѣхи Піемонтцевъ. — Радецкій занятъ цѣлую ночь сосредоточеніемъ и расположеніемъ своихъ войскъ. — Сраженіе при Кустозѣ. — Отступленіе Піемонтцевъ. — Битва при Вольтѣ. — Деморализація итальянской арміи. — Предложеніе перемирія; его тяжелыя условія. — Миланъ готовится къ сопротивленію. — Коммиссія обороны. — Волонтеры; Гарибальди. — Выступленіе волонтеровъ изъ Милана. — Туринъ; перемѣна министерства. — Парламентъ предоставляетъ королю диктатуру. — Присоединеніе Венеціи. — Королевскіе коммиссары смѣняютъ въ Миланѣ временное правительство и заступаютъ его мѣсто. — Карлъ-Альбертъ, король Сардиніи, Ломбардіи и Венеціи. — Карлъ-Альбертъ въ Миланѣ. — Радецкій передъ Миланомъ. — Сраженіе 4 августа. — Баррикады. — Ночью король сдается. — Возмущеніе противъ короля. — Его рѣчь. — Удаленіе арміи. — Бунтъ; опасность грозитъ королю. — Удаленіе его изъ Милана. — Часть жителей оставляетъ городъ и отправляется въ изгнаніе. — Выступленіе австрійцевъ изъ Милана. — Перемиріе Саласко. — Послѣднее усиліе волонтеровъ; Гарибальди удаляется послѣ всѣхъ въ Швейцарію. — Карлъ-Альбертъ провозглашенъ королемъ въ Венеціи. — Перемѣна правительства; трактатъ Саласко дѣлается извѣстнымъ. — Манинъ во главѣ правленія. — Возстановленіе республики. — Обращеніе Италіи къ Франціи. — Исполнительной коммиссіи не существуетъ болѣе. — Краткое обозрѣніе.

I.

Потери, понесенныя итальянской арміей были вознаграждены прибытіемъ подкрѣпленій изъ Піемонта и герцогствъ

и новыхъ рекрутъ изъ Ломбардіи. Подъ начальствомъ короля считалось до 80,000 солдатъ; Венеція имѣла 20,000 защитниковъ. Изъ войскъ короля только 60,000 могли быть выставлены въ поле, потому что остальные еще не были устроены и могли развѣ только смотрѣть за магазинами, складами, лагерями и замѣщать собою больныхъ и раненыхъ.

Австрійская армія, по присоединеніи къ ней корпусовъ Нюгента и Вельдена, достигала 85 тысячъ человѣкъ. Къ ней же присоединены были гарнизоны Феррары и городовъ Тироля. Число войскъ увеличивалось съ каждымъ днемъ отъ прибытія новыхъ батальоновъ.

Въ виду этой арміи, прикрытой четырьмя крѣпостями на Адижѣ, въ этой несокрушимой позиціи, Карлъ-Альбертъ чувствовалъ свое безсиліе и не могъ рѣшиться ни на наступательное дѣйствіе, ни на отступленіе. Каждый день ему подавали новые планы, которые онъ внимательно разсматривалъ, не останавливаясь ни на одномъ изъ нихъ. Онъ слышалъ зовъ всей Италіи, возбуждавшій его двигаться впередъ, но онъ слушался голоса осторожности, онъ чувствовалъ опасность и оставался въ бездѣйствіи. Не боясь ничего за себя, онъ страшился своихъ обширныхъ плановъ. Рисковать сраженіемъ, потерять битву—значило утратить корону, не коснувшись даже ея, значило подвергнуть опасности свой тронъ, обезоружить Италію и ввести въ нее Французовъ. Въ такомъ положеніи ловкіе люди, пользуясь его нерѣшительностью, старались представить ему выгоду предложеній, сдѣланныхъ австрійцами и отвергнутыхъ имъ. Но король зашелъ уже слишкомъ далеко. Если бы еще онъ не требовалъ присоединенія Венеціянской Области, не объявлялъ торжественно, что онъ вступитъ въ переговоры только тогда, когда отброситъ иностранцевъ за Альпы, — тогда онъ могъ бы еще склониться на мирныя предложенія. Онъ только что принялъ венеціянскихъ депутатовъ, которые, по уничтоженіи

республики, подносятъ ему этотъ желанный скипетръ и ввѣряютъ ему судьбу своей родины. Можетъ ли онъ покинуть ихъ, отдать въ руки австрійцевъ. Онъ этимъ оправдалъ бы обвиненія своихъ враговъ, говорившихъ, что ему нужна Венеція только какъ награда за его побѣды. Нѣтъ, — онъ не послушаетъ совѣтовъ своихъ приближенныхъ; онъ не подпишетъ другаго Кампо-Формійскаго договора. Лучше быть побѣжденнымъ съ оружіемъ въ рукахъ, лучше умереть на полѣ битвы.

II.

Государственные люди стараются подѣйствовать на его боязливую душу болѣе положительными доводами. Король долженъ дѣлать только то, что можетъ. Освободить Италію было твердымъ его желаніемъ; но стоитъ только ему открыть глаза, чтобы видѣть, что желая такъ много, онъ можетъ все потерять! Желая пріобрѣсть Венецію, онъ можетъ потерять не только ее, но и Ломбардію, и Модену, и Парму, и Пьяченцу. Надобно соображаться съ обстоятельствами, а не съ собственными желаніями. Отнять у Австріи то, что Наполеону досталось послѣ столькихъ блестящихъ побѣдъ, — составляетъ уже огромный по своимъ результатамъ подвигъ. Вѣдь Венеціи обѣщана свобода, независимость, съ эрцгерцогомъ, съ національной администраціей, представительнымъ правленіемъ и итальянской арміей. Наконецъ она провозгласила прежде республику и выбрала себѣ короля только по необходимости. Какія же онъ имѣетъ обязанности въ отношеніи къ Венеціи? Онъ напротивъ, долженъ освободить Ломбардію и герцогства, которыя добровольно призвали его къ себѣ. Можетъ ли онъ подвергнуть ихъ всѣмъ опасностямъ пораженія, мести враговъ? Неужели Италія унизится до того, чтобы просить помощь у французской республики, послѣ того какъ она объявила, что ей достаточно своихъ силъ? — Такими чувствами глу-

боко тревожилась душа Карла-Альберта. Онъ страдалъ, волновался, противился и угрожалъ, принималъ отвергнутое и снова его отвергалъ.

III.

Англійскій министръ разоблачаетъ эту слабость короля, которая стоила ему столькихъ слезъ и безсонныхъ ночей. Лордъ Аберкромби писалъ изъ Турина, 10 іюля, къ лорду Пальмерстону: „Сегодня утромъ я получилъ письмо, писанное все рукою его величества. Въ этомъ письмѣ, отъ 7 числа этого мѣсяца, изъ Ровербеллы, его величество объявляетъ, что готовъ согласиться на предложеніе сдѣлать Адижъ восточною границей его государства и на присоединеніе Ломбардіи и герцогствъ Пармскаго и Моденскаго къ сардинскому королевству. Его величество объявляетъ, что онъ не замедлитъ принять эти предложенія, въ случаѣ если австрійское правительство расположено сдѣлать ему ихъ непосредственно, на основаніи вышесказаннаго территоріяльнаго обмѣна, или же если оно сдѣлаетъ эти предложенія черезъ посредство правительства ея величества, или наконецъ при моемъ посредствѣ, по уполномоченіи меня на то отъ правительства королевы. Король сверхъ того желаетъ, чтобы мнѣніе нашего правительства было сообщено мнѣ конфиденціяльно. Его величество оканчиваетъ письмо, полученное мною, указаніемъ на то, что можно представить палатамъ и народу достаточныя причины, чтобы доказать, на сколько благоразумно согласиться на миръ, который, принимая въ соображеніе относительныя силы Сардиніи и Австріи, должно считать благороднымъ и славнымъ для Піемонта.“

IV.

Но уже было поздно: Карлъ-Альбертъ, несоглашавшійся прежде на миръ, готовъ былъ теперь принять его; Австрія же, предла-

гавшая миръ, не хотѣла его болѣе. Баронъ Вессенбергъ отвѣчалъ изъ Вѣны, 5 іюля, на мирныя предложенія британскаго кабинета отъ 23 іюня: „....Если императорское правительство не надѣется на возможность открыть въ настоящее время переговоры по извѣстному вопросу съ надеждою на успѣхъ, то причиной этого—обстоятельства, совершившіяся послѣ мирныхъ предложеній, непосредственно сдѣланныхъ Милану; предложенія эти были сообщены мною его сіятельству г. посланнику ... Миланъ отклонилъ отъ себя предложенія, сдѣланныя императорскимъ правительствомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что это дѣло касается не одной Ломбардіи, но цѣлой Италіи.... Императорское правительство сомнѣвается, чтобы голосъ посредническої державы могъ быть услышанъ раньше, чѣмъ австрійское оружіе ознаменуетъ себя новыми побѣдами надъ непріятельскою арміей. Пока же почти вся четвертая часть земли венеціянскаго королевства возвращена подъ владычество Австріи; обстоятельство это, кромѣ своего политическаго значенія, имѣло еще вліяніе на значительное улучшеніе положенія австрійской арміи, которая, между прочимъ, получитъ въ скоромъ времени новыя подкрѣпленія и будетъ имѣть возможность дѣйствовать наступательно.“

V.

Такимъ образомъ дѣло должно было рѣшиться оружіемъ. Карлъ-Альбертъ не могъ долѣе заставлять свою армію, остававшуюся цѣлый мѣсяцъ въ бездѣйствіи, томиться и ослабляться въ неподвижности. Онъ рѣшился дѣйствовать наступательно. Но который изъ всѣхъ плановъ слѣдуетъ ему принять? Долженъ ли онъ дать сраженіе, или аттаковать Верону, или идти на Леньяно, или осадить Мантую? Послѣ долгой нерѣшительности послѣдній проектъ былъ принятъ. Но проектъ этотъ былъ самый худшій.

13 іюля, вторая дивизія перваго корпуса, подъ командою генерала Феррере, выдвинулась на правый берегъ Минчіо и пошла къ Мантуѣ, опрокинула непріятельскіе аванпосты и начала укрѣпляться. Это движеніе было поддержано ломбардской дивизіей, прибывшей въ Маскарія. Первая дивизія перваго корпуса, резервная дивизія и піемонтская бригада втораго корпуса заняли позицію у Моццекане, Канедола и Кастелларе и окончательно блокировали крѣпость. Главная квартира съ гвардейской бригадой была переведена въ Мармироло. Это послѣднее движеніе заставило второй корпусъ, состоявшій изъ 12 — 15 тысячъ человѣкъ подъ командою Соннаца, растянуть свое правое крыло отъ Короны до Сомма-Кампаньи. Пескьера, Гоито и Валледжіо, находившіеся во второй линіи, оберегались дивизіей Висконти, состоявшей всего только изъ 8 — 9 тысячъ человѣкъ вновь набранныхъ резервныхъ батальоновъ.

VI.

Радецкій не препятствовалъ этому движенію, которое растягивало и обезсиливало линіи непріятельской арміи. Онъ только приказалъ генералу Лихтенштейну сдѣлать движеніе на Феррару, чтобы снабдить цитадель провіантомъ и занять Говерполо, при сліяніи По съ Минчіо, для охраненія своего лѣваго фланга. Въ ночь съ 13 на 14, Лихтенштейнъ вышелъ изъ Леньяно съ 6 тысячами человѣкъ и пришелъ къ Феррарѣ 14. Онъ заставилъ городъ снабдить цитадель жизненными припасами и, исполнивъ свое порученіе, возвратился въ тотъ же день.

Страхъ распространился по всѣмъ окрестностямъ. Король тотчасъ же отрядилъ генерала Бава съ пятью тысячами пѣхоты, пятью стами кавалеристами и двумя баттареями. Бава узналъ 17 числа въ Боргофорте о неожиданномъ отсту-

*

пленіи непріятелей, остановился и рѣшился овладѣть Говерноло, защищаемымъ 1500 австрійцевъ при четырехъ орудіяхъ. Онъ посадилъ въ судна на рѣкѣ По отрядъ берсальеровъ, приказалъ имъ высадиться на лѣвомъ берегу Минчіо и идти ускореннымъ маршемъ на Говерноло, въ то время, какъ главныя его силы будутъ двигаться по другому берегу. Аттака съ двухъ сторонъ была такъ хорошо сосредоточена, движеніе послѣдовало съ такою быстротою, ударъ былъ такъ рѣшителенъ, берсальеры выказали столько блистательной отваги, что австрійцы, не смотря на энергическое сопротивленіе, были въ полтора часа смяты, опрокинуты, обращены въ бѣгство и разбиты піемонтской кавалеріей, оставивъ на полѣ битвы множество убитыхъ, двѣ пушки и пятьсотъ плѣнныхъ. Лихтенштейнъ хотѣлъ было броситься на помощь къ Говерноло, но было уже поздно; узнавши о пораженіи, онъ отступилъ на прежнюю позицію. Бава возвратился къ главной квартирѣ. Главныя силы его остались въ Говерноло, вдали отъ центра дѣйствія. Карлъ-Альбертъ прославилъ въ дневномъ приказѣ это блистательное дѣло [1]).

VII.

20 числа итальянская армія была растянута на разстояніи ста двадцати километровъ, отъ Короны—повыше Риволи въ Тиролѣ до Говерноло на По, и была раздѣлена рѣкою. Лѣвое крыло ея опиралось на возвышенности Риволи и Пескьеру, центръ расположился въ Ровербеллѣ, правое крыло тянулось по обоимъ берегамъ нижняго Минчіо до самой По. На этомъ пространствѣ вверхъ къ Говерноло было разбросано шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ пять тысячъ расположены были въ самомъ Говерноло и столько же въ Кастелларо, двад-

[1]) Монитеръ. 19 Іюля 1848. стр. 1766.

цать тысячъ вокругъ Мантуи на правомъ берегу, десять тысячъ въ Мармироло и Вилланова, четыре тысячи въ Виллафранка и Кастельбельфорте, пятнадцать тысячъ между Сомма-Кампаньей и Короной; сверхъ того восемь или десять тысячъ у магазиновъ и при паркахъ Пескьеры и Гоито. Снабженіе провіантомъ на такомъ огромномъ пространствѣ было крайне неудобно и войска, въ самой плодородной странѣ, должны были терпѣть всевозможныя лишенія.

Австрійская же армія, напротивъ того, была сосредоточена: двадцать тысячъ стояло въ Ровередо, повыше Риволи и Короны, четыре тысячи вокругъ Вероны, лицомъ къ самой слабой части итальянской арміи; двадцать тысячъ защищали Мантую и Леньяно. Частыя и удачныя фуражировки доставляли войскамъ обильный провіантъ. Побѣдители при Виченцѣ, завоеватели венеціянскаго королевства — австрійцы, оправившись отъ своего нравственнаго упадка, думали только объ отомщеніи за первыя пораженія, понесенныя ими.

VIII.

Радецкій, убѣдившись въ невыгодѣ позиціи непріятельской арміи, рѣшилъ, что пора дѣйствовать наступательно. Планъ его дѣйствій былъ очень простъ: надобно было устремить свои главныя силы на пятнадцати тысячный корпусъ Соннаца, стоявшій между Короной и Сомма-Кампаньей и на восьми или девяти тысячный корпусъ Висконти, разбить ихъ на голову, овладѣть переправами на Минчіо и ударить въ тылъ остальной итальянской арміи, сжатой у Мантуи. Радецкій попытался привести этотъ планъ въ исполненіе 22 іюля.

Генералъ Турнъ выступилъ изъ Ровередо съ своимъ корпусомъ, раздѣленнымъ на двѣ колонны; первая изъ нихъ двинулась на Корону, вытѣснила изъ нея піемонтцевъ и раздвинулась къ долинѣ дель-Тассо; другая колонна чрезъ Ин-

канале пошла на приступъ риволійской возвышенности. Генералъ Соннацъ спѣшитъ на помощь съ двумя батальонами и полубаттарей. Піемонтцевъ было всего пять тысячъ, тогда какъ австрійцевъ было двѣнадцать тысячъ. Турнъ дѣлаетъ быструю аттаку. Піемонтцы, принужденные въ началѣ дѣла развернуть свой фронтъ, бросаются вслѣдъ за тѣмъ на непріятеля и, не смотря на свою малочисленность, заставляютъ его покинуть свою позицію. Первый успѣхъ не ослѣпляетъ однако Соннаца: онъ видитъ превосходство австрійскихъ силъ, аттакуетъ непосредственно Радецкаго, видвигаясь до Сомма-Кампаньи, и затѣмъ приказываетъ отступить къ Кавайоне и Кольмазино. Отступленіе происходитъ въ совершенномъ порядкѣ. 23-го утромъ Турнъ занимаетъ риволійскія высоты.

IX.

Въ ночь съ 22-го на 23-е Радецкій въ совершенной тишинѣ выступаетъ изъ Вероны, чтобы застигнутъ итальянцевъ въ расплохъ. Лафетныя колеса и подковы у лошадей обвертываютъ сукномъ. Страшный ураганъ задерживаетъ движеніе, но въ его шумѣ теряется смутный гулъ шаговъ. Австрійцы идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: второй корпусъ составляетъ правое крыло боевой линіи, первый корпусъ на лѣвомъ крылѣ, резервный корпусъ слѣдуетъ въ центрѣ. Линія аттаки простирается отъ Санта-Джюстины до Кустозы. Правое крыло раздѣляется на двѣ колонны: одна изъ нихъ движется на Санта-Джюстину, другая на Сону. Лѣвое крыло направляется на Сомма-Кампанью. Одна изъ бригадъ держится крайней лѣвой стороны на Кустозу. За этой бригадой, лицомъ къ Виллафранкѣ, расположены эшелонами четыре эскадрона кавалеріи. Движеніе было разсчитано такъ, чтобы съ разсвѣтомъ броситься на спавшаго еще непріятеля. Буря была такъ сильна, что едва только въ шесть ча-

совъ утра австрійцы завидѣли итальянцевъ, которые только за два часа узнаютъ о движеніи непріятеля и въ торопяхъ готовятся къ бою. Всего десять тысячъ человѣкъ подъ командою генерала Броглія должны были принять этотъ страшный натискъ, защищая свою линію только траншеей, возведенной у Остеріи-дель-Боско, между Санта-Джюстиной и Соной, по дорогѣ изъ Вероны въ Пескьеру, и снабженной тяжелою артиллеріею.

Лѣвое крыло австрійцевъ сосредоточило всѣ свои силы противъ траншеи у Остеріи-дель-Боско. Осыпаемые бѣглымъ огнемъ, австрійцы были принуждены перейти влѣво, къ Сонѣ, защищаемой вторымъ полкомъ савойской бригады и полкомъ пармезанцевъ. Въ тоже время лѣвое крыло австрійцевъ бросается на Сомму-Кампанью, защищаемую пьемонтцами и тосканцами. Не смотря на свою малочисленность, итальянцы приняли съ замѣчательнымъ мужествомъ и твердостью грозный натискъ непріятеля. Бой съ перемѣннымъ счастьемъ длился три часа. Къ австрійцамъ безпрестанно прибывали новыя войска. Наконецъ они овладѣваютъ Сомма-Кампаньей и грозятъ окружить весь корпусъ арміи Броглія. Удержать позиціи не было возможности и генералъ приказалъ отступить къ Кастельново и Кальваказелле, гдѣ онъ соединился съ Соннацомъ, который черезъ Кальмазино и Кола привелъ изъ Риволи и Короны пять тысячъ войскъ, будучи, въ нѣкоторомъ отдаленіи, медленно и осторожно преслѣдуемъ войсками генерала Турна. Отъ этого соединенія корпусъ Соннаца могъ расположиться между Кастельново и Кола, потерпѣвъ нѣкоторый уронъ, безъ всякаго впрочемъ разстройства и нанеся австрійскому корпусу подобную же потерю. Ночью генералъ двигался правымъ берегомъ Минчіо, подъ защитой артиллеріи Пескьеры.

Такимъ образомъ 23 числа Радецкій овладѣлъ всей линіей отъ Санта-Джюстины, чрезъ Остерію-дель-Боско, Сону,

Сомма-Кампанью до Кустозы. Войска его, находясь противъ Минчіо, доходили до Кастельново, Оліози и Монте-Венто; главная квартира была перенесена въ Санъ-Джорджіо-инъ-Саличе.

Дивизія Висконти, неучаствовавшая въ дѣлѣ, вытянулась по правому берегу Минчіо для обереженія мостовъ.

Радецкій очистилъ передъ собой весь лѣвый берегъ Минчіо. Отъ него успѣлъ уйти пятнадцати тысячный корпусъ Соннаца, который онъ могъ бы уничтожить. Аттака Турна, говоритъ военный историкъ Пизакане, была преждевременна, потому что принудила итальянцевъ оставить Корону и Риволи и сосредоточить свои силы, тогда какъ ихъ можно было отрѣзать и окружить. По мнѣнію другихъ, движеніе Радецкаго было слишкомъ медленно и несвоевременно: онъ оставилъ безъ преслѣдованія цѣлую дивизію и далъ ей время удалиться и переправиться на правый берегъ Минчіо.

X.

24-го утромъ Радецкій отдалъ приказъ переправиться черезъ Минчіо. Передъ нимъ находилась только дивизія Висконти, расположенная въ Валледжіо, Боргетто и Монцамбано. Висконти, чувствуя себя слабымъ, покинулъ Валледжіо и попытался защищать моста у Боргетто и Монцамбано. Послѣ безполезнаго усилія онъ принужденъ былъ уступить превосходившему численностью непріятелю позиціи, которыхъ не могъ защищать. Съ своей стороны Соннацъ хотѣлъ двинуться на Саліонце, чтобы воспрепятствовать австрійцамъ устроить летучій мостъ, но чувствуя свою слабость и не имѣя никакихъ извѣстій изъ лагеря Карла-Альберта, онъ стянулъ всѣ итальянскія войска и осторожно и искусно отошелъ къ Вольтѣ на высоты, окружающія Минчіо, пониже Валледжіо. Такимъ образомъ онъ приблизился къ Гойто на одномъ

берегу Минчіо и къ Ровербеллѣ и Мармироло на другомъ, и былъ въ тоже время близко къ арміи, осаждавшей Мантую.

Радецкій ограничился занятіемъ всѣхъ переправъ на Минчіо, отъ Сальонце до Валледжіо, армія его сдѣлала поворотъ къ Мантуѣ, и авангардъ ее сталъ арьергардомъ, такъ что Валледжіо и Кустоза составили переднюю ея линію.

XI.

Карлъ-Альбертъ получилъ 23 числа, въ Мармироло, первое извѣстіе объ отступленіи своихъ войскъ передъ Радецкимъ. Онъ немедленно отдалъ приказаніе 22 тысячамъ человѣкъ двинуться къ Виллафранкѣ, отозвалъ изъ Говерноло пять тысячъ человѣкъ, которые должны были не скоро прійти, и оставилъ на мѣстѣ войска, стоявшія противъ Мантуи на правомъ берегу Минчіо. На военномъ совѣтѣ, бывшемъ утромъ 24 числа, планъ дѣйствія былъ быстро составленъ: ударить въ тылъ австрійской арміи, отрѣзать ее отъ Вероны, быстро аттаковать ее въ Валледжіо, Кустозѣ, Сомма-Кампаньѣ, и, овладѣвъ этими позиціями, отбросить ее на правый берегъ; затѣмъ энергически преслѣдовать ее и уничтожить или заставить сдаться на капитуляцію. Планъ этотъ долженъ удасться, если король призоветъ всѣ свои войска, оставленныя на правомъ берегу, вокругъ Мантуи. Если Соннацъ, увѣдомленный вовремя, поспѣетъ соединиться съ нимъ, тогда король въ свою очередь долженъ захватить войска Радецкаго и окружить ихъ. Бава получилъ команду надъ войсками.

24 числа, въ 2 часа по полудни, движеніе войскъ, сосредоточенныхъ въ Виллафранкѣ, происходитъ съ быстротою и въ совершенномъ порядкѣ. Девять тысячъ человѣкъ подъ командою герцога Савойскаго двигаются на Кустозу; герцогъ Генуэзскій съ 5,000 идетъ противъ Сомма-Кампаньи. Пять тысячъ человѣкъ остаются въ резервѣ; двѣ тысячи охра-

няютъ лагерь у Виллафранки. Итальянцы бросаются и отнимаютъ у изумленныхъ австрійцевъ занятыя ими высоты. Отчаянная битва завязывается въ долинѣ Стафалло, между Кустозой и Соммa-Кампаньей, съ бригадою Зимбшена, которая дерется съ равною храбростью, но послѣ невѣроятныхъ усилій отступаетъ и разсѣивается; тысяча двѣсти плѣнныхъ, два знамени, 500 убитыхъ остаются въ рукахъ итальянцевъ. Остатки этой бригады удаляются въ безпорядкѣ, чтобы соединяться съ главными австрійскими силами. Герцогъ Генуэзскій съ своей стороны овладѣлъ Сомма-Кампаньей и заставилъ австрійцевъ, бросившихся на этотъ пунктъ, укрыться въ Веронѣ. Успѣхъ этотъ воспламенилъ армію и подалъ королю надежду на рѣшительную побѣду. Ему уже представлялось, что непріятель будетъ завтра отброшенъ за Минчіо, отрѣзанъ отъ Вероны и обращенъ въ рѣшительное бѣгство.

XII.

Бава отдаетъ приказанія на утро 26 числа, съ цѣлью окончить дѣло столь счастливо начатое. Бригада Аоста должна непосредственно двинуться на Валледжіо, въ то время какъ дивизія герцога савойскаго, спустившись съ высотъ, окружающихъ Стафалло, должна соединиться съ ней, слѣдуя по направленію холмовъ. Четвертая дивизія, подъ начальствомъ герцога генуэзскаго, должна спуститься изъ Сомма-Кампаньи къ Оліози, чтобъ вслѣдъ за тѣмъ аттаковать мостъ, построенный австрійцами у Саліонце на Минчіо. Сардинской арміи приходилось такимъ образомъ держаться около Валледжіо. Бава предупреждаетъ Соннаца помочь ему въ исполненіи этого плана диверсіей на правый берегъ Минчіо.

Неудобства этого плана заключались въ томъ, что поворотное движеніе арміи опиралось на пунктъ, занятый непрія-

телемъ. Бава надѣялся устранить это неудобство быстрымъ движеніемъ на Валледжіо. Со взятіемъ этого пункта побѣда становилась несомнѣнною. Радецкій видитъ себя въ опасности; онъ съ необыкновенною проницательностью угадываетъ планъ непріятеля. У короля сосредоточены всѣ его силы, — тѣмъ большее пораженіе ожидаетъ его. Радецкій мгновенно и хладнокровно отдаетъ приказанія и приготовляется къ дѣлу: онъ отзываетъ войска, перешедшія Минчіо; для сбереженія мостовъ у Саліонце и Монцамбано оставляетъ только самое необходимое число войскъ; дивизія, защищающая Валледжіо и Боргетто, усиливается, корпусъ подъ командою д'Аспра располагается противъ Сомма-Кампаньи и Кустозы; резервный корпусъ — въ Оліози; Пескьеру окружаютъ войска Турна; изъ Вероны призывается бригада и даже изъ Леньяно батальоны. Эти различныя позиціи поддерживаетъ искусно расположенная артиллерія.

XIII.

25 числа въ девять часовъ утра, при палящихъ лучахъ солнца, король, во главѣ бригады Аоста, поддерживаемый многочисленною артиллеріею, начинаетъ битву энергической аттакой Валледжіо. Завязывается ожесточенная борьба; обѣ арміи отличаются храбростью; съ обѣихъ сторонъ падаютъ убитые и раненные, но неизвѣстно кто будетъ побѣдителемъ. Сонназъ, удерживаемый плохимъ состояніемъ своихъ войскъ, обезсиленный битвою и двухдневною тревогой, не является на поле сраженія. Герцоги Савойскій и Генуэзскій, задержанные недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, медленно вступаютъ въ дѣло и вмѣсто того чтобы аттаковать, ихъ самихъ аттакуютъ. Герцогъ Генуэзскій только съ четырьмя тысячами человѣкъ занимаетъ Беретару и храбро принимаетъ натискъ. Австрійцы едва не сбиваютъ итальянцевъ съ позиціи, но итальянцы

яницы три раза отражаютъ ихъ штыками. Герцогъ Савойскій, находясь въ центрѣ, долженъ былъ спуститься къ Валледжіо; онъ находитъ удачную минуту дѣйствовать на этотъ пунктъ одною изъ своихъ бригадъ, остальная часть его войска храбро отстаиваетъ Кустозу, противъ которой стоитъ д'Аспръ. Въ Кустозѣ должна была рѣшиться участь битвы. Король ослабляетъ свои силы въ безполезной аттакѣ противъ Валледжіо. Итальянцы безпрестанно отбиваютъ д'Аспра отъ Кустозы; тотъ кто завладѣетъ этимъ пунктомъ, за тѣмъ останется поле битвы. Въ такую критическую минуту король и генералъ Бава не съумѣли распорядиться своими резервами, которые слѣдовало или призвать къ себѣ на помощь, или усилить ими войска герцоговъ, нуждавшіяся въ подкрѣпленіи. Было уже пять часовъ вечера. Д'Аспръ, отбитый нѣсколько разъ, удвоиваетъ свои усилія и овладѣваетъ наконецъ высотами Кустозы.

Бава, видя что центръ его слабѣетъ, рѣшается отступить. Отступленіе происходитъ медленно и въ полномъ порядкѣ подъ прикрытіемъ артиллеріи и конницы. Армія вступила въ восемь часовъ вечера въ Виллафранку, потерявъ 1500 человѣкъ. Столько же потеряли австрійцы. Съ обѣихъ сторонъ плѣнныхъ не оказалось. Король, принцы, генералы и солдаты были одинаково храбры, всѣ они остались вѣрны своему долгу. Недостатокъ припасовъ былъ очень чувствителенъ для итальянцевъ. Изъ 70 тысячъ человѣкъ ихъ арміи только 22 участвовали въ дѣлѣ. Радецкій, оставшійся побѣдителемъ, не считалъ нужнымъ преслѣдовать непріятеля.

XIV.

Не столько самое пораженіе при Кустозѣ, сколько его послѣдствія были гибельны для итальянской арміи. Пьемонтцы, имѣвшіе до сихъ поръ преимущество во всѣхъ дѣлахъ съ

австрійцами, съ этихъ поръ потеряли вѣру въ себя и этимъ ослабили себя. Король и его совѣтники генералы должны были горько сожалѣть о своей ошибкѣ, которая заключалась въ томъ, что они слишкомъ на большомъ пространствѣ разбросали свои войска; между прочимъ было несомнѣнно, что еслибы они сосредоточили въ Кустозѣ всѣ 50 тысячъ своего войска, то могли бы уничтожить австрійцевъ и, вмѣсто жестокаго пораженія, одержать надъ ними рѣшительную побѣду.

Положеніе итальянской арміи въ Виллафранкѣ было очень опасно, вслѣдствіе чего король приказалъ начать отступленіе. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, армія двинулась къ Роверbеллѣ и Мармироло, не преслѣдуемая непріятелемъ. Къ полудню 26 числа всѣ дивизіи были сосредоточены въ Гоито, впереди дивизіи Соннаца и Висконти, сзади, къ Мантуѣ, дивизіи Феррере и Перроне.

Радецкій, возвращаясь къ своему первоначальному плану, переправился съ своей арміей черезъ Минчіо у Валледжіо, Боргетто, Монцамбано и Саліонце, имѣя въ тылу Пескьеру и расположивъ свою армію на верхнемъ Минчіо; Карлъ-Альбертъ занималъ нижній Минчіо. Это двойное движеніе поставило итальянскую армію между Гоито и Мантуей, австрійскую — между Валледжіо и Пескьерой; обѣ арміи имѣли позади себя укрѣпленную непріятельскую позицію.

Соннацъ, введенный въ заблужденіе неудачнымъ распоряженіемъ, долженъ былъ съ большимъ сожалѣніемъ покинуть свою позицію у Вольты, которая, какъ мы уже сказали, составляется цѣпью холмовъ, идущихъ вдоль лѣваго берега Минчіо. Расположенная между Валледжіо и Гоито, Вольта была самымъ важнымъ пунктомъ позиціи, а потому Радецкій быстро овладѣлъ ею. Карлъ-Альбертъ и Бава очень жалѣли, что не могли ее сохранить. Король, не желая дать австрійцамъ времени укрѣпиться въ Вольтѣ, приказалъ Соннацу отнять ее у нихъ.

XV.

Съ наступленіемъ ночи, 26-го же числа, Соннацъ подошелъ къ подошвѣ возвышенности Вольты, защищаемой бригадой втораго корпуса подъ командой Лихтенштейна. Савойская бригада смѣло идетъ на приступъ и подъ картечнымъ огнемъ бросается въ штыки на непріятеля, достигаетъ вершины возвышенности и овладѣваетъ нѣсколькими домами. Наступаетъ ночь, ружейные выстрѣлы и артиллерійскій огонь одни освѣщаютъ битву. Въ потьмахъ завязывается рукопашная схватка; въ этой общей, ужасной свалкѣ не различаютъ своего отъ чужаго; съ обѣихъ сторонъ мужество одинаковое. Чтобы сохранить эту важную позицію, д'Аспръ посылаетъ подкрѣпленіе за подкрѣпленіемъ и Радецкій готовитъ всѣ свои силы. Соннацъ видитъ необходимость отступить. Бригада королевы приходитъ слишкомъ поздно. Итальянцы снова идутъ на приступъ и бросаются на непріятеля; король, вмѣсто того чтобы явиться на помощь со всею своею арміею, посылаетъ только одну дивизію. Итальянцы должны уступить передъ многочисленностью и послѣ отчаянной рѣзни отступаютъ. Австрійская кавалерія хочетъ преслѣдовать ихъ и обратить въ бѣгство, но итальянская кавалерія, отлично дравшаяся въ продолженіе всей кампаніи, защищаетъ отступленіе блестящей аттакою. Двѣ тысячи итальянцевъ и австрійцевъ остаются на полѣ битвы.

XVI.

Какъ ни блестяща была эта битва, но пораженіе было весьма тягостно. Деморализація овладѣла самыми храбрыми, а унынie трусами, люди впадали въ самую жалкую слабость, въ войскахъ открылось бѣгство. Дурно организованная ин-

тендантская часть была причиной недостатка припасовъ: изнуренные солдаты не могли поправить своихъ силъ; поставщики провіанта отъ страху бѣжали; безпорядокъ былъ вездѣ. Предъ смущенными итальянцами Радецкій являлся угрожающимъ своей побѣдоносной арміей; отовсюду слышались жалобы, стоны. — Страшныя сцены человѣческаго ничтожества! Всѣ лица были мрачны, сердца — поражены отчаяніемъ, даже самые плѣнные — плоды успѣха — становились въ тягость и казались какою то насмѣшкою судьбы. Генералы не знали чѣмъ оправдать свое пораженіе, они проклинали интендантство, взаимно обвиняли себя въ сдѣланныхъ и не сдѣланныхъ ошибкахъ, и такимъ образомъ подчинялись слѣдствіямъ общаго отчаянія.

Армія, не считая бѣглыхъ, убитыхъ, раненныхъ, все еще состояла изъ 45,000 человѣкъ; полевая артиллерія еще не была въ дѣлѣ, осадная артиллерія была оставлена въ Пескьерѣ. Король просилъ совѣта у своихъ генераловъ, чтобы знать на что рѣшиться. Ему посовѣтовали просить у Радецкаго перемирія, съ обѣщаніемъ удалиться за Огліо. Огорченный король принялъ этотъ совѣтъ. Радецкій объявилъ свое согласіе, но съ условіемъ, чтобы итальянцы удалились за Адду, отдали всѣ укрѣпленныя мѣста, покинули герцогства и возвратили плѣнныхъ.

Возмущенный такими требованіями, Карлъ-Альбертъ отвергъ ихъ съ негодованіемъ. Въ несчастномъ положеніи, въ которомъ онъ находился, ему или не слѣдовало просить перемирія, или же онъ долженъ былъ имѣть твердость принять условія Радецкаго. Тогда бы ему не пришлось жертвовать Миланомъ.

XVII.

Король удалился изъ Гоито 27-го вечеромъ; 28-го онъ расположилъ въ Боццоло свою главную квартиру. Отсюда онъ

обратился къ арміи съ прокламаціей, чтобы объяснить свое пораженіе, причину котораго онъ находилъ въ лишеніяхъ и страданіяхъ арміи, причиненныхъ недостаткомъ припасовъ. Онъ объявилъ также о предложеніи перемирія и объ отверженіи имъ условій этого перемирія, отъ котораго каждый долженъ бы былъ краснѣть. Король призываетъ всѣхъ итальянцевъ къ оружію, обращаясь уже слишкомъ поздно къ возбужденію революціоннаго энтузіазма, который онъ такъ стремился подавить.

Въ этой прокламаціи выражались всѣ душевныя страданія, вся нравственная пытка этого несчастнаго государя. Онъ, такъ высоко поднявшій свой мечь, долженъ былъ такъ низко его опустить! Онъ, умоляющій о перемиріи, на которое нѣсколько дней тому назадъ смотрѣлъ съ такимъ пренебреженіемъ! Армія его, до сихъ поръ побѣдоносная, сегодня побѣждена! Порывы радости смѣнились отчаяньемъ, побѣдныя пѣсни — жалобами на пораженіе; клики восторга смѣнились воплями и ропотомъ. На долю его храбрыхъ солдатъ, легшихъ на полѣ битвы, остались раны и пролитая кровь, а австрійцамъ — побѣдный вѣнецъ, котораго онъ такъ добивался. А что станется съ этой несчастной Италіей, Италіей, которая несчастнѣе его самаго? Что скажетъ онъ Милану, Венеціи, Турину? Съ какою рѣчью обратится онъ къ своимъ народамъ, которые спросятъ его о своей судьбѣ, имъ загубленной, объ обезславленномъ знамени? Франція, Германія и вся Европа видятъ картину его паденія. Какое униженіе, какой стыдъ! Карлъ-Альбертъ выпивалъ по каплѣ горькую чашу, но она еще не была выпита до дна.

XVIII.

Изъ Боццоло король и генералы отправились въ Кремону, куда и прибыли 30-го. Отсюда уже они не знали куда

идти. Переправиться ли имъ чрезъ По и двинуться въ герцогства; сосредоточиться ли у Пьяченцы или Павіи; возвратиться ли въ Піемонтъ, опираясь на Александрію, или же броситься снова въ Ломбардію, защищать линію Адды, прикрытую крѣпостями Пиццигеттоне и Лоди, но которую трудно будетъ защищать побѣжденной арміи? Слѣдовало ли имъ наконецъ стараться прикрыть Миланъ?—Король рѣшился на это послѣднее дѣйствіе. 31-го числа онъ вышелъ изъ Кремоны, тѣснимый австрійскимъ авангардомъ, съ которымъ итальянскій аррьергардъ обмѣнялся нѣсколькими пушечными выстрѣлами. 1-го августа попробовали занять позицію на Аддѣ, но вслѣдствіе какого то упорнаго фатализма, а можетъ быть отъ какой нибудь непонятной небрежности, армія снова осталась безъ провіанта и боевыхъ запасовъ и не могла сопротивляться непріятелю, переходившему Адду въ тотъ же день. Дивизія, на которую было сдѣлано неожиданное нападеніе, бросилась къ Пьяченцѣ и отдѣлилась отъ арміи.

Маршалъ думалъ, что король отступилъ къ Пьяченцѣ и Павіи, единственной линіи, которую указывали ему стратегическія соображенія, и на основаніи этого соображенія онъ расположилъ свои войска. Узнавъ настоящее направленіе итальянской арміи, онъ повернулъ къ Лоди, куда и пришелъ 3-го августа съ тремя армейскими корпусами и двинулся къ Милану. Четвертый корпусъ завладѣлъ Павіей.

XIX.

До Милана дошли извѣстія о первыхъ пораженіяхъ арміи. Народонаселеніемъ внезапно овладѣли чувства и страсти, которыми проникаются народы въ годину несчастій. Сначала всѣ были удивлены и поражены, затѣмъ, печаль овладѣла болѣе слабыми, и только болѣе сильные высказали чувства, внушенныя великодушіемъ и энергическою рѣшимостью. Толпа

предавалась то внезапнымъ надеждамъ, то отчаянію, сомнѣнію и вѣрѣ въ невозможное, несбыточнымъ ожиданіямъ, призракамъ и печальнымъ истинамъ. Всевозможные разсказы, тысячи слуховъ, подтверждаемыхъ и опровергаемыхъ, множество самыхъ странныхъ тревожныхъ извѣстій, наконецъ самыя невѣроятныя фантазіи, которымъ предается человѣческій умъ и которыя на мгновеніе маскируютъ общественное несчастіе, но затѣмъ, когда падаетъ завѣса и является самая дѣйствительность, дѣлаютъ ее еще болѣе мрачною. „Заблужденіе было такъ велико, говоритъ Каттанео, что нѣкоторые утверждали, будто австрійская армія, вышедшая изъ Вероны, была съ одной стороны аттакована королемъ, съ другой—герцогомъ генуезскимъ, что она была окружена и отрѣзана и что три генерала взяты въ плѣнъ.“ Въ сосѣднемъ городѣ былъ задержанъ человѣкъ, первый принесшій извѣстіе о пораженіи при Кустозѣ. Но наконецъ нужно было открыть глаза народу, который все еще вѣрилъ въ свои прежнія мечтанія.

Самые рѣшительные люди потребовали отъ временнаго правительства, которое еще не подчинилось королевскимъ коммиссарамъ, принять мѣры общественной безопасности и сосредоточить всѣ дѣйствія въ рукахъ отвѣтственной власти. Временное правительство согласилось на эту мѣру. Образовалась коммиссія обороны изъ генерала Фанти, адвоката Рестелли и доктора Маэстри—людей благородныхъ и смѣлыхъ, которые немедленно принялись за дѣло. Они торопились вознаградить потерянное время и исполнить то, что слѣдовало давно сдѣлать, если бы умы не поддались излишней увѣренности въ піемонтскую армію, въ короля Карла-Альберта и въ несомнѣнность побѣды.

XX.

Коммиссія обороны возбуждаетъ ревность и въ этомъ ей помогаетъ генералъ Зуччи, назначенный 28-го іюля главнымъ

начальникомъ ломбардской національной гвардіи. Порро поручено снабженіе города провіантомъ, Баретта — снабженіе арміи, Джіулини — перевозка. Коммиссія обороны думаетъ о томъ, чтобы произвести выгодную для арміи диверсію, возбудивъ народонаселеніе къ возстанію, и такъ какъ ей кажется возможнымъ остановить непріятеля за линіей Адды, то для этого снаряжаются волонтерскія колонны, чтобы усилить волонтеровъ Дурандо. Дурандо получаетъ приказаніе растянуть свои войска между Бресчіей и Рокка-д'Анфо и безпокоить дивизію Турна, окружающую Пескьеру. Полковникъ Гриффини съ неограниченною властью отправляется въ Бресчію. Гарибальди во главѣ 3—4 тысячъ рѣшительной молодежи направляется къ Бергамо. Чернускій и Каттанео отправляются поддерживать, со свойственною имъ неутомимою ревностью, планы коммиссіи.

Гарибальди пріобрѣлъ славу въ Монтевидео блестящими подвигами въ войнахъ тѣхъ странъ. Предпріимчивый и отважный, онъ отличался въ средѣ самыхъ храбрыхъ. Онъ не могъ безъ трепета слышать призыва итальянцевъ къ оружію. „Я сражался — говоритъ онъ въ прокламаціи 28-го іюля къ молодежи, собравшейся къ его знамени — затѣмъ, чтобы прославить итальянское имя въ отдаленныхъ странахъ. Я поспѣшилъ изъ Монтевидео съ горстью храбрецовъ, чтобы споспѣшествовать завоеванію отечества, или умереть на итальянской землѣ.... Война усложняется, опасность увеличивается: къ оружію, молодежь! Италіи нужно десять, двадцать тысячъ волонтеровъ! Пойдемъ къ Альпамъ, покажемъ Италіи, что мы хотимъ побѣдить и что мы побѣдимъ!“ По возвращеніи своемъ въ Италію, Гарибальди предложилъ свои услуги Піемонту, но въ Туринѣ отъ нихъ отказались. Опасность призывала къ оружію всѣхъ гражданъ безъ различія; Гарибальди отдавалъ родинѣ свою опытность, извѣстность и жизнь: Миланъ принялъ ихъ.

Выступленіе изъ Милана самыхъ энергическихъ его защитниковъ было важною ошибкою, которую скоро замѣтили;

*

но уже было поздно, чтобы возвратить ихъ. Волонтеры думали, что сардинская армія въ состояніи защищать линію Адды. Они шли на встрѣчу бѣдствію, вмѣсто того чтобы избѣгать его. Адда не была защищена; а когда нужно было драться подъ стѣнами Милана, герои баррикадъ удалились, между тѣмъ они своимъ присутствіемъ могли бы воодушевить армію и сообщить ей пылъ своей молодости и своего патріотизма.

XXI.

Коммиссія обороны работаетъ безостановочно надъ организаціей сопротивленія непріятелю. Она призываетъ къ оружію всѣхъ безъ исключенія гражданъ отъ весемнадцати до сорока лѣтъ, мобилизируетъ часть національной гвардіи, раздѣляетъ городъ на отдѣльныя управленія, раздаетъ оружіе, приготовляетъ провіантъ, порохъ, патроны, призываетъ жителей къ землянымъ работамъ внѣ города, устраиваетъ внѣшнія укрѣпленія и укрѣпленный лагерь. Она призываетъ къ этой работѣ жителей, приглашаетъ купцовъ запасаться жизненными припасами, учреждаетъ совѣтъ для наказанія измѣнниковъ, предлагаетъ насильственный заемъ, собираетъ раціоны для арміи. „Было единогласно рѣшено военнымъ совѣтомъ, восклицаетъ коммиссія 30-го іюля, что Миланъ будетъ отчаянно сопротивляться. Воодушевимся энергіею и пылкостью нашихъ безсмертныхъ пяти дней. Воздвигнемъ новыя баррикады! Разорвемъ мосты, перерѣжемъ шоссе, улицы! Отдѣлимъ себя пустыней и разрушеніемъ отъ непріятеля! Покажемъ, что мы умѣемъ бороться съ несчастіемъ и что если насъ подавятъ болѣе могущественныя силы, то мы будемъ достойны помощи и сочувствія всей Европы!“

Коммиссія обороны взываетъ къ помощи духовенства, миланскаго архіепископа и всѣхъ ломбардскихъ епископовъ; она

проситъ ихъ обойти всѣ части города, всѣ казармы: „Убѣждайте, воодушевляйте, обращайтесь со святыми словами Бога, родины, народа! Ступайте на перевязочные пункты, въ госпитали, расточайте утѣшенія! Въ церквахъ болѣе посѣщаемыхъ проповѣдуйте священную войну, говорите о ней на площадяхъ, на дорогахъ; въ этомъ заключается священное право истины противъ насилія....“

Это благородное слово воодушевляетъ умы. Городъ вспоминаетъ свое прошедшее и считаетъ себя неприступнымъ. Окруженный австрійцами, овладѣвшими цитаделью и главными пунктами въ городѣ и его окрестностяхъ, Миланъ съумѣлъ сразиться и одержать побѣду. Теперь же непріятель внѣ города, національная гвардія занимаетъ цитадель и стѣны, жители стоятъ у баррикадъ. Король со своею арміею окружаетъ Миланъ. Соединенныя усилія національной гвардіи, жителей и арміи сразятъ непріятеля. Стратегіей не одолѣютъ патріотизма: Миланъ доказалъ уже это! Отъ чего же ему снова не доказать того же? — Таково мнѣніе народа, присутствующаго и съ неусыпною дѣятельностью помогающаго военнымъ приготовленіямъ.

XXII.

Такое же сильное движеніе было въ Туринѣ, Генуѣ и во всемъ Піемонтѣ. Перемѣна министерства произошла 28-го іюля, и новый совѣтъ, въ который вступилъ Джіоберти, провозгласилъ необходимыя мѣры для общественной безопасности: заемъ, поголовное ополченіе, покупка ружей во Франціи, снабженіе провіантомъ крѣпостей, посылка подкрѣпленій въ армію. Совѣтъ старается заглушить всеобщій ропотъ блестящимъ выраженіемъ своего патріотизма, признаніемъ опасности заставляетъ умолкнуть оппозицію, и своею энергическою дѣятельностью уничтожаетъ безпокойное движеніе. Въ заключеніе онъ

требуетъ отъ палаты представителей и сената диктатуру для короля. Палата уступаетъ на призывъ къ общественной безопасности и 29-го іюля большинствомъ девяноста трехъ голосовъ противъ трехъ, и при сорока трехъ неподанныхъ голосахъ повелѣваетъ: „передать правительству короля исполнительную и законодательную власть на все время войны за независимость; уполномочить его съ этихъ поръ посредствомъ обыкновенныхъ королевскихъ декретовъ и подъ отвѣтственностью министровъ (не нарушая конституціонныхъ учрежденій) объявлять всѣ необходимыя мѣры для защиты страны и ея учрежденій.“ Сенатъ вотировалъ въ томъ же смыслѣ 2-го августа. Созваніе парламента было отложено до 15-го сентября.

XXIII.

27 іюля объявлено было декретомъ, что предложеніе депутатовъ о немедленномъ соединеніи города Венеціи съ ея областью было принято. Городъ Венеція и область, съ Сардиніей и другими соединенными уже государствами, составляли одно королевство, на условіяхъ, заключающихся въ законѣ о присоединеніи Ломбардіи.

Въ положеніи, въ которомъ находился Піемонтъ, король и армія, — правительство не ограничилось однимъ только объявленіемъ присоединенія Венеціи къ Савойской коронѣ, но послало тотчасъ же коммиссаровъ для управленія Венеціей и приведенія въ исполненіе декрета.

XXIV.

Сверхъ того, сардинское правительство еще не приняло на себя власти въ Миланѣ, гдѣ до сихъ поръ дѣйствовало временное ломбардское правительство. Вдругъ, 2 ав-

густа, оно издаетъ въ Миланѣ прокламацію, удивившую жителей; въ ней сказано, что „генералъ-лейтенантъ Оливьери, прибывшій утромъ вмѣстѣ съ королевскими коммиссарами — докторомъ Тригелли и маркизомъ Мантиземоло, вступили въ свои должности, сообразно условіямъ протокола 13 іюня, измѣненнаго сардинскими палатами съ согласія уполномоченныхъ временнаго правительства. Временное правленіе, оставляя свои прежнія обязанности, получаетъ характеръ чрезвычайнаго совѣта, имѣя совѣщательный голосъ при составленіи политическихъ и торговыхъ трактатовъ и въ законодательной власти. Такимъ образомъ соединеніе совершилось какъ передъ глазами непріятеля, такъ и передъ лицомъ всей Европы.“

Въ тотъ же день генералъ Оливьери появился на балконѣ дома правленія, сказалъ народу нѣсколько словъ касательно своихъ обязанностей и обязанностей своихъ товарищей въ этихъ важныхъ обстоятельствахъ, и объявилъ о прибытіи піемонтской арміи, вновь устроенной и полной энергіи для защиты города.

Возникшее среди баррикадъ мартовскихъ дней, временное ломбардское правительство пало среди опасности, въ ту минуту, когда нужно было возобновить баррикады для общественной безопасности. Оно покорилось своей судьбѣ. Оно само отдалось въ чужія руки и ему оставалось только опуститься въ могилу, которую оно себѣ искало. Со сложенными руками и смертью въ груди оно должно было присутствовать при раздирающемъ сердце зрѣлищѣ агоніи своего отечества.

XXV.

Какая цѣль заключалась въ этомъ завладѣніи in extremis? Та ли, чтобы насладиться одной минутой обаянья обширной монархіи, или та, чтобы, сосредоточивъ въ рукахъ Кар-

ла-Альберта всеобщую диктатуру, однимъ движеніемъ геройскаго отчаянія возвысить униженное знамя и счастье Италіи?

Какъ бы то ни было, но положеніе дѣлъ было ясно. Король Піемонта, Сардиніи, Савойи, Генуи, — Карлъ-Альбертъ провозглашенъ королемъ Модены, Пармы и Пьяченцы, Ломбардіи и Венеціи. Король прибылъ въ Миланъ 3 августа, за нимъ пришла его армія. Депутація отъ парламента спѣшитъ представить ему послѣдніе декреты, которыми даруются ему и новыя короны и диктатура. Въ виду того что совершается, народъ не сомнѣвается въ своей рѣшимости сражаться до послѣдняго издыханія. За паническимъ страхомъ трусливыхъ послѣдовало воодушевленіе храбрыхъ. Вечеромъ того же дня окна блистательно освѣщены. На улицахъ раздаются воинственныя пѣсни и народныя аріи. У дверей домовъ и дворцовъ развѣваются трехцвѣтныя знамена. Миланъ готовится къ борьбѣ.

XXVI.

Но мечты эти разсѣялись на другой день. Карлъ-Альбертъ, этотъ храбрый солдатъ, потерялъ свою энергію; армія, столь мужественная, потеряла свою силу. Изъ семидесяти тысячъ человѣкъ насчитываютъ только двадцать пять съ кавалеріей, пѣхотой и артиллеріей. Одна дивизія пошла къ Пьяченцѣ. Большой артиллерійскій паркъ направленъ былъ на Мортару. Остальная армія разсѣялась. Множество бѣглецовъ расходится по дорогамъ и распространяютъ вездѣ ужасъ и отчаяніе. Провіантская часть, оставленная большею частью на попеченіе неспособныхъ и испуганныхъ чиновниковъ, ведется машинально и какъ попало. Лучшіе солдаты, устоявшіе послѣ битвъ и окружающіе свои знамена, „устали, изнурены, умираютъ съ голоду, едва стоятъ на ногахъ.“ *) Эти славныя развалины,

*) Извлеченіе изъ рапорта.

испытанныя въ бояхъ, подавленныя несчастьемъ, казалось ожили при мысли о защитѣ Милана. Отряды волонтеровъ и гражданской стражи увлекаютъ ихъ еще болѣе. Переформированные батальоны стягиваются, занимаютъ позицію въ полумилѣ предъ стѣнами и развертываются полукругомъ, упираясь правымъ крыломъ въ церковь Росса и въ Новигліо-ди-Павіа, центромъ — въ Вигентино и въ Гамболоита, лѣвымъ крыломъ — въ восточныя ворота. Опущенныя головы поднимаются при видѣ непріятеля, который не медлитъ своимъ появленіемъ.

Радецкій во главѣ тридцати пяти тысячной арміи является утромъ 4 числа. Первый корпусъ располагается по дорогѣ изъ Лоди, второй противъ Вигентино, за нимъ слѣдуетъ резервъ; чѣтвертый корпусъ ожидаютъ изъ Павіи. Двадцать пять тысячъ итальянцевъ, опираясь на городъ и имѣя за собою жителей и помощь, могутъ противостоять тридцати пяти тысячамъ австрійцевъ; но итальянская армія была въ томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ мы ее писали. Австрійская армія, напротивъ того, была въ отличномъ порядкѣ, имѣя въ избыткѣ и хорошо распредѣленные съѣстные припасы, гордая своими успѣхами, убѣжденная въ побѣдѣ, жаждущая овладѣть этимъ городомъ, изъ котораго она была такъ позорно изгнана.

При такихъ роковыхъ обстоятельствахъ, 4 числа въ одинадцать часовъ утра, началось сраженіе. Австрійцы произвели жаркую аттаку. Піемонтцы дрались съ обычною храбростью, никогда не покидавшею ихъ и пережившую ихъ несчастія. Жители Милана дѣйствовали съ энергіей людей, защищающихъ свое родное пепелище. Съ той и другой стороны падали убитые и раненные и исходъ сраженія былъ нерѣшителенъ до тѣхъ поръ, пока резервный непріятельскій корпусъ не аттаковалъ крыла піемонтской бригады, которая должна была уступить, оставивъ въ рукахъ австрійцевъ своихъ плѣнныхъ и одну

баттарею. Было три часа, когда піемонтцы отошли къ стѣнамъ Милана.

XXVII.

Съ самаго утра народъ въ истерпѣніи, раздраженный до крайности, громко требовалъ постройки баррикадъ и набата. Напрасно коммиссія обороны еще наканунѣ просила генерала Оливьери сдѣлать распоряженіе въ этомъ смыслѣ. Генералъ отвѣчалъ, что баррикады будутъ мѣшать дѣйствію артиллеріи и что этотъ способъ сражаться безполезенъ тамъ, гдѣ есть регулярная армія. Узнавши же, что армія отошла къ стѣнамъ, коммиссія не колеблется болѣе, и, принявъ мужественную иниціативу, даетъ ожидаемый сигналъ. Во всѣхъ церквахъ раздается набатъ; съ барабаннымъ боемъ смѣшивается стукъ взламываемой мостовой и разныхъ нагромождаемыхъ предметовъ и звонъ раздаваемаго жителямъ оружія. Женщины, дѣти, старики работаютъ на баррикадахъ. Національная гвардія собирается въ своихъ частяхъ города, распредѣляетъ патроны, заряжаетъ ружья. Вспоминая пять мартовскихъ дней, каждый возвращается къ своему прежнему посту, гдѣ его ждутъ слава и опасности; во всемъ этомъ выражается отчаяніе патріотизма. Самъ король чувствуетъ увлеченіе и воодушевленный этимъ всеобщимъ патріотизмомъ, думаетъ отдавать приказанія для защиты города. Дома предмѣстій мѣшаютъ артиллерійскому огню; но сами домохозяева зажигаютъ ихъ, и зарево пожара среди наступающей ночи возвѣщаетъ послѣднія приготовленія къ отчаянной защитѣ.

XXVIII.

Въ это время король собираетъ свѣдѣнія о количествѣ съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ. Но на сколько

времени достанетъ того и другаго, — обстоятельно это остается неразъясненнымъ. Одни увѣряли, что городъ достаточно снабженъ провіантомъ и военными снарядами, что муки достанетъ на восемь дней, хлѣбныхъ зеренъ на двѣ недѣли, что дальнѣйшее продовольствіе будетъ получаться изъ окрестностей; что боевыхъ патроновъ на лицо полтора милліона, что городской пороховой заводъ можетъ доставлять неисчерпаемый запасъ пороху; что наконецъ времени было еще довольно для полученія подкрѣпленій изъ Піемонта, призванія десяти или пятнадцати тысячъ волонтеровъ, удалившихся изъ Милана, а въ случаѣ надобности, можно будетъ даже обратиться къ помощи французской арміи, стоящей у Альповъ. Другіе же предполагали, что короля увѣрили, будто провіанту и припасовъ станетъ не болѣе какъ на два или на три дня.

Въ такомъ крайнемъ положеніи Карлъ-Альбертъ созвалъ военный совѣтъ. Миланъ, по мнѣнію генераловъ, не могъ долго сопротивляться. Было доказано, что армія, разбитая на Адижѣ, не могла укрѣпиться ни на одномъ пунктѣ Ломбардіи. Единственная оборонительная линія находилась между Пьяченцой, Александріей и Генуей. Городъ ничѣмъ не защищенный не могъ сопротивляться болѣе сорока восьми часовъ непріятелю, не разбиравшему никакихъ средствъ разрушенія. Слѣдовательно Миланъ долженъ быть преданъ безъ всякой пользы осадѣ, грабежу и уничтоженію. Если итальянская армія, ничѣмъ не поддержанная, будетъ снова побѣждена, тогда австрійскія войска ворвутся въ Піемонтъ. Гораздо лучше было бы сохранить для Сардиніи и Италіи ея солдатъ и остатки средствъ для будущаго, въ которомъ не надобно было отчаиваться. Эти совѣты осторожныхъ людей подѣйствовали на короля.

Ночью генералы Росси и Лаццари были посланы парламентерами въ лагерь Радецкаго; капитуляція была заключена на слѣдующихъ основаніяхъ: городъ, граждане и ихъ

имущество будутъ пощажены; отступленіе піемонтской арміи произойдетъ въ два дневныхъ перехода; до слѣдующаго дня позволяется безпрепятственный выходъ жителямъ, желающимъ покинуть городъ. Съ своей стороны, австрійскій главнокомандующій займетъ въ 6 часовъ утра римскія ворота, а къ полудню вступитъ въ городъ.

XXIX.

Съ ранняго утра, 5-го числа, національная гвардія стояла на стѣнахъ, народъ охранялъ баррикады, вездѣ готовились къ сопротивленію, выжидали, прислушивались. Но вмѣсто пушечнаго грома разнесся неопредѣленный слухъ о капитуляціи; всѣ разспрашиваютъ другъ друга съ безпокойствомъ, говорятъ, что король призывалъ къ себѣ муниципалитетъ, чтобы сообщить ему результатъ ночныхъ переговоровъ и что генералы вступили въ объясненія съ комитетомъ обороны, чтобы дать ему понять основанія этихъ переговоровъ. Первыхъ принесшихъ эти странныя вѣсти считаютъ клеветниками; всѣ отказываются вѣрить этимъ обвиненіямъ, выдуманнымъ будто злонамѣренными людьми. Но сомнѣніе вскорѣ разсѣялось. Протестація, подписанная двумя членами временнаго правительства, превращеннаго въ совѣщательный комитетъ, раскрываетъ горькую истину: одни, изумленные, безмолвно соглашаются въ своемъ испугѣ на все, что спасетъ ихъ отъ ужаса грабежа и разоренья; но энергическими людьми, героями мартовскихъ дней овладѣваетъ бѣшенство: они отвѣчаютъ на эти переговоры криками негодованія и проклятія. Они проклинаютъ предательскую судьбу, короля, который имъ измѣняетъ, бѣгаютъ по городу какъ бѣшенные, потрясая своимъ оружіемъ и разбивая его о камни, раздираютъ на себѣ платье, бьютъ стѣны, стонутъ, плачутъ, взываютъ къ смерти, призываютъ

къ оружію, бросаются въ остервененіи во дворецъ Гриппи, изъ котораго Карлъ-Альбертъ собирается выѣхать, отпрягаютъ лошадей, захватываютъ и разбиваютъ его экипажи; неясныя слова „измѣна, позоръ, смерть австрійцамъ! къ оружію!“ доносятся до слуха короля. Народъ вызываетъ короля — и онъ является.

Карлъ-Альбертъ, томимый терзающими его чувствами, старается разсѣять толпу и усмирить бурю. Онъ выражаетъ свою печаль, грустную необходимость подчиниться невыгодному положенію и невозможность продолжать защиту. Онъ хочетъ пощадить жизнь народа, спасти Миланъ отъ пожара. Онъ исполнилъ свой долгъ короля и военноначальника. Но слова его принимаются съ сомнѣніемъ и ропотомъ, поражающимъ сердце Карла-Альберта. „Въ такомъ случаѣ, восклицаетъ онъ, если эти условія вамъ не нравятся, постарайтесь добиться другихъ, которыя были бы для васъ полезнѣе, и если вы во что бы то ни стало не хотите сдаться, то я остаюсь съ вами и готовъ быть погребеннымъ въ развалинахъ вашего города.“

При этихъ словахъ раздраженіе утихаетъ: одни, удовлетворенные ими, удаляются въ надеждѣ на безпощадную войну; другіе, болѣе недовѣрчивые, падаютъ духомъ, не зная какъ быть и что дѣлать. Новое объявленіе Гг. Литта и Анелли сообщаетъ народу обѣщаніе короля въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „ Король далъ честное слово, которое готовъ поддержать своею жизнью, что онъ со всею своею арміею готовъ сражаться до послѣдней крайности.“

XXX.

Но армія деморализуется и теряетъ присутствіе духа; солдаты, повинуясь вѣроятно отданнымъ прежде приказаніямъ,

оставляютъ бульвары и дѣлаютъ отступленіе. Архіепископъ, подеста и два другихъ гражданина, считая защиту города невозможною, отправились въ лагерь Радецкаго и подписали новое соглашеніе, на прежнихъ условіяхъ, ратификованныхъ уже за короля начальникомъ главнаго штаба. Въ эту минуту народомъ овладѣло самое жестокое отчаянье: быть оставленнымъ на жертву австрійцамъ, кроатомъ — казалось ему ужаснѣе смерти. Офицеры, со слезами на глазахъ, стараются успокоить, удержать народъ; нѣкоторые изъ нихъ, мучимые стыдомъ, срываютъ съ себя эполеты, другіе, увлеченные общимъ волненіемъ, объявляютъ, что они готовы драться и умереть съ народомъ. Вдругъ толпа, какъ будто въ какомъ нибудь помѣшательствѣ, возвращается опять къ дворцу и окружаетъ его баррикадами. Медленно наступающая ночь скрываетъ своимъ сумракомъ страшную сцену: раздаются крики, угрожающіе смертью Карлу-Альберту, въ окна дворца летятъ пули въ отвѣтъ на выстрѣлы часовыхъ, которые хотятъ отодвинуть толпу отъ дворца; нѣкоторые пытаются проникнуть во внутренность дворца, собираются поджечь его и предать городъ огню, чтобъ оставить Радецкому одни развалины. Подъ прикрытіемъ темноты совершаются всякія преступленія, но она же покровительствуетъ и бѣгству. Войска ушли уже далеко, когда Ла Мармора спустился съ балкона, чтобы стать во главѣ отряда карабинеровъ и стрѣлковъ и освободить короля. Подавленный, измученный, Карлъ-Альбертъ удаляется черезъ ворота Верчеллина съ двумя сыновьями и главнымъ штабомъ, провожаемый ружейными выстрѣлами, набатнымъ звономъ, криками ярости и проклятіями.

Четыре мѣсяца назадъ Карлъ-Альбертъ думалъ войти въ Миланъ, окруженный почестями тріумфатора и выраженіями общественной признательности, теперь онъ пришелъ въ него только для того, чтобы испытать ужасное нравственное терзаніе и показать свѣту новый примѣръ измѣнчивости народа,

который льститъ успѣху и вѣнчаетъ его, но не прощаетъ несчастью.

Несомнѣнно, что король хотѣлъ спасти Миланъ, такъ точно какъ желалъ освободить Италію, но его сторонники никогда не могли объяснить его врагамъ, какимъ образомъ онъ 3-го числа занялъ Ломбардію черезъ посредство своихъ коммиссаровъ, чтобы въ ночь на 4-е предать ее австрійцамъ. Въ этомъ заключалась важная ошибка, не разъ служившая поводомъ къ обвиненію: его упрекали въ томъ, что онъ вступилъ во владѣніе Миланомъ, чтобы выкупить уступкою его свою армію и Сардинское королевство и что онъ предпочелъ скорѣе отдать Ломбардію Радецкому, чѣмъ предоставить ей свободу призвать французскую армію.

XXXI.

Въ роковую ночь 5 августа, вслѣдъ за выѣздомъ короля, жители Милана спѣшили также убраться изъ города. 6-го числа, на разсвѣтѣ этого дня скорби и печали, безчисленное множество жителей вышло изъ города до вступленія австрійской арміи; мужчины всѣхъ званій и состояній, женщины, дѣти, цѣлыя семейства, ограбленныя, опечаленныя, уносили съ собой одно только отчаянье; многіе изъ нихъ, никогда не выѣзжавшіе изъ своего роднаго города, покидали его для того, чтобы уйти въ страну изгнанія. Эта испуганная толпа выражала свои страданья стономъ и рыданьями; она тащилась по пыльнымъ дорогамъ, не зная куда идти и что ожидаетъ ее на другой день. Піемонтскіе солдаты, шедшіе тою же дорогою, тронутые сожалѣніемъ, покидали свои ряды, чтобы нести на своихъ рукахъ дѣтей и поддерживать дряхлыхъ стариковъ. Мученья этого народа, изнуреннаго войной, представляли самую раздирающую сердце картину.

Не менѣе сильна была печаль оставшихся жителей. Въ восемь часовъ австрійцы заняли римскія ворота. Миланцамъ сдѣлано было предостереженіе, чтобы они разрушили баррикады, сняли знамена, уничтожили малѣйшіе слѣды своей прежней независимости. Подъ вліяніемъ страха къ полудню была очищена площадь. Австрійцы вступили въ Миланъ съ развернутыми знаменами; они возвращались побѣдителями въ этотъ городъ, изъ котораго ихъ изгналъ патріотизмъ жителей и котораго не могла защитить цѣлая армія. Дома и лавки были заперты, улицы пусты, жителямъ, спрятавшимся въ домахъ, казалось, будто они находятся подъ вліяніемъ какаго то мучительнаго сновидѣнья. Кроаты торжествовали, и Радецкій, какъ неограниченный властитель, занялъ дворецъ. Право силы снова обнаружилось въ Миланѣ: австрійцы раскинулись лагеремъ среди улицъ, пушки были наведены на дома, городъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи.

XXXII.

6-го и 7-го числа піемонтская армія съ томительною тоскою перешла Тессинъ, черезъ который она нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ прошла съ такимъ энтузіазмомъ. Пѣсни смѣнились безмолвіемъ; блестящія демонстраціи исчезли, восторженныхъ криковъ болѣе не было слышно, праздненства были забыты; ружья опущены, знамена, изодранныя пулями, поникли къ землѣ. Но на гордыхъ лицахъ солдатъ, изнуренныхъ усталостью, видно было, что надежда на благородное отомщеніе не изгладилась изъ ихъ сердецъ.

По предварительному соглашенію, заключенному 8 августа, каждый итальянскій солдатъ и волонтеръ, а равно и австрійскій военноплѣнный имѣли право возвратиться въ свои полки или отправиться на родину.

9-го числа было заключено перемиріе на слѣдующихъ основаніяхъ:

Статья 1-я. Демаркаціонная линія между обѣими арміями будетъ границею обоихъ государствъ.

Статья 2-я. Крѣпости Пескьера, Рокка д'Анфо и Озопо будутъ очищены сардинцами и союзниками и заняты войсками его императорскаго величества. (Сообразно съ условіями для очищенія крѣпостей и возвращенія военныхъ запасовъ *).

Статья 3-я. Герцогства Парма и Модена и городъ Пьяченца съ частью земли, входящей въ составъ ея военной позиціи, будутъ также очищены войсками его величества короля сардинскаго спустя три дня по объявленіи этой конвенціи.

Статья 4-я. Настоящая конвенція распространяется на городъ Венецію и на венеціянскую провинцію. Сардинскія сухопутныя и морскія силы должны оставить городъ Венецію, ея сухопутныя войска могутъ совершить свое отступленіе этапами, по дорогѣ, которая будетъ имъ указана.

Статья 5-я. Частныя лица и ихъ имущества въ вышеозначенныхъ мѣстахъ поступаютъ подъ покровительство императорскаго правительства.

Статья 6-я. Настоящее перемиріе заключено на шесть недѣль, съ цѣлью начать переговоры о мирѣ; по окончаніи же срока, перемиріе можетъ быть возобновлено по общему соглашенію, а въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій должно послѣдовать объявленіе объ этомъ за восемь дней.

---

*) Возвращеніе каждой изъ этихъ крѣпостей должно произойти три дня спустя послѣ объявленія настоящей конвенціи. Военные запасы этихъ крѣпостей, принадлежащіе Австріи, будутъ возвращены. Выступающія изъ нихъ войска возьмутъ съ собою свои запасы, оружіе и одежду имъ принадлежащую и выйдутъ правильными этапами и кратчайшей дорогой во владѣнія его величества короля сардинскаго.

Статья 7-я. Съ обоихъ сторонъ будутъ назначены коммиссары для легчайшаго приведенія въ исполненіе вышеозначенныхъ уловій.

Въ главной квартирѣ, въ Миланѣ, 9 августа 1848 года.

Подлинное подписали:

Графъ Саласко,
Генералъ-лейтенантъ, начальникъ штаба сардинской арміи.

Гессъ,
Генералъ-лейтенантъ, генералъ-квартирмейстеръ австрійской арміи.

По приказанію короля:

Въ главной квартирѣ, въ Виджевано, 10 августа 1848 года.

Генералъ-лейтенантъ, начальникъ генеральнаго штаба,

Саласко.

Впослѣдствіи этотъ трактатъ былъ названъ по имени піемонтскаго генерала, который имѣлъ тяжелую обязанность формулировать его.

XXXIII.

Какъ только колонны волонтеровъ оффиціально узнали о сдачѣ Милана, они послѣдовательно отступили. Полковникъ Гриффини 12 числа покинулъ Бресчію съ 4 или 5000 человѣкъ, поднялся по долинѣ Огліо до Эдоло, перешелъ оттуда въ долину Адды, бросился 19 числа въ Граубюнденъ, прошелъ Швейцарію и вступилъ въ Піемонтъ.

Послѣ нѣсколькихъ славныхъ и счастливыхъ стычекъ, генералъ Дурандо подошелъ 12-го августа къ Бресчіѣ. Узнавъ о всемъ случившемся и объ отступленіи Гриффини, онъ, сообразно съ трактатомъ, сдалъ австрійцамъ Рокка д'Анфо, двинулся чрезъ Адро въ Брегамо и, послѣ свиданія въ

Мератѣ съ генераломъ д'Аспромъ, перешелъ 19-го августа Тессинъ со всѣми своими силами.

Генералъ Гарибальди двинулся со своею колонною въ Варезе, оттуда въ Кастеллето и наконецъ въ Арону. Здѣсь онъ завладѣлъ пароходами, плававшими по Лаго Маджіоре и высадился у Луино, находясь такимъ образомъ между Лаго Маджіоре и озеромъ Лугано, защищаясь съ тылу Швейцаріей. Аттакованный австрійцами въ Луино, Гарибальди мужественно отбросилъ ихъ. Два дня спустя онъ двинулся къ Арчизато, выславъ свой авангардъ до границы Мендризіотта. Этотъ авангардъ, окруженный превосходными силами, принужденъ былъ отступить въ Швейцарію. Гарибальди съ своими главными силами двинулся къ Сесто-Календе. Гавирате и Сесто-Календе были заняты австрійцами, и поэтому онъ направился на Муррацоне, куда и пришелъ 26 августа, въ часъ по полудни. Войска его, изнуренныя форсированными маршами и голодомъ, едва успѣли немного отдохнуть, какъ были сильно аттакованы тремя батальонами, одной баттарей и эскадрономъ кавалеріи. Застигнутыя въ расплохъ, осыпаемыя картечными выстрѣлами, онѣ бѣжали въ безпорядкѣ. Гарибальди съ нѣсколькими только волонтерами неустрашимо бросился на непріятеля, остановилъ его своимъ смѣлымъ движеніемъ и далъ время своимъ войскамъ опомниться и снова вступить въ битву. Послѣ четырехчасоваго сраженія австрійцы были отброшены. Съ наступленіемъ ночи Гарибальди приказалъ отступить. Изъ Мурацоне его колонны вступили въ Швейцарію. Онѣ послѣднія положили оружіе.

XXXIV.

Влѣдствіе странной случайности, въ одинъ и тотъ же день, 6-го августа, въ то время, когда побѣжденный Карлъ-Альбертъ переходилъ Тессинъ, а Радецкій торжественно вступалъ

въ Миланъ, — королевскіе коммиссары Колли и Чибраріо вступили отъ имени короля во владѣніе Венеціей. Въ силу закона, вотированнаго 27-го іюля сардинскимъ парламентомъ и рѣшенія 4 іюля, сдѣланнаго отъ имени города и провинціи Венеціи, представленнаго его величеству 12 числа, актъ соединенія Венеціи съ сардинскимъ королевствомъ, подписанный членами туринскаго правительства, былъ признанъ, одобренъ и подписанъ членами временнаго венеціянскаго правительства.

Инвеститура происходила 7 августа въ присутствіи гражданскихъ и военныхъ чиновъ. Трехцвѣтное знамя, украшенное савойскимъ крестомъ и львомъ св. Марка, было освящено. Вслѣдствіе отсутствія народа эта церемонія представляла простую административную формальность. Въ Венеціи еще не знали о послѣднихъ несчастіяхъ. Но извѣстіе о пораженіи сардинскихъ войскъ при Кустозѣ и Вольтѣ, сообщенное генераломъ Вельденомъ съ какимъ то самодовольствомъ, поселило въ умахъ безпокойство и сожалѣніе. Въ воздухѣ, казалось, висѣли тяжелыя тучи. Какая то принужденность давила всѣмъ сердце. Временное правительство, смѣнившее Манина, исполнило свою обязанность съ преданностью, не не могло осуществить ни одной надежды, возбужденной присоединеніемъ къ Піемонту.

Президентъ временнаго правительства Кастелли былъ причисленъ къ генералу Колли и Чибраріо въ качествѣ третьяго коммиссара. Они всѣ трое обратились къ народу съ прокламаціей, исполненной выраженіями самаго неподдѣльнаго патріотизма. Въ ней имя Карла-Альберта было соединено съ именами Венеціи и Италіи, въ ней онъ былъ съ признательностью провозглашенъ королемъ Италіи.

XXXV.

Но извѣстія все болѣе и болѣе тревожныя стали распространяться: 8, 9 и 10 числа новое правительство послѣдова-

тельно получило извѣстія о капитуляціи Милана и отступленіи арміи. Болѣзненно пораженное этими извѣстіями, оно старается скрыть ихъ отъ народа, само не желая вѣрить въ ихъ дѣйствительность; въ своей нерѣшительности оно не смѣетъ ни сознаться въ нихъ, ни молчать. Въ городѣ распространяются самые зловѣщіе слухи. Итинное положеніе дѣлъ освѣщается среди этого мрака неизвѣстности. Всѣ ожидаютъ большаго переворота, всѣ чувствуютъ его, ждутъ его съ трепетомъ и все таки хотятъ узнать о немъ. Наконецъ утромъ 11 августа австрійскій генералъ сообщаетъ королевскимъ коммиссарамъ копію съ трактата Саласко. Важность этого событія такъ велика, что предъ нимъ невозможно отступить. Коммиссары сзываютъ всѣ гражданскія и военныя власти къ восьми часамъ вечера, чтобы обсудить мѣры, которыя необходимо принять для объявленія народу этой печальной новости. Кастелли бѣжитъ къ Манину и открыто проситъ его поддержки; Манинъ обѣщаетъ. Манинъ готовъ къ дѣлу, — его призываетъ общественное бѣдствіе.

Въ хлопотливомъ безпокойствѣ начальниковъ, въ ихъ разстроенныхъ лицахъ народъ видитъ ясные признаки переворота, котораго онъ страшится. Но народъ хочетъ знать что его постигло. Молчаніе его предводителей служитъ ему предзнаменованіемъ чего то ужаснаго. Собираются кружки, смущенная толпа бросается къ дому національнаго собранія. Часть народа отправляется къ Манину, другая идетъ отыскивать Томмазео. Манинъ и Томмазео такіе люди, которыхъ народъ уважаетъ, предъ которыми онъ преклоняется, къ которымъ онъ обращается въ минуту несчастья, когда власти безсильны, когда анархическія стремленія просыпаются, общество разрушается и всюду грозитъ опасность. Но буря проносится: они благополучно провели корабль, привели его къ пристани, небо прояснилось, и тогда этихъ людей забыли, ихъ покинули, ими пренебрегаютъ; но снова наступаетъ буря и опа-

сность и родина снова призываетъ ихъ къ себѣ на помощь. Странная судьба этихъ людей, которые появляются за тѣмъ, чтобы служить народу своею преданностью и самоотверженіемъ и исчезаютъ въ то время, когда наступаетъ спокойствіе и радость.

Манинъ является въ домѣ національнаго собранія.

Толпа была въ остервененіи; чувства исступленной ненависти выражаются криками и угрозами. Всеобщій шумъ покрывается криками: „что новаго? что новаго?“ Гражданская гвардія едва въ состояніи удержать народъ, стремящійся во дворецъ, и не въ силахъ успокоить пылкость его и заглушить неумолкаемые крики: „что новаго? что новаго?“ Надобно было отвѣчать народу. Коммиссаръ Колли вышелъ на балконъ и, не смотря на свою храбрость, скорѣе былъ вынужденъ сказать правду, чѣмъ спокойно ее обнародовать.

Отчаянье было неописанное. Изъ стѣсненной груди народа раздались вопли: а Венеція? а флотъ? Затѣмъ слышались проклятія: долой коммиссаровъ! долой короля! Народъ взываетъ къ Манину, Манину — другу народа, отцу народа, къ Манину спасителю.

Въ залѣ совѣта поднялся оживленный споръ. Генералъ Колли не хотѣлъ уступить предъ возмущеніемъ, но въ то же время не хотѣлъ предавать Венецію врагу. Онъ и его товарищи писали уже утромъ въ этомъ смыслѣ къ Вельдену. Кастелли и Чибраріо объявили, что они отдадутъ Венецію только самому народу, но для этого нужно было замѣнить ничтожное королевское правительство другимъ. Буря народной ненависти вызывала быстрое рѣшеніе дѣла. Появленіе Манина, выведеннаго на балконъ Кастелли, усмиряетъ на минуту волненіе. Успѣли наконецъ убѣдить Колли, что его обязанность заключается въ томъ, чтобы удержаться отъ всякаго противорѣчія. Могъ ли въ самомъ дѣлѣ народъ признать короля, который ихъ покинулъ? Нетерпѣніе и раздра-

женіе народа дошли до высшей степени, когда Манинъ снова показался на балконѣ. Онъ объявилъ толпѣ, съ нетерпеніемъ ожидавшей его слова, что будетъ созвано собраніе представителей народа, которое впродолженіи двухдневнаго срока рѣшитъ судьбу народа, и въ заключеніе прибавилъ, что „впродолженіи этихъ сорока восьми часовъ я буду управлять Венціей.“ Раздались восторженные крики; отчаянье смѣнилось надеждою, вмѣсто безпокойства водворилась глубокая тишина. Народъ разошелся спокойно, полный довѣрія къ человѣку, который беретъ на себя заботу о судьбѣ Венеціи. Въ эту минуту, говорятъ свидѣтели этой трогательной сцены, какъ будто по какому то волшебству, на чистомъ небѣ Венеціи показался мѣсяцъ и левъ св. Марка, освѣщенный его тихимъ свѣтомъ, казалось, ожилъ.

XXXVI.

13-го августа венеціянская республика была возстановлена по рѣшенію собранія депутатовъ, явившихся въ числѣ ста одиннадцати. Послѣ рѣчи, произнесенной Маниномъ, который утверждалъ, что всякое различіе мнѣній и стремленіе партій исчезло и что во всѣхъ сердцахъ было только одно желаніе—спасти Венецію,—собраніе объявило, что Венеція снова вступаетъ въ свои права распоряжаться своею судьбою. При всеобщемъ рукоплесканіи Манинъ былъ провозглашенъ главою правленія. Онъ просилъ дать ему въ помощь двухъ членовъ, чтобы составить тріумвиратъ. Граціани и Каведалисъ получили, не добиваясь этого, великую честь нести вмѣстѣ съ Маниномъ славное, но тяжкое бремя власти въ городѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ непріятелемъ. Они приняли эту власть изъ рукъ восторженнаго народа.

Съ этой минуты началась для Венеціи эта знаменитая въ лѣтописяхъ народовъ эра, возвысившая исторію народа

на степень блестящей эпопеи, и бывшая свидѣтельницей геройской борьбы одного города противъ цѣлой имперіи.

XXXVII.

Венеція расторгла предательскія цѣпи, скованныя измѣной; она разорвала унизительный трактатъ, отдававшій ее на жертву австрійскимъ когтямъ. Неопредѣленность этого трактата должна была породить безконечные споры и затрудненія. Само піемонтское министерство не хотѣло его признать со стороны его политическаго значенія, принимая однѣ только военныя условія, и 19 августа, до подачи въ отставку, оно объявило, что протестуетъ передъ всѣми европейскими правительствами на незаконность этого трактата.

XXXVIII.

Послѣдствіемъ бѣдственнаго окончанія итальянскаго дѣла было паденье всѣхъ итальянскихъ министерствъ, не выдержавшихъ этого толчка: министерство въ Римѣ пало 20 августа, во Флоренціи — 17, среди мучительнаго безпокойства и всеобщаго пораженія. Австрійцы обратились съ своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ противъ Тосканы и римскихъ владѣній. Графъ Турнъ во имя Карла-Людовика Бурбона снова занялъ 13 числа Пьяченцу и 18 Парму. 10 августа было возстановлено Моденское герцогство. Тоскана, угрожаемая австрійцами, должна была прибѣгнуть къ посредничеству Англіи и Франціи, чтобы остановить вторженіе. Болонья послѣ жестокой аттаки и мужественной защиты заставила Пія IX, пожертвовавшаго Австріи своею популярностью, протестовать въ свою очередь противъ посягательства на его верховную власть. Чтобы дополнить эту печальную картину плачевнаго

положенія Италіи, неаполитанскій король готовился возвратить Сицилію своей неограниченной власти.

XXXIX.

Карлъ-Альбертъ два дня царствовалъ въ Миланѣ и два дня въ Венеціи. Желалъ ли онъ оставить какіе нибудь слѣды своего присутствія, съ тѣмъ чтобы когда нибудь возвратиться сюда самому и или дать возможность сдѣлать это своимъ родственникамъ? Во всемъ этомъ можетъ быть былъ лучь генія, указывающій народу его будущее, а можетъ быть только послѣднее мерцаніе потухающаго огня. Мы не знаемъ. Но современники потребовали отъ короля отчетъ въ его эфемерной власти, которою онъ воспользовался не для защиты ея, но для того, чтобы оставить ее въ послѣднюю годину. Опубликованные англійскимъ министерствомъ политическіе документы даютъ ясныя доказательства тому, что король, не желая покинуть Венецію, мужественно боролся нѣкоторое время противъ соблазна присоединенія герцогствъ и Ломбардіи, но наконецъ 10 августа принялъ Кампо-Формійскій договоръ, самъ участвуя въ его составленіи, на условіяхъ, которыя прежде онъ считалъ клеветой враждебной партіи.

Карлъ-Альбертъ чувствовалъ всю тяжесть отвѣтственности, лежавшей на немъ. Сердце его было изстерзано язвами, которыя не должны были никогда залечиться. Въ Виджевано, 7 и 10 августа, онъ излилъ свою душу въ прокламаціяхъ къ арміи, къ любимому имъ народу, къ Италіи. Свои неудачи онъ объяснялъ недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, изнуреніемъ войскъ; свое выступленіе изъ Милана—желаніемъ избавить городъ отъ всѣхъ ужасовъ грабежа и конечнаго разоренія безпощаднымъ врагомъ. Онъ протестовалъ во имя Бога и своей совѣсти противъ всѣхъ обвиненій, которыми мог-

ли бы оскорбить его имя. Онъ обращался къ Богу и безпристрастію исторіи: „мы или добьемся условій честнаго мира, или снова вступимъ въ борьбу. Мое сердце билось всегда желаніемъ независимости Италіи; но Италія еще не повѣдала міру, что она можетъ сдѣлать своими собственными силами. Положитесь на своего короля. Дѣло итальянской независимости еще не потеряно.“

XL.

Наконецъ наступила минута, которая такъ хорошо была предъусмотрѣна временнымъ правительствомъ и исполнительной коммиссіей французской республики и такъ хорошо указана Ламартиномъ. Италія, презрительно отвергнувшая помощь Франціи и отринувшая предложеніе объ ея вмѣшательствѣ съ гордымъ достоинствомъ, соединеннымъ съ національнымъ фанатизмомъ и почти съ оскорбительною надменностью, — Италія поняла наконецъ, какъ она ошибалась, разсчитывая на однѣ только свои силы. Французы вдругъ перестали быть для нихъ иностранцами, мало отличающимися отъ австрійцевъ и противъ которыхъ надобно было протестовать, а въ случаѣ чего и защищаться, если бы они вздумали, противъ желанія Италіи, вмѣшаться въ ея дѣла. Теперь французы стали друзьями, братьями, спасителями. Со всѣхъ сторонъ обращались къ нимъ съ своими мыслями, желаніями, надеждами. Палаты и народъ, Венеція въ своемъ бѣдственномъ положеніи, Миланъ до своего паденія, Римъ, Флоренція, независимости которыхъ угрожали австрійцы, всѣ умоляли Францію о помощи. Тогда по справедливости были оцѣнены уваженіе французской республики къ свободной волѣ народовъ и ея искренія предложенія, подкрѣпленныя храброю арміею. Тогда сознали, что ея громадныя военныя заготовленія были сдѣланы съ цѣлью поддержать свою благородную и великодушную политику, а

не удовлетворить эгоистическому и низкому самолюбію; итальянцы почувствовали свою ошибку и великодушно сознались въ ней; они не старались свалить ее на тѣхъ, помощь которыхъ такъ энергически отвергали. Они видѣли, какъ были ослѣплены своими надеждами и обмануты своимъ предубѣжденіемъ. Они чувствовали себя виновными въ несчастьи, которое постигло ихъ отъ излишней самонадѣянности и недовѣрчивости къ дружественнымъ государствамъ, и за то тѣмъ болѣе желали теперь вооруженной помощи Франціи, что эта помощь не была имъ навязана.

XLI.

Но уже было поздно. Оружіе Франціи не было въ рукахъ ни временнаго правительства, ни исполнительной коммиссіи. Чтобы не обратить противъ Европы свои излишнія силы, Франція сама должна была растерзать себя. Какіе то люди безъ имени и пристанища, подонки, выброшенные разными политическими партіями, осмѣлились 15 мая святотатственно наложить свою руку на конституціонное собраніе, избранное всеобщею подачею голосовъ, а въ роковые іюньскіе дни и на республику. Исполнительная коммиссія съумѣла подавить въ самомъ его корнѣ майское возстаніе, безъ малѣйшаго пролитія крови. Въ іюньскіе дни, послѣ баррикадной рѣзни и объявленія конституціоннымъ собраніемъ осаднаго положенія и мѣръ строгости, исполнительная коммиссія, служившая посредникомъ и примирителемъ партій, поняла, что значеніе ея потеряно и подала въ отставку. Ея мѣсто заступило другое правительство.

Не мнѣ судить и оправдывать дѣйствія этого правительства, ни изслѣдовать, на сколько было справедливо увѣреніе Ламартина, что между политикой новаго правительства и политикой исполнительной коммиссіи лежала масса Аль-

повъ. Это правительство имѣло вѣроятно свои основанія для такого образа дѣйствій. Оно уже объяснило ихъ характеръ упорнымъ отказомъ Піемонту въ вооруженномъ вмѣшательствѣ и принятіемъ мирнаго посредничества. Члену правительства, преисполненнаго несправедливостей, не кстати быть несправедливымъ къ почтеннымъ дѣятелямъ, которые управляли въ то время общественными дѣлами. Это дѣло рѣшитъ потомство.

XLII.

Италія испытала всѣ фазисы своего возрожденія и своего паденія. Она освободилась послѣ долгаго гнета; послѣ долгаго мученья она устремилась на путь къ своему возрожденію. Провидѣніе назначаетъ Пія IX начинателемъ этой новой эры; отъ папской короны исходитъ пламя, оживляющее народы и освящающее ихъ путь. Свобода возрождается изъ религіи, Италія содрогается и идетъ впередъ. Сицилія разбиваетъ свои цѣпи. Неаполь завоевываетъ хартію; Тоскана, Піемонтъ освобождаются. Французская февральская революція отражается на всей Европѣ; даже Австрія встрепенулась. Революція торжествуетъ въ самой Вѣнѣ. Добровольно, какъ будто дѣйствіемъ электрическаго сотрясенія, возстаютъ Ломбардія, Венеціянская область, Миланъ и Венеція. Венеція заставляетъ непріятеля сдаться на капитуляцію. Миланъ, послѣ пятидневнаго геройства, срываетъ съ себя цѣпи и изгоняетъ армію, его притѣсняющую. Подобно морскимъ волнамъ возставшіе народы поглощаютъ все, что противится ихъ освобожденію. Карлъ-Альбертъ, увлеченный общимъ движеніемъ, приходитъ, чтобы завершить дѣло. Ослабленный, но не потерявшій присутствія духа, Радецкій удаляется за Минчіо и Адижъ подъ прикрытіемъ Вероны, Пескьеры, Мантуи и Леньяно. Если Карлъ-Альбертъ воспользуется минутой, и, владѣя энтузіаз-

момъ народа, устремится вмѣстѣ съ нимъ, не теряя ни одного дня, за бѣгущимъ непріятелемъ, если онъ воспользуется этой революціонной силой, съ которою безоружные граждане восторжествовали надъ регулярной арміей, — тогда онъ будетъ въ состояніи изгнать непріятеля, выполнить священный долгъ, и Италія будетъ спасена. Но Карлъ-Альбертъ теряетъ время въ бездѣйствіи. Народы ропщутъ. Партіи выражаютъ свои стремленія, онъ облекаетъ себя властью, чтобы заглушить этотъ ропотъ. Онъ не идетъ на помощь Венеціи. Революціонная Австрія начинаетъ чувствовать племенную ненависть, взываетъ къ Германіи, вооружаетъ свои батальоны, спускается изъ Тироля въ Фріуль; она дѣйствуетъ наконецъ на Пія IX, который колеблется, отступаетъ и отвергаетъ свою популярность. Венеція падаетъ. Карлъ-Альбертъ еще можетъ спасти Италію; онъ даетъ нѣсколько блестящихъ сраженій; армія его доказываетъ свою храбрость. Но генералы проигрываютъ сраженія, въ которыхъ тосканцы уничтожены при Куртатоне и римляне при Виченцѣ. Энтузіазмъ народа слабѣетъ. Является раздѣленіе мнѣній. Роковой день 15-го мая въ Неаполѣ даетъ Фердинанду возможность призвать свои войска и корабли. Въ то самое время, когда его солдаты и флотъ пришли освободить Венецію, Радецкій собираетъ свои войска и переходитъ въ наступленіе.

Окруженная со всѣхъ сторонъ, Венеція не знаетъ, наступило ли ей время обратиться за помощью къ Франціи; но желаніе всѣхъ народовъ Италіи избѣгнуть этой помощи заставляетъ ее молчать. Франція готова: армія, флотъ, финансы—все приведено въ порядокъ; она предлагаетъ свою помощь безъ всякаго злаго умысла. Карлъ-Альбертъ, Маццини, газеты, палаты въ отвѣтъ на предложеніе Франціи говорятъ, что Италія сама постоитъ за себя. Временное правительство и коммиссія обороны предъусматриваютъ и настаиваютъ на своемъ предложеніи. Предложеніе опять отвергнуто. Они ожидаютъ чернаго дня. Насту-

наетъ роковое время. Карлъ-Альбертъ безмѣрно растягиваетъ линію своихъ позицій. Радецкій сосредоточивается и аттакуетъ своими силами разбросанную піемонтскую армію, каторая дополняетъ храбростью недостатокъ стратегіи и мужествомъ недостатокъ численности. Ее побѣждаютъ при Кустозѣ и Вольтѣ. Армія деморализуется, укрывается за стѣны Милана, истощается въ послѣднихъ усиліяхъ храбрости и сдается на капитуляцію. Карлъ-Альбертъ сдѣлался дидакторомъ Турина, Милана, Венеціи и власть его падаетъ въ ту самую минуту, когда отъ его имени коммиссары принимаютъ Венецію подъ его скипетръ. Тогда народъ обращается къ Франціи, но исполнительной коммиссіи уже больше нѣтъ.

Есть ли драма, которая бы больше волновала, которая бы заключала въ себѣ болѣе поученія. Эти страданія, эти пролитыя слезы и кровь, это отчаянье цѣлаго народа, его безконечныя жертвы и мученья,—развѣ онѣ не искупили предъ законами судебъ народовъ, которые страдаютъ и призываютъ на помощь Европу и правосудіе? Неужели всѣ останутся глухи къ голосу Италіи, требующей только своего мѣста на землѣ. А Германія, развѣ она, вмѣсто того чтобы завоевать себѣ свободу, будетъ продолжать еще ковать цѣпи, чтобы подчинить своему рабству другой народъ? Развѣ братство не есть союзъ болѣе естественный, болѣе благородный и кроткій, который бы могъ ихъ соединить? Зачѣмъ терзать другъ друга, когда можно образовать федерацію и соединить свои судьбы посредствомъ свободныхъ учрежденій народовъ! — Прійдетъ тотъ день, когда, вмѣсто того, чтобы возбуждать племенныя страсти и, подобно дикимъ звѣрямъ, травить однихъ людей другими, народы и племена Европы соединятся подъ сѣнью единой свободы.

УИ 1935 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ . . . . . I—IV

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Общій видъ Италіи передъ 24 февраля. — Испанія и Италія. — Сочувствіе Франціи. — Мятежныя движенія 1820—1822 и 1830—1831. — Принятіе Григоріемъ XVI меморандума отъ 21 мая, которое остается безъ всякихъ послѣдствій. — Заговоры; вооруженная пропаганда, — Секретный манифестъ римскихъ патріотовъ. — Секта санфедистовъ. — Пресса; прошенія; корреспонденція; мирная пропаганда. — Папская область. — Смерть Григорія XVI. — Избраніе Пія IX. — Первыя распоряженія; амнистія; административныя улучшенія. — Популярность Пія IX. — Энтузіазмъ; всеобщее выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ. — Дѣйствія австрійцевъ въ Феррарѣ. — Протесты. — Тоскана: манифестація. — Перемѣна министерства. — Сардинское королевство: демонстраціи въ Туринѣ. — Уступки короля Карла-Альберта всеобщему настроенію умовъ. — Ломбардія и Венеція: господство австрійцевъ. — Жалобы; оправданія. — Миланъ; кровавыя событія 5 сентября 1847. — Жертвы 3 января 1848. — Прокламаціи эрцгерцога и Радецкаго. — Венеція: Манинъ, Томмазео. — Ихъ вліяніе, ихъ дѣйствія. — Прошенія. — Прогрессъ общественнаго мнѣнія. — Манинъ и Томмазео въ тюрьмѣ . . . 1—28

ГЛАВА ВТОРАЯ. Королевство Обѣихъ Сицилій: Общество карбонаровъ. — Юная Италія. — Возмущеніе въ Мессинѣ и Калабріи въ 1847. — Усмиреніе. — Смерть Ромео. — Вызовъ, прямо сдѣланный правительству, въ январѣ 1848. — Палермцы берутся за оружіе. — Бомбардировка Палермо. — Вмѣшательство консуловъ. — Волненіе въ Неаполѣ. — Уступки короля. — Предложеніе мира сицилійцамъ и ихъ отказъ. — Побѣда сицилійцевъ; бѣгство ко-

Стран.

ролевскихъ войскъ. — Манифестаціи въ Неаполѣ. — Октроированная конституція 28 января 1838 г. — Возвращеніе въ Неаполь флота съ остатками арміи. — Печаль короля. — Сардинія: движеніе. — Карлъ-Альбертъ объявляетъ начала конституціи. — Его прежнія дѣйствія. — Его виды на будущее. — Тоскана: волненіе. — Октроированная конституція великаго герцога 17 февраля. — Римъ: Пій IX. — Новыя уступки. — Пій IX не хочетъ идти далѣе. — Демонстрація. — Обѣщаніе конституціи. — Результатъ первыхъ усилій Италіи, завоевать себѣ свободу и независимость, до времени революціи 24 февраля 1848 года. . . . . 29—48

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Первыя послѣдствія вліянія февральской французской революціи на дѣла Италіи. — Папская область: перемѣна министерства. — Обнародованіе конституціи 15 марта. — Королевство Обѣихъ Сицилій: смущеніе короля. — Новыя уступки Сициліи, сообщенныя сицилійцамъ лордомъ Минто. — Отказъ принять ихъ. — Сардинія: Савойя. — Революціи въ Монакскомъ княжествѣ. — Карлъ-Альбертъ приходитъ въ удивленіе при извѣстіи о паденіи монархіи въ Парижѣ. — Его нерѣшимость. — Перемѣна кабинета. — Ломбардія и Венеціянская Область: манифестаціи въ Миланѣ и Вененіи. — Венеція: возстаніе народа. — Освобожденіе Манина и Томмазео. — Борьба 17 и 18 марта. — Учрежденіе національной гвардіи. — Манинъ овладѣваетъ арсеналомъ и провозглашаетъ республику. — Совѣщаніе членовъ муниципалитета и австрійскихъ властей. — Авеціи. — Капитуляція австрійцевъ. — Венеція—свободна. — Миланъ: 18-е марта. — Завладѣніе губернаторскимъ дворцомъ. — Грозныя приказанія. — Радецкій удаляется въ цитадель, командующую надъ воротами и бульварами. — Начало сраженія; баррикады. — 19 марта. — 20 марта. — Организація милапцами военнаго совѣта и распорядительнаго комитета. — Усиленіе возстанія. — Великодушіе народа. — Радецкій предлагаетъ перемиріе: отказъ. — Муниципалитетъ раздѣляется на комитеты. — 21 марта. — Воззванія милапцевъ къ сосѣднимъ населеніямъ, распространяемыя съ помощью воздушныхъ шаровъ. — Прокламація военнаго совѣта. — Новое предложеніе перемирія; новый отказъ. — Муниципалитетъ преобразовывается въ временное правительство. — Взятіе милапцами, 22 марта, двухъ городскихъ воротъ. — Маневры Радецкаго для прикрытія отступленія. — Жестокость солдатъ кроатовъ. — Прибытіе колонны волонтеровъ. — Всеобщее возстаніе ломбардскихъ городовъ. — Революція въ Пармѣ, Пьяченцѣ, Моденѣ . 49—84

Стран.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Венеція и всѣ провинціи, кромѣ Веронской, свободны. — Объявленіе республики въ Венеціи. — Временное правительство, Манинъ президентъ. — Приготовленія къ защитѣ. — Положеніе Венеціи: ея форты. — Провинціи приготовляются къ борьбѣ. — Отбытіе колонны крестоносцевъ. — Ломбардія: продолженіе возстанія. — Отступленіе австрійской арміи. — Радецкій собираетъ ее и окапывается въ укрѣпленномъ четыреугольникѣ, между Минчіо и Адижемъ. — Значительный уронъ, понесенный австрійцами. — Миланскій военный совѣтъ изъявляетъ желаніе преслѣдовать непріятельскую армію, не давая ей ни въ какомъ случаѣ перемирія. — Отправленіе колоннъ волонтеровъ, которыя проходятъ Огліо, Чіезе, доходятъ до Гардскаго озера и Пескьеры. — Приготовленіе экспедиціи противъ Тироля.—Временное правительство ждетъ піемонтскаго короля съ арміей. — Два мнѣнія. — Воззваніе къ Карлу-Альберту.—Участь, ожидающая побѣдителей. 85—112

ГЛАВА ПЯТАЯ. Сардинія: энтузіазмъ, возбужденный извѣстіемъ о революціи въ Миланѣ и Венеціи. — Отправленіе волонтеровъ. — Возбужденное состояніе прессы. — Карлъ-Альбертъ колеблется. — Англія, послѣ 24 февраля, умѣряетъ свою либеральную политику относительно Италіи. — Австрія, одновременно съ Піемонтомъ, обращается къ Англіи. — Пальмерстонъ измѣняетъ свою политику относительно Піемонта и сближается съ Австріей. — Первоначальное расположеніе піемонтскаго короля къ союзу съ Австріей противъ французской республики. — Карлъ-Альбертъ узнаетъ о торжествѣ ломбардскаго возстанія и измѣняетъ свою политику. — Онъ рѣшается, 23 марта, на союзъ съ Ломбардіей. — Его прокламація; l'Italia farà da se. — Его боязнь французской пропаганды. — Оправданіе его передъ Европой: онъ объясняетъ свои дѣйствія желаніемъ воспрепятствовать народамъ провозгласить республику и тѣмъ оказать услугу всѣмъ государямъ. — Предлогъ къ разрыву Піемонта съ Австріей. — Презрѣніе Австріи, обращающейся съ воззваніемъ къ Европѣ. — Армія Карла-Альберта переходитъ Тессино. — Отвѣтъ короля на обвиненіе въ медленности и самолюбіи. — Піемонтская армія у Минчіо въ виду австрійцевъ. — Карлъ-Альбертъ подавляетъ революціонное движеніе . . . . . 113—138

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Тоскана: великій герцогъ — первый государь, объявившій себя въ пользу итальянской войны. — Выступленіе волонтеровъ. — Препятствія со стороны правитель-

Стран.

ства. — Обсерваціонный лагерь. — Монтанелли въ Тиролѣ.— Честолюбіе Леопольда. — Модена: временное правительство.— Парма: дурно истолкованная поспѣшность великаго герцога освободить Италію. — Герцогъ удаляется; его замѣняетъ временное правительство.—Папская область.—Радость, возбужденная въ Римѣ освобожденіемъ Милана и Венеціи. — Всеобщее сочувствіе. — Подписка, одобренная папой и кардиналами. — Военныя приготовленія.—Выступленіе волонтеровъ и арміи въ Болонью.—Дурандо назначается главнокомандующимъ. — Неудачная попытка овладѣть Феррарой. — Пій IX присоединяется къ итальянскому движенію и благословляетъ волонтеровъ.—Онъ защищаетъ іезуитовъ.—Выѣздъ іезуитовъ изъ Рима.—Прокламація генерала Дурандо. — Отрицаніе папы.—Пій IX, глава христіанства и итальянскій государь; двойственное положеніе его.— Смущеніе папы. — Королевство Обѣихъ Сицилій; народъ и король. — Взаимное недовѣріе. — Новый кабинетъ. — Демонстрація въ пользу Ломбардо-Венеціи. — Пріѣздъ генерала Пепе въ Неаполь. — Совѣщаніе его съ королемъ. — Новое министерство Тройя. — Прокламація короля въ пользу итальянскаго дѣла. — Выступленіе волонтеровъ и 10-го линейнаго полка. — Пепе — начальникъ экспедиціонной арміи. — Планъ, представленный имъ королю для уравновѣшенія вліянія Карла-Альберта и возвращенія Сициліи. — Окончательное отдѣленіе Сициліи. — Парламентъ лишаетъ Фердинанда и его династію королевскаго достоинства. — Протестація короля. — Народы и государи . . . . . 139—174

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Итальянскіе изгнанники во Франціи. — Итальянское національное собраніе въ городской ратушѣ. — Ламартинъ предлагаетъ помощь Франціи. — Отказъ Маццини, тождественный со словами Карла-Альберта. — Предложенія, сдѣланныя Ламартиномъ генералу Пепе, передъ отъѣздомъ послѣдняго. — Совѣтъ Джіоберти. — Мечты итальянцевъ. — Корреспонденція Биксіо, французскаго посланника въ Туринѣ.— Переходъ піемонтцевъ черезъ Минчіо. — Сраженія при Гоито, Монцамбано и Боргетто. — Прокламаціи короля и Радецкаго. — Ихъ противоположный характеръ. — Отправленіе подкрѣпленій австрійской арміи; воззваніе Австріи къ Германіи, съ цѣлью возстановить нѣмецкую и итальянскую народность, одну противъ другой. — Нѣмецкіе волонтеры. — Нѣмецкій Тироль вооружается противъ Италіи. — Миланское временное правительство и Томмазео провозглашаютъ братство народовъ. — Австрія, изъ боязни французскаго вмѣшательства,

Стран.

предпочитаетъ вступить въ переговоры съ Сардиніей. — Пальмерстонъ холодно принимаетъ сообщенія Манина. — Отсутствіе англійскаго консула на панихидѣ въ церкви святаго Марка, въ память павшихъ за отечество. — Адресъ венеціянскаго правительства французскому министру иностранныхъ дѣлъ. — Письмо Томмазео Ламартину. — Отвѣтъ. — Лемперани, французскій консулъ въ Венеціи. — Надежда Манина, что Италія можетъ обойтись безъ помощи Франціи, и просьба его о присылкѣ французскихъ кораблей въ Адріатическое море. — Немедленный приказъ, данный адмиралу Бодену. — «Асмодей», подъ командой капитана Рикоди, въ Венеціи. — Появленіе французской эскадры въ неаполитанскихъ водахъ. — Жалобы партизановъ Карла-Альберта на венеціянское правительство за его желаніе вызвать симпатіи Франціи къ итальянскому дѣлу. — Оправданіе венеціянскаго правительства. — Адресъ ломбардскаго временнаго правительства французскому временному правительству. — Увѣщаніе Карла-Альберта. — Приготовленіе Франціи для поддержки независимости народовъ. — Армія доведенная до 532,000 человѣкъ. — Альпійская армія.—Требованіе сардинскаго правительства, чтобы французскій флотъ не останавливался въ Генуѣ, и его отказъ отъ французскаго вмѣшательства, — Запросъ Ламартина отъ имени временнаго правительства, черезъ посланника въ Туринѣ о томъ: будетъ ли французская армія отражена отъ границъ силою оружія. — Утвердительный отвѣтъ: требованіе ждать той минуты, когда Франція будетъ призвана, что вѣроятно не замедлитъ исполниться. — Упорное противодѣйствіе итальянцевъ предложеніямъ Франціи . . . . . 175—212

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Карлъ-Альбертъ старается ускорить въ Ломбардіи подачу голосовъ. — Затрудненія миланскаго временнаго правительства. — Республика въ Венеціи; препятствія самолюбію Карла-Альберта.—Умѣренный образъ дѣйствій республиканскаго правленія въ Венеціи. — Мѣры общественной пользы въ Венеціи. — Корреспонденція; согласіе ломбардскаго и венеціянскаго правительствъ. — Судьбы обоихъ народовъ рѣшаются послѣ побѣды. — Безусловное признаніе Карломъ-Альбертомъ венеціянской республики. — Взаимное недовѣріе между республиканцами и партизанами Карла-Альберта. — Піемонтское правительство старается ограничить военныя дѣйствія исключительно сухопутными, и требуетъ перемирія на морѣ. — Жалобы венеціянцевъ. — Приближеніе Дурандо къ піемонтской арміи, удаленіе его отъ границъ Фріуля. —

Стран.

Карлъ-Альбертъ отправляетъ на помощь Венеціи только 112 артиллеристовъ. — Ропотъ на бездѣйствіе короля. — Генералъ Нюгентъ угрожаетъ Фріулю. — Венеціянскія провинціи отдѣляются отъ Венеціи, чтобы сблизиться съ Карломъ-Альбертомъ. — Венеціянское правительство призываетъ на помощь всю Италію: отправленіе уполномоченныхъ въ лагерь Карла-Альберта. — Карлъ-Альбертъ не одинъ только виновенъ въ своемъ бездѣйствіи. — Дипломатическія препятствія. — Корреспонденція. — Неопытность Карла-Альберта и его генераловъ. — Карлъ-Альбертъ не просѣкаетъ сообщеній съ Тиролемъ. — Тирольскіе волонтеры оставлены безъ поддержки; ихъ пораженіе. — Нюгентъ, 16 апрѣля, проникаетъ въ Фріуль. — Взятіе Удино.—Сопротивленіе Озоппо. — Успѣхъ отряда Нюгента. — Блокада Венеціи. — Приказъ Карла-Альберта Дурандо сопротивляться Нюгенту. — Встрѣча отрядовъ Дурандо и Нюгента у Павіи. — Положеніе армій Карла-Альберта и Радецкаго.—Завладѣніе Пескьерой.—Сраженіе при Парето. 213—252

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. *Начало реакціи во Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ въ самую минуту успѣха.* — Тосканское правительство подавляетъ національное движеніе. — Папская область: папа окруженъ вліяніями, враждебными итальянской войнѣ. — Волненіе въ Римѣ. — Гетто. — Нерѣшимость Пія IX. — Совѣты. — Католическая Германія противъ папы. — Угрозы раскола. — Борьба министровъ противъ враждебныхъ вліяній. — Адресъ министровъ Пію IX для побужденія его къ принятію опредѣленной политики. — Пій IX сохраняетъ молчаніе. — Рѣчь папы въ секретной консисторіи, 29 арѣля. — Онъ отрекается отъ итальянской войны. — Онъ не признаетъ прошедшаго.— Изумленіе въ Римѣ. — Манифестація. — Пій IX колеблется. — Попытки депутатовъ итальянскаго сейма, находившихся въ Римѣ. — Отставка министровъ. — Облегчительныя средства. — Слово Пія IX потеряло свое значеніе. — Кризисъ продолжается. — Замѣчательный адресъ сената (муниципалитета) Пію IX. — Адресъ городской стражи. — Маміани уполномоченъ составить министерство. — Его программа. — Волненіе, возбужденное въ Италіи рѣчью 29 апрѣля. — Пій IX пытается взять на себя роль примирителя. — Его письмо къ австрійскому императору. — Вліяніе Пія IX потеряно. — Французское временное правительство удерживается отъ вмѣшательства въ судьбу полуострова волею почти всей Италіи. 253—384

Стран.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Дурандо и Нюгентъ въ Фріулѣ. — Позиція обоихъ корпусовъ. — Нюгентъ овладѣваетъ Беллуной и Фельтре. — Дѣло при Корнудѣ.—Отступленіе итальянцевъ. — Вліяніе рѣчи 29 апрѣля на римскую армію; Деморализація.— Генералъ Феррари въ Тревизѣ. — Паническій страхъ, волонтеры разсѣеваются.—Храбрая защита Тревизы.—Выгодное положеніе лагеря Дурандо въ Піаццолѣ. — Маневры Нюгента, чтобы выбить Дурандо изъ позиціи. — Дурандо оставляетъ Піаццолу, чтобы итти на помощь Тревизѣ. — Нюгентъ проходитъ черезъ Піаццолу съ своимъ корпусомъ и соединяется съ Радецкимъ. — Аттака Виченцы Нюгентомъ. — Манинъ, Томмазео, генералъ Антонини являются изъ Венеціи. — Сраженіе — Австрійцы отгиснуты. — Арміи Радецкаго и Карла-Альберта сходятся. — Сраженіе при Санта-Лучіи. — Важная ошибка, что дороги въ Тироль и Фріуль не были заняты и что Венеціи не было оказано помощи. — Упреки, обращенные къ королю. — Двѣ партіи въ Венеціи. — Оборонительные мѣры Венеціи. — Добровольныя приношенія. — Прибытіе сардинскаго и неаполитанскаго флотовъ. — Манинъ ускоряетъ прибытіе неаполитанскихъ войскъ. — Королевство Обоихъ Сицилій: Неаполь; два желанія: король, народъ. — Потери времени для отправленія арміи. — Дурное намѣреніе короля. — Собраніе парламента, 15 мая. — Возбужденный вопросъ о присягѣ. — Протестъ. — Волненіе въ Неаполѣ. — Начинаются постройки баррикадъ. — Переговоры. — Король уступаетъ. — Безусиѣшное вмѣшательство депутатовъ въ дѣло устройства баррикадъ.—Граждане и войска сходятся. — Начинается борьба. — Сраженіе. — Собраніе депутатовъ. — Попытка. — Король лично командуетъ войсками. — Попытка представителей Франціи согласить враждебныя стороны. — Послѣднія усилія швейцарцевъ передъ наступленіемъ ночи.—Торжество войскъ.— Лаццарони. — Мошенничество, грабительство, пожары. — Признанія, полученныя въ судебной палатѣ отъ швейцарскихъ полковниковъ. — Смѣлое дѣйствіе собравшихся депутатовъ.—Ихъ протестъ. — Объяснительная прокламація короля.—Перемѣна министерства.—Всеобщее негодованіе противъ швейцарцевъ.— Проклятія, сыпавшіяся на неаполитанскаго короля.—Швейцарскій союзъ.—Гибельныя послѣдствія дня 15 мая для Италіи.— Положеніе неаполитанской арміи и генерала Пепе. — Отозванная армія повинуется королю. — Флотъ, будучи отозванъ, повинуется по неволѣ . . . . . 285—333

Стран.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Пій IX и неаполитанскій король оставляютъ итальянское дѣло и возбуждаютъ ропотъ противъ себя. — Приверженцы Карла-Альберта ускоряютъ подачу голосовъ въ пользу сліянія герцогствъ, Ломбардіи и Венеціи съ Сардиніей. — Открытая подача голосовъ. — Протестъ республиканцевъ противъ вотированія до побѣды. — Волненіе въ Миланѣ. — Неосуществившаяся попытка противъ временнаго ломбардскаго правительства. — Счетъ присоединившихся голосовъ. — Почти единодушное вотированіе. — Въ Ломбардіи. — Въ герцогствахъ. — Въ венеціянскихъ провинціяхъ на материкѣ. — Депутаты предъявляютъ требованіе венеціянскому правительству. — Созваніе венеціянскаго собранія къ 18 іюня. — Различныя мнѣнія въ Венеціи. — Враждебность Карла-Альберта къ волонтерамъ. — Осада Пескьеры. — Радецкій начинаетъ наступленіе. — Сраженіе при Куртатонѣ и Монтанарѣ. — Геройская стойкость тосканцевъ. — Эпизодъ Монтанелли. — Тосканцы, подавленные превосходствомъ силъ. — Радецкій опаздываетъ. — Піемонтская армія предупреждена. — Сраженіе при Гоито. — Взятіе Пескьеры. — Пораженіе и отступленіе Австрійцевъ. — Карлъ-Альбертъ въ Пескьерѣ. — Движеніе Радецкаго на Виченцу. — Совѣщаніе короля и генераловъ. — Піемонтская армія овладѣваетъ Риволи и Короною. — Осада Виченцы Радецкимъ. — Геройская борьба. — Капитуляція Дурандо и его отряда. — Радецкій торопится къ Веронѣ. — Австрійцы овладѣваютъ Падуей и Тревизой. — Безплодная попытка Карла-Альберта противъ Вероны. — Венеція окружена съ материка. — Блокада Тріеста сардинскимъ флотомъ. — Протестъ иностранныхъ консуловъ. — Венеція боится быть преданной Кампо-Формійскимъ договоромъ. — Альбертинцы и республиканцы лицемъ къ лицу въ Венеціи. — Манинъ и Томмазео совѣтуются съ піемонтскимъ королемъ и другими итальянскими государями призвать ли помощь Франціи. — Обращеніе къ Франціи отвергнуто въ Римѣ, Флоренціи и Сициліи. — Франція съ оружіемъ въ рукахъ ждетъ дня, когда ее призовутъ . . . . 334—376

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ. Исполнительная коммиссія. — Ламартинъ требуетъ прибавленія 300,000 человѣкъ національной, мобилизованной гвардіи къ дѣйствующей арміи, состоящей изъ 532,000 человѣкъ. — Секретное совѣщаніе въ исполнительной коммиссіи. — Принятіе политики вмѣшательства по первому призыву. — Рѣчь Ламартина въ законодательномъ собраніи. — Предложеніе Италіи содѣйствія французскаго оружія. — Собраніе принимаетъ эту политику: братскій договоръ съ Германіей;

Стран.

освобожденіе Италіи. — Временное миланское правительство отвѣчаетъ на рѣчь Ламартина отозваніемъ своего посла. — Лордъ Пальмерстонъ, во избѣжаніе французскаго вмѣшательства, торопитъ Австрію и Піемонтъ. — Планъ примиренія, представленный отъ имени Австріи Гуммелаверомъ. — Австрійская армія удаляется въ Тироль, на Альпы, на случай вступленія французской арміи въ Италію. — Оставленіе Ломбардіи Австріей. — Эрцгерцогъ въ Венеціи съ администраціей, отдѣльной отъ Австрійской. — Пальмерстонъ принимаетъ на себя роль посредника, не единственно съ условіемъ уступки венеціянцамъ части Венеціянской Области. — Попытки соглашенія, сдѣланныя папскимъ нунціемъ, не приняты. — Прямыя предложенія ломбардскому временному правительству, сдѣланныя Австріей. — Отказъ ломбардскаго временнаго правительства, не желающаго отдѣлить судьбу свою отъ судьбы Венеціянской Области. — Піемонтскій парламентъ объявляетъ присоединеніе Ломбардіи и венеціянскихъ провинцій къ Піемонту. — Карлъ-Альбертъ отвергаетъ предложенія о Кампо-Формійскомъ трактатѣ. — Окончательное установленіе парламентскаго начала въ Туринѣ и Римѣ. — Раздѣленіе мнѣній Пія IX и его министерства относительно тронной рѣчи. — Ложное положеніе римскаго министерства. — Сицилійскій парламентъ; избраніе на престолъ герцога генуэзскаго. — Собраніе парламента въ Неаполѣ. — Недостаточное число. — Послѣдній протестъ депутатовъ въ пользу итальянскаго дѣла. — Послѣднее обѣщаніе короля. — Неаполитанская конституція дѣлается мертвой буквой. — Открытіе палатъ въ Тосканѣ. — Собраніе представителей въ Венеціи. — Отчетъ Манина. — Томмазео. — Кастелли. — Палеокапа. — Манинъ жертвуетъ своимъ личнымъ мнѣніемъ въ пользу присоединенія. — Вотированіе предложенія о присоединеніи Венеціи къ Піемонту. — Новое правительство въ Венеціи. — Стычка венеціянцевъ съ австрійцами. . . . . 377—429

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Положеніе обѣихъ армій. — Нерѣшительность Карла-Альберта. — Онъ соглашается на переговоры съ Австріею, принимая за основаніе Кампо-Формійскій договоръ и оставляетъ Венеціянскую Область. — Австрія отказывается отъ переговоровъ. — Карлъ-Альбертъ приступаетъ къ осадѣ Мантуи и растягиваетъ свою армію. — Радецкій не препятствуетъ этому движенію. — Снабженіе феррарской цитадели провіантомъ. — Генералъ Бава отнимаетъ у австрійцевъ Говерноло. — Наступательное движеніе Радецкаго. — Турнъ овладѣваетъ Короной и Риволи. — Радецкій аттакуетъ Сону и

Стран.

Сомму-Кампанью. — Отступленіе дивизіи Соннаца. — Переходъ Радецкаго черезъ Минчіо. — Планъ Карла-Альберта. — Онъ застигаетъ въ расплохъ австрійскую армію, овладѣваетъ высотами Кустозы и Сомма-Кампаньи. — Успѣхи Піемонтцевъ. — Радецкій занятъ цѣлую ночь сосредоточеніемъ и расположеніемъ своихъ войскъ. — Сраженіе при Кустозѣ. — Отступленіе Піемонтцевъ. — Битва при Вольтѣ. — Демораливація итальянской арміи. — Предложеніе перемирія; его тяжкія условія. — Миланъ готовится къ сопротивленію. — Коммиссія обороны. — Волонтеры; Гарибальди. — Выступленіе ихъ изъ Милана. — Туринъ; перемѣна министерства. — Парламентъ предоставляетъ королю диктатуру. — Присоединеніе Венеціи. — Королевскіе коммиссары смѣняютъ въ Миланѣ временное правительство и заступаютъ его мѣсто. — Карлъ-Альбертъ, король Сардиніи, Ломбардіи и Венеціи. — Карлъ-Альбертъ въ Миланѣ. — Радецкій передъ Миланомъ. — Сраженіе 4 августа. — Баррикады. — Ночью король сдается. — Возмущеніе противъ короля. — Его рѣчь. — Удаленіе арміи. — Бунтъ; опасность грозитъ королю. — Удаленіе его изъ Милана. — Часть жителей оставляетъ городъ и отправляется въ изгнаніе. — Вступленіе австрійцевъ въ Миланъ. — Перемиріе Саласко. — Послѣднее усиліе волонтеровъ; Гарибальди удаляется послѣднимъ въ Швейцарію. — Карлъ-Альбертъ провозглашенъ королемъ въ Венеціи. — Перемѣна правительства; трактатъ Саласко дѣлается извѣстнымъ. — Манинъ во главѣ правленія. — Возстановленіе республики. — Обращеніе Италіи къ Франціи. — Исполнительной коммиссіи не существуетъ болѣе. — Краткое обозрѣніе . . . . . 420—478

53